

ИРИНА СМИРНОВА

КОЗЫРНАЯ
КАРТА
АПОКАЛИПСИСА

Annotation

Вслед за своим суженым попасть в магический мир? Прикинуться парнем и запутаться в поклонниках? Проще простого? А если добавить проклятья, интриги, грядущие битвы? Романтическая сага о буднях боевых магов и некотором количестве попаданцев в антураже Академии. На очень заднем плане борьба света и тьмы. Акцент будет на романтику и отношения, но и приключений тоже будет достаточно.

- [Смирнова Ирина](#)
 - [Глава 1. Мемуары](#)
 - [Глава 2. Попадалово](#)
 - [Глава 3. Надзихар](#)
 - [Глава 4. Заселяемся](#)
 - [Глава 5. Ну вот, поели...](#)
 - [Глава 6. По соседству с легендой](#)
 - [Глава 7. Герцы и крутые перцы](#)
 - [Глава 8. Куличики из «сырца»](#)
 - [Глава 9. И вот пошли вторые сутки...](#)
 - [Глава 10. Физики и лирики](#)
 - [Глава 11. Хороший аппетит заговорам не помеха!](#)
 - [Глава 12. А мы уйдем на север...](#)
 - [Глава 13. Хоть право, я — не дуэлянт!](#)
 - [Глава 14. Гендерные заморочки](#)
 - [Глава 15. Прогулки перед сном полезны для здоровья](#)
 - [Глава 16. Мужское воспитание](#)
 - [Глава 17. Взаимодействие и противоборствие](#)
 - [Глава 18. Горки и скачки для магов и их магии](#)
 - [Глава 19. Мучения и влечения](#)
 - [Глава 20. А вы видели ангелов в ботинках?](#)
 - [Глава 21. Спасение утопающих — дело лишь самих утопающих](#)
 - [Глава 22. Возвращение дракона](#)
 - [Глава 24. Второе пророчество](#)
 - [Глава 25. Главное — не признаваться, какой у нас план!](#)
 - [Глава 26. Этому — дала, этому — дала](#)
 - [Глава 27. Маленькое, да удаленькое](#)
 - [Глава 28. И снова гендерные проблемы](#)

- [Глава 29. Игрушки для магов](#)
 - [Глава 30. У каждого свой выбор](#)
 - [Глава 31. Освобождение](#)
 - [Глава 32. Добро и зло — понятие растяжимое](#)
 - [Глава 33. Кровавый вечер](#)
 - [Глава 34. Любовь приходит и уходит](#)
-

Смирнова Ирина
Козырная карта Апокалипсиса
Часть 1

Глава 1. Мемуары

Свои самые ранние годы я помню довольно смутно, отрывками, как вспышки яркого света в темноте, выхватывающие отдельные кадры. Одно из первых четких осознанных воспоминаний — это когда мне уже семь лет. Я стою на крыльце школы вместе со своим классом, как бы гуляю. На улице, как обычно осенью, льет дождь, но первоклассникам положено дышать свежим воздухом во время большой перемены, вот мы и дышим.

В нашем классе, в основном, люди, оборотней мало. Это обычная дворовая средняя общеобразовательная школа, придерживающаяся традиционных правил разделения учеников по успеваемости и поведению. В самый элитный класс я не попала, потому что пишу левой рукой, а это не поощряется. Нет, официально меня не взяли, потому что почерк корявый. Но в нашей двушке с тонкими стеночками взрослым почти не удастся посеCRETничать, так что настоящая причина в полуночном разговоре матери и бабушки озвучена ясно и четко. Левшей почему-то не любят и заставляют переучиваться. Сжав зубы, я слушаю и тихо замышляю большой скандал, если только кто-то попробует! Но никто не рискнул. Ни учителя, ни родственники. У меня уже в шесть лет заслуженная репутация: «вся в отца, такая же безбашенная».

Отец с нами почти не живет. Он служит механиком на корабле дальнего плавания и по полгода в рейсах, а еще какое-то время проводит по портам, на стоянках, проверяя готовность корабля. Так что дома он от силы месяца два-три, причем я его все равно почти не вижу — где-то «гуляет с друзьями». Этот аргумент я прекрасно понимаю. У меня всего одна подруга, но я с ней тоже могу гулять с утра до вечера.

Еще я часто слышу фразу: «он пьёт», и говорится это с осуждением. Например, матери, вечерами, во время воспитательных разговоров, «когда ребенок спит». Или в разговоре по телефону: «Да, Рина живет у нас, а Аша катается за ним, как привязанная, из порта в порт... А он — пьет!». Я не очень понимаю, почему так плохо, что папа пьет, но догадываюсь, что речь не о воде и даже не о соках, а о загадочных напитках, обобщенно называющихся одним словом «алкоголь». Отец не чистокровный человек, но оборотня в нем настолько мало, что он не может обращаться, дружит с техникой и курит, как паровоз...

Да, с техникой в хороших отношениях только люди. Обратни тоже ею иногда пользуются, но у них она часто ломается. Зато они выполняют все

работы, связанные с риском для жизни и здоровья. То, что для человека смерть, для них — «пару раз сменил ипостась, и все прошло». Однако на кораблях и подводных лодках служат люди. Звериная сущность у оборотней боится покидать землю на такое длительное время. И пассажирские самолеты водят пилоты-люди, хотя мне всегда казалось, что логичнее было бы доверить это птицам. Только птицы не понимают, зачем им трястись в железных коробках, если они могут просто перелететь с места на место.

А еще, у нас есть много легенд о драконах, которые тоже перелетали с места на место, но при этом могли переносить с собой людей. Правда, живых драконов никто уже давно не видел, но в нашей семье о них говорят так, как будто они действительно существовали. Такие очень дальние родственники, которые пробились в мафию, и теперь остальная семья не понимает, как к ним относиться. Осуждать или восхищаться. Уважать или бояться. Вообще, мы живем в дружном тандеме, оборотни и люди, но стараемся, по возможности, не перемешиваться.

Но, стоя на крыльце, я люблюсь на мальчика из параллельного класса. У него золотистые с рыжиной волосы и потрясающие веснушки на носу, а еще он — лис, и живет в соседнем доме. И именно из-за него я помню этот момент. Желтые и рыжие листья на асфальте напоминают по цвету вьющиеся локоны лисенка. Дождь стеной, благодаря которому мы не на разных площадках при школе, а на крыльце, всей толпой, два класса. И его уверенная улыбка, когда он чувствует мой заинтересованный взгляд:

— Привет. Меня зовут Славка, давай дружить?

И мы, действительно, честно дружим потом весь год. У меня очень мало друзей. Точнее — один. Славка.

Следующее яркое воспоминание: нам вручают табели об окончании года, и я бегу к Славе, чтобы вместе пойти домой. Но неожиданно сталкиваюсь в коридоре с его одноклассницей, тоже оборотнем. Не знаю уж, как лебедя угораздило влюбиться в лиса, но то, что происходит дальше, явно было сделано от большой любви, вернее, от сильной ревности: табель вырывается у меня из рук и рвется в клочья. Обидно! Главное, мне тогдашней непонятно, за что и почему. От возмущения забываю, что я только человек, а она — оборотень, пусть даже такой хилый, как лебедь. Во мне просыпается та самая отцовская безбашенность, которую опасается вся родня. Когда взгляд становится застывше-стеклянным, и в голове только цель... и рефлекс. И сейчас моя цель — отомстить. В себя я прихожу в женском туалете. Славка держит меня сзади, обхватив под мышки, а бедный лебедь рыдает над содержимым своего портфеля, высыпанным в

унитаз. Под глазом у девчонки красуется замечательный синяк, который достаточно быстро исчезает. Но я успеваю оценить его размеры и тихо радуюсь, потому что шумно вроде как неприлично.

— Еще раз полезешь, вообще, шею сверну! — гордо произношу я и оборачиваюсь к Славе: — Да отпусти уже, все нормально. Мне еще к Анне Леопольдовне надо, сказать, что у меня табель ветром унесло.

Слава кивает, и мы идем за новым табелем, держась за руки. Я гордая и счастливая... А на следующий день появляется мама и увозит меня от бабушки с дедушкой, от школы, от Славки, вообще, выдергивает из моего привычного и уютного мирка в другой.

— Я устроилась на завод, и мне выдали квартиру. Мы переезжаем.

Я не хочу никуда переезжать, но меня не спрашивают. Я плачу, топаю ногами, кидаюсь вещами... Но мама настроена решительно, к тому же она знает железный аргумент: «Тебе что, меня совсем не жалко?!». Конечно, мне ее жалко, но я не очень понимаю, почему я должна из-за этого переезжать куда-то, бросать любимую школу, учителя, Славку. Однако я затихаю и позволяю себя увезти.

Это не другой город, конечно, но в шесть лет все происходящее — катастрофа. Новый район — действительно новый, новостройки. Школ построено еще мало, муравейников много, в нашем — тридцать подъездов и двадцать этажей. Напротив — такой же, через маленькую заасфальтированную тропинку — еще один. Это не бабушкина пятиэтажка из трех подъездов, с линиями красиво подстриженных деревьев, рядами кустиков, полянкой с детской площадкой. Это там я знала всех жильцов и из нашего дома, и из трех соседних. Там живет средний класс. Тут — рабочие. Ну, и такие вот, как моя мама, вроде и из среднего класса, но у кого возможности заселиться в зеленом центре нет.

Дальше несколько лет кошмара, пока я пытаюсь хоть как-то прижиться. Выжить в этом странном новом мире. В школе — три смены, у меня второй, потом третий, четвертый «К». В классе не пятнадцать, а сорок человек. Люди и оборотни свалены в одну кучу, без сортировки. Отличники и двоечники, технари и гуманитарии... Никто не разбирается, мы просто отсиживаем положенные часы и пытаемся получить хоть какие-то знания. Двоечников больше, поэтому хорошо учиться позорно. Отличников травят. Слабых бьют. Я именно пытаюсь выжить. Сначала дерусь, постоянно, со всеми. Неумело, но зло и отчаянно. Потом смиряюсь и затихаю, не высываюсь. Учусь на тройки... Где мой красивый аттестат за первый класс, в котором среди пятерок была всего одна четверка? Улетел так же, как и моя спокойная жизнь. Маме я попыталась пожаловаться один раз.

— Все образуется, — выдала она мне.

Что?! Что образуется, если я живу в кошмаре? Мама по ночам плачет, она встает в пять утра, убирается в квартире, потом приводит себя в порядок и уходит на работу. Мне в школу к половине второго. Сначала надо сделать завтрак, потом уроки, потом гордую и независимую морду. Обедать уже не хочется — кусок в горло не лезет. Предвкушаю встречу с дорогими одноклассниками. Потом пять уроков, пять часов ада.

Ненадолго выдохнуть удастся только летом, на даче у дедушки с бабушкой. Там я как будто переключалась в иную реальность. Природа. Сосны. Свобода. Море. Своих друзей в деревне у меня нет, но есть двоюродный брат и его компания. Костры вечерами. Песни под гитару. Иногда девчонки, которых парни притаскивают с собой, чтобы потискаться. И я — своя в доску, бесполоая мелочь, за которой нужен глаз да глаз, а то натворит чего-нибудь.

А я любила чего-нибудь натворить, это да! Этого у меня не отнимешь! Например, на спор залезла на верхушку высокой сосны и потом три часа там сидела, пока брат не залез за мной следом и не проконтролировал мой спуск обратно. Спор я объявила выигранным, потому что я же залезла? — Залезла! А насчет того, слезу я сама или нет, разговора не было! Только три месяца спокойной жизни пролетают очень быстро, и я снова ныряю в кошмар. Беспросветный, бесконечный... безнадежный.

Но небольшое разнообразие появляется, — я перехожу в новую, только построенную школу. Нас пересортировывают, но снова по какой-то непонятной мне системе. Вновь свалка оборотни-люди-отличники-двоечники. Снова сорок человек в классе. Но уже шестой «Е», и одна смена. Самое обидное, что со мной в классе все те же знакомые злобные рожи, ненавидящих меня одноклассниц. Близняшки-волчата, лиса и человек. Причем, хотя волчата агрессивнее, лидер в банде — именно лиса. Странно, но первые дни сентября проходят спокойно. Ко мне никто не лезет, так что и я никого не трогаю. Новые учителя никого не знают, любимчиков не имеют, присматриваются. Мы тоже присматриваемся. Я даже пытаюсь снова нормально учиться, и мне это начинает нравиться.

И вот, в том же сентябре, ярчайшее воспоминание, просто луч света в темном царстве. В моей жизни неожиданно появляется Сашка. Золотоволосый голубоглазый парень, старше меня на два года. Красивый, как ангел с картинки. Друг. Надежный. Верный. Лучший. В сущности — единственный.

Я и раньше ходила в школу, как сомнамбула, отбывая там положенные пять-шесть часов, чтобы вернуться домой и начать жить. Теперь же

контраст становится еще более заметен. Меня, как таковой, в школе просто нет, только тело, попавшее туда по какому-то странному стечению обстоятельств. Я же планирую, о чем мы будем болтать и какие книги обсуждать с Сашкой после того, как пообедаем и сделаем уроки.

Он живет с тетей и дядей. Родители у него погибли, когда он был еще совсем маленький. Тетю он очень любит, но совершенно не слушает, а та души в нем не чаёт и потакает всем прихотям. Сашкины тетя и дядя — люди, как и его мама. А вот отец был соколом, и Сашка унаследовал отцовского зверя, в смысле, птицу, в полной силе. То есть, хотя он по рождению и полукровка, но по способностям вполне полноценный оборотень. Клан отца готов принять его в любой момент, но Сашка не хочет. Я не лезу в его внутрисемейные отношения, у меня своих проблем хватает.

Моя мама вроде бы рассталась с отцом, но когда его корабль швартуется в нашем городе, он приезжает и живет у нас. До первого запоя. Потом мать его выставляет и плачет, а я пытаюсь понять логику происходящего и не нахожу ни крупинки. У мамы есть постоянный мужчина, старше ее внешне лет на двадцать, глава клана оборотней барсов. Хищный, красивый, седина ему очень к лицу. Я знаю, что он никогда не женится на моей маме, потому что у него уже есть жена. Да, и вообще, он — барс, она — человек, он — элита, она — средний класс... Ночами мама учится правильно есть за столом, сервированным кучей ложек и вилок. Потом плачет.

Зато у нас появляются деньги, у меня — музыкальный центр и огромные колонки, ноутбук последней модели, тонкий-тонкий планшет, куча шмоток... часть которых я никогда не надену. А единственное украшение, которое я ношу, это простенькое золотое колечко, доставшееся по наследству от бабушки — змейка, обвивающая палец. Ее глазки-рубины порой кажутся мне живыми. Как-то вечером я не выдерживаю и спрашиваю у мамы, почему она до сих пор с отцом, хотя уже понятно, что любви давно нет. Мать сначала отворачивается, старательно делая вид, что готовит еду домовому. Сервирует маленький подносик, выкладывает на тарелку по кусочку от всех приготовленных ею на завтра блюд, ставит стопочку с соком и, наконец, поворачивается ко мне:

— Это то ли дар, то ли проклятье. Если ты встречаешь своего мужчину, тебе не будет покоя, не будет счастья ни с кем другим, тебя будет тянуть к нему, как магнитом. Зато ты будешь ощущать его на расстоянии, как он себя чувствует, спит он или бодрствует, расстроен или счастлив... Мало того, ты будешь почти точно знать, где он находится, сможешь ткнуть

пальцем на карту и сказать: «он тут».

Я загружаю на планшете карту города и протягиваю маме:

— Ткни.

Почти не задумываясь, мама указывает на невысокое здание где-то на другом краю вселенной... то есть на другой окраине. Скептически улыбнувшись, я набираю номер отца. Странно, но тот отвечает почти сразу и вполне трезвым голосом:

— Что-то срочное, ребенок?

— Да нет, просто вопрос по алгебре. А ты где?

— Да тут к знакомому заехал, в дыру мира.

— Медвежий перевал? — уточняю, а сама даже дышать перестаю от волнения.

— Точно! — я слышу, как отец смеется, и, прикрыв трубку ладонью, говорит кому-то: — Не только у меня «дыра мира» с твоим районом ассоциируется. — Потом спрашивает: — Твоя алгебра потерпит до завтра?

— Конечно, потерпит, — отвечаю я, прощаюсь и кладу трубку.

А сама все это время смотрю на маму и пытаюсь понять, завидую я ей или сочувствую. Она права, это то ли дар, то ли проклятье.

— Он наследственный? — уточняю я у нее, очень сильно надеясь, что нет.

— Да, у всех женщин в роду проявляется, рано или поздно. Как только встречаешь своего мужчину.

Что ж, тогда понятно, почему моя тетушка бросила работу, квартиру, двух детей и любящего мужа и ушла вслед за каким-то нищим обалдуюем. Я-то думала, это дурь, а теперь выясняется, что это она «своего мужчину» встретила. Нет уж, я от этого «своего» буду держаться подальше! Мне нравится, когда мужчина за мной бегаёт, а не когда я за ним... с картой.

Следующее яркое воспоминание — весна. Мы с Сашкой знакомы уже почти год. Школа. Последняя перемена, потом еще сорок пять минут пытки и домой. Счастье... Но компании гримз скучно, и они начинают придирается ко мне. У них такая традиция — когда развлечь себя нечем — надо найти того, кто «без кепки». Обычно это — я. Сегодня их в школе только трое, лиса болеет. Так что мне удастся как-то вывернуться, от отчаяния, не иначе, отпихнув одновременно сразу двух волчиц в разные стороны. Неожиданность — наше все! А теперь бегом в класс. Усаживаюсь с невинным видом за парту и изображаю ангела, который старательно готовится к следующему уроку. Литература — не самый плохой предмет. А потом — побег дворами в сторону дома. Ну, а завтра... До завтра еще дожить надо. Но план на быстрый и незаметный побег дворами

проваливается. Каким-то чудом они меня все же вычислили и отловили. Главное, расположение домов играет против меня — слева муравейник, справа детский сад, сзади муравейник, впереди... вообще, стена высоченной общаги с мусорными баками. Как раз три бака... Персонально для каждой гримзы.

— Ты чего лыбишься? Совсем обнаглела, что ли?! — злобно ухмыляется одна из близняшек. Но тут ко мне неожиданно приходит подмога.

— Ринка? Что ты тут делаешь? — вот уж кого я не ожидала здесь увидеть и кому ужасно рада.

— С одноклассницами выясняю, кто из них троих самая страшная, — спокойным голосом уточняю я. Пышущая гневом близняшка кидается вперед и натывается на Сашку, вставшего передо мной.

— Я с девчонками не дерусь, — произносит он, не подпуская их ко мне. — Но и своих друзей в обиду не дам.

— Фу! Птица! Дичь!!! Да ты сам, как девчонка! — гневно выплевывает одна из волчат.

И эта парочка набрасывается на моего защитника, но он только уворачивается от их ударов, довольно успешно, при этом сам действительно старается не бить. А я вдруг понимаю, что эти две тетери, хоть и волчьего племени, но драться совсем не умеют. Да, они сильные, как все оборотни, но не более того. И обернуться, чтобы устроить настоящую бойню, не рискуют — детям до семнадцати оборачиваться без сопровождающего взрослого категорически запрещено. Тут третья из компании гримз не выдерживает и с воинственным визгом кидается на защиту. Но я тоже решаю прийти на помощь и стучаю ее сумкой с учебниками по голове. И с ужасом смотрю, как девчонка медленно оседает на асфальт.

— Нам пора, вы меня утомили, — гордо объявляю я, хотя внутри липко-страшно от того, что я только что если и не убила, то уж точно сотрясение мозга (если он, конечно, у нее есть) человеку сделала. Близняшки сидят возле своей подруги и смотрят на меня озверевшими глазами, но не дергаются, а та приподнимает голову и выдает в мою сторону довольно длинную цветистую фразу. Значит, жива. Всучив Сашке сумку с учебниками, я быстро тащу его в сторону моего дома.

— Слушай, а они тебя постоянно достают, да? — спрашивает он, оглядываясь в сторону пострадавшей в неравной схватке троицы.

— Ага, — киваю я и тоже оборачиваюсь. Третья из подружек уже сидит. Судя по всему, мозгов у нее все же не было. Это радует.

— Значит, тебе надо научиться драться. Рюкзаком по голове — это надежно, но неправильно...

Я хмыкаю и пожимаю плечами. А что еще я могу ответить на подобное заявление? Ну, да — надо. И да — рюкзаком, конечно, неправильно. Зато, сам сказал, надежно. Тут Сашка выдает мне предложение, от которого я вряд ли смогла бы отказаться:

— Хочешь, я тебя научу?

Сначала он тренирует меня сам, а потом я начинаю ходить вместе с ним на занятия по карате. Они проходят в одноэтажном здании подросткового клуба и заканчиваются как раз перед тем, как в видеосалоне запускают очередной вечерний фильм ужасов. И мы всей группой из одиннадцати человек заваливаемся его смотреть. Потом Сашка провожает меня домой, и по дороге мы обсуждаем или просмотренный фильм, или интересный новый прием, или не получающийся у меня или у него старый, или книгу, или... Он не делал никаких намеков, что я ему интересна как девушка. Но одноклассники быстро прознали, что я встречаюсь с парнем, старше на два года, и уважительно оставили меня в покое. С мальчишками я продолжала дружить, а гримзы обходят меня стороной. Для этого мне, правда, пришлось еще несколько раз с ними сцепиться, уже в одиночку, причем до драки дело так и не дошло. Просто теперь уверенность в своих силах была у меня через край, и их это притормозило. Они притихли.

Ярких воспоминаний после появления в моей жизни Сашки — множество. Он просто раскрасил мою жизнь, но при этом со своей у него, явно, были проблемы. Сначала я не понимала, чего ему не хватает, но потом... Потом...

Началось все, когда мне было уже шестнадцать. За окном буянит очередная весна, все вокруг зеленое, цветущее, солнечное. Я, балансируя по поребрикам, продвигаюсь в сторону дома. Сумка с учебниками впивается в ключицу — сейчас она весит столько, что ею точно можно было бы убить. Но меня это не беспокоит. До лета осталось всего ничего, и хотя мне и придется уехать, расстаться с лучшим и единственным, по сути, другом, но все же лето... Это — лето! Радостная, я влетаю в квартиру и замираю прямо у входной двери. Туфли. Мамины туфли стоят в коридоре. А должны быть на маме, а мама — на работе. Мало того, рядом стоят незнакомые мужские ботинки. Или знакомые... Я напрягаюсь, пытаюсь вспомнить, какие же ботинки у очередного маминого любовника. Черт! Да я его самого-то могу вспомнить с трудом. Тут из-за угла стеллажа высовывается мордочка домового.

— Тимоша, кто у нас? — тихо спрашиваю я.

— Мать твоя с хахалем, — выдает тот и так очевидное.

— А хахаль старый или новый?

— Свеженький, раньше тут не появлялся, — Тимошка задумчиво смотрит то на меня, то на ботинки. — Из диких.

Ну, в этом я даже не сомневалась, мама на людей давно не разменивается. Только оборотни и только из элиты. Только те, от которых есть польза. Или семье, или маминому бизнесу.

— А ты не мог бы посмотреть, что они там делают? Все уже или как? — прошу я, состроив самую умоляющую рожицу.

Не хотелось бы матери обламывать удовольствие, да и ее мужики этого очень не любят.

— Фонариком в них посветить, что ли? — ехидничает домовенок. — Или по-простому, гаркнуть над ухом: «Вы уже кончили али нет?!».

— Тимоша! — укоризненно качаю я головой, и домовушка сжаливается, убегает, чтобы через минуту вернуться и отчитаться:

— Лежат, обсуждают что-то, резинки по полу валяются... Опять прибираться!

Домовенок у нас не то чтобы ленивый, но весь дом на себе тащить категорически отказывается. Объясняет это тем, что маленький еще, отселенный родней в новостройки. Лопает он при этом за троих, но опять же, потому что маленький. «Молодой я еще, растущий организм у меня!».

— Спасибо, — подмигиваю я Тимоше и тут же показательно хлопаю дверью и кричу: — Мама, я дома!

Первой из своей комнаты выплывает именно мама, за ней — незнакомый мужик, оборотень, птица, сокол... Убиться плеером!

— Рина? — ну, надо же, в кои-то веки мамин любовник знает, как меня зовут. Королева в восхищении.

— Да, очень приятно познакомиться! — я изучаю мужика снизу вверх, с ног до головы, отмечая и то, что ноги — красивые, ровные, не перекачанные, без кривизны в икрах, и то, что на нем под белой тонкой простыней ничего нет, и пресс на животе... и седину в голове. Старый оборотень, но обаятельный.

— Мне сказали, что ты встречаешься с моим племянником, — выдает он, тоже изучая меня, очень пристально изучая.

— Вы поэтому решили переспать с моей мамой?

Почему-то я сразу понимаю, что речь идет о Сашке. Просто потому, что больше в моем окружении соколов нет. И у меня срывает предохранительный клапан. Сразу. Но, вместо того чтобы вступить со мной в пикировку или выдать моей матери что-то типа: «Какая у вас

невоспитанная дочь!», мужик заржал. И мне сразу расхотелось с ним ругаться.

— С твоей мамой я решил переспать, потому что она очень красивая женщина, — отсмеявшись, поясняет он и обнимает мою мать, по-собственнически, уверенно так. А мама, закрыв глаза, расслабленно льнет к его плечу. Хм-м-м.

Мужика зовут Глебом, и он оказывается реально нормальным, потрясающе нормальным. А, главное, неженатым. Вернее, разведенным, что среди оборотней большая редкость. И так как дети у него уже есть, он вполне может себе позволить... Короче, через полгода они поженились!

Но, незадолго до их свадьбы, я познакомилась с сыном Глеба, Артуром. Сашкиным двоюродным братом. Они были ровесниками, внешне абсолютно не похожими, но вот по характеру... Было в них что-то общее, какой-то отчаянный надрыв, жажда экстрима. Большинство оборотней любит риск, но редко кто живет так, как будто постоянно дергает смерть за усы или хвост. В их случае — за перья. И вот, когда я познакомила этих двоих... Вернее, они были знакомы, давно, в раннем детстве, а потом не общались, долго... и тут, наконец, встретились. О! Сначала эти два сокола напоминали больше боевых петухов, притираясь и выделяясь друг перед другом. Яростно изображая, что у них есть какие-то права на меня. Но я своим обостренным чутьем понимала — эти павлиньи танцы предназначались не мне.

Как-то, приехав к Артуру в гости, я наткнулась на заспанного полуголого Сашку. И никакая вина не могла скрыть удовлетворение, написанное на его лице. Ну, и на лице хозяина квартиры — тоже. Что ж, теперь у меня было уже два старших брата, любимых, надежных и более родных, чем двоюродный «летний», с которым в другое время года мы почти не общались. А на свадьбе матери я впервые почувствовала «его». Какое-то странное ощущение, что вот где-то рядом находится... магнит? Да, наверное, больше всего это было похоже на магнит. Меня притягивало с бешеной силой, мне жуть как надо было... влево... еще чуть влево... Там были гости со стороны жениха, оборотни. И там же... Он! Тот, за кем мне суждено ходить и бродить с картой?! Обломись, зараза! Даже не двинусь с места, чтобы посмотреть! Пусть крутит от любопытства, но, сжав кулаки с такой силой, что ногти впиваются в ладони, я стою... Стою, как упертый ишак. Борюсь с желанием бежать, искать, притягиваться... Не дождетесь!

Но второй раз удержаться я, к сожалению, не смогла.

Мы отмечали мой переход на второй курс института. Мы — я, Артур с Сашкой и контрабандой вынесенный из дома домовый Тимошка. Он так

хотел навестить свою лесную родню, так заманчиво описывал отличное место для пикника, ягодную полянку, травяную наливку, гостеприимного молодого лесопаркового лешего... Короче, я запихнула Тимку в карман и вывезла с собой. И вот пикник, шутки парней, действительно веселый лешак, которого так и зовут, Леша, тающая во рту черника, жареха из грибов...

— Мы летаем?

Чуть виноватый Сашкин взгляд и рука Артура на его плече.

— Конечно, мальчики, — улыбаюсь я. — Леша с Тимом не дадут мне заскучать. Но не увлекайтесь!

Парни кивают, и тут же два сокола взмывают вверх. Я люблю, как они красиво танцуют, именно танцуют, вырисовывая в небе петли, пикируя и взлетая, летая то рядом, парой, то наперегонки, то навстречу друг другу. Выделяясь и красуясь, как будто бы передо мной. А потом они исчезают, наверное, полетев размять крылья. И тут я чувствую... этого гада! Намагниченного для меня гада... Убиться плеером!

— Эй, красавица, ты куда? — Лешка подпрыгивает рядом, а Тимка нагло виснет на моей ноге.

— Куда собралась, хозяйюшка? — спрашивает он, но я даже ответить внятно не могу.

Меня тянет... Тянет куда-то, за кем-то... И я иду, иду, иду. Сначала по лесу, затем по вязкому, прозрачному мареву, потом проваливаюсь куда-то и падаю. А прихожу в себя, стоя на большом холме и глядя на большой средневековый город. Герб над воротами напоминает мне что-то... Из детства. Из детских сказок.

— Вот ведь козлица взбалмошная, куда ты нас занесла?!

Обернувшись, я увидела за спиной высокого и чем-то неуловимо знакомого парня. Нахмурившись, я попыталась вспомнить...

— Тимка?! Где мы?!

— Так и я тебе о чем! — возмущился резко увеличившийся в размерах домовый. — Ты же перла, как лось к водопою, три подпространства перешла. И вот тебе, здрасти-приехали! Запрягайте сани, выносите вещи. Жжешь, хозяйюшка! — последнюю фразу он произнес с плохо скрываемым уважением. — Так куда ты нас завела?

Глава 2. Попадаलोво

От ворот к нам уже бежал с десяток мужчин, судя по мечам на перевязи — городская охрана. Тот, кто добежал раньше всех, оглядел нас с Тимошкой и только себе под ноги не плюнул.

— Мальчишки опять! Вот что ты будешь делать, а?!

Стараясь не привлекать внимания, я сделала пару шагов назад, чтобы оказаться за спиной у Тимки. В его половой принадлежности, сколько не смотри — не усомнишься. А я все-таки вроде как девушка, у меня даже намек на половые признаки есть, небольшой, правда, и под легкой свободной курточкой, застегнутой на молнию, совершенно незаметный. Курточка, к счастью, длиннее бедер и прикрывает другую часть тела, которая тоже не совсем соответствует требуемым стандартам. Джинсы, кроссовки, короткая стрижка — да, я сторонница стиля унисекс. И домовенок у меня любитель удобной одежды, так что на нем тоже джинсы, кроссы и рубаха из плотной ткани. У маленького народца даже свои телеканалы есть, а уж одежду и обувь на их размеры, вообще, на каждом углу приобрести можно. И парикмахерские у них имеются, только Тимка предпочитал ходить лохматым и взъерошенным, с нетерпением ожидая, когда вместо жалких трех волосинок вырастет борода, и он тогда станет, как настоящий домовый из старых книжек.

Но сейчас, увеличившись в размерах, он превратился в широкоплечего богатыря, с всклоченной кудрявой шевелюрой всех оттенков серого. Глаза у Тимошки тоже серые-серые, а кожа белая, как снег, потому как городские домовые обычно в закрытом помещении по хозяйству шустрят, загорать некогда. Тонкокостное русоволосое нечто, едва достающее макушкой ему до плеча, прекрасно терялось на его фоне.

— Ты первый добежал, тебе их в мэрию и вести, — усмехнулся добежавший вторым, хотя последние метры он отчаянно пыхтел, пытаясь обогнать потенциального победителя.

И тут неподалеку землю буквально пронзило ослепляющим лучом света, я едва успела зажмуриться. А, когда, спустя пару минут, снова рискнула открыть глаза — вокруг вновь был обычный ранний вечер, а на небольшой полянке, сразу за холмом, стояли, прижавшись друг к другу, три босоногие девчонки в старинных сарафанах. Одна, всплеснув руками, заголосила, отшвырнув корзинку с ягодами, и побежала прочь, к лесу. Вторая застыла, вцепившись в свой туесок, и с ужасом смотрела на

столпившихся вокруг мужчин, выясняющих, кому какая достанется, и кто в этот раз добежал первым. Зато третья меня порадовала — размахивая своей корзиной, она умудрилась огреть парочку наиболее активных, а потом тоже припустила в лес, вслед за подругой. Обычный, кстати, лес, хвойный. Елочки, сосенки... И трава вокруг привычная, одуванчики вон даже желтеют, родные такие, как будто и не переносились никуда. Ясное дело, толку от побега было мало — девчонок быстро поймали, перекинули через плечо и потащили в сторону города.

— Особого приглашения ждете или как?! — рыкнул на нас тот из мужиков, которому полагалось вести нас в мэрию. Ему почему-то ни одной девицы не досталось, так что настроение у него было заметно нерадостное.

Всю дорогу он шел молча, игнорируя мои попытки наладить беседу и выяснить, где мы, и что, вообще, происходит. Понятно, что через минут десять я тоже заткнулась, смирившись с отсутствием ответов на мою кучу вопросов. Городок был в европейском стиле. Вполне себе чистенький, но плотно заселенный — дома в два-три этажа крепились друг другу впритык, стена к стене. Балконы нависали над узенькими тротуарами, как крыши, а по дороге со скрипом могла проехать одна телега. Учитывая то, что движение было двухсторонним, думаю, при встрече парочки разнонаправленных четырехколесных объектов, тут очень весело и шумно. Правда, чем дальше от ворот, тем дорога становилась шире, а через минут двадцать мы, вообще, оказались на площади, перед высоким по местным меркам зданием в пять этажей. Судя по развевающемуся флагу — нас довели до цели. Мэрия.

— Валите регистрироваться. Время еще раннее, может, повезет, и найдете кого из распределителей, — пожелал нам на прощание наш проводник и скрылся.

А мы с Тимкой с обреченным видом постучали в дверь здания, а потом приоткрыли ее и заглянули. Судя по голосам на втором этаже, нам повезло — по крайней мере, кто-то тут еще был, кроме нас. Обрадовались мы рано, потому что этим «кто-то» оказались всего лишь две уборщицы, в процессе мытья полов осуществляющие пересказ друг другу свежих новостей. Но зато нам тоже перепало, и я, наконец-то, нашла источник информации, готовый излить мне в уши ответы на все заданные и даже незаданные вопросы. Нет, первые минут пять я ни на какие вопросы была не способна. В нашем с Тимкой мире полы мыли или моющим пылесосом, или с использованием швабр, тряпок и ведра с водой. Тут тоже были в наличии два ведра и швабры, обмотанные мокрыми тряпками. Только эти швабры сами двигались, тщательно изничтожая следы грязи и пыли. Уборщицам

надо было лишь внимательно следить за качеством и вовремя отправлять ведра менять воду. Единственное, что я смогла выдавить, это:

— А почему не по щелчку?!

— Давеча один такой возмущался, почему мы палочками не машем и слова всякие не выкрикиваем, — ехидно хмыкнула одна из женщин, поглядывая на нас с интересом. — А вот потому!.. Артефакты со щелчками — дорогое удовольствие, на такое большое здание не нащелкаешь. А с палочкой и криками — вообще, глупость редкая, ни разу и не слыхала, чтобы кто-то так развлекался.

— А вы, значит, из другого мира, такие синенькие? — поинтересовалась она, когда мы более-менее отмерли и стали производить впечатление адекватных, а не на всю голову отмороженных.

Вторая женщина лишь хмурилась, и, наверное, в голове у нее звучало почти классическое: «Все ходют и ходют, медом им тут, что ли, намазано?». Мы переглянулись и кивнули, вот этот жест и послужил сигналом, после которого в наши уши полились драгоценные сведения.

— Это у нас раз в пять сотен лет напасть такая, как прорывает что-то, и давай, значит, закидывать иномирцев. Предпоследний еще слово какое-то смешное называл, неприличное.

— Попаданец, — буркнула вторая тетка, недобро зыркнув в нашу сторону. — Я бы тому попадамцу по попе бы тряпкой надавала... Вы-то хоть приличные, а тот — в очках и с тростью. Сопля соплей, а гонору, как у мага какого. Вот у него лицо то было, когда ему наш мэр сказал, что вся его эта... как ее? — женщина повернулась к напарнице, обе на пару секунд задумались.

— Техника какая-то, — наконец, вспомнила первая и фыркнула презрительно. — Тоже чудное слово, там еще «сор» в середине был.

— Так вот, нет у нас этой самой техники, вот! — закончила свою мысль вторая уборщица. — Артефакты у нас, а не эти... процес-соры.

— Ага, — кивнула я, взглянув на притихшего Тимку. — То есть таких, как мы, много?

— Да не то чтобы много, пацанов с полсотни по ближайшим городам навалило, а девиц учитывать сложнее — их мужики наши неженатые сразу по своим домам растаскивают.

— Зачем? — я зябко поежилась, всей душой сочувствуя трем девчонкам, попавшим вместе с нами в этот мир. — У вас что, своих нет?

— Свои есть, так за них выкуп надо. А тут, кто первый схватил, того и баба. Удобно!

— Конечно, все по-людски, в храм потом отводят, чтобы перед богами

своей назвать. Не варвары, чай! — и так не слишком довольное лицо второй из женщин еще больше сморщилось. Наверное, понимала, что все равно не самый порядочный способ замужества.

— А пацанов куда? Полсотни...

— Так кого — куда. Если магии хоть с чуток, тех, значит, в училище, обучаться рунами пользоваться. Если совсем нормальный, то в ученики кому, приживалами, с небольшой приплатой от города на первое время.

— То есть к вам только молодые люди попадают? — уточнила я, обдумывая нерадостные перспективы.

По всему выходило, что надо срочно рыть в обратном направлении, даже не успев удовлетворить собственное любопытство. Ничего хорошего нам тут не светит. Нет, прикольно было пару часов погостить в чужом мире, но пора и честь знать. Ни в призовые жены, ни в ученики к кому попало, я не стремлюсь, даже при условии, что мне город немного денег отсыплет на первое время. Я как раз из тех, кто собирался связать свою жизнь с этой самой техникой и процессорами, так что делать мне тут абсолютно нечего. Да и Тимка домой наверняка хочет. У нас там родня, друзья... Сашка с Артуром уже извелись оба, наверное.

— Да, всегда только молодых забрасывает, — подтвердила первая, более разговорчивая. — Дык и правильно. Тут и им тяжело первое время, вон у соседа девка каждую ночь воет в голос, он уж с ней и по-хорошему, и кричал, и тяжелым чем-то раз приложил... А она все равно рыдает. Уж четвертый дюжник здесь, а все никак не смирится.

— А чего тогда ее обратно не отправят? — уточнила я, стараясь игнорировать липкий комочек страха, настойчиво напоминающий, что почти ни в одной прочитанной мною книге попаданцы обратно в свой мир не возвращались.

— Дык никак, только в одну сторону этот ваш перебрасыватель работает, — вторая уборщица хоть и была менее общительна, зато если уж выдавала, то четко и по существу. — Повоет с годину, потом дите родит и уймется. У меня в родне тоже пришлые есть, — выдала она и пояснила: — Из предыдущего свала.

Я тихо всхлипнула, но тут же сжала зубы и решительным тоном поинтересовалась:

— Распределять нас, значит, только завтра будут? А переночевать нам, где можно? И поесть бы...

— А пойдете, я вас на магию проверю, — предложила первая, на что вторая осуждающе фыркнула, но смолчала. — Чо, думаешь, с магомером не справлюсь? Невелика наука! А так хоть пацаны за ночь с гильдиями

определятся, а то, как начинают при выборе дурацкие вопросы задавать, так хоть плачь. Вот тебя, бугая, кузнецы с радостью возьмут, можешь даже не дергаться, больше некуда. Хорошее дело, нужное. Работа всегда есть.

Говоря все это, женщина открыла один из кабинетов, щелкнула переключателем на стене, и под потолком зажегся плоский круг, примерно, с метр в диаметре. Большой стол, кипы бумаг слева и справа, толстые книги в мягком переплете, на подоконнике горшок с каким-то фикусом или кактусом. Скорее, все же с кактусом, но цветущим. Красиво... Уверенным шагом уборщица подошла к столу и махнула рукой в сторону странного агрегата — прямоугольного ящика, где-то сантиметров двадцать в высоту и около шестидесяти в длину.

— Распределительная шляпа? — нервно пошутила я, вспомнив прочитанную в детстве историю про мальчика, попавшего в школу магии и колдовства. Там распределением учеников по факультетам заведовала именно шляпа.

— Ты что, слепой, что ли? — удивилась женщина, а потом захихикала: — А, точно! Тот оболдуй, что предлагал кричать и махать палками, тоже про шляпу ляпнул. Мы со Стасеной едва смех сдержали, а то бы выперли нас, чтобы не отвлекали. Давай, ладонь внутрь пихай! Шляпа...

Поежившись, я пропихнула ладонь в щель ящика и замерла в ожидании приговора. Устройство затрещало, немного нагрелось, а потом на экранчике сверху загорелась красная полоска и надпись «100 %».

— Ишь ты, с виду нормальным казался, — буркнула вечно недовольная Стасена. — А сам маг.

— Кто «маг»? — искренне удивилась я, недоуменно поглядывая то на теток, то на ящик. — Врет он все, какой я маг, когда мы из техногенного мира?

— Вот пусть маги и разбираются... Давай, теперь ты свою лапу суй! — первая женщина тоже перестала добродушно улыбаться и поглядывала на меня так, будто я ее полностью разочаровала, понять бы только в чем.

На Тимку ящик трещал несколько подольше, потом выдал целых три полоски, разного размера. Длинную серую с теми же «100 %» и две покороче — коричневую (60 %) и зеленую (60 %).

— Ну, ты, значит, бугай, еще сможешь себя к делу пристроить, — обрадовала его наша «распределительница». — Бытовая магия всегда востребована. А уж в деревнях, с такой-то подборкой, как сыр в масле кататься будешь. Могу даже адресок дать, зять у меня в богатой деревне живет, большой. Там, конечно, свой маг уже есть, ну, так и зять у меня

человек уважаемый, порекомендует, пойдешь в ученики...

— А Ринка куда? — я недобро зыркнула на домовенка.

Тот прикусил язык, запустил пятерню в волосы, почесал затылок, виновато посматривая в мою сторону. Но обе женщины совершенно спокойно отреагировали на его оговорку, и я облегченно выдохнула. Это у нас бы сразу просекли, что имя девичье, а тут, может, что Тимка, что Ринка...

— Ринка твой в Надзихар пусть идет, к магам. Там им про свой техно... мир рассказывает.

— А куда идти-то?

Хорошо, что Тимоха тоже парень активный, потому что я впала в ступор, и толку от меня сейчас было мало. То, что мы с Тимкой должны расстаться, потому что ему — в деревню, а мне — в Надзихар какой-то, фигурально выражаясь, прорвало плотину у меня в голове. Оно все как-то плавно накапливалось и, наконец, рвануло, поэтому на текущий момент моя задача была удержать истерику, хотя бы до того момента, как мы выйдем из этого здания. Но поистерить надо будет заранее, перед встречей с магами, чтобы не опозориться.

— Портал не так уж и далеко, — как обычно, четко по делу, выдала Стасена. — Сначала мимо желтого дома налево, потом свернешь и...

Тимка кивал, надеюсь, запоминая, куда и за чем сворачивать, а я тупила и бурлила, крепясь из последних сил.

— Письмо-то написать? — влезла первая, старательно игнорируя мое существование и смотря только на Тимоху.

— Нет, спасибо, я с Ринкой, — вежливо послал ее в сад мой домовенок.

— А... Я-то смотрю больно вы пара странная. Так и подумала, что вы из этих... неразмноженцев. Самое вам в Надзихаре место, — чуть не плюнула себе под ноги вроде совсем недавно милая и радушная женщина.

Насчет «неразмноженцев» мы даже оправдываться не стали, вежливо попрощались, причем ответила нам только Стасена, и побрели в направлении портала. Я еще успела нервно похихикать о том, как бы Артуру с Сашкой понравилось это оригинальное название мужской пары, и меня накрыло, с головой. Уткнувшись Тимке в грудь, я рыдала захлеб, не останавливаясь, прямо под желтым домом, после которого нам надо было налево. Всхлипывая и захлебываясь слезами, я материла и себя, и намагниченного гада, и даже Тимошку... Почему он меня не остановил?! Что вот ему помешало?

Наконец, у меня закончились то ли слезы, то ли силы. Тим, терпеливо

ожидающий, когда же я успокоюсь, облегченно выдохнул, и мы пошли дальше, искать этот проклятый портал. Мимо нас изредка пробежали люди, контролирующие, что мы движемся в правильном направлении. Посматривали они на нас не очень дружелюбно, но дорогу показывали, а большего от них и не требовалось. И так понятно, что к магам тут очень предвзятое отношение, причем не ко всем, а только к тем, кто из Надзихара. Один милый старичок даже немного проводил нас, выслушал краткий пересказ наших злоключений и напоследок выдал, с сочувствием поглядывая на меня:

— Худенький ты какой! Держись дружка, а то запинаят они тебя там!

Вот приободрил, так приободрил. Я и так была одной большой нервной клеткой, потому как, во-первых, плохо себе представляла, что это за Надзихар такой, а пояснять нам никто не рвался. Во-вторых, как раз очень хорошо и в красках представляла, как Тимку из этого Надзихара разворачивают, и остаюсь я там одна-одинешенька. А если еще и выяснится нечаянно, что я девушка, так вообще... Нет уж, на луну взаперти выть и детей рожать от неизвестного мужика — это точно не мое. Так что, когда мы, в конце концов, дошли до этого портала, радости я никакой не испытывала.

— Ты, это, не нагоняй заранее, — попробовал успокоить меня Тимошка. — Не понравится, пойдем искать деревню.

— Так ты письмо к зятю не взял, — я шмыгнула носом, при этом старательно изображая, что мне весело, хотя на душе скребли даже не кошки, а тигры. — Нас без него в ученики не возьмут.

— Да и ладно, что мы, дом сами не построим? — подмигнул мне Тимка. — Я ж — домовой, а мы не только хозяйничать, но и строить умеем. Все путем будет, хозяйюшка!

И тут я снова разрыдалась. На этот раз я размазывала сопли на тему того, какая я эгоистичная тупица, и какой чудесный Тим. А, главное, как мне стыдно, что я его с собой сюда притащила, но еще больше стыдно от того, что я безумно этому рада, и без него я бы тут сразу повесилась, наверное.

— Да чего уж... — засмутился Тимошка. — И без меня бы справилась!

Когда очередной запас воды и соли в моем организме закончился, пришлось посидеть еще минут десять и подождать, пока моя кожа из красно-пятнистой снова станет однотонно-смугловатой, и глаза перестанут навевать ассоциации с кроликом-альбиносом.

— Попить бы, — вздохнула я, оглядываясь вокруг.

Портал представлял собой высокую арку, мирно стоящую между двумя домами. Внутри нее колыхался серебристый вязкий туман, и прикасаться к нему мне как-то абсолютно не хотелось. Именно сейчас я бы предпочла трусливо сбежать подальше и от этой арки, и из этого странного города. Воспользоваться идеей Тима, построить домик неподалеку от какой-нибудь деревушки и жить тихо, не привлекая к себе внимания. Но это был путь в никуда, а нам надо было попасть обратно, в свой мир. И где-то внутри я очень надеялась, что в этом Надзихаре найдутся те, кто сможет вернуть нас обратно.

— Ага, дайте нам попить, а то так есть хочется, что переночевать негде, — усмехнулся Тим. — Пошли, что ли?

— У меня рожа не очень зареванная? — немного грубовато поинтересовалась я, внезапно застеснявшись двух истерических приступов буквально подряд.

Расслабилась, вместо того чтобы взять себя в руки и искать выход из ситуации, в которую мало того, что сама вляпалась, так еще и ни в чем неповинного домовенка втянула. И чем скорее я этот выход найду, тем лучше — маме волноваться вредно, у нее сердце слабое. Она, конечно, не одна там сейчас, но все равно надо торопиться, а не смотреть на эту колышущуюся массу. Можно подумать, от моего пристального взгляда этот туман исчезнет...

— Тимк, ущипни меня, а? — попросила я, оттягивая неизбежное. Тимоха, вздохнув, взял меня за руку, резко ущипнул за запястье и потом первым шагнул в страшную арку, дернув меня следом.

Глава 3. Надзихар

Надзихар оказался крепостью, стоящей на берегу моря. Выглядела она довольно старой, но не развалиной, а этакой достойной уважения дамой в летах, повидавшей на своем веку немало интересного. Как и положено крепости, ее окружала огромная стена с четырьмя высоченными круглыми башнями по углам. Острые маковки башен были украшены флагами, каждая — своим, особенным. Коричневый с двумя толстыми зелеными полосами по диагонали. Белый с золотой горизонтальной полоской по центру. Красный с нарисованной черным странной картинкой в центре — верх как будто зеркально отражает низ. А что именно нарисовано — непонятно. Крест и коса, вроде. Ну, и последний — синий. Просто, банально, синий. М-да... Немного не так я себе представляла обитель магов, но ладно.

Продолжая держаться за руки... На самом деле, я неприлично крепко сжимала своими пальцами Тимкину ладонь. Но, со стороны, надеюсь, все выглядело, будто бы мы просто идем, держась за руки, через поле, от портала в сторону крепости.

У ворот нас поджидали трое. Я начала присматриваться к ним еще издали. Обычные парни, примерно нашего возраста. Два брюнета и один — русский. У всех троих волосы примерно до плеч. Свободного покроя темные штаны, заправленные в невысокие сапоги, белые рубашки с воротниками, напоминающими собачьи уши, и с длинными, тоже довольно свободными рукавами, зафиксированными на запястьях широкими манжетами, под цвет жилеток. Две темно-синих и одна темно-зеленая. Все вместе выглядело очень гармонично и напоминало одежду охотников за невестами, но откровенно выигрывая по качеству ткани и пошива. Мечи у здешних охранников были заметно короче, чем у городских стражей, скорее, это были длинные широкие кинжалы. И ножны крепились к поясам, а не болтались через плечо на перевязи. Внимательно оглядев сначала меня, потом стоящего рядом со мной Тима, старший из парней сморщился, как будто съел кислый лимон, потом тяжело вздохнул и махнул рукой:

— Пошли за мной.

Судя по настроению нашего проводника, вопросы ему было лучше не задавать. Так что я молчала, не слишком откровенно-вызывающе смотрела по сторонам, иногда поглядывая на идущего рядом Тима. Ну, и старалась не отставать от нашей путеводной звезды, уверенно продвигающейся в каком-

то одному ему известном направлении. Войдя через ворота и пройдя по двору, мы зашли в центральную башню. Круглая, пятиэтажная, она соединялась трехэтажными туннелями-переходами с двумя передними угловыми, с флагами. Прищурившись, я попыталась определить по окнам их высоту. Получилось десять этажей, и, навскидку, у каждого из них между полом и потолком было где-то метра три! Тут же подумалось, что если архитектор мыслил так же линейно, как я, два угловых задних небоскреба тоже соединяются с центральной башней.

Пока мы поднимались вверх по лестнице, я отметила, что, во-первых, оказалась права в своем предположении, а, во-вторых, расходящиеся в четыре стороны туннели не такие уж и узкие. Сначала я решила, что это просто коридоры из башни в башню, но сверху стало понятно, что ширина этих коридоров, примерно, метров пятнадцать. То есть два небольших зала, как минимум. А еще эти переходы служили разделителями. Благодаря им, в крепости были левый двор, правый, передний и задний. Так как я любовалась видами из окна, то, поднимаясь с третьего этажа на четвертый, мы слегка подотстали от нашей звезды, а, нагнав его на лестничной площадке, вообще, замерли, наблюдая замечательную в своем беспределе сцену. Девушку, примерно моего возраста, пытались зажать в углу двое парней, ну... тоже плюс-минус ровесники. Несчастливая отбивалась, вскрикивала, кусалась, лягалась... Парни наседали. Причем вид поднимающейся процессии их сначала спугнул, что дало жертве возможность почти освободиться. Но в том то и дело, что почти.

— Новенькая или уже оформленная? — поинтересовался наш проводник, снова состроив объевшуюся лимоном рожу.

— Неучтенная еще, новенькая.

Тут девица снова брыкнулась, и я заметила, что парни отпрыгивают раньше, чем их тела соприкасаются с ее коленями и локтями. Будто бы их сам воздух отталкивал.

— Тупицы! Хотите составить компанию двум идиотам в госпитале? Давно сырцом в морду не прилетало? Они ж чумные все, со страху сами не понимают, что творят... — наш сопровождающий махнул презрительно рукой и слегка понизил голос: — Оглушать ее надо было еще за стенами крепости и тащить к себе. Понятно? И магию блокировать, пока без сознания валяется. Она бы даже не поняла, что ее чего-то лишили. Ну, и в храм после использования...

— Какой ты умный... — ехидно процедил один из парней-агрессоров, провожая взглядом убегающую вниз по ступенькам девушку. — Этот ритуал на пятом курсе проходят, да и сил он жрет немерено. А уж жениться

на приبلудной я тем более не собираюсь.

— Ну, так я-то уже на шестом, — хмыкнул наш проводник, тоже посмотрел вслед девчонке. — Да и женщины от меня никогда не бегали — мозгов хватало им головы запудрить без насилия. А магичкам этим баронские титулы дадут, всегда так делали. Так что вполне себе родовитая жена будет.

— Так ей тогда надо будет магию обратно разблокировать, чтобы баронство дали! — недовольно пробурчал первый.

— Бедолага, какой суровый выбор! — с ехидством в голосе посочувствовал ему наш сопровождающий.

— Какой выбор... Само же в руки валится! — обижено пропыхтел второй агрессор.

— Это когда обычная баба, то само в руки. А свеженькая стихийница — это сырцом в морду, — заржал наш провожатый. — Они ж опасны для себя и окружающих, как мартышки с фаерболом! Женщины и стихийная магия... — Тут он как-то нервно передернул плечами и повернулся к нам: — Пошли, малявки, нечего слюни пускать. Вам охота за девками точно не светит, свои задницы скоро защищать придется.

И тут, значит, охотятся, только в городе «по-людски», в храм потом ведут, а здесь на приبلудных не женятся, только к себе тащат и магии лишают. Вот уроды! Мы поднялись еще на этаж и остановились, — лестница шла дальше и упиралась в закрытую дверь. Чердак, наверное. В упор же на нас смотрела дверь с надписью «Деканат начальных курсов», а за спиной красовалась узенькая дверца с прикрепленным панно «писающий мальчик». Голый писающий мальчик. Тимка хмыкнул, а я горестно вздохнула — вдруг резко захотелось навестить этого мальчика...

— Подождите меня, а? — быстро проговорила я и дернулась к двери с панно.

— Эй, ты куда, — сопровождающий нас парень сначала попытался меня удержать, потом понял, куда именно я рвусь, и махнул рукой: — Только быстро, пацан... Не рассусоливай там.

Я быстро закивала. Главное, чтобы за дверь с мальчиком за мной никто не увязался. Хотя тут было три кабинки с дверцами слева, и целых четыре умывальника с зеркалами — справа. Я опасливо приоткрыла одну из кабинок и заглянула. Там стоял высокий, мне по колено, короб... Только не деревянный, а отделанный чем-то, похожим на керамическую плитку. В центре короба была дырка... дыра... черная... в никуда. А на стене висело что-то напоминающее стульчак, только со спинкой и подлокотниками. Уютная штука оказалась! Так бы сидела и сидела...

— Эй, ты там что, провалился?! Или прочищаешься со страху? — голос нашего сопровождающего вывел меня из состояния нирваны, я быстро натянула джинсы, одернула футболку и с непринужденным видом выползла к умывальникам, где меня уже поджидали.

— Кресло за тобой личная прислуга вешать будет? — ехидно поинтересовался парень. Пришлось возвращаться обратно в кабинку и вешать бандуру на место. Потом снова мыть руки под суровым взглядом нашего проводника.

— А теперь, шкеты, за мной! — произнес он, постучав и прослушав приглушенное «войдите!».

И мы вошли в деканат...

— Лэр Гальторе, еще новенькие.

— Спасибо, Роджер, можете идти.

«Лэр — это, наверное, аналог сэра», — пронеслось у меня в голове, пока я изучала кабинет и стоящего у окна высокого стройного мужчину, очень сильно неопределенного возраста. По фигуре и быстроте движений ему можно было бы дать не более тридцати, а вот морщины на лице намекали уже лет на сорок, а то и больше. На его светло-синей жилетке очень красиво смотрелась белая эмблема — монограмма из трех букв и перекрещенные меч и молния.

— Так-с, мир магический или этот... как его, — мужчина, так же пристально изучающий нас с Тимошкой, напрягся, потом все-таки вспомнил: — Техногенный, твою ж ты... Откуда принесло, короче?

— Техногенный, — пролепетала я, чувствуя, как на лице появляется улыбка, а в душе — надежда.

Даже буквально только что услышанный разговор о девушках, которых почему-то никуда не отправляют, а оформляют и учитывают, стерся из памяти. Мало ли зачем их учитывают перед возвращением? От волнения я схватила стоящего рядом Тимку за руку и выпалила — А вы нас обратно отправите, да?

— С радостью! — фыркнул мужчина, снова как-то уже более витиевато и не совсем понятно выругался и уточнил: — Только не получится.

Мы с Тимом переглянулись и горестно вздохнули, а потом оба уставились на лэра Гальторе, ожидая пояснений. Может, потом получится. Может, у них просто сегодня погода не летная. Может... В общем, еще раз порыдать и попаниковать всегда успею. К тому же лучше это делать без посторонних, считающих меня парнем. Да и с Тимки уже хватит моих истерик, ему и самому есть о чем погрустить и о ком повспоминать.

— Вас к нам уже после определения магического дара отправили или просто послали в самом дальнем направлении? — поинтересовался декан.

— После определения, — я, закусив губу, еще сильнее сжала Тимину руку, всем своим видом выражая решительное нежелание расставаться. И эта решительность сжигала комки липкого страха, расшвыривала их в разные стороны и освобождала наследственную безбашенность. Если сейчас у меня попытаются отнять Тимоху — прольется чья-то кровь...

— Отлично. Что ж, давайте повторим на всякий случай. Определим вашу магическую частоту и стихию, и пойдете вы, молодые люди, грызть гранит науки.

— Какой-такой науки? — с подозрением в голосе уточнил Тимка.

— Боевой, молодой человек. Поздравляю, вы прибыли в Академию Боевой Магии. Элитную академию, прошу заметить! Однако что вам до этого... Хорошо, хоть не орете, как некоторые, и не воете, как девки.

— Боевой?.. — прошептала я, чувствуя, что сейчас ножки у меня подкосятся, и я позорно сяду на пол. Зато стало понятно значение и порядок букв в монограмме. Не «БАМ», как я прочла вначале, а «АБМ». Хотя в текущей ситуации именно «бам!».

— Стулья сзади, — кивнул декан в угол между большим шкафом и подоконником. Там, друг за другом, стояло несколько деревянных стульев. Тимка отошел и взял два, мне и себе. Мы поставили их возле стола, боком, и плюхнулись на них почти лицом друг к другу, но так, чтобы и лэра видеть, естественно.

— Так-с... — мужчина достал уже знакомый нам ящик водрузил его перед нами на стол. — Просовываете руку в щель...

Но тут в кабинет ввалилась странная парочка — девица, явно, иномирная и сопровождающий ее местный старожил.

— Лэр Гальторе, девка. Еще позавчера прибыла, оказывается. Еле отбил!

Коротенькая пышная юбочка-колокольчик, белая блузочка с рюшечками вдоль пуговиц и на манжетах, остроносенькие туфельки на небольших каблуках. Тугие хвостики длинных волос по бокам, накрашенные ресницы и подведенные губы. Смотрелась эта экзотическая птичка в аскетично заваленном кабинете декана красиво и неуместно. «Хорошая косметика, даже не размазалась за три дня», — оценила я мысленно, внимательно разглядывая девушку. Вообще, вид у нее был вполне довольный жизнью, как и у ее спасителя. Ох, сдается мне, это он ее от себя и отбивал...

— Молодец, Чезанно, спасибо.

Судя по скептическому выражению лица у декана, он тоже сомневается в точности описываемого подвига. Хотя добровольно отказаться от такой добычи — тоже свершение, требующее силы духа.

— Вы б ее протестировали быстро, а я потом провожу к остальным, — предложил парень, зыркнув в нашу сторону. — Девка же... Пристанет кто по дороге.

Лэр Гальторе натянул на лицо ухмылку, которая, наверное, должна была выражать одобрение поведению Чезанно, и пододвинул ящик поближе к девушке:

— Прошу вас, лэра.

Распределитель пожужжал, переваривая считанную информацию, и на экране засветились две полосы: синяя и золотая.

— Ну, что ж, у вас есть целительский дар, так что пойдете в целители, — радостно объявил декан. Потом повернулся к парню: — Проводите ее к лэру Алюменио.

— Уф, — выдохнул он, когда дверь за странной парочкой закрылась. — Пусть Сеттимайо с этим чудом выкручивается. Какой из нее боевик? — мужчина посмотрел на нас, как бы ожидая поддержки: — Только отвлекающий фактор! Лучше уж лишить магии и в ближайший город перекинуть. Замуж, срочно замуж!

Я промолчала, потому как из меня боевик тоже, наверное, будет не самый хороший, с моей-то природной вспыльчивостью и перепадами настроения. Да и Тимка... Хотя характеры у домовят разные бывают, как и у людей. Это у них призвание — за уютом и порядком в доме следить. А задира ты при этом или тихоня — не так уж и важно. Просто Тимоха был спокойный и надежный, как скала. Ну, язва, конечно, временами. Добродушная язва. Тут в кабинет быстро вошел мужчина, явно, старше декана. По фигуре и осанке это было не слишком заметно, а вот по количеству морщин на лице... Нет, он все равно был очень красив, просто потрясающе красив! Для дедушки... И сверкающая золотая эмблема с БАМом тоже сразу привлекала взгляд.

— Лэр Сеттимайо? А я к вам очередную жертву отправил, — с интонацией нашкодившего мальчишки сообщил ему лэр Гальторе.

— Надеюсь, в ней магии жизни больше, чем в предыдущем твоём протеже, — хмыкнул дедушка и нахмурился, глядя на меня. Потом морщины на лбу у него слегка разгладились, особенно когда он изучил Тимку. Даже улыбнулся ему, едва заметно. — Паренька этого оставь, — махнул он рукой на Тимошку. — Скорее всего, это — будущий игрок, помяни мое слово.

Я насторожилась, потому как Тимоха азартными играми никогда не увлекался. И что именно они там под словом «игрок» понимают, интересно?

— Нет, с этой все честно, — мне показалось, что наш декан слегка покраснел после упоминания о предыдущем протезе. — Думаешь, «игрок»? Ну, тебе виднее, ты у нас прошлую битву пережил.

Я мысленно вздрогнула, вспомнив, что уборщицы в мэрии упоминали о повторях раз в пять сотен лет. То есть дедушке этому несколько побольше? Убиться плеером!

— Не надо путать возраст и интуицию, — недовольно пробурчал дедушка. — Проверь мальчишку. Уверен, он ни разу не стихийник. Хотя выкинуть его отсюда тебе не только я, но еще и вот это тощее не позволит, — и старик кивнул в мою сторону.

Я сконцентрировалась и приготовилась к драке. Здравый смысл еще пытался вяло сопротивляться, но накопившаяся за этот вечер агрессия рвалась на волю. Кто-то должен был ответить за все, что с нами произошло... Пусть это будут не совсем те, кто в этом виноват, но они, явно, причастны к случившемуся и понимают, что здесь творится. Да, глупо рассчитывать на что-то, оказавшись между двух магов, ну и пусть... Мои всплески безбашенности никогда не случались под воздействием разума. Тот всегда был против или просто не вмешивался. Тимоха, отреагировав на кивок декана, привстал со стула и, осторожно освободив свою руку из моего пальцевого захвата, пропихнул ее в ящик. Три мужских головы склонились над экраном, ожидая результата.

— Ха! — победно выдал дедуля.

— Шестьдесят процентов — хороший результат, — не сдался наш декан.

— Боевой бытовик?! — ехидно усмехнулся вредный старикашка. — Мальчишка — отличный деревенский маг, мечта просто! А его к нам занесло.

Я чуть было не заорала, что это не его к ним занесло, а он за мной сюда сам пришел, потому что мы вместе! И ни в какую деревню Тимка не пойдет, фиг вам! Но посмотрела на Тимошку и заткнулась. Скорее надо придумывать, как бы мне с ним в ту деревню... Только ведь с тоски помру. Но и здесь ведь не выживу... Особенно без Тима. И настаивать, чтобы он ради меня остался — жестоко. Мы ж не знали, что это за Надзихар такой, когда сюда через портал шагали. Теперь — знаем. И тут нам точно не место, нам, вообще, в этом мире — не место.

— Верните нас обратно, пожалуйста?! — умоляюще посмотрела я на

обоих магов, одновременно оттаскивая Тимку к себе за спину. Пусть эгоистично, но или вместе тут останемся, или вместе в деревню. Поодиночке выживать я точно не согласна!

— Да не можем мы! — рыкнул, выругавшись, лэр Гальторе. — Межмировые порталы у нас заблокированы, ясно? Чтобы не сбежал никто, особенно сейчас, когда у нас очередная битва света и тьмы намечается. Вот им можно порталами пользоваться и из других миров бойцов брать, но только определенное количество. Они вас и перекидывают, а чтобы запутать — хватают и тех, кто к битве, вообще, никакого отношения не имеет. И ведь ладно бы после битвы обратно отправляли — нет, все, кранты! Воинственно-агрессивный настрой снова сменился желанием забиться в уголочек и тихо поплакать по поводу своего подозрительного везения. Я-то, дурында, не на битву шла, а за гадом своим намагниченным. И Тимоху с собой притащила... А теперь тут намекают, что это Тим — боец, а я мимо проходила, типа разносчик пиццы, которого с пиццей вместе захватило. За компанию.

— Так, ну что, у вас-то какая магическая составляющая? Или вы с другом за компанию к нам попали? — декан, высказавшись и выдохшись, упал на свой стул, а дедуля продолжал нависать над нами, заинтересованно рассматривая Тима.

И вот мало того, что это его упоминание про компанию прямо как из моих грустных размышлений выскочило. Мало того, что Тимохе настойчивое внимание старого лэра абсолютно не нравилось, и он всем своим видом это демонстрировал, но его игнорировали. Мало того, что... Короче, не так уж и мало у меня накопилось претензий к этому миру, так что не удивительно, что я вспыхнула.

— Точно! За компанию! Не можете обратно в наш мир, значит, отправляйте в деревню! Ваша гребанная битва нам не обделалась! Вот еще, бойца на халяву нашли! Фиг вам! Не будет Тим ни с кем биться, поняли?! Он — домовый, а не боевой!

Ну, и в запале рукой махнула, чтобы кулаком по столу стукнуть. А тот бац и... вспыхнул. Весь. Вместе с ящиком, книгами и документами. Хорошо, что оба мага, явно, ожидали нечто подобное, потому что сразу все снова стало, как было, словно галлюцинация у меня случилась, яркая такая, с запахами...

— Огненный сырец, — констатировал лэр Гальторе. — Ни в какую деревню я вас, молодой человек, не отпущу. Необученный огненный маг, да еще с вашим темпераментом — это...

— Мартышка с фаерболом, — подсказала я, опустошенная этой

странной вспышкой, опустив голову и старательно сверля взглядом пол.

— Да, примерно, — усмехнулся наш декан, переглянувшись со стариком. — Но уровень магии я бы хотел оценить не только по выбросу силы, но еще и с помощью артефакта.

Я уловила намек и пропихнула руку в ящик, подождала, пока он нафырчится, и только после уважительного присвистывания обоих мужчин посмотрела на экран. Красная полоса, надпись «100 %». Ничего нового.

— Хорошо в деревне летом, — задумчиво констатировал старик. — Чистый стопроцентный огневик, это и среди наших студентов редкость.

— Что именно редкость? — заинтересовалась я. — Сто процентов вон и у Тима есть. Серенького.

— Се-е-еренького, — ехидно протянул вредный дедок. — Серенькое — оно безобидное, его, чем больше, тем лучше. А уж вместе с зелененьким — так вообще... Иех! Прямо даже не знаю, куда бы тебя, парень... Вот я — старый болван! — у пожилого лэра эта реплика вышла настолько эмоциональной, что я едва сдержала улыбку, хотя только что злилась, аж пар из ушей. В буквальном, по-моему, смысле слова.

— К ведьмам? — понимающе подмигнул ему декан.

— Точно! К ним самым.

Мужчины заговорщицки переглянулись и уставились на нас, а мы, с подозрением, на них.

— Тут к нам небольшую группу женщин-магов перенесло, — подозрительно спокойным голосом пояснил лэр Гальторе. — Сразу пятерых. Так они сразу из магического мира, сто процентные природницы, и у каждой дополнительно или вода, или земля, или воздух имеется. Только у нас природный дар — мирный, а они его как боевой могут использовать. Парней наших спеленали, как младенцев. Хорошо среди ребят огневик был, смог им достойно ответить, а то б совсем позорно получилось, — судя по кислой mine лэра, проигравшим парням потом еще и от него досталось, причем конкретно. — Вот если сумеете с ними договориться, то они из вас, молодой человек, такого боевика сделают, загляденье!

— То есть это мы сами с ними договориться должны? — уточнила я, чувствуя, что нас, явно, где-то кидают, причем с размаха и об стену.

— Ну, с нами они через зубы разговаривают, — неохотно признался «старый болван», а как по мне, так старый хитрец, которому ужасно хочется выведать чужие магические секреты, но с ним самим ими делиться никто не рвется. Вот он и решил подложить, в смысле, предложить этим женщинам Тимошку.

— Но с вами поговорят, я уверен, — ухмыльнулся этот странный

старый лэр.

— Это еще почему? — насторожилась я, но, наткнувшись на его ехидную ухмылку, решила не углубляться в уточнения. Подозреваю, он догадался, что я девушка.

— Селить вас вместе? — перешел к более практическим вопросам наш декан.

— Угу, — кивнула я, отвернувшись от тихо фыркнувшего себе под нос деда.

— Как вас зовут?

Я ответила за нас двоих, приписав Тимке свою фамилию. Старичок на этот раз не фыркал, и взгляд у него слегка смягчился. Похоже, поверил, что мы брат и сестра. Вот и отлично, будем придерживаться легенды о том, что мы родственники.

— Значит так, поселю я вас в общежитие для огневигов и некромантов. Там огнеупорное все, и огнетушителей больше. По-хорошему, вас, вообще, к водникам надо, но жалко. На первом этаже нужной башни найдете коменданта, ваши ментальные снимки я ему уже отправил. Получите значок, форму, постельное, узнаете, в какой блок заселяться, и идите в столовую. А то ваши желудки так гневно урчат, что мне за них страшно, — усмехнулся лэр Гальторе. — Но завтра с самого утра на курсы для новичков. Оба. Как научитесь управлять сырцом, тогда по стихиям делить будем, а пока пришлось создать подготовительный факультет, — судя по тону, радости наш декан от этого не испытывал. — А вы, молодой человек, никому о своих способностях к бытовой магии не говорите, а то станете еще более популярны, чем маги женского пола, — посоветовал он напоследок Тимке, буквально процедив последние два слова.

Глава 4. Заселяемся

Сначала нам пришлось спуститься на два этажа вниз, из-за разницы в высоте центральной башни и «туннелей», связывающих ее с угловыми. Потом мы свернули с большой круглой лестничной площадки в левую заднюю дверь с надписью «седьмой корпус».

Пока шли по коридору, наблюдали за активными признаками студенческой жизни: выходящими или входящими в аудитории, или просто шагающими по своим делам парнями разного возраста — от откровенных первокурсников, восторженно порхающих из двери в дверь, до степенных старших, с ровными спинами, широкими плечами и заметными, даже под широкими рукавами рубашек, мускулами.

«А я люблю военных, красивых, здоровенных...» — тихо пропела я себе под нос, стараясь не слишком активно крутить головой в разные стороны. Все-таки когда ты неожиданно попадаешь в такой мачо-цветник, не грех и полюбоваться. К тому же, я по природе своей всегда была больше охотница, чем добыча, и парней предпочитала выбирать себе сама, лишь иногда интересуясь мнением Сашки с Артуром. Но, как говорится в дамских романах, самое ценное я пока еще никому не подарила. Целоваться — целовалась, обниматься — обнималась, даже... хм... один раз уже думала, что все, сейчас, наконец, «подарю», но в последний момент все же передумала. Может, и зря... Вот раскусят они тут, что я девушка, и как накинутся! И вместо романтического вечера при свечах, получу...

Хотя не-е-ет! Это они у меня все получают! Я ж стопроцентный огненный маг в первом поколении, так что фигу им под нос, а не меня. Да и Тимка в обиду не даст...Я посмотрела на идущего рядом Тимошку и вздохнула. Он-то, может, и не даст, только кто ж его тут спрашивать будет. Бытовик-боевик, да еще без всякого магоопыта...

— Иех, ламеры мы с тобой, Тимка, — горестно вздохнула я. — Маголамеры.

— Да и ладно, — отмахнулся от меня домовенок. — Поймаем этих теток-природниц, договоримся, и они меня обучат, — на слове «обучат» Тимоха запнулся и тоже горестно вздохнул. Учиться мой домовый не любил и, по возможности, старался от этого дела увилить. Точнее, не так, практическое обучение, на примерах — пожалуйста, а теория с чтением книжек — это уберите и никогда не показывайте. Тим и читать-то с трудом выучился, если верить рассказам его матушки, изредка навещавшей

«малыша». Ну вот, зря я ударилась в воспоминания о Тимошиной родне, надо срочно сосредоточиться и подавить позывы в очередной раз захлюпать носом. Поэтому я снова принялась изучать брутальных красавцев. Логично предположить, что разноцветные значки, как и пришитые эмблемы на жилетках, несут определенную информацию о стихиях, которыми владеют хозяева жилеток. Например, приведший нас Роджер был обладателем синего значка, а на альтруисте Чезанно красовался белый, а сейчас у меня перед глазами мелькали и синие, и белые, и красные, и коричневые, только все они были перечеркнуты жирной черной молнией справа налево. Интересно, что такой значок означает?

— Извините, вы не подскажете, мы правильно идем? Нам в третью башню... — поинтересовалась я у первого встречного парня, когда коридор, в итоге, закончился тупиком, и мы с Тимкой уже пару минут раздумывали, какую из ближайших дверей попробовать открыть — слева или справа.

— Новенькие, да? — дружелюбно улыбнулся нам черноволосый юноша с несколько крупноватым для его лица носом и слишком тонкими губами. Да, фигуры тут у всех, как на подбор, а вот с лицами — как повезет. Но конкретно этот парнишка все равно был довольно симпатичным, наверное, из-за темно-серых глаз, обрамленных пушистыми черными ресницами.

— В общаги вход во всех корпусах слева, — стоя лицом к тупиковой стене, он махнул левой рукой в сторону нужной двери. — Я сам в первые дни путался.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я, радуясь, что скребущиеся на душе кошки отступают и прячутся. Знаю, что на время, но хоть так...

Нет, три истерики подряд — точно будет перебор, даже со скидкой на мою половую принадлежность. Вот по голове кому-нибудь настучать — это больше на меня похоже, а убиваться, когда все живы и здоровы, глупо и бесперспективно. Именно — живы, здоровы, а сейчас еще будем сыты, обуты, одеты и спать уложены, и не на улице, а в общежитии. Так что объявляем лимит рыданий Тимке в жилетку исчерпанным! Нет ничего более страшного, чем вечное себяжаление и сидение на чемоданах в ожидании гипотетического счастья. Если уж судьба зачем-то занесла нас сюда, значит, будем жить здесь. Не выживать, а жить! Полноценной деятельной жизнью. Не сдаваться обстоятельствам полностью и искать возможность вернуться обратно, само собой. Только не так, чтобы именно этот поиск и стал нашей главной целью. Вот уж чего не хочу, так это амебного существования во имя какой-то фанатичной идеи. Вообще,

больше амёбного существования не хочу — мне девяти школьных лет хватило. Теперь только активно, энергично, ярко, интересно... Огненный маг?! Отлично! Значит, будем зажигать!

— Спуститесь на первый этаж, увидите артефакт, почти как тот, которым вас на магические частоты проверяли. Вставьте в него ладонь, и комендантская откроется. Дальше сами разберетесь... — проинструктировал нас добрый местный самаритянин.

— А комендант? — удивилась я. — Разве можно без коменданта?

— Так этот артефакт — комендант и есть. Если ему ваши ментальные снимки отправили, значит, он вас впустит, — просветил нас парень. — Лэр Гальторе забыл вас предупредить?

Я немного обиженно кивнула. Хороши бы мы были, прыгая вокруг двери в поисках коменданта.

— У него сейчас из-за притока иномирцев проблем раз в десять больше, чем обычно, вот и забывает иногда, что вы элементарных вещей не знаете. А мы тут уже привыкли. Восьмой дюжник свал идет, причем часть сразу прямо перед воротами выпадает, а часть через портал приходит. Так что подготовительный факультет у нас уже приличный, — парень очень по-доброму улыбнулся, и мне сразу захотелось улыбнуться ему в ответ. Вообще, несмотря на то, что он был весь темный и смуглый, от него шло удивительно сильное внутреннее сияние. И значок у него был странный — черная молния на золотом фоне.

— А золотой цвет — это какая стихия? — не удержавшись, поинтересовалась я.

— Магия жизни, — снова улыбнулся парень. — Я сочетаю в себе практически несочетаемое — магии жизни и смерти.

— А-а-а, — протянула я с умным видом, еще немного полюбовавшись на значок, да и на всего парня целиком. — Рин, — решила я, наконец, протягивая ему руку.

— Роберто, — представился он и осторожно сжал мою ладонь своими пальцами. — Можно Робби.

— Тим, — домовенок последовал моему примеру и обменялся рукопожатием с нашим новым знакомым.

— И что, оба огневики? — заинтересованно уточнил Робби, которого уже пару раз окликнули из аудитории неподалеку.

— Нет, огневик — я, а Тим — маг земли, но мы братья, так что нам разрешили поселиться вместе, — пояснила я.

— Понятненько, — хмыкнул парень. — Ладно, было приятно познакомиться, но у нас практика, так что мне пора, — и он кивнул в

сторону двери, из которой в очередной раз высунулась чья-то голова. — Встретимся в столовой.

— Хорошо, — улыбнулась я. — Еще раз спасибо за помощь.

— Без проблем, — ухмыльнулся Робби и побежал в аудиторию. А мы побрели по лестнице вниз, к комендантской.

Артефакт нас признал и внутрь запустил. А там... Сами разберетесь, да?! Нет, запустили нас в комендантскую сразу, стоило лишь руку в ящик пропихнуть, и проходи. Правда, дверь не открылась, пока мы оба ей не представились. А на экране ящика оба раза загорались одни и те же странные цифры: «3105».

— Три — это башня, наверное, — сделала я гениальное предположение, посмотрев на номер, висевший на двери в комендантскую комнату. Триста одиннадцать. — Третья башня. Первый этаж. Первая комната. Логично же? Значит, у нас...

— Десятый этаж, — очень недобро усмехнулся Тимоха и с сочувствием посмотрел на меня. Не люблю я по лестницам подниматься. У меня дыхания, как ни тренировалась, все равно на длительные нагрузки не хватает. Пробежать быстрее всех? — запросто, но недалеко. Если долго, то лучше пристрелите на месте. С разбега на третий-четвертый этаж — легко, а если выше, то готовьтесь, что на пятом-шестом я поползу по перилам, медленно и печально. С драками то же самое — через пятнадцать-двадцать минут выдохнусь и упаду сама, в тенечке. Доктора на мои спортивные потуги поглядывали с осуждением и рекомендовали, если я хочу жить подольше — читать побольше, сидя на лавочке. А меня все время тянуло на приключения, особенно после знакомства с Сашкой, когда появился стоящий напарник. Так, спокойствие! Воспоминаниям отвалить в сторону и не отвлекать! У нас тут логическая головоломка... Хотя чего уж, если бы был первый этаж и пятая комната, написали бы: «315». Так что...

— Ну, и черт с ними, — буркнула я. — Десятый, так десятый. Наверняка тут хитрость какая-то есть. Раз мы маги, значит, должны уметь левитировать, так что поползаю какое-то время, а потом будем порхать, как мотыльки.

Тимоха развеселился, толкнул дверь в комендантскую, и мы вошли за остальными полагающимися нам вещами. Стеллаж с постельным бельем, расфасованным в прозрачные упаковки по комплектам, мы нашли сразу.

— Как в магазине, — довольно фыркнул Тим.

А вот с формой пришлось повозиться. Она у них тут оказалась вся одного размера, и этот размер был, явно, не мой. Сапоги сорок второго на мой тридцать шестой. Штаны с талии сваливаются и по длине по полу

волочатся. Рубаха — ну, хоть пугалом в огороде работать нанимайся, от заказчиков отбоя не будет. С жилеткой такая же печаль. А ведь на всех встреченных нами сегодня студентах форма сидела просто идеально! Значит, что? Значит, нам опять забыли сообщить что-то банальное для местных, но непривычное для нас.

Я огляделась по сторонам несколько раз, прежде чем мое внимание привлек шкаф. Нет, я его сразу заметила, но просто стоит себе шкаф и стоит, мало ли... А тут пригляделась и увидела уже практически стертую надпись на двери: «Примерочная». Заходить туда первой было страшно, но проталкивать вперед Тимку — нечестно. Он меня в портал на Надзихар затаскивал, поэтому теперь моя очередь быть храбрым первопроходцем. Так что я залезла в шкаф под нервное хихиканье Тимохи, у которого с одеждой была строго противоположная проблема — рубашка со скрипом еще как-то натянулась, а вот жилетка, явно, готовилась разойтись по швам. Ничего страшного со мной не произошло. Магическая техника поурчала, пошкворчала и распахнула передо мной двери, намекая, что могу смело вываливаться.

— Вах! — выдал Тим, оглядывая меня с ног до головы. И тут же сам прыгнул в чудо-шкаф. Да, «примерочная» сработала идеально, — на мне все сидело так, будто на меня и сшито. Вышагнувший из шкафа Тимоша тоже выглядел, как приодетый на заказ в дорогом ателье.

— Ну? Чисто жених! — засмеялся он, скопировав по интонации домовенка Кузю из довольно популярного у нас мультфильма.

— Слушай, я тут по полкам пробежалась. Нам еще домашняя одежда и обувь полагается, труселя семейные и, может, еще один комплект формы, про запас, сразу захватим?

Домашними, я назначила штаны из более тонкой ткани и что-то типа футболок, только с вырезом на груди. Может, это у них как нижнее белье идет, не знаю, но я решила взять парочку, чтобы спать не голой, раз мы с Тимкой в одной комнате. А роюсь в «труселях» я нарыла еще и смешные рубашки, длиннющие. Они были припрятаны в самом низу, и рядом с ними валялись такие средневековые бриджи, к счастью без рюшечек. В итоге, я решила, что и этот ужас надо взять — вдруг пригодится? «Труселя», даже подогнанные по размеру, смотрелись на мне, как шорты. В бриджах и футболке я и в нашем мире вполне бы естественно выглядела, скажем, для пляжа. Цветовая гамма, правда, подкачала — в наличии был только белый. А при виде меня в ночнушке, Тим упал на пол от хохота. Сам он тоже набрал себе семейников на недельку, а так же по паре шорт, футболок, тренировочных штанов и форменных комплектов, как и я. Ну, и еще сапоги

и кеды без шнуровки, которые мы дружно обозвали домашними тапочками.

— Пойдем искать столовую? — предложил Тимоха, когда мы, наконец-то, выдохлись и посчитали себя приодетыми и приобретенными. Оценив количество набранного нами добра, я отрицательно замотала головой.

— Сначала подвиг! — объявила гордо, сама себе поражаясь. И мы пошли его совершать...

Правда, при виде крутизны винтовой лестницы, уходящей ввысь, и вспомнив высоту этажей, я на некоторое время зависла, с ужасом прикидывая, что этот подвиг мне придется совершать каждый день и, возможно, даже не один раз.

— Смотри на ступени или не смотри, а крутиться они не начнут. Это тебе не эскалатор, — хмыкнул Тим и подтолкнул меня вперед: — Давай, перебирай ногами, не бойсь! Если что — я сзади, будешь падать — поймаю.

Вот ведь, пользуется тем, что я высоты боюсь и выделывается. А сам эскалатор-то только в фильмах и видел! Домовые не могут ездить в общественном транспорте, как обычные люди или оборотни — слишком уж они маленькие, затопчут и не заметят. Но у них есть какие-то свои тайные пути и тропы, и еще я где-то слышала, что они на вениках летать умеют. Вот бы нам сейчас сюда летучий веник...

— Тим, а ты на метле летать умеешь?

— Я тебе что, Баба Яга, что ли?

— Не, та в ступе летала, а на метле — ведьмы.

— Не знаю, хозяйюшка, где ты ведьм встречала, разве что в зеркале. А я даже в самолете никогда не летал, все на своих двоих обычно или у тебя в кармане.

— Точно, Тимк, пришло время отдавать долги! Давай я к тебе в карман...

— Ага, тоже мне, чего удумала! Как ты сама недавно объявила, я не боевой, а домовый. Так вот, я и не ездовой, понятно?

— Жа-а-аль...

Так вот, с шутками и прибаутками мы добрались до шестого этажа, и я поняла, что сейчас вот тут, повиснув на перилах, и сдохну. Тимошка тут же сострил про загнанную лошадь, получил от меня ленивый тычок локтем под ребро, но потом терпеливо подождал, пока я отдышусь, и даже не ехидничал, пока я преодолевала последние подступы к вершине. Лестничной площадки, как в центральной башне, здесь не предусматривалось.

Еще до посещения комендантской, мы перешли на третий этаж

общежития из длинного помещения с аудиториями, которое я про себя упорно продолжала называть туннелем и через не очень широкий коридор попали в прямоугольный зал внушительных размеров. В этот зал выходили еще восемь дверей, и расходились три коридора, два из которых тоже заканчивались дверями. На одной такой двери висела табличка «третий корпус», на другой — «второй корпус». Ну, а на той, через которую мы прошли, естественно — «седьмой корпус». Вот ведь лабиринт какой! И еще, получается, что стены замка, соединяющие угловые башни между собой, тоже являются корпусами. Интересно... Было... Особенно отметив, что точно так же все устроено не только на третьем, но и на втором, и на первом этажах. Ну, а в центре зала находилась та самая винтовая лестница, по которой я сейчас ползла вверх. Надо заметить, что вниз по ней спуститься было гораздо веселее!

На десятом этаже, которого я, наконец-то, с трудом достигла, все узенькие коридорчики заканчивались тупиками. С седьмым корпусом все понятно, ведь туннели, соединяющие центральную башню с угловыми, всего лишь трехэтажные. А вот корпуса, являющиеся одновременно стенами башни, должны быть раза в два повыше, насколько я запомнила. Но не важно, до десятого этажа ни один корпус не дотянул.

Но восемь дверей в наличии имелись. Мы нашли ту, на которой был номер «3105». Висевшему под ним ящику хватило только моей руки. Ясно, сюда гостей с собой приводить можно, а вот в комендантскую чужих — нельзя.

Я ожидала всего, чего угодно — от двух-четырех коек вдоль стен, до двухъярусных кроватей в девять рядов. Однако мы оказались в просторном коридоре. Не считая входной, в этом помещении дверей было семь. Слева две более узкие. На одной уже знакомый мне голый писающий мальчик, на второй этот же мальчик, принимающий ванну. Отлично. На единственной двери справа висело панно, где был уже одетый мальчик с огромной ложкой в руке. Супер, вообще! Четыре одинаковых двери, напротив входной, были вновь пронумерованы, а между ними красовались два дивана. Понятно, почему декан все это называл блоком. Отдельный блок, или коммунальная квартира еще можно.

— Тима, какое счастье, что у них тут такие же цифры, как у нас, — выдохнула я, падая на один из них, призывно манящий и соблазнительно уютный.

— Думаю, скорее всего, мы просто стали понимать их цифры, и, уверен, их буквы тоже, — недовольно пробурчал Тимоха. Очевидно, тема букв навела ему мысли о книгах.

— Естественно, мы же смогли прочесть слово «корпус», — если бы Тим не стоял в этот момент ко мне спиной, я бы показала ему язык.

Но ему хватило сил и любопытства заглянуть в одну из пронумерованных дверей, и он отчитался:

— Там спальня. Кровать, тумбочка, стол, стул и шкаф.

Я одобрительно кивнула, чувствуя, что еще немного, и засну прямо на диване. Чего-то мы сегодня все ходим и ходим... То по городу, то по замку, то по лестницам. И впечатлений, опять же, масса. Так что у меня лично устало все — и тело, и мозг. Но тут Тима нашел унитаз. Дикий ржач, извещающий об этом, придал мне сил, и я смогла заставить себя подойти посмотреть на развеселивший моего домовенка предмет интерьера.

— Кресло для заседаний? — простонал он сквозь всхлипы.

— Для раздумий о смысле жизни, — фыркнула я. — И этот трон у нас на четверых, так что лучше сильно в философию не погружайся, а то еще засосет!

— Думаешь? — Тимка заглянул в дыру и задумчиво почесал затылок. — Слушай, а как оно прочищается?

Ну, понятно, кто про что, а домовой про порядок в доме.

— Раз нам ничего об этом не сказали, то это не наша проблема, — все еще недовольно пробурчала я.

— Ага, а как всплывет все, так и будет наша! — недоверчиво продолжал изучать дыру Тимоха.

— Расслабься, у нас последний этаж. Пока досюда наполнится, уж точно кто-нибудь да спохватится, — успокоила я Тима.

— Не завидую я тем, кто на первом, — констатировал он и перешел в ванную комнату.

— Фарфоровое корыто, Рин! — заржал он снова, уже оттуда.

Да, ванна, и вправду, выглядела так, будто ее из фарфора сделали. Даже залезать страшно. Но смеситель был один в один как у нас, горячая и холодная вода соединялись в теплую, на полочке стояли баночки с шампунями и гелями, а на полочке над умывальником — стакан с зубными щетками и пастой. И даже четыре полотенца висело, пронумерованных, как и зубные щетки.

— Так, ну что, моя первая, твоя вторая? — я заглянула в обе комнаты по очереди и убедилась, что они ничем не отличаются. Только зеркально отображают друг друга.

— Ага, а потом в столовую, — бодро согласился Тимоха, и у меня тут же все упало. И постельное, и кипа одежды, и настроение.

— Не, знаешь, я это...

Но глядя, как взгляд Тимохи становится все более и более обиженным, а брови хмурятся все более и более сурово, я с обреченным вздохом кивнула. Он ведь вон, ради меня, в Академии остался. Что же я, ради него, до столовой не дойду? К тому же, спуститься то, я спущусь запросто, а подниматься потом можно будет медленно, плавно. Опять же, там, в столовой люди, с ними можно будет поболтать, узнать что-нибудь... Это я в школьные годы была не очень общительной, потому что общаться было практически не с кем. А в институте я весь первый курс вела довольно активный образ жизни, перезнакомившись даже с народом с соседних факультетов. И здесь я собиралась тоже продолжить этот интересный эксперимент, ведь нам же нужна информация и о мире, и магии, и о битве этой, чтоб ее... Так что, чем больше источников, тем лучше.

Глава 5. Ну вот, поели...

Найти столовую самостоятельно мы бы, наверное, смогли, но не скоро. К счастью, когда мы шли вниз, то наткнулись на группу местных аборигенов, поднимающихся вверх, и от них-то и узнали, что нам надо в пятый корпус. «Это через седьмой, в централку, а там на первый этаж и в пятый». Поблагодарив, мы спустились до третьего этажа, прошлись вновь по седьмому корпусу и перешли в пятый. Активность вокруг была уже довольно вялой, разноцветные жилетки теперь мелькали не по всему коридору, а концентрировались в нескольких аудиториях. В пятом корпусе на встречающихся студентах красовались, в основном, коричневые значки, но была парочка с синими. На меня эти два явных первокурсника посмотрели с некоторым подозрением, но от комментариев воздержались.

Мы с Тимохой сглупили, и, вместо того чтобы спуститься на первый этаж через центральную башню, как нам и посоветовали, прошли весь третий этаж пятого корпуса, перешли в общагу магов земли и только потом сошли вниз, вернулись обратно в пятый корпус и, наконец-то, оказались в столовой. К тому моменту я уже тихо всех ненавидела и не отказалась бы проверить, может быть, из меня получится неплохой каннибал? Тем более мясо сырым есть бы не пришлось, с моими новыми талантами... Интересно, а я смогу научиться дышать огнем, как дракон? Или только руками махать и столы воспламенять?

Кстати, о столах... В столовой их было шесть — два ряда, по три в каждом. Длинные-предлинные. И такие же длинные лавки. А еще толпа народу, прямо глаза разбегаются. На нас этот народ посматривал спокойно, наверное, потому что мы уже не так сильно от них отличались, — на мне были темно-синие форменные штаны и жилетка сочно-голубого цвета — специально подбирала. А вот Тимоха — не любитель однотонности, поэтому на нем были темно-коричневые штаны и темно-зеленая жилетка. Тоже красиво, и именно так большинство студентов одевалось, комбинируя в меру вкуса. В общем, сильно привлекать внимание мы уже не должны — обычные, немного растерявшиеся первокурсники, не более того. Правда, если у них уже всюду идут занятия, то подозрительно, что мы объявились только сегодня...

— Рин, Тим, идите сюда! — с облегчением услышала я голос Робби. Все-таки гораздо удобнее, когда тебя перезнакомит с остальными кто-то, кого все уже знают.

Темноволосый маг жизни и смерти сидел в компании еще пятерых парней и девушки. Я даже глаза протерла, чтобы убедиться, что не ошиблась. Ладно бы только миловидные черты лица, черноволосая коса и ощущение хрупкой миниатюрности, но и округлые такие выпуклости отчетливо в глаза бросаются. Робби, усмехнувшись, осторожно приобнял девушку за талию, ненавязчиво демонстрируя свои права. А та лишь добродушно улыбнулась, склонив голову ему на плечо. Один из парней, с чисто золотым значком на жилетке, довольно странно усмехнулся, сверля взглядом эту парочку. Похоже, ему очень хотелось сделать вид, будто эта идиллия ему безразлична, но он перестарался и попытался продемонстрировать радость при виде происходящего. В итоге, вышло что-то среднее между оскалом и болезненной гримасой. Заметив, что я на него смотрю, парень нахмурился и отвернулся.

По миниатюрности и миловидности он вполне мог конкурировать с девушкой, при этом едва ли был выше меня ростом. Его отливающие золотом светлые волосы были собраны в тугий хвост, приоткрывая уши с едва заметно заостренными кончиками. Иех, не эльф, к сожалению. А так похож...

— Хватайте еду и присаживайтесь к нам, — представив нас всех друг другу, Робби махнул рукой в сторону раздачи. Там, с подносами в руках, толпилось несколько человек, но их довольно быстро обслуживал крупный плечистый мужчина в белом колпаке. Наверное, другого бы в эту академию не взяли... Правда, за его спиной иногда мелькала взлохмаченная мальчишеская голова. Юный подаван, как я понимаю.

Мы с Тимом встали в конец очереди и принялись изучать выставленный ассортимент. Железный бак, из которого пахло щами. Железный бак, из которого пахло мясом. Железный бак, из которого пахло кашей. М-да... У домовенка даже глаз задергался. Пришлось незаметно ущипнуть его за задницу, чтобы очухался, а то еще немного, и полез бы порядок на кухне наводить.

И вообще, не до порядка тут, учитывая, что мы уже не знаем даже, сколько времени голодные мечемся. Ориентироваться приходится только на внутренние часы, потому как в нашем мире был день, и мы как раз успели пообедать грибной жарехой, а потом нас перекинуло в вечер этого мира. По городу мы бродили уже в сумерках, при свете ламп из окон и уличных фонарей, а в Надзихаре вновь оказались задолго до заката, у них вон занятия не так давно закончились. Ничего удивительного, конечно — время в наших мирах не обязано совпадать, и через портал мы на неизвестно какое расстояние перенеслись. Может, на другое полушарие, вообще.

Тут я нервно хихикнула и на Тимкин недоуменный взгляд шепотом пояснила — Прикинь, вдруг у них планета не круглая, как у нас, а на трех черепахах?

Тимоха посмотрел на меня, как на душевнобольную, и ничего не ответил. А у меня воображение разыгралось, пошло в разгул, книги прочитанные вспомнились. Так, главное, чтобы у меня истерика теперь уже нервным смехом не выплеснулась.

К счастью подошла наша очередь. Нам на подносы каждому поставили по две тарелки — одну с супом, а вторую с кашей и мясом, выдали по четыре ломтя хлеба и по стакану с бурдой, хотя и вкусно пахнувшей. Плюхнувшись на скамейку, напротив Робби и его компании, мы принялись усердно работать ложками и челюстями.

— Такие голодные? — улыбнулась нам девушка, Агата, сверкнув золотым значком на груди.

Уютно устроившись в объятиях Робби, она очень напоминала домашнюю кошечку, только что не мурлыкала от удовольствия. Все остальные парни поглядывали на эту парочку с усмешками, добрыми и снисходительными. И лишь один старался не смотреть в их сторону. Диагноз ему просто напрашивался, непонятно лишь, зачем так себя мучить, вместо того чтобы поискать другую компанию или побыть какое-то время одному, пока не полегчает.

Сама я, по натуре, была очень влюбчивая, но... поверхностно, что ли. Весь этот гормонально-романтичный ажиотаж плавно пролетал мимо меня в розовых облаках с радужной подсветкой. Когда читала в книгах о подвигах во имя своих любимых, даже не завидовала девицам, ради которых мужчины эти подвиги совершали. И на их месте оказаться не хотела ни разу. А вот на месте мужчин — часто. Ух, я бы и с драконом с удовольствием сразилась, и армии демонов надавала бы. Вот, где настоящее веселье! А все эти вздохи и завывания под луной — скукотища.

Нет, я целовалась, обнималась и даже получала удовольствие от происходящего. Просто... Любоваться мужчинами издали мне нравилось больше. Самой сексуальной частью у них был мозг, а самой притягательной — чувство юмора. Или вот такая вот дружелюбная внутренняя светлость, как у Робби. А наличие у объекта девушки или парня меня совершенно не волновало. Для меня «влюбленность» — это когда тянет постоянно находиться рядом, а не обладать единолично. За Робби я даже искреннее порадовалась про себя — хорошая они пара, гармоничная. Поэтому его знакомого, которого буквально передергивало, глядя на них, не понимала, но и не осуждала — каждый сам себе злобный Буратино, и раз кому-то

нравится страдать, глядя на счастливые лица — пусть развлекается.

На вопрос Агаты я лишь кивнула, а Тимоха даже попытался промычать что-то утвердительное.

Пока мы были заняты поглощением пищи, нас не отвлекали, разговаривая между собой и обсуждая предстоящие командные сборы у первокурсников. Первые в этом учебном году. Два парня постарше и Роберто, с ехидными ухмылками, подтрунивая друг над другом, делились своими воспоминаниями, а остальные, среди которых были Агата и недовольный парень — Адам, внимательно слушали и задавали уточняющие вопросы.

Еще одним активно любопытствующим было тощее взлохмаченное нечто, на котором, даже при удивительных свойствах их «примерочных», штаны и рубаша все равно болтались, причем край рубашки с одного боку торчал наружу, хотя большая ее часть была заправлена. Жилетка была застегнута со сдвигом на одну пуговицу, манжеты на рукавах тоже перекручены. Значков было почему-то два — синий и белый. А о прическе я, вообще, лучше промолчу... Но глаза за круглыми стеклами очков с поломанной оправой смотрели на мир рассеянно по-доброму. Уточняющие вопросы, насчет наличия очков, я пока задавать не стала, да и с набитым ртом это было бы сложно сделать. Просто моя небольшая близорукость полностью исчезла. Правда, это могло быть утешительным подарком от тех засранцев, что перенесли меня в этот мир.

Парнишку в очках звали Борхэль. А рядом с ним сидел и тоже прислушивался не очень понравившийся мне паренек. Сашка с Артуром таких называли «хабалочка». Томно-кокетливое поведение, речь с растягиванием гласных звуков, какие-то «милочки», «душечки», «лапочки»... Меня подобное и среди девиц-то выносило, но когда слышала такое от парней — просто выворачивало наизнанку. При этом, сами по себе, «хабалочки» при более близком знакомстве могли оказаться вполне милыми, добрыми, очень надежными друзьями, просто у них имидж такой был. Причем далеко не всегда указывающий на нижнюю позицию среди людей определенной ориентации. Иногда так развлекались и активы, а порой вообще никакого отношения к геям не имеющие ребята.

Так что внутренне я старалась себя притормаживать и ярлыки не вешать — может, этот Эззелин, на самом деле, отличный человек. Опять же, огненный маг, как и я, значит, будет с кем посоветоваться. Но интуиция стукнула кулаком в глаз толерантности и объявила, что с этим мы в одном поле срать не сядем, не к столу будет сказано! Отторжение у нас, явно, оказалось взаимным, потому что когда я, чуть ли не вылизав тарелки,

наконец-то, рискнула влезть в разговор и задать уточняющий вопрос, Эззелин презрительно фыркнул:

— Тебя и твоего брата ни на какие сборы не возьмут, как и Борхэля. Вы еще в куличики из сырца играть не научились, подкидыши пришлые.

Роберто, в этот момент обнимающий Агату и что-то шепчущий ей на ухо, закашлялся и недобро зыркнул на этого хама. И тут же получил свою личную порцию яда:

— Нечего меня пытаться взглядом убить, это тебя тянет вокруг себя убогих собирать и нянчиться с ними. Девку — я еще понимаю, а эти-то три шута тебе зачем?

— Знаешь, Эззи, я иногда задумываюсь, что Фредо в тебе нашел? — задумчиво протянул Робби. — Ты ж на всю голову обиженный.

— Тебя не спросил, — томно огрызнулся парень. Плавно встал, одернул жилетку, презрительно посмотрел сначала на ничего не понимающего Борхэля, затем одарил меня и Тима. Я ответила ему таким же многообещающим взглядом, и он, искривив красивые губы в ехидной усмешке, произнес, разглядывая мой значок: — Интересно, как декан тебе позволил разгуливать без блокиратора? Надо сообщить лэру Тестаччо, а то спалишь всю академию, кукушонок!

После чего покинул наше общество, демонстративно фыркнув напоследок.

— Чего это он? — отмер Борхэль, растерянно оглядывая всех.

— А его тоже к сборам не допустили, вот и бесится, — пояснил один из старших парней. Даже напрягшись, у меня не получилось припомнить, как его представил Робби. Это был чистый огневик, как и Эззелин.

— Причем оглашали список допущенных при всем факультете, так Эззи полез выяснять, почему его не назвали. Начал права качать, что в списке ошибка, и все такое. Ну, и завкаф громко и с чувством выдал, что список составлен правильно, а те, кого не назвали — еще не заслужили такой чести, — добавил еще один старшекурсник.

Блондин, даже крупнее Тимки, с грубоватыми чертами лица. Вот как его зовут, я запомнила — Фонзи. Маг огня и смерти. Значок у него был красный, но перечеркнутый черной молнией.

— А, ну тогда понятно, принцессу оскорбили, — фыркнул Робби и, повернувшись к нам, извиняюще улыбнулся: — Не обращайтесь внимания, Эззелин у нас немного... странный.

— Не умаляй чужих достоинств, — презрительно фыркнул Адам. — Он редкий засранец, каких еще поискать, даже среди потомственных магов.

Фонзи почему-то передернул плечами, как будто что-то в услышанном

его задело, но промолчал.

— А вы сюда откуда? — Агата решила замять неприятную тему, и я ее поддержала, коротко описав мир, откуда нас перенесло.

— А я из магического, — сообщил Борхэль, сняв очки и увлеченно протирая их подолом рубашки. — Но у нас там были заклинания на все случаи жизни. Даже артефакты настраивали через заклинания. Я их учил-учил, думал стану великим магом, а меня сюда...

— Ты и тут станешь великим магом, — успокаивающе улыбнулась Агата. — Только великие могут учиться сразу на двух основных факультетах.

— Но мне теперь приходится учить еще и плетения... — расстроено вздохнул Борхэль, водружая очки на нос.

— А ты откуда? — узнать про плетения мне тоже хотелось, но я догадывалась, что мне о них расскажут завтра с утра, на подготовительных курсах, и гораздо подробнее.

— Я тоже из магического мира, — во взгляде Агаты промелькнула грусть, которую она попыталась скрыть улыбкой. — Причем мне даже переучиваться почти не пришлось. Но здесь почти не встречается женщин, обладающих высоким потенциалом магии жизни. Разве что уровень фельдшера в деревенской больнице. А я мечтала стать врачом, лечить людей...

— А станешь военным целителем, будешь лечить магов! — Робби, приобняв девушку, поцеловал ее в макушку. — Не переживай!

— Ну, а потом ты на мне женишься и запрешь меня в своем поместье, да? — Агата потерлась щекой о плечо парня и зажмурилась, вновь напомним кошку. Таковую надо носить только на руках, постоянно лаская и слушая ее довольное мурлыканье.

— Конечно, женюсь, — Роберто замялся буквально на секунду, прежде чем ответил, и снова поцеловал девушку в макушку. Если бы я в этот момент не любовалась на них двоих, не заметила бы. Да и никто, кроме меня... Хотя нет, вон у Адама тоже желваки заиграли. Неужели чистый светлый мальчик Робби не готов назвать своей женой иномирянку? Или проблема в чем-то другом? Безумно люблю наблюдать за людьми, подмечать такие вот интересные моменты и пытаться угадать, почему человек так себя ведет. Ну и, естественно, стараюсь выяснить истинные мотивы.

— Как я понял, здесь, вообще, женщины-маги — редкость, — выдала я, посмотрев на местных обитателей.

— Да не то чтобы, — пожал плечами парень, чье имя я не

запомнила. — Стихийной магией обладают только мужчины, это да. А среди целителей женщины часто попадаются, только учат их обычно при монастырях. Это с сильным целительским даром — редкость, а со средне выраженным — вполне обыденное явление. Так сильные целители и среди мужчин не часто встречаются. Бытовых и природных магов примерно поровну, может, даже женщин и побольше будет. Но лучшие артефакторы-технари — все равно мужчины.

— Артефакторы-технари? — со стихийной магией вроде все понятно, с целительской, бытовой и природной тоже. — Создание артефактов — это отдельный вид магии?

— Ну, это скорее подвид бытовой, — пояснил Фонзи. — Вон, смотрите, артефакт света. Там же огненная магия заложена, а дальше прикрепление к переключателю, настройка взаимосвязи, контроль за яркостью... Блокиратор-перехватчик, если вдруг сосуд с огненной магией разобьется нечаянно. Он, конечно, сверхпрочный, но все равно подстраховка должна быть.

Я лишь уважительно покивала, в отличие от Тимошки, у которого в глазах засверкали искорки любопытства, и, судя по его лицу, домовенок был готов лезть разбирать эту несчастную лампу, чтобы понять, как она устроена. Фонзи немного снисходительно улыбнулся и пояснил:

— У меня отец — артефактор, так что я в этом хорошо разбираюсь. Как оно работает, как скрепляется, из чего состоит, и все такое.

— А магия тут по наследству переходит или как повезет? — то, что рассказывал Фонзи, больше напоминало сборку техники по деталям, а меня это и в моем мире не очень интересовало.

Я, конечно, знала, из чего состоит компьютер, но его мозги меня занимали больше, чем составляющие. Надо будет потом просто дать Тимохе спокойно поболтать с этим потомком артефактора. Вот домовенку нравилось собирать и разбирать, у него даже лишнего не оставалось. У Тима, вообще, были золотые руки, как и положено, в общем-то. Он мог и табуретку новую сделать, и борщ сварить, и холодильник починить.

— Обычно по наследству, но бывают казусы, как у меня, — Фонзи отвечал вроде спокойно, но едва заметно дергающаяся под глазом венка выдавала сильное внутреннее напряжение. Похоже, настрадался парень с этим казусом... — У меня батяня — артефактор, дед — артефактор, прадед — артефактор... А магия перешла через мать, из ее семьи.

— Эм... То есть у самой матери магии нет, но твой дед — огненный некромант? — уточнила я, внутренне пиная себя за излишнее любопытство, но ведь, правда же, интересно! Намного больше, чем

устройство лампочки...

— Ну да, батя у меня из богатых, но не знатных, а мать из знатных, но очень небогатых. Главное, у нее ж брат есть, у того сыновья, двое. Так у них огня по семьдесят процентов, а некромантии, вообще, по пятьдесят. Тоже здесь учатся.

— А у тебя? — продолжала я пытаться несчастного Фонзи, в общем-то, уже подозревая, что у него побольше и того, и другого. И угадала.

— По девяносто, и огня, и магии смерти, — хмуро буркнул парень.

Сразу понятно, что не хвастается, даже не гордится. Злится он на свой дар, потому как двоюродные братья наверняка проходу не дают. Вот к гадалке не ходи. Или я людскую натуру не знаю. Небошь, еще и отцом попрекают. Но больше меня заинтересовало то, что магия, которой по их утверждению у женщин нет, через эту самую женщину передалась сыну. Да еще в таком количестве. Но про частоту «казусов» я лучше потом поспрашиваю. Сейчас надо срочно тему менять.

— Слушайте, а вот если я знаю кучу наук, не связанных с магией, как вы думаете, мне стоит с этим помалкивать в тряпочку или поделиться с кем-нибудь?

Спросила и сразу вспомнила про попаданца в очках и в шляпе, о котором рассказывали уборщицы, ну, и о своих пятерках по физике и химии. Микропроцессорная техника тут точно не пригодится — не доживу, а вот мелочи всякие, может и удастся, пропихнуть. Наверное. Хотя, раз у них тут «свал» раз в пять сотен лет, то из техногенных миров уже наверняка кто-то был.

— Это тебе к моему батяне надо, — оживился Фонзи. — Давай, я вас в каникулы сведу, ты с ним все обсудишь. У нас семья как раз через прапрадеда поднялась, он из прошлого свала был, столько новых штук изобрел!

Мы с Тимохой одновременно уставились на парня честными преданными глазами. Я, как ответственная и сознательная женщина, старательно прикидывала, как бы мне получше устроиться и подороже продаться, чтобы содержать семью из двух человек. Тимка тоже думал, примерно о том же самом, только у него на продажу были, в основном, руки, а у меня «интеллектуальная собственность», ибо то, что у Тимоши было золотое, у меня, как это ни печально, росло из... короче, не оттуда, откуда у всех.

— Странно, у вас техномир и оборотни, а у нас магомир, но оборотней нет, — запоздало отреагировал Адам.

— Как нет? — удивилась я. — Вон там, точно, оборотень, — я кивнула

на парнишку-первокурсника, сидящего неподалеку и восторженно крутящего головой по сторонам.

— Да иди ты! — присвистнул привет от моего склероза. Надо все же тихо потом спросить у Робби, как его зовут, а то я себя даже виноватой немного чувствую.

Агата обернулась и кивнула:

— Да, ты прав, это оборотень. У нас в мире они тоже были. Но мы друг друга очень недолюбливали, поэтому почти не общались.

— Я только не могу определить его зверя, — призналась я, стараясь не смотреть на мальчишку слишком уж откровенно.

— Я тоже, — Тимка зыркнул на паренька из-под своей шевелюры и тут же уткнулся в пустую тарелку, потому как объект заметил наш интерес и, нахмурившись, устоял на нашу компанию.

— Да не может быть! — Робби, встав из-за стола, подошел к парню, обменялся с ним парой фраз, и вернулись к нам они уже вместе.

Но, пока их не было, Агата, посмотрев на нас с загадочной полуулыбкой, спросила:

— Вы что, драконов никогда не видели?

Именно поэтому, в тот момент, когда Роберто подвел к нашей компании парнишку-оборотня и объявил: «Знакомьтесь! Ниммей Оллир Вэмс. Стопроцентный огневик. Всего час назад перенесся в наш мир», — мы с Тимом смогли промычать только что-то не очень внятное. Живой дракон?! Ожившая легенда, лет девятнадцати на вид? Чудеса, да и только!

Глава 6. По соседству с легендой

Ниммей Оллир Вэмс — ожившая легенда моего детства — с первого взгляда на легенду похож не был. Да и со второго тоже. Обычный мальчишка моего возраста, может, на годик-два постарше — глаза уж больно умные, жизненный опыт чувствуется. Коса у него была шикарная — толстая длинная рыже-красная, как пламя. И ресницы темно-красные с рыжиной, пушистые и длинные, прямо даже завидно. Зачем ему такие ресницы?! Брови были почти черные, но оттенки красного все равно пробивались, а иногда и рыжим поблескивало, но не так заметно, как в волосах. Вот они просто сверкали, хоть зажмуривайся.

— Я обычно их в узел скручиваю и под кепку прячу, когда к людям спускаюсь, — извиняюще пояснил парень, поглядывая на меня и Тима. Такое ощущение, что его пламя на голове только нас и беспокоило. Я, вообще, следила за переливами света в его косе, как зачарованная. Нет, на мордочку оборотень тоже был довольно милый — курносый, веснушчатый, зеленоглазый. Никакого там аристократически утонченного благородства, обычный дворовый мальчишка. Он чем-то мне напомнил лисенка Славу из далекого детства — такой же дружелюбно улыбчивый. И веснушки, опять же...

— Нельзя такую красоту скрывать! — почти всерьез возмутилась Агата. — Это же самое главное для дракона!..

Ниммей смущенно улыбнулся — Волосы — это чешуя, выдают цвет истинного облика, и все. А самое главное для нас — крылья.

— Кра-а-асиво, — выдохнула я, наконец, отмирая, и тоже улыбнулась.

— В нашем мире о вас только сказания остались, — пояснил Тимка наше не совсем вежливое поведение. — Обратней разношерстных навалом, а чешуйчатых всех уж несколько веков как повывели.

— В моем мире вас тоже не так уж много, — добавила Агата. — Встретить живого дракона — это большая честь!

Парнишка фыркнул, едва сдерживаясь от смеха — Я, конечно, живее всех живых, но до величия предков мне еще жить и жить. Позволяю общаться со мной без пиетета и поклонения, миледи. А затем осторожно сжал пальцы девушки своими, приподнял ее руку и нежно прикоснулся губами к костяшкам. Прodelал он все это настолько изысканно и непринужденно, что сразу стало понятно — перед нами аристократ, черт знает в каком поколении. Но Ниммей тут же проказливо улыбнулся, вновь

посмотрел на нас с Тимкой, задержал взгляд на моем значке и просиял:

— Ты тоже из перваков? Слушай, меня в три тысячи сто пятый блок заселили, там две комнаты уже захвачены. Не вами, случаем? Очень хочется с соседями познакомиться.

— Уже познакомился, — подмигнул ему Тим. — Мы там живем, оба.

— О, улет! А то мало ли к каким долбоклюям подселили бы. Хотя тут вроде все нормальные, только кормят плохо. Ни овощей, ни мяса. Так и крылья склеить можно.

— Овощи уже просто съели, — печально вздохнул Фонзи. — Тут только зазевайся, и все, сиди весь день на одной каше. Народу-то много!

— А что, число порций с числом студентов не совпадает? — насторожился Тимошка. Он, явно, был согласен с Ниммеем насчет того, что кормежка тут так себе.

— Так овощи ж с фруктами не в котлах варят, а с огорода раз в день перебрасывают. Вот шустряки и считают по-быстрому, — пояснил парень Икс.

Увидев по моему недоумевающему лицу, что я по-прежнему не полностью осознала происходящее, Адам тоже внес свою лепту в прояснение ситуации:

— Число подходов студентов к раздаче не ограничено, а вот поставка в столовую ежедневно — только одна, иначе лэр Моттер сбивается с учета, и его это расстраивает.

— Да, новый проректор по снабжению у нас — не подарок, — констатировал Робби. — Его в прошлом году назначили, по блату свыше. И тут-то веселье и началось...

— Кстати, а кто у вас «свыше»? — заинтересовалась я наконец-то политическим строем в принявшем меня мире.

— Короли здесь «свыше», — почему-то недовольно буркнул Адам. — Во всех семи государствах — короли. У нас раз в пять сотен лет династия меняется. Вы как раз удачно подвалили, к самой заварушке. А шесть остальных монархов без всякого графика то казнят, то травят. Очень нервная должность, но зато передающаяся по наследству, если повезет.

Мне этот язвительный мальчишка постепенно даже начал нравится. Ну, угораздило его увлечься той же девушкой, что и Роберто, с кем не бывает? Тем более Агата, и правда, красавица. И умница. И вообще, была бы я парнем, сама бы увлеклась.

— О, женский отряд ужинать привели, — тихо прыснул мистер Икс.

Красавица и умница посмотрела на него с легким осуждением, но промолчала. Двенадцать девушек, в сопровождении трех мужчин с ярко

сверкающими золотыми эмблемами на жилетках, чинно вошли в столовую, чуть ли не парами, отстояли очередь на раздачу и расселись за наиболее пустым столом — за нашим. Среди этих двенадцати я разглядела знакомое лицо — куколку в юбочке колокольчиком. Правда, сейчас она была в форме и, по моему, не очень радовалась данному факту. Или, вообще, просто ничему не радовалась. В кабинете декана она выглядела более счастливой. В столовой наступило немного странное затишье. Казалось, все выжидали в напряженной засаде.

— Что, сегодня кашей кидаться не будет? — расстроено протянул Адам, переглянувшись с остальными. — Зря за места в первом ряду доплачивали, что ли?

И тут произошло то, чего все с таким нетерпением ожидали. Одна из девиц приподняла тарелку с кашей и перевернула ее на стол. За ней этот номер повторили еще две сидящих рядом девушки. Моя знакомая, подумав, последовала их примеру.

— Это — не еда! Мы протестуем против такого обращения! Мы протестуем против такой одежды! Мы протестуем против...

Дальше девушка не успела договорить, потому что один из сопровождающих мужчин легонечко прикоснулся к ее волосам, и она тут же безвольно обмякла. Быстрое движение пальцами, как будто вырисовывающее букву, и тело девушки повисло в воздухе, где-то в полутора метрах над полом. Мужчина внимательно, с хищным прищуром, оглядел остальных «протестанток», после чего спокойным, но очень властным тоном произнес:

— За кашей, с места в карьер, марш!

— Вот настырная! — с уважением в голосе произнес Фонзи. — Уже четвертый вечер такой балаган. И не надоест же!

— Надо же так себя не уважать! — неожиданно выдала Агата, с осуждением глядя на протестующих, уже рассаживающихся с новыми порциями каши. — Если уж что-то решили, то зачем каждый день уступать, едва лишь на них сурово гаркнули? — тут она обернулась к нам: — Интересно, если вся Академия объявит голодовку, вашего проректора уволят?

— Таких не увольняют, — презрительно фыркнул Адам. — Но лэр Тестаччо его уже надрессировал немного. Он ведь и уволиться тоже не может, — в голосе парня ощутимо прозвучало злорадство. — Блат, он иногда и по блатной заднице может сапогом пропечататься. А ректора нашего лэр Моттер боится, как огня.

Я же изучала «женский отряд» и считала значки. Семь золотых,

причем, судя по брюзжанию дедули, как там его... Алюменио, частично это уступка Академии, чтобы под ногами не болтались. Две магички... или магини?.. Уборщицы «магичками» вроде называли, так что две магички воды, две — земли, и протестующая активистка — воздух.

— Интересно, это — все девушки или еще есть?

— Еще есть я, — усмехнулась Агата. — Только мне с ними скучно, поэтому меня отпускают с Робби, под его ответственность, — она улыбнулась и потерлась щекой о плечо парня. — Еще есть пять магинь природы, — ага, все же «магини», — но с ними мне идти знакомиться страшно, а они сюда редко заглядывают. Построили в лесу себе два домика и живут.

— А что в них страшного? — мы с Тимом спросили практически хором, и все рассмеялись, глядя на нас.

— Женщины, которые умеют выживать без мужчин, опасны, — пояснил Адам. — А эти еще и умудрились от души навалить семерым старшекурсникам. Так что знакомство с ними — девушкам не возбраняется, но и не поощряется.

— Усыпят? — кивнула я в сторону строгого мужчины из группы сопровождения. Наверное, преподаватели, раз вместо значков — пришитые эмблемы.

— А то! И память подчистят, — хмыкнул Адам. Что-то я не очень поняла, пошутил он или серьезно. Тут Тимка зевнул, да так заманчиво, что я тоже последовала его примеру.

— А нас, пожалуй, усыплять и не надо. Сами заснем. Было приятно познакомиться, — улыбнулась я всем и еще раз зевнула.

— Да вы что, сейчас только от силы десять! — с удивлением посмотрел на нас Фонзи. — Ну ладно, уговорили, одиннадцать, — это он на часы на своей руке посмотрел. Обычные, к слову, часы. Циферблат, стрелочки...

— Можно взглянуть? — потянулся к ним Тимоха. Вот ведь неугомонный, на самого зверь-зевун напал с такой силой, что уже ладонь ко рту подносить не успевает, а все туда же, артефакты смотреть. Насмотримся еще...А ведь придется на десятый этаж опять ползти... Убиться плеером два раза. И сдохнуть. Здесь.

— Двинься, я тоже заценить хочу! — Ниммей ловко перепрыгнул через стол, опершись об него одной рукой, и плюхнулся рядом с Тимом. — Гля, восемь часов, улет! А в моем мире в сутках двадцать восемь было.

— Шестнадцать у нас часов в сутках, — буркнул Адам.

— Слушайте, вот в то, что в каждом мире время в часах измеряется, ни

за что не поверю! — объявила я. И, не удержавшись, снова зевнула.

— Так нам же язык местный в голову впихнули, не тормози! — усмехнулся дракончик, подмигнув мне, и снова уткнулся в часы. — Значит, часов шестнадцать, а минут...

— Нет у нас «минут», у нас есть доли, мгновенья, миги и сиги, — перечислил Фонзи местные единицы измерения. Шестнадцать часов в сутках, семьдесят две доли в часе, семьдесят два мгновения в доле, семьдесят два мига в мгновенье и семьдесят два сига в миге. Уф!

Да уж, действительно, «Уф!». Значит, тут вместо шестидесяти — семьюдесятью двумя оперируют. Неудобно, но привыкну... со временем. Но вот шестнадцать часов, вместо двадцати четырех — это суровая жесть. При этом в голове у меня быстро зацелкали циферки, пытаюсь хоть как-то сопоставить то, что есть, с тем, к чему привыкла. Значит, выходит, их час — это где-то полтора наших. Ну, если просто тупо поделить сутки на двадцать четыре части и расслабиться, потому что точно сравнить не получится. Мобильник я оставила в машине Артура, подключенным к колонкам и играющим Рамштайн. А Тимошка свой, вообще, дома забыл. А «наручники» ни я, ни он не любили — зачем, когда есть мобилка? М-да. И вот теперь ни мобильных, ни наручных часов. Только фиги одни... То есть миги и сиги. И полтора часа, как один. Ладно. А сейчас, значит, одиннадцать. То есть шестнадцать часов и тридцать минут. Уф! Ну да, спать ложиться рано, но что делать, если рубит так, будто кто-то тебе хлороформа дал нюхнуть? Лучше завтра встану пораньше...

— А во сколько у вас занятия начинаются, и где подготовительный факультет можно будет найти? — решила я заранее уточнить, чтобы не бегать по их лабиринтам с утра, как в попу осой укушенная.

— В четыре подъем трубят, не проспите. В полпятого — тренировка, лучше не пропускайте, в карму зачтется. А в шесть занятия начинаются. Подготовишек в первом корпусе тренируют. Я вам сейчас схему нарисую, — заботливый Роберто материализовал прямо из воздуха листок бумаги, сложил над ним пальцы щепотью и резко их разжал. Моментальное рисование! Тимка тут же забыл про артефакт, показывающий время, и уставился на лист с планом замка. Ниммей тоже заинтересовался. Похоже, одну меня поразил сам процесс рисования, остальные уткнулись в результат.

— А так любой сможет? Потом?

— Да, конечно. Это азы — посыл на бумагу четкой картинки из сознания. Мыслескан, — пояснил Робби.

Я с умным лицом покивала, будто бы все поняла. Хотя, в принципе...

«Посыл картинки из сознания». Действительно, чего удивительного-то?! Тут, наверное, и не такие чудеса есть.

— А телекинез, левитация и телепатия? — левитация, левитация, левитация... да-да-да, пожалуйста!

— Общаться мысленно могут только менталы, а остальные посылают друг другу мыслесканы — это почти то же самое, но гораздо медленнее и требует повышенной концентрации. Так что, хотя это и относится к общей магии, но уж точно не к азам. Двигать предметы тоже могут только маги со стажем — опять же повышенная концентрация требуется. А левитация... Именно по воздуху летают только маги воздуха. Маги воды передвигаются по воде и под водой. Маги земли могут возвести пылевой смерч и взлететь на нем. Маги природы используют ветки, корни...

— А маги жизни и смерти просто передвигаются на своих двоих, — хихикнула в кулачок Агата и виновато посмотрела на нахмурившегося Роберта. — Да ладно, зато ты, как сказочный сосуд с живой и мертвой водой.

— А маги огня? — кто о чем, а я о своем.

Мне надо на десятый этаж! Пешком! Это же просто издевательство какое-то... Хотя я уже поняла, что тут по лестницам все пешком ходят, кроме магов воздуха. Вот халявчики!

— А маги огня зажигают столб пламени и бегают внутри него, как саламандра, — усмехнулся Ниммей. — Вы идете? А то в моем мире сейчас ночь, так что я тоже не откажусь морду об подушку поплющить.

При драконе я крепилась и не позорилась, просто молча поднималась вверх, сжав зубы и следя за дыханием. Медленно, но в одном и том же ритме. Может, просто это у меня такой стиль ходьбы? Фейри вот должны все рассыпанные перед ними крупинки пересчитать, а я — ступеньки. Ниммей, сначала взбежавший, я бы сказала взлетевший на третий этаж, обернувшись и оценив, что я еще на половине пролета первого, переглянулся с Тимом, и дальше они неспешно двигались впереди меня, обсуждая странности и интересности этого и своих миров. Я же была так сосредоточена на процессе подъема, что даже прислушиваться сил не было, не то что участвовать в беседе. Покорителя Эвереста из меня не получится, точно.

Войдя в свой блок, мы, пожелав друг другу спокойной ночи, разбрелись по своим комнатам. Застелив кровать, я переделалась в смешную ночнушку и улеглась, наивно рассчитывая сразу уснуть. Но, несмотря на дикую усталость, сон не приходил. Я лежала, сверля потолок взглядом, расстроенная и жутко разочарованная. Расстроенная, потому что понимала

— сейчас в моем мире, в нашем с Тимкой мире, как минимум, четверо людей очень сильно волнуются из-за меня. Сашка с Артуром, вообще, поседели, наверное. Слетали ненадолго, оставили подружку без присмотра... Интересно, что им рассказал лешик Лешик? Как наше с Тимкой исчезновение выглядело со стороны? Мама... Даже думать было больно, сразу плакать хотелось. Папа... Ну, ему, скорее всего, еще не сообщили. Он же в очередном плавании. Так что зря волновать не будут, поберегут «приятную» новость до его возвращения. И, может быть... Ну, мало ли нам повезет, и мы найдем межмировой портал и успеем перенестись обратно, до того как... До того как нас мысленно похоронят, перестав искать и надеяться.

Попереживав над своей судьбой, я вспомнила, что перенеслась в этот мир не одна, и со стыда накрылась с головой одеялом: «Эгоистка! Ведь Тимкина родня тоже беспокоится!»

Но, главное, было ужасно обидно, что цель, причина нашего переноса в другой мир, этот вот оборотень-избранный (поймаю — убью, наверное!), которого я видела всего два раза в жизни и настолько мельком, что даже зверя его не разглядела, не то что внешность... Так вот, я даже не была уверена, что этот гад тоже перешел с нами! Не чувствовала я его. Ни в городе, ни здесь. А ведь везде, подсознательно, как радар, постоянно пыталась уловить сигнал, вновь ощутить притяжение. И вместо того, чтобы облегченно выдохнуть, я, лежа в кровати и пытаюсь заснуть, расстроилась. Чтобы там этот дедушка про доставку пиццы, то есть Тимки, не намекал, я-то знала, кто виноват в нашем перемещении. Надо было кричать, звать на помощь, хвататься за деревья, а не тащиться следом, как собака на поводке за хозяином...

После такого мысленного сравнения сон меня покинул окончательно, и я, закутавшись в одеяло, долго еще сидела, нахохлившись, как зяблик на ветке. Потом меня все-таки выключило, но, несмотря на то, что проспала я гораздо больше положенных для сна восьми часов, с утра я была сонная, злая и всех ненавидела. Будильник должен быть тихим, ненавязчивым и громкость набирать плавно, как бы извиняясь за то, что пришло время вставать... А не орать тебе в ухо скаутским горном! Настроение не улучшилось от мысли, что я теперь буду учиться здесь, и, возможно, уже не попаду в свой институт, куда я так старательно поступала, готовилась, к репетитору ездила. Первый курс на одни пятерки в зачетке закончила... Р-р-р-р!

Тимка, тоже заспанный и несчастный, стоял у раковины в ванной и старательно пытался нарисовать холодной водой лицо. Я присоединилась,

пользуясь тем, что раковин было две штуки. С трудом, но глазки из щелочек стали более-менее привычного размера. И я, прозрев и выйдя в общий коридор, увидела, что на стене над дверями в комнаты висят часы. Хорошо висят, надежно. А мы их вчера в упор не заметили... Я — точно не заметила.

— Ну дык, они везде и всюду висят, — пожал плечами Тимка в ответ на мой недоумевающе-удивленный кивок. — Я думал, часы и часы. На стрелочки даже внимания не обратил. Кто ж знал, что они тут со странностями.

Странности показывали четыре часа и сколько-то минут... Нет, как их там... Долей! Тьфу на них... Так, в часе их семьдесят две, делим на восемь, получается, что на одно деление приходится девять долей. Минутная... Р-р-р-р! Долевая стрелка на пятерке, значит, умножаем пять на девять, получаем...

— Сейчас четыре часа и сорок пять долей, — уф-ф-ф!

Ура, я осилила местное время...

— Пойдем смотреть на тренировку? — предложил Тимка, усмехнувшись и одобрительно похлопав меня по плечу.

— Надо только Ниммея разбудить, — кивнула я и тут же ойкнула. — Слушай, а меня там не спялят?

— Улет! Ты что, думаешь, после этого трубного гласа кто-то может продолжать спать?! — дракоша стоял в дверях своей комнаты, во вполне себе банальных таких боксерах, очевидно «егомирных», и с распушенными волосами... Ва-а-а-ах!

— Эй, я красавчик, знаю! — заржало это рыже-красное чудо из легенд. — А спалить ты и сама сможешь любого, кто заметит физиологическое несоответствие в процессе облапывания. Так что прикрывайся своим неумением держать магию под контролем.

Я как стояла, так на диван расстроенная и стекла. Похоже, моя половая принадлежность — секрет Полишинеля, может, стоит признаться и ходить везде под опекой Тимки, как вон Агата... Или, вообще, послать всех и... Но я даже не сомневалась, отношение ко мне сразу изменится. И не только у студентов, но и у преподавателей. Насмотрелась вчера, хватит. Для нерадужных выводов более чем достаточно.

— Да ты крылья не опускай, это у драконов дар такой — видеть настоящее, даже сквозь иллюзии. Сейчас тут такой улов челов со странностями, что никто на тебя внимания не обратит. Ведешь ты себя более-менее как парень, ну жмешься временами и на девок не заглядываешься, так и это тут вроде норма. Так что не дрейфь, все путем

будет!

Успокоил, черт речистый, а мне все равно страшно. Но, с другой стороны, действительно, скажу, что нервный я, спалю всех к такой-то матери, и все. Поприседаю с ними, поотжимаюсь, побегая, может. Тренироваться-то все равно надо, опять же приемы неплохо бы повторять. На Тимке хоть... Да, два партнера для спаринга у меня есть. Дракон — вон тоже из огненных, так что вдвоем будем шоу из огненных фейерверков устраивать.

Глава 7. Герцы и крутые перцы

Пока спускались вниз, Ниммей помалкивал, иногда широко зевая. Тимка тоже позевывал, правда не так откровенно. Домовые обычно встают очень рано, чтобы успеть все дела по дому переделать, пока люди спят. Да и я в институт вставала в полседьмого, еще затемно. Но в эту ночь, похоже, не у одной меня была бессонница. Я виновато покосилась на Тима и незаметно погладила его по руке. Все-таки он же из-за меня сюда перенесся, спасал или удержать пытался, уже не важно. Но приятно, что в этом странном мире я оказалась ни одна, а с близким и надежным другом.

— Не бойсь, хозяюшка, придумаем что-нибудь, — прошептал он мне в ухо, почти прикасаясь мягкими теплыми пухлыми губами. Я даже плечами слегка повела, разгоняя щекочущие мурашки, табуном пробежавшие вдоль позвоночника сверху вниз. Нет, конечно, я прекрасно осознаю, что Тимошка — подрощенный домовенок, да и вообще друг же... Парней вокруг море, а друзей — мало. И, потом, возможно, где-то тут мой суженный-ряженный бродит, надо быть готовой к встрече — скорее всего, придется снова бороться с собой. Никаких примагничиваний я больше не потерплю! И так вляпались дальше некуда. Как теперь выбираться из этой задницы будем — непонятно. Иех... Ладно. Если проблему можно решить, то не стоит о ней беспокоиться, если её решить нельзя, то беспокоиться о ней бесполезно.

— Конечно, придумаем. Если в темный туннель есть вход, значит должен быть и выход, — улыбнулась я Тимке, стараясь не смотреть при этом ему в глаза. Друзьями, тем более в чужом мире, разбрасываться не следует. И не важно, что Тим после увеличения превратился в парня в моем вкусе... Их тут и без него навалом, только головой покрути. Нечего на собственных домовых с утра пораньше заглядываться.

— Интересно, во сколько тут завтрак? — уж перевела мысли, так перевела. Сразу внутри все в узел скрутило от голода.

Ниммей хмыкнул и махнул рукой в сторону пятого корпуса:

— Из столовой уже едой пахнет, так что сейчас разомнемся немного и потом перекусим.

Я тоже принялась, но ничего не почувствовала. Да уж, далеко мне до оборотней.

Тренировка проходила во дворах. Добрый Роберто пометил на карте, в какой именно двор нам надо, потому что первые и вторые курсы

тренировались отдельно, третьи и четвертые — отдельно, старшекурсники — отдельно, жалкая кучка в человек тридцать «подкидышей» — отдельно, но в том же дворе, что и первокурсники. Наверное, «женский отряд» тоже где-то отдельно гимнастикой занимался. Нас сначала отправили к «подкидышам», но уже в конце разминки, оценив уровень, перебросили к младшекурсникам. Я так поняла, что ротация по степени подготовки тут норма, потому что Ниммея вообще собирались перевести к ребятам постарше, но он попросил оставить его с нами. Я благодарно улыбнулась дракоше и даже «спасибо» сказала. На что он, задрав кверху нос, ответил, что ему просто влом напрягаться, а так подготовка у него круче, чем тут могут себе представить. Поэтому лучше он будет «сачка давить» в хорошей компании, чем мотаться по дворам, «как хвост у ящерицы».

Искать знакомые лица в толпе оказалось довольно сложно — мы то бегали, то прыгали, то приседали, то отжимались, так что я сосредоточилась на самой тренировке. Ничего удивительного на ней не происходило, просто массовый урок физкультуры и все. Зря я боялась и себя накручивала, вспоминая практически ежедневные занятия по карате. Как мне пояснил один из студентов — здесь даже спортивный обучающий процесс происходит по расписанию, со своей группой.

Завалившись в столовую мы наткнулись на огромную очередь к раздаче и обреченно переглянулись.

— Иех, или завтрак, или...

Не хотелось опаздывать на первое занятие в неизвестном мире, где тебя будут учить неизвестно чему. Вряд ли, конечно, что-то, кроме мнения педагогов обо мне, сильно изменится. Но, так как предсказать, какое оно у них будет, я была не в состоянии, лучше уж не ухудшать, хотя бы в первый день.

— Как это или-или? — заволновался вдруг Ниммей. — На голодный желудок никто не учится! Вы как хотите, а я жрать пошел, — и он направился в сторону очереди.

А мы с Тимом, переглянувшись, со вздохом побрели через общежитие магов земли в четвертый корпус. Временно созданный подготовительный факультет располагался там, на первом этаже. Возле двери в набитую до отказа аудиторию домовенок замер, вздохнул и тихо прошептал:

— Учиться не люблю, страсть...

— Ничего, Тимош, вдруг тебе понравится? — попробовала я успокоить друга, заталкивая его внутрь.

Как я поняла, занятия в подготовительном факультете начинались по мере набора в группу нужного количества народа. Просто потому что все

девятнадцать парней, считая нас, рассеявшиеся в маленькой аудитории, рассчитанной впритык на двадцать человек, к учебе еще не приступали. Хотя некоторые прожили здесь уже почти две недели — дюжник по местному, то есть двенадцать дней. Это я с народом контакт принялась налаживать, в отличие от молча притихшего рядом со мной голодного и напряженного Тимохи. «Старожилы» пояснили, что первая группа «подготовишек» под покровительством водяного факультета начала занятия как раз строго в первый учебный день после каникул. А вот им не повезло и пришлось ждать, когда соберется новая партия. Ниммей еще успел удачно вписаться двадцатым, а следующий из «свала» будет еще дюжник скучать, поджидая компанию.

Наша группа очень удачно оказалась под опекой огненного факультета. И, минут через десять после нас, его представители зашли в аудиторию, как раз сразу после Ниммея.

Мое внимание привлек заведующий кафедрой факультета-опекуна, лэр Рудольф Кандейлл. Внушительный мужчина, широкоплечий, мускулистый, с обычной короткой стрижкой, довольно пышной такой. Благодаря ей он очень выгодно отличался от стоящих рядом более молодых преподавателей, представившихся лэрами Никомедо и Никодемо Трватто. У этих двух, похожих как однойцевые близнецы, на голове были короткие воинственно топорщащиеся ежики. И пусть у лэра Рудольфа седины в волосах было больше, чем угольной черноты, для меня он был гораздо привлекательнее. А уж когда лэр заговорил... Бархатисто-хрипловатый бас, громкий, обволакивающий... Каждое слово произнесено четко, никакой лишней информации, все ясно и понятно. Просто сначала на меня вновь, неожиданно, накатил волна удушающей паники.

В книжках про попаданок, по-моему, ни у одной не наблюдалось нервного срыва. Они как-то спокойно воспринимали свою новую участь, ну или тихо пару-тройку ночей рыдали в подушку — и вперед, спасать свежесобранный мир. Мне же дико хотелось обратно домой, к маме, к Сашке, к Артуру... Уверена, что Тимке тоже было не очень уютно, к тому же домовые, как коты, привязываются к дому. Люди рождаются, вырастают, стареют, умирают, меняются... Дом тоже меняется, но одна квартира в состоянии пережить пять-шесть поколений. И домовые живут до восьми сотен лет, а то и больше. И тут оппачки, подвалило счастье Тимошечке... Родню лесную решил навестить. Иех... А теперь сидит со мной рядом и страдает от неотвратимости надвигающейся учебы. Да, думать, как я виновата перед Тимкой затащив его неизвестно куда, все равно было приятнее, чем сесть и смириться с фактом того, что я возможно уже

никогда-никогда...

И тут лэр Рудольф! Его бас, разносящийся по аудитории то ли благодаря магии, к наличию которой мне теперь тоже придется привыкнуть, то ли просто потому, что такой вот он у него громкий от природы оказался, успокаивал и возвращал в реальность. Какой бы фантастической она ни была, но моя текущая реальность — этот другой мир, другой институт, то есть академия, странные люди вокруг... И нелюди.

В соседнем ряду, тоже на задней парте, развалился, откинувшись на спинку скамейки, слегка опаздавший к началу оборотень Ниммей. Завкафа он не слушал, а задумчиво поглядывал в окно. Перед ним сидело два плечистых парня, я их еще на тренировке заметила. И из-за комплекции, и из-за черного цвета кожи. Прямо вот матово-черной, никогда такой раньше не видела. И с короткими вьющимися как спираль волосами. Посматривали они на меня как-то странно, перешептываясь при этом между собой. Я зыркнула на них многообещающе — плевать, что почти в два раза меня крупнее, все равно полезу в драку, если достанут.

Один из парней усмехнулся, но при этом примирительно выставил обе ладони вперед. Поджав губы и нахмурившись, я кивнула и отвернулась. Понятно, что одна я против этих двоих... Да и против одного-то, как зайка против волка. Тем более они вон рослые какие, и ладонь как две моих. Нет, подраться тут, конечно, придется, не в институт же культуры попала, а в боевую академию. Первой задираться, конечно, не стану, но и издеваться над собой не позволю. В школе нахлебалась по уши.

— ...Поэтому никаких магических дуэлей, никаких экспериментов без присутствия преподавателя. Науку плетения из сырой магии осваивают в течение первых десяти-двенадцати лет жизни, вам же все придется изучать ускоренными темпами. Со всеми, кто попал к нам из магических миров будет заниматься лэр Никомедо, — завкафедрой махнул рукой в сторону одного из близнецов. — А с остальными будет заниматься лэр Никодемо. Ваша задача за три дюзника освоить все, на что в нашем мире отводится годы.

«Первые десять-двенадцать лет жизни», — вспомнила я и поежилась.

Вот чего меня потянуло-то за этим суженным моим, чего мне было за дерево руками и ногами не уцепится? Унесло бы его в этот мир, а я бы в своем прекрасно прожила без всяких там срывов, бросаний детей и уходов из дому... Это я опять про тетушку вспомнила, как самый яркий пример антирекламы такого вот семейного проклятья в виде магнита к левому мужику. Главное, судя по папе тому же, в обратную сторону магнитик не

работает. Мужчине вообще на тебя плевать с большой колокольни может быть, вот что обиднее всего! Ты тут страдай, понимаешь...

Лэр Нико-два... Блин, как я их различать буду?! У них же даже имена одинаковые... Так, значит у нас Никодемо, у продвинутых — Никомедо, если я ничего не перепутала. Значит и будут Демо и Медо, вот...

— Сначала я отвечу на два самых часто задаваемых студентами вопроса, — а голос ничего такой, приятный, энергичный, правда, высокий очень. У нас в школе физрук был с таким вот голосом, как гаркнет, так в ушах сразу звенеть начинало. — Мы не близнецы, я младше на пять лет...

— А с виду и не скажешь! — Это я сказала? Да, раз все на меня смотрят, значит я... — Эм... Брат у вас хорошо сохранился!

— Угу, я именно так и подумал, — Нико-два даже улыбнулся, значит, и правда не обиделся.

Блин, ну надо же было ляпнуть такое. И, главное, обычно же сижу тише воды, ниже травы, а тут от нервов словесное недержание началось.

— И, так как у меня и у брата имена очень похожи, нас обычно все называют...

— Демо и Медо, — и-и-и-ять! Дайте мне кляп кто-нибудь!

— Именно, — мужчина посмотрел на меня с интересом, но таким... не очень воодушевляющим. Как на интересный объект исследования, экспериментов и опытов.

Я, изобразив на лице придурковато-преданное выражение, честно уставилась ему в глаза. Надо будет потом, после занятий подойти и пояснить, что я не всегда такая дура, а только когда меня в незнакомый мир неожиданно перекидывает.

— Надеюсь, молодой человек, вы и во время обучения будете так же активно отвечать на мои вопросы.

Группа заржала, я нахохлилась, но, зная, что если сейчас промолчу, стану объектом для пинания семнадцати студентов и двух преподавателей, тряхнула челкой и многообещающе улыбнулась:

— Постараюсь оправдать ваши надежды. Очень не люблю разочаровывать красивых молодых людей!

И только выдав это я вспомнила, что... я-а-ать! Я же тут под парня кошу, вообще-то! Демо слегка нахмурился и с ехидством в голосе уточнил:

— Надеюсь, не вся академия воспользуется этой вашей маленькой слабостью, иначе вам или придется учиться кому-то отказывать, оставляя его разочарованным, или будет очень тяжело сидеть во время лекций.

Народ веселился, только чернокожие посматривали в мою сторону немного сочувствующе. Ну и Ниммей с Тимкой то на меня смотрели, то с

друг другом переглядывались вопросительно. Вообще откровенно переживали. Главное, и не скажешь, что это я съела что-то не то. Не ела ничего...

Второй из братьев, Медо, стоял и помалкивал, не мешая представлению. Я изобразила на лице удивление оскорбленной в лучших чувствах невинности:

— Понимаете, лэр преподаватель, — промурлыкала я с интонацией опытной зрелой хищницы в образе милого котенка, — я же не сказал, — «а» я проглотила в самый последний момент, — что не разочаровываю, а лишь уточнил, что не люблю. А вы вместо того, чтобы воспринять мое упоминание о красивых молодых людях как комплимент, начали сразу мне угрожать и устраивать сцену ревности, — подходить и извиняться уже точно не было смысла, но объектом для пинания одноклассников я не стану, хватит, в школе наигралась. — Кстати, а вам не приходило в голову, что сидеть тяжело будет не мне, а моим партнерам?

Откровенно обалдевающий от моего поведения домовенок очень ощутимо наступил мне пяткой на ногу. Я посмотрела на его испуганно-напряженное лицо и даже плечами пожала. Сама не понимаю, что на меня накатило. Нет, я часто от волнения говорить много начинаю, но уже вроде как пора успокоиться и заткнуться.

— Давайте перейдем к занятиям, а ваши сексуальные предпочтения и любимые позы вы будете обсуждать с теми, кому они интересны, — фыркнул Демо, наивно рассчитывая, что последнее слово будет за ним.

— Вообще-то это вы первый начали, лэр преподаватель, — я покрутила в руках лежащую передо мной палочку, очень похожую на ручку. Интересно, ее можно грызть? Иногда я, когда нервничаю, вместо того чтобы нести ахинею, портить отношения с педагогами и нарываться на грубость, грызу что-нибудь, например, карандаш, ручку, угол линейки... — Я лишь уточнил, а то вы размечтаетесь, а потом разочаруетесь. Обидно же будет...

«И-и-ить», — пискнуло что-то внутри меня тоненьким голосом, потому что старший Нико не слишком заметно для студентов, ржущих уже чуть ли не под партами, ухватил младшего за локоть. Похоже, самое время что-нибудь погрызть... Срочно! Рот чем-нибудь займу и в животе как-то пусто... И скручивает там все, то ли от страха, то ли от голода.

— Так, закончили балаган! — а вот у старшего Нико басок, причем тоже громкий, командный. — Те, кто умеет пользоваться магией — пошли за мной, а малолетки, не умеющие взвешивать сырец, не то что из него плести — заткнулись и слушают моего помощника. Лэр Никодемо,

продолжайте занятие. А соревнование в остроумии со студентами будете проводить на переменах.

Лэр Демо глянул на меня так, что сразу стало ясно — ничего хорошего мне не светит очень долго. Вот кто меня, дуру, за язык тянул? Судя по сочувственно-задумчивому взгляду Тимки он сейчас тоже размышляет именно над этим вопросом.

— У каждого человека, обладающего способностью к магии, магическая энергия имеет определенный цвет и излучает волны на определенной частоте, — начал вещать Демо. — У тех, кто предрасположен к огненной стихии, цвет магической энергии имеет стойко выраженный красный оттенок. Водная стихия окрашивает энергию в синий, земля — в коричневый, воздух — в очень светлый, почти белый. Иногда бывают способности управлять сразу несколькими стихиями и тогда их цвета смешиваются. Такое часто бывает у предрасположенных к целительству, например. Цвет их энергии отливает золотом. Энергия чистых целителей золотая, как монеты. Способность к ментальной магии добавляет к основному цвету стальной оттенок. Чистых менталистов почти не существует, — в голосе Демо прозвучал намек на гордость. Жаль я не могу разглядеть, какого цвета его магия. — А вот чистые некроманты есть, как и целители. Энергия борцов с нежитью — черная. Еще есть маги, имеющие дар общения с природой, — судя по голосу, носитель этого дара чем-то сильно насолил нашему преподавателю, — их энергия зеленого цвета.

Меня снова петух клюнул в одно место, в то, на котором, по прогнозам уважаемого лэра, мне вскоре будет очень неудобно сидеть, если я не научусь разочаровывать мужчин:

— А бытовая магия?

Это я про Тимку вспомнила. Демо даже зубами скрипнул, но стоически никак не отреагировал, кроме как ответом на мой вопрос:

— У бытовой магии цвет серый, как пыль.

Сам ты... Пыль!!

— Как я уже упоминал, магическая энергия излучает волны определенной частоты. Выделяют четыре основных группы. Например, боевая стихийная магия излучает волны на самой высокой частоте, «альфе», от тринадцати до тридцати герц, — тут Демо замолчал и уставился на меня, очевидно ожидая вопроса, что такое «герц». Ха!

Изумленно приподняв одну бровь и выдержав паузу почти в минуту, он продолжил:

— Дальше идет бытовая магия, бета-волны, от восьми до двенадцати

герц. И перейти с беты-волны на альфу практически невозможно. То есть при частоте излучения магии в двенадцать герц перед нами будет мирный бытовой маг. Тогда как при излучении с частотой всего на единицу выше это будет боевик, владеющий способностью к бытовой магии.

— При наличии в его магической энергии оттенка серого цвета?

Интересно, здесь жевачки есть? Может если мне рот жевачкой склеить, я заткнусь наконец-то?

— Вас, — Демо замер на несколько секунд и даже глаза прикрыл, как будто просматривая перед глазами какие-то картинки, — студент Рин, как-то очень сильно занимает бытовая магия. Вы уверены, что вам правильно выбрали кафедру?

Это он выразительно так на мой красный значок уставился. Гробовая тишина и все синхронно повернулись в мою сторону, ждут. Забил лэр Демо гол, или я отобью ему мячик обратно.

— Лэр Никодемо, — я по такому случаю даже полностью имя препода выдала, — бытовая магия волнует не только меня, но и всех кому нравится вкусная еда в столовой и порядок в комнатах. А вообще я просто тянусь к знаниям, задаю уточняющие вопросы. В конце концов, я же не предлагаю вам поговорить об электромагнитном излучении, о законе Рэлея-Джинса и излучении абсолютно черного тела, о фотонах, электронах и Генрихе Герце, — при упоминании последнего Никодемо как-то странно дернулся и подозрительно уставился на меня. — Это все мне объясняли и в моем мире. А вот про разноцветную магию с различным излучением я еще ни разу не слышал.

— И, кстати, — решила я добить бедного лэра, — факультет мне выбирал лэр... — как там этого декана звали-то? — ... Гальторе по результатам работы вашего определяющего артефакта. К сожалению, у меня нет никакой другой магии, кроме огненной. Я чистый стопроцентный огненный маг.

Демо, дернул глазом, но решил смиренно промолчать, продолжив занятие:

— Следующей группой волн...

— Простите, но мне очень интересно, вот если цвет выдает предрасположенность к некромантии, предположим, а частота энергии... — и, посмотрев на Демо взглядом прилежной ученицы-отличницы, отвечающей урок любимому преподавателю, уточнила: — Я же правильно понимаю, у некромантии тоже есть своя частота излучения?

Преподаватель снова, довольно громко заскрипел зубами, но ответил:

— Нет, собственной, — даже голосом выделил, смотря на меня в упор,

как на личного врага, — частотой излучения некроманты не обладают. Некромантия может использоваться или на очень высокой частоте, как боевая. Или на низких частотах, как целительная или созидательная, — кучу возникших после этой фразы вопросов я благоразумно проглотила. С некромантией потом разберемся, мне бы частоты их осилить. — При наличии предрасположенности выраженной в цвете, энергия будет пропитывать нужные плетения, но сила заряда все равно будет зависеть от излучаемых волн. Маг с красной энергией сможет нарисовать боевое плетение, но фаербол, созданный им, будет лишь жалким пшиком, если его магия не дотягивая до тринадцати герц и выше. Я доступно ответил на ваш вопрос, студент Рин?

— Да, благодарю вас, вы чрезвычайно доступны...й преподаватель, — и-и-яять! Заткните же меня! — С цветом я все понял. Если есть цвет, но частота слишком низкая — толку от цвета почти никакого.

— Почему? Бытовой маг с огненным даром сможет зажечь свечку или развести костер. А маг с даром воды — наколдовать маленький родник в пустыне. Им будут доступны мирные использования стихий, конечно в зависимости от их процентного содержания в магической энергии.

Так, молчим, молчим и киваем, потому что Демо успокоился и говорит со мной, как с адекватным членом общества. Все! Надо тоже постараться прикинуться нормальной и попробовать примирится с преподавателем. Мне с ним тут, возможно, общаться и общаться еще... Пока дорогу обратно в свой мир не найду.

— А если в цвете есть стихийная магия, но нет бытовой, а энергия на уровне бытовой?

— Если перед нами стихийный маг, у которого магия излучает на бета-волнах? — Демо задумался. Похоже, такое тут случается не часто. — Значит, будет мирный стихийный маг. Хороший напарник бытовому магу или артефактору.

Ага, выкрутился, но у меня богатый запас тупых вопросов.

— Простите, но мне очень интересно, вот если у мага имеется магическая энергия, излучаемая на альфа-частоте, но нет ни одной стихии, что тогда?

— Вы чем меня слушали, студент Рин? — я изумленно приподняла бровь и уставилась на Демо. Молча. Он тоже молчал, ожидая, как яотреагирую. Наконец сдался. Первым.

— Частота — это сила. Цвет — способности. Если есть сила, но нет способностей, значит что?

— Значит, ничего не произойдет, лэр преподаватель. Спасибо за столь

подробный ответ!

— Надеюсь, я удовлетворил вас?

Ха, ты что, решил, что я куплюсь на столь элементарную подколку?

— Смотря что вы имеете в виду, уважаемый лэр. Мой интерес конкретно к этой проблеме вы удовлетворили полностью.

Ну вот если он теперь сострит что-то про «что имею, то и введу», я поверю, что во всех мирах мужчины троллят почти одинаково. Никодемо героически боролся с собой. Мучительное желание ответить мне было написано у него на лице большими яркими светящимися буквами, излучающими волны высокой частоты уровня альфа. Я просто загордилась им, когда он, откашлявшись, продолжил лекцию:

— Итак, следующей группой волн...

Следующими были тетра-волны от четырех до семи герц, на которых работали природные маги. Мирные природные маги, огородники и садоводы. Энергия созидателей. И, напоследок, дельта-волны, до трех герц, на которых работали целители. Все целители. Потому что боевых целителей не бывает. Но и понизить свою частоту до такого уровня не могли даже природники. Это была исцеляющая частота. Самое страшное, если вдруг целитель «вылетал» из нее по какой-то причине, не очень поняла какой, но говорилось об этом так, что сразу становилось ясно — подобное случалось и не редко. Потому как работа на высоких частотах отличалась от выполненной на низких, как обработка напильником от заточки на шлифовальном станке. Медленно, муторно и результат несколько кривоватый.

Глава 8. Куличики из «сырца»

Прослушав теорию, мы, после небольшого перерыва, перешли к практическим занятиям.

— В каждом из вас есть определенный запас сырой магии, не переработанной, той, из которой вы потом будете плести различные фигуры, необходимые для заклинаний. Есть шаблонные узоры, но их действие зависит от цвета нити. Скажем, вот это одноруновое плетение, — Демо нарисовал в воздухе красивую, витиеватую закорючку, — при зарядке более двадцати герц выдаст у мага огня фаербол, который долетит до стены слева, у мага воды получится водяная бомба, у мага воздуха небольшой смерч. Если же зарядить это плетение девятью герцами, то у меня это будет светящийся шар, — что Демо и продемонстрировал. Красивый такой, кругленький, немного искрящийся шарик.

— Ваша первостепенная задача — научиться соразмерять свои силы, брать четко необходимое количество магии и заряжать ею фигуру ровно настолько, насколько нужно. Руны и их соединения, чтобы создавать плетения из полученных вами клубков, мы будем учить позже. Для начала... давайте вы, лэр Тимофей, — обратился Демо к моему домовенку, — подойдите ко мне и попробуйте взять горсть магии...

Дальше начался полный... звездеч! Хорошо, что кабинет был защищен от таких вот начинающих магов, как мы. Потому что иначе мы бы разнесли его в пух и перья, спалили все, что там есть, и затопили бы пол Академии, не будь аудитория на первом этаже. «Взять горсть магии...» Вот кажется ничего же сложного, правда надо еще понять, где у меня эта самая магия находится, как именно ее брать и если брать, то как именно понять, что я взяла точно горсть?! Спустя пару часов избранные, причем не я, к сожалению, дошли до игры в подзарядку. Но устали, как собаки, все...

А так как некоторые еще и ничего не ели с утра, то на очередной перемене мы с Тимкой рванули в столовую — подзарядаться и магам тоже надо. Сразу и позавтракали, и пообедали. А заодно столкнулись с довольным Ниммеем, сообщившим, что всех заклевал и его перевели на первый курс, где уже начинают изучать не только как создавать, но и как созданным пользоваться. Он, конечно, не первый год в небе и этому всему обучен, но будет делать вид, что только из яйца вылупился и ждать нас. А то вся эта лабуда про цвет и частоту ему в одно ухо влетает, а в другое вылетает. Вот фаерболами покидаться — это он всегда с радостью. А еще

он тут такой артефакт у паренька одного занял посмотреть... Улет!

Артефакт и правда был улетный. Приемник, по виду еще из детства моей бабушки, распеваящий разные песни. В нем были мелодии «встроенные от производителя» и можно было через «мыслескан» постоянно «подгружать» еще. В итоге, пока мы ложками и вилками работали, Ниммей умудрился впихнуть в чудо-ящик песенку из своего мира. Роко-готичное нечто, на которое подтянулось человек пять здешних обитателей. Тимошка загорелся тоже научиться работать «с этой бандурой», поэтому я оставила этих двоих в столовой, заверив, что ничуть не обиженна и без них к Демо приставать не буду, да и при них-то не очень и хотелось... Оно само вышло! Тима посмотрел на меня с подозрением, но сделал вид, что поверил. Тем более его присутствие меня не сильно останавливало, но может его отсутствие поможет? В отличие от меня, Тимоха как раз был из тех, кто научился хватать горсти нужного размера и мог себе позволить немного расслабиться. А я только выпендриваться и до педагогов докапываться умею, бестолочь.

Такая вот вся сытая, но одинокая и в расстроенных чувствах, пошла я обратно, к лэру Демо. Шла и размышляла о том, что Демо — действительно хороший преподаватель, потому что, несмотря на мое поведение, он не отыгрался на моих жалких потугах взять эту горсть, а терпеливо объяснял, в чем моя ошибка. То есть вел себя по отношению ко мне так, будто я была обычной студенткой... студентом, а не занозой в заднице, успевшей достать его несколько раз за одно занятие.

— Эй, это ты к Демону пристаешь? — под дверью в мою аудиторию стоял высокий плечистый... да, блин, они тут все не задохлики-полурослики, так что просто обычный по здешним параметрам парень с черной молнией на синем значке, прикрепленном на бордового цвета жилетку. Вся остальная одежда у него была черной, даже рубашка. И сам он был... черный. Жгуче-черный. Нет, кожа у него была смуглой, будто на сковороде обжаривали до корочки. Но глаза чернющие — зрачков вообще не видно, куда смотрит — не понятно. А рассыпавшиеся по плечам пышные сочно-черного цвета волосы притягивали мой взгляд и мою руку... Слабость у меня такая — красивые мужские волосы. Особенно красно-рыжие или иссиня-черные... К тому же, волосы обычно самую эротическую часть мужчин скрывают — мозг! А парни, умеющие им пользоваться, еще одна моя слабость. Должны быть у девушки маленькие слабости?

— Я не пристаю, — мда, на уверенный ответ не тянет. Скорее какой-то жалкий лепет получился. — Он первый начал...

Убиться плеером, вообще! Я что еще, перед ним оправдываться начала? От обилия красивых мужиков вокруг мозги и гордость потеряла окончательно.

— Ну если первым, то не страшно, — парень хмыкнул, изучая меня как-то слишком пристально-оценивающе. — Но ты по осторожнее, а то, говорят, по грани нарушения устава балансируешь, а за это и огрести можно.

Я уже приоткрыла рот, чтобы уточнить, что именно здесь понимается под «огребанием», не исключение же? Но тут к аудитории подошел Эззелин, собственной персоной.

— О, Фредо, ты уже закончил? — проворковал он, как обычно, слегка растягивая гласные. И повис на шее у парня, подставляя губы для поцелуя. Меня, при всем моем спокойном отношении к таким парам, очередной раз внутренне передернуло от отвращения. Причем Фредо тоже явных восторгов не испытывал. Небрежно чмокнув висящего на нем мальчишку, он, достаточно аккуратно, но настойчиво, постарался от него освободиться.

Я же, залепив себе внутренний пендель, медленно направилась к двери, с каждым шагом приближаясь и к этой парочке... Но, когда, набрав в грудь воздуха, я приготовилась сделать последний шаг, мимо меня, чуть не сбив, по коридору пролетел Борхэль и радостно замахал руками:

— Ой, Рин, Эззелин, Фредо! Вы уже ходили в столовую? Пошли вместе, пообедаем? Нас на сегодня уже отпустили.

Он был как раз из тех везучих попаданцев, что начали обучение вместе со всеми остальными здешними студентами. Сегодня он выглядел воодушевленным и радостным, а не расстроенным, как вчера, в день нашего знакомства.

— У нас в мире если слово перепутаешь, такое получится... У-ух! Хороший маг с собой всегда таскает пять-семь толстых книжек! А у вас все как в аптеке — взвесил сколько надо, зарядил нужным количеством и красота! У меня сегодня плетение аж из трех рун заработало, с обеими магическими потоками — и водяным, и воздушным, — Борхэль, наконец, заткнулся и уставился на Вазелина, в смысле Эззелина, гордо задравшего нос и по собственнически ухватившего черноволосого красавца под руку.

— Фредо, ты пойдешь со мной в столовую? — томно протянул противный мальчишка.

— И я с вами, — тут же отреагировал Борхэль, уставившись на старшего парня. — А то мне одному скучно.

— А ты иди и найди остальных! — воинственно оглядел нас Ваз... Эззелин. — Я Фредо с утра не видел, соску-у-учился!

Фредо как-то странно хмыкнул и, почему-то, с легкой улыбкой подмигнул мне. А чтобы я не сомневалась, кому это все предназначалось, еще и продолжил прерванную появлением мальчишек тему:

— Ты с Демоном лучше помирись, он отличный препод.

— Угу, — послушно кивнула я, потому что Фредо просто мои мысли вслух озвучил.

И тоже улыбнулась, как дура загипнотизированная, блин! Чужому парню, да еще и... И-и-ять! Он же считает, что я тоже парень! Ну и ладно, все равно он с Вазелином. Причем, раз с утра расстались, то... Нет, лучше не думать об этом, а то фантазия поскакала в очень далекие от предстоящих занятий дали. Но я ловко ее подсекла, вернула в реальность, и вошла в кабинет...

* * *

Демо гонял нас почти целый день, только все без толку. Не давалось мне управление магией, хоть ты тресни... Я и треснула, как только вылетела из кабинета. Прямо кулаком в стену! И тут же подскочила и резко развернулась влево, уставившись на ехидно ухмыляющегося Эззелина.

— Что, магичить не так легко, как до препода докапываться?!

— Твое какое дело? — устала, сил нет. Обидно ужасно, да еще все в Академии уже в курсе моих подвигов. Сплетни тут быстро разлетаются... И, главное, сама понимаю, что со стороны выгляжу как выскочка-задавака, причем на пустом месте. А еще обиднее, что не я ведь это самое место выбирала!

— Я еще даже не начинал до него докапываться, ясно?!

— Странно, я ожидал, что ты скажешь что-нибудь насчет того, что мы магичим с рождения, а ты только с сегодняшнего дня, — раздался знакомый голос у меня за спиной и Фредо, не дожидаясь пока я повернусь, подошел к тут же повисшему на нем Эззелину.

— Слабый ищет причины, почему не смог сделать. Сильный ищет возможность сделать, — буркнула я одну из банальностей, вдалбливаемых в нас во время занятий по карате. Они сыпались из учителя, как горох из стручка...

— А ты, значит, сильный, — Фредо усмехнулся, но необидно. Как-то так вроде и с иронией, но без ехидства.

— Стараюсь, — сжав кулаки, я с вызовом посмотрела в глаза парню.

— Да не заводись ты, как волчок, с полоборота, — хмыкнул тот. — Я,

может, с тобой познакомится пытаюсь, а ты огрызаешься постоянно. Не знаю, как другим, а мне вот очень интересно с человеком из мира, где нет магии, пообщаться. Как вы там живете, что у вас магию заменяет...

Я выдохнула и первой протянула руку:

— Рин.

Парень, улыбнувшись, слегка сжал мою ладонь длинными сильными пальцами:

— Фредонис, для своих — Фредо.

Эззелин при этом излучал высокомерное презрение ко всему происходящему.

— Ты уже ужинал?

Я отрицательно помотала головой. Вообще-то я собиралась найти своих — Тимку, слинявшего с занятия раньше меня, и Ниммея. Последний хоть тунеядствует, потому что все знает, а первый — не понятно почему с практики сбежал. Хотя, нет, понятно — скучно ему постоянно делать одно и то же. Как только игра в подзарядку горсти стала напоминать учебу, Тимоха заскучал и бесшумно испарился. Наверное, в артефакт свой музыкальный вместе играют или новый нашли. Я надеялась, что народ ждет меня в столовой, поэтому пошла туда в компании с новым знакомым и прыгающим рядом Эззи. Дракоши и домовенка я там не обнаружила, Робби и его компанию тоже. Да и не искала я никого, потому что, сама не заметила как, оказалась за полупустым столом, болтающей с Фредом, отвечающей на его вопросы и... смущенно краснеющей от пары комплиментов, пусть и сказанных мне, как парню. Ну да, размер глаз — это достоинство, независимое от половой принадлежности.

Ужин прошел вполне мило, если не брать в расчет недовольно на нас молчащего и иногда острящего совсем не по делу Эззелина. Иех, есть у меня подозрения, что попортит он мне кровушки, если почувет во мне соперника! Но мы с Фредо именно разговаривали, без всяких там заигрываний, с моей стороны — точно. А комплименты... Может, он их всем парням говорит, с которыми дружит? Я вот и подругам, и друзьям легко могу выдать, что они хорошо сегодня выглядят. Это будет означать только лишь то, что я действительно сказала. Вот, может, и Фредо.... Короче, я вела себя, как и положено с чужим парнем в присутствии его пары. Так что ко мне никаких претензий быть не должно. А если появятся, то...

По лестнице в башне я поднималась окрыленная и размазанная по земле одновременно. Умный, красивый, начитанный... Да! Мы даже художественную литературу успели немного обсудить, чтобы выяснить,

насколько она у нас пересекается...Фредо пообещал завтра зайти и принести какую-то приключенческую книгу, чтобы мне было, что почитать вечерами. То есть можно сказать, что у меня появился очень интересный знакомый, с которым в дальнейшем... возможно...И тут меня вдруг впервые перестало радовать чувство, что у меня будет новый настоящий друг. Как-то вот до слез тоскливо стало. И от предвкушения, что он ко мне просто зайдет в гости сразу то в жар, то в холод начинало бросать.

Это мое знакомство очень напоминало другое, с Сашкой. С ним мы тоже начали с столкновения в метро, а потом зацепились за общую тему — книги, и следующие шесть лет никого роднее этого человека для меня не было. Он был единственный, кому я рассказывала все-все, не фильтруя, как есть. И мысли, и события, и планы... И очень радовалась, что появление Артура никак не отразилось на наших отношениях! Я по прежнему могла прийти к нему даже среди ночи и сама была готова открыть ему дверь в любое время суток. Но Сашка — это был... брат и друг. А Фредо... Надо сразу настроиться, что он тоже только друг. И ничего больше. Но как же меня расстраивала эта необходимость настраиваться, кто бы знал!

Жила себе в своем мире, жила, и вот на тебе! «Не было печали, купила баба поросю», — произнесло в голове подсознание Тимкиным голосом. Да уж... Ну еще можно сказать, что судьба подложила мне свинью! Осталось только определиться, кого считать свиньей — самого Фредо или наличие у него Эзелина.

В свою комнату я влетела, даже не удосужившись проверить, явились ли уже мои соседи или нет. Переоделась в домашнюю одежду, уселась с ногами на кровать, уставилась в потолок и постаралась сосредоточиться на хорошем. Хорошее — это Фредо... Только если слишком сильно на нем сосредотачиваться, мысли в голову лезут какие-то расслабляющие, начинаю улыбаться как умственно неполноценная и вообще... Ну вот только влюбиться мне не хватало в чужом мире в первые же сутки в чужого парня! Вот все в наличии для полноценной задницы было, только этого не хватало... Тьфу ты, блин!

— Эй, Ри-и-инк, ты тут? — постучал в дверь Тимоха. — Вылезай, у нас гости.

Вот только гостей мне и... Сегодня просто день исполнения моих мечтаний какой-то, все, чего мне не хватало так прямо с разбегу на меня и падает. С размаха ранцем по голове. За дверью, на которой висело панно, изображающее мальчика с огромной ложкой, в маленькой общей комнате, имитирующей нечто типа столовой-гостиной, сидели на угловом диванчике Ниммей, Роберто, Фонзи, еще какой-то неизвестный мне парень из

огненных магов и Агата.

Дракошка с потомком артефактора и неизвестным парнишкой бурно обсуждали возможность изменения дизайна недомагнитофона. Паренек, судя по всему владелец этого музыкального ящика, не то чтобы возражал, но предоставлять свое имущество для эксперимента побаивался. Хотя Фонзи чуть ли не божился, что ловкость рук, горстка магии и все такое... и ящик станет похож на черненький плоский прямоугольник, как на рисунке.

— Я рисовал, — смущенно похвастался мне на ухо Тимка. — Бумаги извел тьму, пока понял, как оно работает.

Постаравшись изобразить на лице максимальную радость по поводу его успехов я покивала, и даже посмотрела изображенный на обычной гладкой бумаге планшет, а рядом с ними — наушники. Я вообще излучала довольствие и счастье, поздоровавшись и улыбнувшись всем гостям вместе и владельцу артефакта отдельно. Я даже имя это кареглазого брюнетика запомнила — П`этро.

— Бумагу материализовывать никак не получается, — пожаловался усевшийся рядом Тимошка.

Я сочувственно покивала. Давно меня так не разрывало на части. И из-за Фредо, и из-за того что я тупая, как пробка, оказалась и магонедееспособная, и потому что вот же Тим — смог! А я, ущербная недотепа, только выделяться умею.

— Как день прошел? — улыбнулись мне, одновременно, Робби и Агата.

— Да так себе, — я смущенно поерзала под пристальным взглядом Тимохи, потом наткнулась на ехидную усмешку Ниммея и призналась: — С магией ничего не получается, так еще и до преподавателя сегодня докапывала... лся.

— Зачем?! — искренне изумилась Агата.

— Да... — я махнула рукой. — Так получилось. Просто слишком много вопросов ему задавал, с перепугу.

— А чего перепугался то? Демон не страшный, — оторвался от артефакта Фонзи. — Вам очень повезло, он отличный препод, хоть и почти наш ровесник.

— А вопросы по делу? — заинтересовалась Агата, поглядывая на меня с сочувствием.

Еще бы, прославилась на всю Академию в первый же день занятий. Весь огненный факультет точно в курсе.

— Он, может и не страшный, но мне просто здесь не по себе. А откуда ты знаешь, что я именно Демо доставал? — я в упор уставилась на Фонзи,

но он лишь пожал плечами и потом скосил глаза на Ниммея.

Дракоша обреченно вздохнул и пояснил:

— Брат его с утра на кафедре отчитывал так, что чешуя в разные стороны летела. А мы прослушивающий артефакт как раз решили испробовать. Я и Пэтро. А потом еще этот, малохольный подошел... Вчера еще с вами был.

— Эззи, — подсказал коллекционер местных гаджетов.

— Ага, Эззи, — кивнул Ниммей. — Если бы я знал, что он клюв закрытым держать не умеет, скотчем ему бы его обмотал.

— Ясно... — кивнула я. — И теперь только ленивый не в курсе, как я опозорился.

Дракоша виновато вздохнул. Ну на него-то за что злится? На себя надо...

— Ха! Это еще что, — хмыкнул Фонзи. — Тут один пришлый цыпленок отличился. Прямо во дворе попросил, чтобы его ущипнули, а то ему кажется, что он спит. Ну его и... за задницу! Сразу человек пять, одновременно. Веселуха была! Вот этот, ущипанный, точно прославился.

— Да, его до сих пор так все и щипают, — нахмурилась Агата. — Пользуются тем, что он ответить не может. И нечего нас цыплятами дразнить! Мы — целители.

— Еще не хватало мне Демо вашего за попу щипать! — бурно возмутилась я, покраснев, потому как вспомнила ту, довольно аппетитную попу. Хотя у Фредо лучше...

Тут я окончательно запылала под заинтересованными мужскими взглядами, осознав, что тема была немного иная, поэтому быстро уточнила:

— И собственную задницу уж точно никому щипать не позволю! — а затем быстро перевела разговор на другое: — Вопросы я по делу задавал, мне очень местную систему магии понять хотелось. Но, похоже, я так теоретик и останусь. С практикой у меня все очень плохо...

— А что там сложного? — удивилась Агата. — Хотя... мы здесь уже какой день только руны рисуем, у нас их очень много, больше, чем у стихийных магов. Если верить преподавателю, то у меня получается. Но еще пара здешних недель и я вообще забуду, как магией пользоваться. Больных нет, а от посторонних мужчин меня Робби защищает, — Агата уже привычно потерлась щекой о плечо своего парня.

— Да без проблем, — усмехнулся Роберто, прижимая к себе девушку и целуя ее в висок. — Жаль не могу ради тебя никого на дуэль вызвать.

— Ну вот, — окончательно расстроилась я, — везет вам. Вы уже руны рисуете, а мы пока учимся магию горстями брать. А у меня эта горсть ну

никак не берется! То сразу как кувалдой шарахаю, то вообще пшик на постном масле. У Тимки вот все получается, у одноклассников тоже почти у всех получилось. Только у меня и еще у одного такого же идиота — ничего... — я горестно вздохнула, а потом вспомнила: — Кстати, нам тоже магические драки запретили. Сразу.

— Вам в целях спокойствия в Академии запретили. А целителям вообще совершать ничего никому во вред нельзя, иначе произойдет переход магического излучения с дельта-волн на тетра. Иногда временный, иногда — навсегда. В любом случае для магии очень не полезно и как целитель станешь уровнем ниже.

— Совсем ничего никому во вред нельзя? — искренне изумилась я.

— Ну, пнуть коленом можно, — подмигнула мне Агата. — А вот магию свою во вред кому-то использовать нельзя. Хотя я еле сдерживаюсь, когда вижу, как того несчастного мальчишку обижают, который себя уципнуть попросил. Сегодня вот его снова двое старшекурсников в углу зажали и громко так объясняли, что бесхозным он все равно долго не пробегает, и пора ему учиться послушанию! Но он вырвался и убежал. У меня даже глаз дернулся, так мне эта картинка мои школьные годы напомнила.

— Молодец! — горячо поддержала я неизвестного парнишку. — Нечего всяким... уродам лапы распускать, — и в воинственном ажиотаже потребовала: — Покажешь мне их завтра, я их... пну! Тоже мне удумали. Пусть сами послушанию учатся! — тут я выдохнула слегка и оглядела притихших вокруг парней.

Наконец, Робби, смущенно откашлявшись, произнес:

— Рин, не лезь. Он сам должен...

— Что сам? — не поняла я. — Ему же магией нельзя, а комплекцией, как я поняла, он не вышел.

— Если ты полезешь его защищать, только хуже ему сделаешь. Тех, кто под опекой в команду брать не очень любят. Никогда не знаешь, в какой момент сорвутся.

— В смысле «сорвутся»? — продолжала недоумевать я.

— В прямом. Испугаются и используют магию для нападения. И все, минус целитель в команде.

— И что? Пусть его значит эти уроды пинают? — окончательно потеряла я логическую нить рассуждений.

— Если он не научится сам давать отпор, тогда пусть ищет покровителя из старших целителей. Но лучше бы он научился...

— Робби, он же как тростиночка, какой там отпор?! — возмутилась

Агата

А я вдруг вспомнила свое детство и банду приставальщиц. Ведь, в сущности, выкручивалась я все время сама. Сашка вступился за меня всего один раз, а так натаскивал, чтобы могла дать отпор, хотя я тоже была тростиночка. Агрессивная, правда. Нет, конечно, никто бы меня в ситуации с нападением настоящих хулиганов, например, без защиты бы не оставил. Но от приставучих скучающих ушлепков, уверенных, что им все дозволено, меня научили обороняться самостоятельно.

— А почему его никто не научит банально драться? — поинтересовалась я. — Пусть не магией, пусть стулом по голове их шарахнет, — я сразу вспомнила свой коронный удар ранцем и нервно хихикнула.

— Ты бы его видела, — горестно вздохнула Агата. — Он же статуэтка фарфоровая. Такое ощущение, что только тронь и разобьется.

Довольно удивительно было слушать такую характеристику от миниатюрной девушки, да еще с учетом наличия у них в компании Адама. Агата тоже как раз о нем вспомнила, потому что уточнила:

— Он мне чем-то очень Адама напоминает, но того с детства к такому готовили, а Санасар в этот мир в тот же день, что и я, попал. У них целителей уважают, — девушка с осуждением посмотрела на Робби, как будто это именно он придумал такие странные порядки. — Хотя магией защищаться им тоже с детства запрещали.

— А тебе, выходит, нет? — уточнила я у Агаты.

— Первыми нападать — нельзя, а обороняться — можно, — пояснила девушка. — Главное, чтобы сила магического воздействия не превышала разрешенную для использования в бытовых целях.

— То есть, грубо говоря, можно пнуть коленом, но магически, — усмехнулся Роберто. — А нам даже так запрещено.

Тут до меня дошло, что Робби тоже «цыпленок», пусть и особенный.

— А некромантией тоже пинать нельзя? — с сочувствием поинтересовалась я у эксклюзивного «мага жизни и смерти».

— Нет. Из-за наличия во мне целительной силы, я всю свою магическую энергию могу использовать только на низких частотах.

— Убиться плеером... — поставила я диагноз всему происходящему.

Глава 9. И вот пошли вторые сутки...

Вторую ночь в новом мире я проспала, как убитая. В моей голове даже визуальных картинок не мелькало, не то что каких-то там размышлений и переживаний. Кто бы мне сказал, что буду целый день пытаться достать горсть магии... и при этом устану так, что еле-еле смогу заставить себя принять душ, а не упасть сразу же на кровать... Ни в жизнь бы не поверила! Ну, на самом деле, я бы с самого начала не поверила, начиная с переноса в другой мир. Во всех книгах попаданки сразу начинают магичить направо и налево, а не тупить! А тут я — худшая студентка в группе! У всех все отлично, даже Тимка нашел, где залежи магии хранятся, и горстями мерить научился. Одна я, как дура, блин! Эта была единственная мысль, которая сверлила меня всю ночь, как горошинка в перине у принцессы. Спать, правда, не мешала, но заставила подняться еще до рассвета. Я тихо переоделась, выползла из нашего блока, спустилась во двор и, устроившись в уголке, принялась искать магию. Однако, только я увлеклась и даже умудрилась один раз что-то схватить, как меня довольно неожиданно прервали.

— Я, конечно, подозревал, что ты безответственный человек, но чтобы настолько...!

Услышав голос Демона, я чуть не подпрыгнула от ужаса и только потом поняла, что говорит он не со мной, а с каким-то парнем.

— Заснуть на посту! Это каким же балбесом нужно быть!

— Да, лэр! Простите, лэр, задремал. Но я же вас сразу услышал. И, потом, остальные парни...

— А остальные могли на тебя, оболтуса, понадеяться и тоже задремать. Все, на три дюжника отстраняешься, посиди снова с малолетками, подумай.

— Лэр! Такого больше не повторится, клянусь!

— Надеюсь.

— Но, лэр!

— Ты хочешь оспорить мое решение? Так я тебя по уставу могу наказать, через строй в пятьдесят человек.

— Простите, лэр!

Пока мужчины пререкались, я тихо прошмыгнула обратно в свою башню. Выходит, мне бешено повезло, что караульный заснул, а так я бы попала в лапы скучающего старшекурсника? Или его пост не в этом

дворе, а ближе к выходу? В любом случае, на улице заниматься опасно. Хорошо, что мне повезло сегодня! А устав их этот что-то мне не нравится, тем более если вспомнить слова Фредо о моем балансировании по грани.

— Студент Рин? Что вы тут делаете?

Демо, очевидно уже навоспитывавшийся, быстро поднимался вслед за мной. Вернее, это я, как обычно, ползу очень медленно.

— Не спится что-то, вот решил погулять немного... — проямлила я, обдумывая, чего хочу больше — потребовать, чтобы мне выдали доступ к волшебной комнате, где я смогу спокойно потренироваться, или тихо слиться куда-нибудь подальше, например, в столовую.

— Подъем еще только через час.

А то я не в курсе! Через IX час, то есть через полтора моих.

— А вы не могли бы уже запустить меня...

— Ваше рвение к тренировкам похвально, но таким, как вы, магичить без присутствия кого-либо из старших категорически запрещено. А лично я собираюсь провести время до начала занятий в гораздо более приятной компании.

— Да вы мне и не нужны, мне место надо, защищенное. Чтобы я не разнес всю академию...

— Не льстите себе, на всю академию ваших магических сил точно не хватит, — буркнул Демо, но при этом свернул в туннель из аудиторий, а не стал подниматься выше по лестнице. Хотя, может, он просто такими извилистыми тропами в свой блок идет? Интересно, где живут преподаватели?

— Ну что вы еле плететесь? Или у вас даже на то, чтобы передвигать ноги, сил нет? — Демо, очевидно, решил отомстить мне за вчерашнее, не иначе. Но я героически не велась на провокации. Старалась, по крайней мере.

— Я просто их экономлю. Никогда не знаешь, когда силы могут понадобиться.

Вот так вот, обмениваясь любезностями, мы добрались до волшебной комнаты. Запустив меня в аудиторию первой, Демо упал на ближайший стул и закрыл глаза:

— Тренируйтесь, студент, только потише.

Мне даже жаль его стало, жертву долга, но себя было жалче больше. Я никогда не была отличницей, но худшей — тоже никогда! И не буду!

Всю первую половину дня я провела, занимаясь изощренным развлечением — достань горсть магии. Занималась я этим в аудитории на первом этаже третьего корпуса, то есть в «царстве» огневого факультета, в

компании второго такого же непутяхи, будущего мага воздуха, под присмотром крепкого плечистого старшекурсника. Посматривал он за нами очень изредка, в основном же строчил что-то на самоматереализуемых листах бумаги или увлеченно искал в книгах, огромной стопкой выложенных у него на парте.

Ближе к обеду у меня (наконец-то!) начало получаться. Так что я решила, что честно заслужила перерыв и право на поесть. И пусть столовая не слишком балует разнообразием, но я была голодна настолько, что съела бы даже перловую кашу, которой меня в детстве постоянно кормил дедушка. Пока я была маленькой, он убеждал меня, что это очень полезно, а потом выяснилось, что ему ее проще всего готовить. Так вот сейчас я бы смела миску перловки и даже добавки бы потребовала, наверное. Непутяха, у которого я даже имени не спросила, остался развлекаться в гордом одиночестве, — он же не вставал в три ночи по местному времени, а приполз, как и положено, в шесть утра. После тренировки и завтрака. Поэтому в девять (ИХ девять!) у него в животе морским узлом кишки не скручивались.

В столовой было шумно и тесно, но еще не совсем безнадежно. На подступах к раздаче уже стояли Тимошка и Борхэль, я пристроилась к ним, игнорируя брюзжание сзади стоящих. Я уже отметила, что здесь подобное — обычное явление, похоже, как и во многих очередях в любом мире. Когда рассаживались за столы, Борхэль увидел своих одноклассников и, извинившись, рванул к ним, сверкая стеклами очков и размахивая подносом. Удивительно, но ничего не разлил, не разбил и не рассыпал. И даже сам не споткнулся. Неухоженный он ужасно, это да. Поэтому я от него постоянно ожидаю сопутствующих признаков неуклюжести и рассеянности. Наличие второго временами проскальзывает, а вот первое совершенно незаметно. Мы же с Тимом нашли более-менее свободную скамейку и втиснулись между двух разных компаний, как парочка разделителей.

— И чего вы сегодня делали? — поинтересовалась я, когда моя тарелка практически опустела.

— Кракозябры какие-то рисовали, алфавит плетений, — недовольно буркнул мой домовенок.

— Алфавит плетений? Руны, наверное, да? — я фыркнула и легонько пнула домовенка под бок. Потом повернулась к нему и разлохматила ему волосы: — Не бучься! Зато без дела не бродим, фигней не маемся...

Тимка сначала зажмурился от удовольствия, — он почему-то очень любил, когда я с его кудряшками возилась, даже позволял мне ему косички

заплетать. А потом вдруг широко распахнул глазищи и огляделся:

— Эй, ты помнишь, что для всех мы оба — парни?

Я проказливо улыбнулась и состроила самое невинное выражение лица, на которое была способна:

— А что я такого делаю?

Тимка хмыкнул, а потом вдруг положил свою руку мне на талию и притянул к себе. Я задеревенела, особенно когда за спиной раздался ехидный хмык Эззелина:

— Интересные у вас отношения, для братьев! Сразу было ясно, что вы прикидываетесь!

Пока я обдумывала, как правильное отреагировать, и на кого сначала — на Тимошку, вцепившегося в меня и с вызовом глядящего почти сверху вниз на стоящего рядом с нами Эззелина, или на этого ухмыляющегося гада, смотрящего на меня так, как будто победил в каком-то неизвестном мне соревновании и сравнивал меня с плинтусом. Наконец, приняла решение:

— Тимош, мне уже пора идти на занятие, — я очень старалась, чтобы мой голос продолжал звучать как мальчишеский. Чтобы в нем даже намек не было на тот взрослый женский, что прорезывался у меня именно в такие моменты. Когда я очаровывала, убеждала, манипулировала мужчинами. Тимоха, с лицом ревнивого собственника, кивнул, но отпустить меня не спешил.

— Вечером встретимся, — не понимаю, что на него накатило, и почему он так отреагировал именно на Эззелина. Я бы еще поняла ревность к Фредо. Хотя мой домовой и ревность... И вообще, как он понял, что на этого... надо как-то реагировать? Но обсуждать все, правда, лучше вечером. Наконец, Тимка вздохнул и опустил руку. Я улыбнулась ему, встала и повернулась к Эззелину:

— Прикидываемся мы или нет, тебя это не касается.

— Да плевать мне на тебя и твоего друга, — наморщил нос мальчишка. — Подумаешь! Все равно у вас неидеальное сочетание. Идеальная пара для земли — вода.

При этом на роже у Вазелинки, сообщающего мне все эти подробности, было столько презрения, как будто быть неидеальной парой — ужасно стыдно.

— А для огня — воздух? — и тут у меня вдруг случилось прозрение. — А с водой огонь совершенно неидеален, верно? И что в этом такого ужасного?

— Ты не понимаешь... — Эззелин смотрел на меня практически с ненавистью. — Пара для боевого мага это... Это все! Это человек, который

прикрывает его спину. Тот, с которым он переплетает свои заклинания. Высшая степень доверия, ясно?!

Парень, в очередной раз зыркнув на меня так, как будто я его обокрала, развернулся и побрел в сторону очереди на раздачу.

— Псих он, — выдал очевидную истину Тимка. — И тебя, похоже, недолюбливает.

— Ты поэтому меня полапать решил? — со вздохом уточнила я, почему-то ухватив привставшего из-за стола Тима за руку. Так было спокойнее.

— Ну да, пусть знает! — гордо выдал мой домовенок, с шумом скидывая на свой поднос все наши тарелки. А потом посмотрел на меня очень серьезно: — Он в своем мире, и он — маг. Пусть тут магические дуэли и запрещены, но тихо сделать гадость сможет запросто. Главное, что он тут для всех свой, а мы — чужаки. Мы на их территории, понимаешь? И... я волнуюсь за тебя.

Я благодарно улыбнулась и крепко сжала пальцы домовенка:

— Все нормально будет. Ну не убьет же он меня!

Тимошка саркастически хмыкнул, но расслабился. По крайней мере, внешне. Какое-то время мы шли по коридорам молча, каждый обдумывая что-то свое.

— А в каком месте ты ему дорогу-то перешлёл? — поинтересовался Тим уже буквально возле нашей, вернее, на сегодня его аудитории.

— Так это же парень Фредо, — вздохнула я. — Ну того некроманта, о котором я вчера рассказывала.

— У-у-у! — Тимоха всем своим видом показал, что я обреченная на заклятие жертва, которая чудом до сих пор выжила, и помахал мне рукой: — Удачи! Попроси, чтобы тебе выдали щит от магических атак, проклятий, сглазов, кирпичей на голову... Надеюсь, сыпать крысиный яд в общий котел с едой этот маньяк пока не будет.

— Спасибо, — фыркнула я, чувствуя, что, несмотря на общий смысл фразы, настроение почему-то улучшается. — Умеешь успокоить!

— Обращайся, хозяйюшка, — тихо хихикнул Тим и неожиданно с размаху шлепнул меня своей огромной ладонью по попе: — Беги давай, учись горстями магию мерить!

У меня от возмущения даже дар речи пропал, а этот нахал только ухмыльнулся и быстро заскочил в кабинет. Ну не побегу же я за ним с воплем: «Простите, не обращайтесь на меня внимания! Я сейчас этого гада по заднице пну и уйду!». Демо, конечно, сразу войдет в мое положение и даже ехидничать по этому поводу не будет, ага! Дальше я шла и улыбалась,

представляя лицо нашего преподавателя, если бы я все же влетела в аудиторию, чтобы шлепнуть Тимку по задку. М-да...

Но при подходе к своему месту для индивидуальных занятий настроение испортилось, несмотря на то, что я уже достигла кое-каких результатов и, вообще, явно продвинулась, по сравнению со вчерашним. Просто теперь вся моя группа опережала меня на целое занятие по «кракозябрам». Правда, переписать их с Тимкиных — не проблема, да и в местной библиотеке меня пока еще не забанили, а учить мы их все равно все еще долго будем. Но сам факт того, что я в подгруппе отстающих, расстраивал ужасно. А еще Эззелин этот! Пара идеальная, пара неидеальная... Ну да, я тоже маг огня, как и он, а значит, с магом воды идеальной парой точно не буду. И не очень-то и хотелось! Возле кабинета я наткнулась на Ниммея.

— О! А ты чего здесь?! — обрадовался он мне.

— Да вот... индивидуально обучаюсь, — буркнула я недовольно.

— Пошли в столовку!

— Ой, а я только оттуда, — призналась, виновато шмыгнув носом. — Я же опять не завтракал, так что, как совсем скрутило, так и побежал.

— Печаль... — горестно вздохнул дракоша. — А Тим? Тоже? Злобные обломинго... Пойду один есть. Жизнь — боль... О, да, — оживился он внезапно. — Успехи-то как? Научился горстями магию хватать?

— Один раз из трех, — пробурчала я, чувствуя, что эта тема скоро будет вызывать во мне агрессивное раздражение, и я спать спокойно не смогу, пока эти горсти мне сами в руки в нужном размере прыгать не начнут.

Главное, у меня есть два подхода к чему-то, что мне категорически не дается. Послать, забыть и расслабиться. Или сдохнуть, но стать лучшей из лучших. Даже если бы мне это было не надо для продолжения обучения, я бы все равно выбрала второй вариант. И из-за Демо с Эззелином, и в силу собственной настырности. Ну что я — совсем никчемная дурында, что ли, раз не могу сосредоточиться и точное количество магии взять?

— Пошли, — Ниммей дернул меня в нашу аудиторию, зыркнул на едва заметного из-за свалки книг старшекласника, фыркнул на моего напарника по несчастью, который при виде нас быстро испарился в столовую, уселся на скамейку, положив ноги на стол и менторским тоном произнес:

— Смотри сюда, о юный падаван! Магия — она везде, повсюду. Мы, драконы, видим ее, она течет по нашим жилам, вместе с кровью, ею пропитан воздух, ее можно ощутить и пощупать, надо лишь сосредоточиться. Для тебя гораздо ближе такое удивительное чудо, как

электричество, — я так заслушалась, что даже не вздрогнула, когда он так легко перешел на реалии моего мира. Наверное, с Тимкой обсуждали. — И материальным его носителем является электрон, от активности и концентрации которого зависит сила электрического тока. Я понятно объясняю?

Ниммей соорудил на лице наиумнейшее серьезное выражение, и я, всхлипнув от смеха, кивнула. На большее, при виде этой рожицы, оказалась неспособна.

— С магией все то же самое, один в один. Есть отдельный неделимый материальный носитель, лимагос. Где-то его концентрация выше, где-то ниже, где-то он активен, где-то пассивен... Ты в тему влетаешь или мимо, с песнями? — Последнюю фразу Ниммей произнес в своем нормальном, обычном стиле, а не как заgrimированный под дракошу преподаватель.

— Угу, — на этот раз я даже смогла выдать какие-то звуковые признаки жизни.

— Короче, гляди, вот тут лимагосов, как птенцов у куропатки, — Ниммей провел левой рукой в воздухе. — Тут их везде навалом, потому как маги их к себе интуитивно притягивают, но конкретно здесь больше, чем в том вон углу, — дракоша кивнул в конец аудитории. — Потому что здесь сижу я, а там — зубрила с шестого курса.

Парень оторвался от книг и с прищуром уставился на нас, но Ниммей примиряюще улыбнулся и подмигнул:

— А ты учи, учи, не отвлекайся. У вас же первый зачет через джужник.

Старшекурсник еще раз предупреждающе грозно зыркнул в нашу сторону, но промолчал.

— А ты, — дракоша снова повернулся ко мне, — закрой глаза и дай мне свою руку.

Взяв меня пальцами за запястье и пару раз встряхнув кисть, заставляя расслабиться, Ниммей провел ладонью другой своей руки над моей. Я даже с закрытыми глазами это поняла, потому что... ощущение тепла, покалывания и движения чего-то, сначала от запястья к пальцам, а потом обратно. Чего-то более... плотного, чем все остальное. И как будто моя ладонь этим плотным нечто отталкивает ладонь дракона, пружинит.

— Чувствуешь, — удовлетворенно протянул Ниммей. — А теперь, — он, явно, убрал свою вторую руку подальше, потому что тепло и покалывание остались только на запястье, где меня крепко сжимали его пальцы, — попробуй взять горсть, не напрягаясь. Вот как ты обычно берешь, мы ее сейчас взвесим. Спокойно... Главное, спокойствие. Будь внимателен к живой Силе, мой юный падаван!

Я, стараясь не рассмеяться, сосредоточилась и неожиданно ощутила разность плотности воздуха, именно на магическом уровне. Более сильное излучение шло... наверное, от ладони дракоши, хотя он весь излучал эти самые лимагосы, но его ладонь была просто как... водопад.

— Хитрый какой падаван попался! — ехидно прокомментировал мои действия Ниммей. — А теперь попробуй, все так же, не открывая глаз, скатать из своей добычи колобок, очень-очень осторожно. Улет! Открой глаза и посмотри!

В моих руках был маленький светящийся шарик! Взвизгнув от радости, я повисла на дракончике и от избытка чувств чмокнула его в щеку.

— Студент Рин, аудитории в академии предназначены для занятий, а для остального у вас есть отдельные комнаты в блоках, — ну надо же было Демо зайти именно в такой момент!

Однако, вместо того чтобы начать упражняться в остроумии или бурно оправдываться, я молча протянула ему свой колобок.

— Что ж, неплохо, — преподаватель перестал демонстративно хмурить брови и посмотрел на меня и Ниммею с интересом. — Но, чтобы перевести вас в группу к остальным студентам, я должен убедиться в том, что это не было лишь случайным везением. Повторите ваш удачный опыт с тем же размером и той же зарядности.

— Рин, ты котлеты делать умеешь? — влез в наш диалог Ниммей. — Короче, это — как котлеты. Фарш же неоднородный, но ты же примерно представляешь, какого размера котлету тебе нужно сделать, и берешь то больше, то меньше. Ты, главное, на фарш смотри. Изнутри смотри.

Я вздохнула, максимально успокаиваясь, закрыла глаза, провела ладонью вокруг, ища наиболее подходящий источник. В этот раз повышенную концентрацию лимагосов найти не получилось, значит, будем увеличивать количество «фарша». Я скатала колобок и только после этого открыла глаза. Да, подзарядка не требовала от меня никаких усилий, я в спокойном состоянии излучала ровно столько энергии, сколько надо было для свечения шарика... ну, практически идентичного первому по размерам.

— Довольно интересное сравнение магии с фаршем, — хмыкнул Демо, пристально изучая то нас, то мои колобки. Один держал в руках он, второй — я. Нет, если придирается с весами, то, наверное, они отличались. Но вот на первый взгляд... Они были прекрасны! И дракоша... И даже Демо... И, вообще, весь этот мир был прекрасен, потому что у меня получилось! Получилось!!!

Демон, присев за преподавательский стол, материализовал пару листов бумаги и отсканил на них четыре «кракозябры».

— Ваши одноклассники сегодня весь день учились переписывать их с идеальной точностью. Если хотите завтра присоединиться к ним, будьте готовы нарисовать мне перед началом занятий каждую из этих четырех рун.

Глава 10. Физики и лирики

До вечера я, высунув от усердия кончик языка, вырисовывала специальной магоручкой их рунные закорючки, иногда отвлекаясь, чтобы создать очередной светящийся шарик. Бумаги мне Ниммей насоздавал кипу, а ручку вручил лично Демо. Я даже на ужин не пошла бы, если бы не Тимоха, чуть ли ни пинками выгнавший меня из аудитории, брюзжа при этом, что «голодные хозяева — позор для домового!». А гирлянду из самолепных колобков я гордо повесила себе на шею, собрав на самоскрученную светящуюся ниточку. Смотрелось несколько... оригинально, но не бросать же мои шарики на произвол судьбы? Ведь вернуться сюда после ужина мне не дадут, потому что и ручку, и сканы кракозябр, и даже пачку бумаги хозяйственный Тимка распахал по карманам, поглядывая в мою сторону очень неодобрительно. Еще бы, тринадцать часов по местному времени, а я сижу тут, «как курица на жердочке», колобки леплю и кракозябры вырисовываю. Старшекурсник, кстати, услышав Тимошкины возмущения по поводу времени, тоже засуетился и принялся активно собираться, окончательно лишая меня надежды на возвращение. Запрет же аудиторию, к гадалке не ходи.

Я очень хотела посмотреть, как он свою гору книг поперет: на себе или будет их магически продвигать в нужном направлении? Это я все о наболевшем продолжала переживать. С отсутствием у магов огня способностей к левитации, я с зубовным скрежетом, но смирилась. Теперь же меня волновало другое: бессознательное тело девицы из столовой пролевитировал целитель, а не воздушник. Или у них это к передвижению предметов относится? Надо будет потом уточнить, может, хоть тяжести таскать не придется. Вот вся такая, в раздумьях о том, что тиграм в зоопарке недокладывают магии, и почему такая сказочная дискриминация по магическому признаку, почти не прислушиваясь к брюзжащему рядом Тимке, о том, что за мной нужен глаз да глаз, я вошла в столовую и замерла.

Народу, несмотря на позднее время, была тьма тьмущая!

— Я тебе еды набрал уже, Ниммей поднос охраняет. Пошли, давай, не стой, будто столб проглотил! — Тимошка, по моей просьбе, старался теперь, даже когда мы один на один, обращаться ко мне как к парню, чтобы неожиданно не спалить конспирацию.

Мой поднос охранял не только Ниммей, но Робби с Агатой, Адам, Фонзи, Мистер Икс и парочка, которую я не то чтобы не ожидала

встретить, но...

— Привет! — улыбнулся мне Фредо, протягивая руку. Пришлось пожать, стараясь не краснеть и не прятать взгляд. — Как у тебя успехи? — поинтересовался парень, продолжая удерживать мои пальцы своими. Ощущение было довольно странное, — пальцы у него были вроде бы теплые, но при этом по телу растекалась приятная прохлада.

— Отлично! Ниммей научил меня видеть магию, — похвасталась я, обдумывая, насколько будет невежливо, если я сейчас попытаюсь выдернуть руку. И, главное, мне этого совсем не хотелось делать, но приличия же...

Эзезлин молча, с презрением, уставился на мои бусы, про которые я с перепугу забыла, а теперь вдруг дико застеснялась. Но если их сейчас при всех снять, получится еще более глупо, тем более это же мои колобки! И плевать, что там другие о них думают, особенно Вазелин.

— Какое красивое украшение.

Я даже вздрогнула, резко дернулась, тряхнула головой и приготовилась защищать свое творение не на жизнь, а на смерть, прежде чем поняла, что взгляд Фредо устремлен не на мою... эм... грудь, а на мою руку. На колечко, то самое, которое мне подарила бабушка. Обвивающая палец золотая змейка с маленькими рубиновыми глазками-точечками. Вполне себе унисексовая вещь. С облегчением выдохнув, я спокойно пояснила, что это — семейная реликвия, передается через поколение, и так как у меня ни сестер, ни братьев, то досталась мне.

Фредо покивал, ласково удерживая мою руку в своей и пристально изучая... То ли мои пальцы, то ли кольцо. Маникюр не делаю, ногти стригу коротко, пусть любит, сколько влезет. Главное, чтобы на мое розовеющее лицо не смотрел! Я уже и так не знаю, о чем думать, чтобы удержаться от самовозгорания. И, кстати, приятная прохлада, которая исходит от Фредо, очень помогает!

— Отпусти его, — вдруг произнес Ниммей, какое-то время наблюдающий за нами. — Загасишь же.

— Прости! — Фредо быстро выпустил мою руку и виновато улыбнулся: — Увлёкся...

Эзезлин, уже давно ерзающий по скамейке, резко подскочил, многообещающе зыркнул в мою сторону и пулей вылетел из столовой.

— Утешать пойдешь? — спокойно поинтересовался Робби, приобнимая сидящую у него на коленях Агату.

— Да надо бы, — Фредо смущенно пожал плечами, еще раз посмотрел на меня: — Правда, прости! Это не вызов был! — и тоже медленно, словно

нехотя, двинулся прочь.

Сделав вид, будто ничего не произошло, я втиснулась между Тимкой и Ниммеем, пододвинула к себе поднос с уже остывшей едой...

— Дай подогрею, смотри, — дракоша провел ладонью над тарелкой с супом и плавающий в нем жир сразу растопился. — Давай, дальше сам, я тебе не плита! — фыркнул Ниммей, подмигивая. — Только осторожней.

Под пристальными взглядами нескольких пар глаз я повторила фокус дракончика, примерно представляя, что надо делать. Ведь у меня внутри лимагосов нет, значит, просто излучать их я не смогу, а вот взять щепоточку... не горсть, а чуточку-чуточку и кинуть в тарелку с кашей... Ну-у-у, почти получилось. Хорошо, что мало взяла. Яркие искорки вспыхнули и тут же погасли. А если теперь кашу перемешать, то будет как раз нормально.

— Ладно, лопай. Компот я лучше сам, а то ошпаришься еще, — фыркнул Ниммей полуодобрительно-полуехидно.

Первые несколько ложек я съела через силу. Нет, правда, когда тебя изучает столько народу, кусок в глотку не лезет. Тем более что Тимка с Ниммеем еще и между собой очень странно переглядывались. Как заговорщики. Но потом желудок воодушевился, вошел во вкус, и в итоге, очнувшись я, обнимающей стакан с компотом.

— А теперь мне кто-нибудь объяснит, что, вообще, тут недавно было? — самая лучшая мера защиты, это нападение. — Что за бред про вызовы?

— Вы с Фредо — антимаги. Он может тебя загасить, а ты его испарить, — прояснил, по его мнению, ситуацию Роберто.

— Давай будем честными. Фредо Рину ничего сделать не сможет. А что именно сейчас было, я тоже не совсем понял, но такая потеря самоконтроля у выпускника Академии впечатляет, — Адам, как обычно, тонко съязвил, причем, в его взгляде промелькнуло что-то похожее на злорадство. Тут в столовую вошел Борхэль, нашел взглядом нашу компанию и уселся между Фонзи и Мистером Икс.

— Привет, чего вы все такие загадочные?

— Да вот, Фредо чуть Рина не загасил, — усмехнулся Адам и тут же получил очень неодобрительный взгляд от Агаты.

— Это шутка такая, — пояснила она. — Правда, вышло очень впечатляюще, мы все почти поверили.

— А-а-а, — недоумевающе протянул Борхэль, но уточняющих вопросов задавать не стал, а перевел разговор на другое: — Представляете, мне предложили участвовать в командных сборах!

Народ принялся поздравлять, хлопать по плечу, выяснять состав команды... И только мне было очень-очень неуютно, как я ни пыталась изобразить на лице заинтересованность. Рука до сих пор помнила приятное охлаждающее прикосновение чужих пальцев, и щеки вновь вспыхивали румянцем, и... С Ниммеем было все не так! Когда он держал мою руку, было тепло, хорошо, надежно, спокойно. А с Фредо...А еще же Тимоха сегодня чуть в драку из-за меня с Эззи не полез! И хоть с ним надо все прояснить, срочно!

— Вы извините, мне надо идти тренироваться руны рисовать, — влезла я в бурное обсуждение предстоящего важного события. — Тим, ты мне поможешь?

Заявлять в присутствии стольких свидетелей, что нам надо поговорить, я не рискнула. Как-то оно двусмысленно звучало, в связи с последними событиями. Тимошка кивнул, мы вылезли из-за стола, попрощались, пожелали всем спокойной ночи, и практически молча, лишь изредка обмениваясь ничего незначащими репликами, быстро пошагали к себе. А когда мы уже почти прошли весь седьмой корпус, нас догнал Ниммей. Хлопнув одновременно сразу двоих по плечам, он, как ни в чем не бывало, объявил:

— Давай, я тоже с тобой руны порисую! Надо память тренировать!

Что ж, семейные разборки придется перенести. Может, оно и к лучшему — а то точно разборки бы вышли, учитывая мой текущий воинственный настрой. Я, в качестве самозащиты от всех этих странных непонятных чувств, накрутила себя до предела, и сама себе напоминала бурлящий котел с зафиксированной винтами крышкой. Только тронь, и все взорвется. Причем, учитывая то, что нормальной причины для злости ни на одного из парней, кроме Тима, у меня не было, досталось бы как раз ему. А это — неправильно. Он же просто хотел защитить меня от Эззелина... Устроившись в гостиной, мы втроем сели рисовать руны. Вернее рисовала их я, а эти двое «помощничков» болтали между собой, изредка выводя нечто руноподобное.

— Тимка, ты же целый день их вырисовывал, почему у тебя до сих пор разброд и шатание в линиях?! — не выдержала я надругательства над качеством.

Домовенок, горестно вздохнув, вывел что-то условно похожее и чуть ли не плюнул на бумагу — Ну не мое это! Кракозябры рисовать!

Теперь уже мы накинулись на него вдвоем с Ниммеем. Дракоша провел рекламную акцию с кучей бонусов, начиная от будущей престижной и прибыльной профессии артефактора, до завтрашнего

повтора эксперимента с правкой формы «музыкальной шкатулки». Когда руны начали получаться не только у меня, но и у домовушки, на часах была половина пятнадцатого, то есть почти двадцать два часа, если переводить на наше время. И тут к нам в блок постучали...

Ниммей, как самый свободный, пошел открывать. На пороге стоял... Фредо.

— Так, развернулся и полетел обратно, — довольно категорично выдал дракон, а Тимоха тут же принялся выползать из-за стола, чтобы поучаствовать в убеждении, очевидно.

— Я бы хотел поговорить с Рином, — агрессивная реплика Ниммея была проигнорирована.

И хорошо, потому что я никому права, следить за моей нравственностью и моими знакомствами, не давала. Тимошка, на правах старого друга, еще может влезать со своими советами, а больше никто!

— Сейчас выйду, — спокойно, максимально спокойно, чтобы не сорваться на дракошу при посторонних... Да, Фредо — посторонний, а Ниммей — все-таки уже немного свой, поэтому заслужил разнос наедине, но уж заслужил, так заслужил...

Я подхватила своего гостя под руку и потащила прочь из блока, поближе к лестнице.

— Если только след на нем магический замечу, спалю и уголька не оставлю, — предупредил дракон Фредо в удаляющуюся спину.

— Слушай, я честно сам не понял, как оно получилось. Глупо звучит для мага с моим опытом, но... Я с Эзелеином себя прекрасно контролирую, — при упоминании Эззи, у меня лицо непроизвольно на секунду скривилось. — Да, он не подарок, но я ничем не навредил ему за те полтора года, что мы вместе. Хотя, как ты понимаешь, я не только за руку его держу, — меня еще раз внутренне передернуло, и это явно отразилось на лице. — Слушай, я... Те, кто из других миров, они не все нормально на такие отношения реагируют, понимаю. Да и у нас такое норма — только среди магов, обычные люди нас осуждают.

— Я нормально реагирую.

Горло першит, что ли? Голос прозвучал как-то хрипло, будто и не мой вовсе.

— А-а-а, — Фредо сначала вроде как облегченно выдохнул, потом нахмурился. — То есть этот оборотень, он твой парень? А тот, второй, говорят, твой брат, да?

— Э-эм...

Врать? Не врать? Всю правду? Часть? Почему-то обманывать совсем

не хотелось.

— Тим — мой друг, мы вместе жили, — тут я поняла, как это подозрительно звучит, но выдавать, что Тимоха — домовой, подсознание категорически не разрешало, поэтому пришлось выкручиваться креативно: — С детства. Он в нашей семье с самого детства живет, так что, почти как брат, да.

Уф! Так, а теперь про дракона... Сказать, что он не мой парень? Да уж не чужой, в отличие от некоторых! А то интересная у нас ситуация получается.

— С Ниммеем мы познакомились здесь, у вас. Он, пока, просто друг, — я очень многозначительно выделила это «пока», подчеркивая, что в любой момент все может измениться.

— Намек понял, — улыбнулся Фредо и протянул мне красивую толстую книгу с яркой обложкой. Двое мужчин, стоя спина к спине, оборонялись от нападающих на них со всех сторон чудовищ.

— Вот. Я же обещал занести, — и в его уже вполне взрослом голосе вдруг прозвучали напряженно-мальчишеские нотки. И это смущение, отведенный взгляд, пренебрежительно-независимая фраза... До боли, до слез знакомо, еще по Сашке. Ему нужно, чтобы я взяла эту книгу. Хочется, чтобы я ее прочитала. Потому что он ее любит. Скорее всего, любит с детства, или в сюжете есть что-то очень для него значимое. Все происходящее для Фредо очень-очень важно! Потому что мне сейчас вручают маленький кусочек собственной души. Это что-то, типа проверки, теста. Можно дружить и читать разные книги, но гораздо приятнее дружить и читать одно и то же. Особенно если в качестве закладок в книге спрятаны отголоски чужих эмоций.

— Спасибо, — я очень осторожно взяла книжку, полюбовалась на обложку, на название и на ничего не говорящие мне имя и фамилию автора, пролистала пару страниц... — Большое спасибо!

Такая литература и с точки зрения познания мира интересна, и приключения, опять же.

— Если понравится, у меня продолжение есть, — и снова эта напряженность в голосе, с которой произносится совершенно ничего не значащая фраза. Будто бы ему все равно, понравится мне или нет, но если понравится, то он услышит от меня об этом, потому что я приду за продолжением. Хотя я и так приду, просто чтобы вернуть ему книгу...

Да, теперь, по правилам книгообмена, я должна прийти к нему и, по честному если, предложить что-то свое. Только у меня тут ничего своего нет, к сожалению. А так было бы интересно, прочитав и проанализировав

его самую любимую книжку, попробовать угадать, подобрать из своих «любимцев» похожее... Как мне нравилось развлекаться так с Сашкой! Так, не раскисать! Собраться из грязной вязкой лужицы во что-то более-менее плотное, чтобы хватило сил дойти до своей комнаты.

— Здорово, люблю многотомники, если продолжение достойное, а не отписка по требованию издательства.

— Издательства? Это как?

— Ну, это такая организация, которая оформляет присланную автором историю вот в такую книгу, — пояснила я. — Много-много таких книг. И потом распространяет по магазинам.

Фредо удивленно приподнял вверх бровь. Его черные глаза, практически без зрачков, перестали пугать меня еще вчера, но все равно пока еще было не привычно — не понятно, куда человек смотрит, но вроде бы на меня.

— У нас этим маги занимаются. Хороший бытовой маг легко сделает из рукописи — книгу, даже через орфограф пропустит, за определенную сумму, конечно. И затем картинки из головы автора отсканирует. А потом останется только нарисовать копирующее плетение и задать число копий. Дальше автор или сам по книжным магазинам и библиотекам ходит, или нанимает специального человека.

— Менеджера, — хихикнула я.

— Нет, у нас они называются просто распространителями, — улыбнулся Фредо. — Каждый специализируется в своей сфере, и стоят они, естественно, по-разному. Если это кто-то очень известный, то его имя даже ставят рядом с печатью создателя и торговой маркой магазина.

— Во! У нас так же с издательствами! — обрадовалась я неизвестно чему. — Пишут под названием и данными автора: «Книга издана в таком-то году таким-то издательством».

Я посмотрела на Фредо и замерла, как мышка перед котом, под его пристальным прожигающим до озноба взглядом.

— Рин... Ты только пока не торопись, ладно? С оборотнем своим. Пожалуйста...

Вот как стояла, так и застыла, прижимая книгу к груди. Торопись или не торопись... Девочка я! Де-воч-ка! Без шансов! Хотя... Это если он только по мальчикам, а если... А может, наоборот, обрадуется? Только я же — «приблудная». Так и мальчик я — тоже приблудный и... Вообще, я рано в панику впадать начала! Может, он просто так заботу обо мне проявляет, предупреждает об осторожности и важности вступления в серьезные отношения, тем более с оборотнями, к тому же — драконами. А если с

корыстной целью, так тем более нечего паниковать. Пусть добивается моего внимания, ухаживает там... Цветы, умные разговоры, конфеты, шампанское. Будет себя хорошо вести, получит шанс... узнать, за что борется, вот!

Нет уж, видала я эту влюбленность в белых тапочках, одна головная боль от нее! И ведь правильно говорят: «Почему то ни одного парня, то сразу несколько? Потому что беда не приходит одна!».

И-ить, как девочки кокетничают, я знаю, даже иногда умею использовать, а как парни? Так, надо сделать уверенное лицо, посмотреть в глаза и серьезным голосом выдать:

— Уговорил, недельку еще подожду!

Уф... А теперь ноги-ноги спасайте мою задницу, быстро!

— Спокойной ночи? Спасибо еще раз за книгу.

— Спокойной... — и руку на прощание протягивает, зараза такая!

Не протянуть свою в ответ — некрасиво, и трусом прослыть не хочу, а протянуть если, так... Ниммея-то рядом нет, кто меня от этого маньяка отбивать будет? Но все же рискнула, позволила прикоснуться его пальцам к своим, насладилась растекающейся по всему телу приятной прохладой... Хорошо Фредо сам руку отдернул, а то так бы стояла и блаженствовала. Потрясающее ощущение! Как будто в море уже поздним вечером занырнула, причем оно не только снаружи все тело омывает, но и внутри, по венам течет...

— Ничего не понимаю! — расстроено произнес парень, виновато глядя на меня. — Пошли, я тебя до блока провожу.

— Да не потеряюсь, — удивилась я, оглядываясь в сторону своей двери.

— Не хочу, чтобы твой оборотень решил, что я его угрозы испугался, — подмигнул мне Фредо, вроде бы с усмешкой.

Ну вот, только драки мне сейчас и не хватало, между двумя горячими парнями. Вернее... Одним холодным и одним горячим. Все, спать хочу! К Тимке хочу... Он понятный. Обычно. Домой хочу... За что мне этот дурдом в дурдоме? Ниммей будто ждал в засаде прямо у входа, потому что тут же материализовался рядом, оглядел меня, широко раздувая ноздри, и повернулся к Фредо.

— Так, выдыхаем, улыбаемся, машем! — произнесла я, упираясь ладонями одновременно сразу в обе груди и чувствуя, как через меня понеслось две лавины — огонь и вода, жара и холод. Понеслись и столкнулись где-то в центре... в сердце... И я плавно осела на руки успевшего меня подхватить Тимошки.

— Вот клювокрыл психованный, ящерица безмозглая, долбоклюй, чтоб тебя... Это же надо было додуматься?! Ты живой, вообще?!

— Ринк, ты как? — это Тим. Волнуется...

— Все! Он пришел в себя, давай, маши крыльями в свой корпус. У вас тут комендантский час есть, вообще? Лети отсюда, я сказал! Проводник он, ясно? Так что давай, дуй к своему Эззелину, счастья вам и попутного ветра под хвост.

— Давай, я сам буду решать, когда и к кому мне лететь.

Фредо... Как стыдно, а, главное, непонятно. Сегодня же Ниммей меня столько времени за руку держал, и ничего не было, а тут...

— Рин, прекращай притворяться убогим и пошли своего хахаля отсель, пока беды не вышло, — у наших городских домовых очень своеобразная речь, колоритная: редкостная мешанина из деревенских шуточек, старинных словечек и современных связок для всего этого. Я открыла глаза, вяло улыбнулась трем склонившимся надо мной парням и поинтересовалась:

— А что это было, а?!

— Что-что, долбоклюй ты, вот что. Это ж надо было взять и к двум антимагам одновременно прикоснуться. Да даже яйцо до такого не додумается! Как тебя не убило, не понимаю... Улет...

— А нельзя, да? — искренне удивилась я, аккуратно при помощи Тима пересаживаясь с пола на диванчик в коридоре блока.

— Тебя чему в твоём мире учили, вообще, а?! Электроны, позитроны, аннигиляция, мать вашу?! Плюс на минус дает ноль. Электрон с позитроном выдадут фотон, с нулевым... нулевым! клювокрыл ты безмозглый, зарядом! Вот попробуй давай, слепи шарик, ящерица...

Ниммей выдохся и упал на диван со мной рядом.

— Вокруг меня одни идиоты, — доверительным громким шепотом пожаловался он Тимке. — Причем один долбоклюй учил физику, а второй, вообще... Чему тебя на первом курсе учили, а?! — устало поинтересовался дракон у несколько растерянного от всего происходящего Фредо. — Вы что, взаимодействия магии не проходили, или ты ее прогуливал?

Лицо у моего «хахаля» закаменело, желваки под смуглой кожей задвигались, но при этом он промолчал... признавая, что Ниммей прав? И я тоже промолчала, потому что чувствовала — дракоша действительно переживает, просто он такой же, как я — шумный, вспыльчивый, легко воспламеняемый. Огонь, короче! Мало того, что я не стала возмущаться полученной взбучке, но и честно попробовала слепить очередную котлетку. Сделала вроде бы все ровно, так как и раньше, только вместо мягкого света

нас всех ослепила яркая вспышка, которую мгновенно накрыло и загасило водяным колпаком. Странно, а судя по скепсису в голосе Ниммея, вообще ничего не должно было получиться.

— Уле-е-ет, — нервно икнул дракон, глядя на меня, как на чудо. — Ты, выходит, не только проводник, но еще и маготроф! — и, повернувшись к Фредо, сочувственно фыркнул: — Одна ночь с Рином, и ты магический труп, парень! Так что заткнись, забей, забудь...

— Я сам буду решать, — и в голосе столько детского злого упрямства... Прямо вот даже не верится, что этот человек меня на целых четыре или даже пять лет старше.

Так, на часах полшестнадцатого, вставать завтра в четыре, думать обо всем я буду завтра. Завтра! В конце концов, вон у Фредо водяной купол тоже получился, значит, не слопала я у него магию... Не всю — точно.

— Давайте, мы будем жить дружно, и все пойдем спать, хорошо? — предложила я двум боевым петухам и одному домовому. — А то у меня такое ощущение, будто во мне что-то недавно взорвалось.

Глава 11. Хороший аппетит заговорам не помеха!

Третья ночь в новом мире оказалась до обидного короткой. Вот только заснула, и сразу раз и подъем. Убивать за такой мощный будильник надо! Вообще убивать за будильник...Зарывшись с головой под одеяло и накрывшись сверху подушкой, я позволила себе еще целых пять минут поваляться, а потом обреченно пошла макать лицо в воду и рисовать себе утро.

— О, ты сегодня всю ночь спала у себя, а не в аудитории?! — хмыкнул Тимка, уже зависающий над вторым умывальником.

— Не «спала», а «спал», — меланхолично поправила я с тяжким вздохом. — Вот просто чувствую, как моя конспирация накрывается медным тазом.

— Водяным куполом она у тебя накрывается, — фыркнул Ниммей, вползая в ванную комнату. — Нет, чтобы в мага воздуха втрескаться, она взяла и мага воды соблазнила.

— Никого я не соблазняла! — я возмущенно надулась и уставилась на дракона, нахмутив брови. Но увидев его честную заспанную веснушчатую моську с искренним взглядом зеленых глаз, рассмеялась. Только все равно не удержалась и отомстила: прижала обе мокрые холодные ладони к его щекам.

— Ах ты, мелкая ящерица! — Ниммей потряс головой, потом схватил меня в охапку, приобнял одной рукой, а второй захватил в горсть по-прежнему текущую из крана ледяную воду и размазал все это у меня по лицу. — И тебе доброе утро!

— Ты... — я вырвалась, отфыркиваясь, как кошка. — Ты...

Набрав воды сразу в обе ладони, я выплеснула все это в лицо красноволосому нахалу, чтобы почти сразу оказаться прижатой к стенке между вторым умывальником и ванной. Холодные пальцы почти нежно прогладили меня по лбу, глазам, щекам... А все остальное тело у дракоши теплое и... одет он лишь в местное подобие семейных трусов, через тонкую ткань которых... Так... Так. Так!

— Ниммей... все, отпусти, я больше не буду! — подобные забавы лучше заканчивать вовремя, и сейчас как раз очень удачный момент. А раз я первая начала, то будет честно, если именно я первой и остановлюсь.

— То-то же, — удовлетворенно протянул парень, которого, похоже, ничего не смущало.

Может, он просто не заметил? Сама я тем более внимание на такой... эм... мелочи... крупной мелочи... заострять не буду. Вытерлась, гордо продефилировала мимо ухмыляющегося Тимки, резко обернулась и пропихнула на секунду холодную ладонь ему за пояс штанов, а потом быстро убежала к себе в комнату.

На утренней тренировке мы поступили по-умному — где-то минут за десять до ее окончания Тимоха сбежал в столовую, занимать нам очередь. Так что позавтракали мы совершенно спокойно, безо всякой спешки, даже Адама с Борхэлем в компанию взяли. Пожелали доброго утра остальным новым знакомым, потихоньку подтягивающимся в здешний центр студенческого единства, и разошлись по своим корпусам и аудиториям.

Правда, я на радостях забыла, что мне надо было явиться заранее, чтобы продемонстрировать свои успехи, о чем Демо и сообщил мне спокойным голосом:

— Опаздываете, студент Рин.

— Извините, в столовой задержался, — буркнула я и плюхнулась на свое место.

Сегодня две половинки нашей группы, магомирную и техногенную, объединили, так что аудитория была забита полностью. И Демо, воздержавшись от комментариев, решив повторить пройденный материал не только для меня:

— Перед вами в воздухе светятся руны, которые мы начали изучать вчера. Вызов стихий: огонь, земля, воздух, вода. Это основные руны, они всегда будут входить в состав ваших плетений. Многие думают, что эту, — преподаватель ткнул указкой в руну огня, больше всего похожую на очень схематично накаляканного человечка с ногами на ширине плеч, — вам рисовать не обязательно. Это ошибка, потому что у большинства из нас есть не только огненная магия. Чтобы быть уверенным в том, что плетение заряжено верно, и ничего лишнего туда не попало, надо изначально указать, с какой из стихий мы будем работать. Тем более иногда плетения бывают составные и разнозаряженные. Поэтому ваша задача научиться рисовать все. В экстренных случаях даже маг огня сможет использовать водяную магию, если сильно напряжется и укажет, чего именно он хочет.

Убедившись, что мы все внимательно выслушали его речь, Демо удовлетворенно кивнул и пошел по рядам, останавливаясь у каждого из столов, чтобы сидящая за ним пара студентов нарисовала ему эти четыре кракозябры. Когда он оказался за моей спиной, я, обреченно вздохнув,

принялась вырисовывать каракули, уговаривая себя, что это очень-очень важно. Просто жизненно необходимо. Сначала горстями магию доставать, теперь руны выводить...Домой хочу! К айпаду, ноутбуку, к алгебре с физикой вместо этого... Я злобно зыркнула на расплывающиеся перед глазами светящиеся картинки. К маме хочу! А не азбуку учить в каком-то левом мире.

— Студент Рин, — я оторвалась от очередного внезапного процесса «себяжаления» и, обернувшись, с вызовом уставилась на Демо.

— Ну, слава Богам, вы злитесь! А то я уж было занервничал — решил, что вы плачете, как девчонка.

— С чего вдруг? — так, спокойствие... главное — спокойствие. А то сейчас опять полезу до препода докапываться, вместо того чтобы спасибо ему сказать. Отвлек, не дал впасть при всех в истерику. Уж как мог, так и отвлек...

— Я тоже думаю, что причин рыдать нет ни у кого. Ну, появились мы все, — слово «все» Демон подчеркнул, смотря на меня в упор, — в этом мире не совсем в удачное время. Значит, так было суждено. Зато потом, когда все закончится, вы спокойно будете жить следующие четыре-пять сотен лет, разве это вас не радует?

— Мне бы прекрасно моих восьмидесяти хватило, — буркнула я, переваривая полученную информацию. Как-то я не задумывалась над тем, что теперь буду жить столько же, сколько тут живут все маги.

— Студент Рин, вы еще глупее, чем я думал, — фыркнул Демо. Похоже, эта фраза скоро станет его любимой присказкой в разговоре со мной. — Вы были обычной бабочкой-однодневкой, а теперь у вас впереди бесконечность. Так что садитесь и учите азы магии. Торопиться вам, конечно, некуда, но я очень рассчитываю, что даже вы сумеете лет через пять перейти на второй курс.

Тут он решил подсыпать сахара в уксус и с легким пренебрежением в голосе произнес:

— А руны у вас вышли совсем неплохо. Даже лучше, чем у вашего соседа.

Когда обход по рядам был закончен, семерых не справившихся с первым зачетом, вместе с тем несчастным, который вчера вместе со мной занимался горстехватанием, Демо отсадил на задние парты и даже воспроизвел руны основных стихий прямо перед каждым. А для остальных нарисовал новые: жизни и смерти.

Через пару часов у меня на пальце была мозоль, и я могла изрыгать пламя, как драконы. Некоторые из ребят уже рисовали более продвинутые

кракозябры, а я долбилась как дятел с руной смерти. Не давалась она мне, хоть ты тресни! Вообще, эта каракуля была составная: глаз под углом где-то в сто двадцать градусов, и еще одна закорючка. Так вот, пока я не расчленила эту кракозябру на две части и пыталась нарисовать оптом все сразу — ничего не выходило. А как только меня осенило, что это глаз под зонтиком — сразу стало более-менее похоже на тот закорюк, который нарисовал Демо.

— Вы сами догадались, или вам сосед подсказал? — помянутый всуе преподаватель завис за моей спиной, внимательно изучая мое художество.

— А что, слишком гениальная мысль? — я даже не сразу поняла, о чем он. Отреагировала, почти не задумываясь.

— То, что некоторые руны могут быть составные? Уровень семилетнего ребенка в нашем мире, но вчера вы были на уровне пятилетнего, так что прогресс на лицо. Два года за сутки. Я просто горжусь вами, студент Рин.

Нахмурившись, я в полоборота следила за выражением лица Демо, пытаюсь понять, серьезно он или издевается. Судя по хитрому блеску в глазах, мужчина забавлялся моими сомнениями. Однако все же решил, что взрослый, а значит, более умный — это он, а не я, и уступил:

— Я, действительно, не ожидал от вас такого прогресса, студент Рин. Предполагал, что вас осенит к завтрашнему дню, например, — и махнул рукой, материализуя два листа бумаги с практически мгновенно отсканированными на них узорами. — Двигать и скреплять — два первых основных действия, которые можно делать с магией. Рисуем, студенты, рисуем...

На обед мы с Тимкой выползли, как два зомби, правда, после супа Тимоха оживился и принялся болтать с подошедшим к нам Фонзи, но я, быстро слолав свою порцию, поспешила обратно и потащила с собой сопротивляющегося домового.

Мы научились рисовать еще парочку глаголов, и Демо объявил, что на сегодня с нас всех хватит. Теперь наша задача — учить всю эту красоту наизусть и рисовать по памяти.

— Руны стихий вы должны суметь воспроизвести, даже если вас разбудить среди ночи, ясно?! В любом состоянии, в любое время суток, несмотря на кучу отвлекающих факторов и сотни уважительных причин. Это — азы. Основные действия с рунами у вас тоже должны из-под пальцев вылетать, единым росчерком! Завтра будем учить руну скрытия.

Я так устала, что мне даже ужинать не хотелось — только бы доползти до своей комнаты, упасть на кровать и спать. Пальцы на обеих руках

просто свело судорогой. Это хорошо, что я обеими руками могу писать. Даже думать не хочу, каково сейчас тем, кто все это время выводил эти руны только правой... ну, или только левой. Но тут уже возмутился Тимоха и потащил меня, вяло сопротивляющуюся, в столовую. Там было, как обычно, шумно и тесно. Причем сегодня как-то даже более шумно, чем вчера. С другой стороны на часах — двенадцать, а вчера я тут в тринадцать оказалась.

Из знакомых лиц я вычленила только Адама, он стоял уже почти у раздачи, в кругу однокурсников, а сразу за ним пристроился худенький парнишка, может даже, ниже меня ростом. Как Агата и описывала — тростиночка и фарфоровая статуэточка. На фоне этого паренька Адам выглядел крупным, сильным и уверенным в себе мачо. Хотя они тут все... Даже их «цыплята»...

Мы пристроились в самом конце очереди, лениво перекидываясь фразами со своими одноклассниками. Первокурсников-огневику что-то не было видно, ни на пути к раздаче, ни за столами. Конечно, у них занятия по расписанию, а это значит — до одиннадцати часов. Потом только дополнительная практика. Вряд ли Ниммей на ней будет задерживаться, так что летает где-нибудь по Академии, красноволосый разведчик. Вот целители, как и мы, всегда жужжат допоздна. Интересно, чему их там учат?

Нам с Тимохой уже выдавали тарелки с вареной картошкой и тарелки с тушеным мясом (здесь не принято было смешивать все во время раздачи — наверное, много сторонников раздельного питания), и Тим как раз начал выяснять, остались ли с обеда овощи или нет, как я услышала за спиной бурную перепалку. К «цыплятам», сидящим вместе большой дружной стайкой, докапывались двое... долбоклюев, как говорит Ниммей, курса с третьего, наверное. И, главное, все остальные стояли и смотрели на происходящее, не вмешиваясь.

Сжав зубы, я, превратившаяся в слух и рефлекс, донесла поднос до свободного места за ближайшим столом, поставила, проигнорировала успокаивающее поглаживание Тима. Его фраза: «Рин, помнишь, Робби предупреждал, что вмешиваться нельзя», тоже была пропущена через уши, в одно вошла, в другое вышла... Развернувшись, я уже направилась в сторону намечающейся заварушки, когда к цыплятам, сразу с нескольких сторон, подвалила помощь из своих же старшекурсников. Роберто, кстати, был среди них. Рванул прямо от входа в столовую и все равно успел опередить меня, хлопнув, пробегая, по плечу.

По случаю прибытия новых участников, заварушка не состоялась, потому что связываться сразу с пятью равными им по силе соперниками

эти трусы не захотели, быстро рассосавшись. Однако я успела и рожи их запечатлеть в памяти, и значки. Воздух. Что ж, отлично. При всех в столовой устраивать драку, действительно, было бы глупо.

Когда адреналин начал потихоньку развеиваться и возвращать мне способность мыслить здраво, я вспомнила и об уставе, и о том, что магические дуэли здесь запрещены, да и обычные бои без правил тоже, наверное, не поощряются. В общем, меня отпустило, я выдохнула и решила, что правильную месть надо подавать продуманной и холодной. А что я начну заниматься воспитанием этих долбо... долбанутых на всю голову, это уже вопрос решенный. Уж больно мне не понравилось выражение лица того паренька, к которому, в основном, докапывались эти два... ушлепка.

— Что, решил послужить грушей для кулачной тренировки? — возвращаясь обратно к Тиму, я зачем-то наткнулась на Эззелина. Точнее, это он на меня. Как будто специально выискивал, чтобы сказать какую-нибудь гадость. — А куда свои бусики дел? Потрясающая безвкусица... Хотя чего еще ожидать от пришлых!

«Понаехало вас тут...», — хмыкнула я про себя, радуясь, что Вазелинка объявился уже после того, как я успокоилась. А то огреб бы сейчас кулаком по наглой морде. Правда, возможно, он дерется лучше меня, кто его знает? Я-то по прежнему в рамках своего мира мыслю, где магии по нулям, и спортом далеко не все люди занимаются. Наверное, мне имеет смысл поискать себе учителя среди местных, а не задирать нос кверху. С моим характером умение драться по новым правилам будет точно не лишним.

— Лети отсюда, чудо местного разлива, — Ниммей возник рядом буквально из ниоткуда. — А бусики не выпрашивай. Если завидно, сам себе такие же сделай, если крылья не из задницы выросли.

Пока Эззи придумывал достойный ответ, дракоша, удерживая меня за плечи и чуть ли не пиная под задницу коленом, погнал в сторону Тимохи.

— Это ты чего удумал, ящерица?! Где ты, а где эти два яйца передержанных?! Да они бы в тебя дунули и все... Со свистом через всю столовую! И даже за дуэль бы не засчитали, потому как ты первый полез. Садись, короче, учись вон снова еду разогревать. Давай-давай, не смотри на меня так, будто я тебе все перья повывергивал!

— А у тебя есть перья? — заинтересовалась я.

— А то! — гордо фыркнул Ниммей, одновременно внимательно следя за тем, как я разогреваю себе картошку. К мясу, плавающему в сочной подливе, он меня не подпустил. — На макушке есть, как у индейцев, — и

засмеялся, глядя на меня. Еще бы! На моем лице сейчас бешеная работа мысли должна отражаться. Откуда этот иномирный дракон знает про древние племена наших индейцев?

— Улет! Я угадал! У вас они тоже были?! Наверное, назывались не так как у нас, но здешний встроенный в голову переводчик все выравнивает.

Ниммей материализовал бумагу и отсканировал из головы изображение... почти нашего индейца. Из тех, что сбрасывали с головы волосы, оставляя только хвостик на макушке, в который втыкали перья, в качестве украшения. Хищный орлиный профиль, продолговатые широко расставленные глаза, высокий гладкий лоб, тонкие губы... Красавец!

— Мои предки долго брали женщин из этого племени и в человеческом облике выглядели так же.

Мне показалось, или у кого-то есть глубоко застрявшие комплексы, связанные с внешностью? Наверное, показалось. Хотя в голосе, явно, прозвучало сожаление.

— Они потом все погибли. Одновременно. Извержение вулкана и пшик...

— Жаль... — а что тут еще можно сказать?

— Да это давно было, мой отец только вылупился, когда все случилось. А я из его девяносто седьмого вывода, так что только картинки в книжках застал.

— Привет.

Внутри сразу все замерло, едва я услышала этот голос, а потом сердце забилось быстро-быстро и... Хорошо, Тимка положил мне под столом руку на колено, помогло немного успокоиться. Вот странно, из Тимохи я же магию не выкачиваю. Что за несправедливость-то такая?! Хотя, если бы до меня вообще никто дотронуться не мог, совсем тоска бы была. И, кстати, я вот с драконом сегодня с утра... эм... тискалась в ванной, будем называть вещи своими именами, и тоже ничего! А вот если меня сейчас Фредо за руку возьмет, то... Так, медленно оборачиваемся и улыбаемся, естественно, а не деснами. Потому что рядом с Фредо уже стоит Эззелин и смотрит на меня с вызовом во взгляде.

— Привет, — непринужденно, как будто ничего не было... Да и не было ничего! Просто нам нельзя друг к другу прикасаться, даже кончиками пальцев. И это — основная причина, с которой ничего не поделаешь.

Можно мечтать, что он бросит ради меня Эззи. Можно даже помечтать, что он просто его бросит — неужели вокруг мало хороших парней?! Можно представлять, как он обрадуется, узнав, что я девушка. В конце концов, раз здесь отношения между мужчинами приняты только

среди магов, значит, в обществе они считаются предосудительными, а тут я... И... Можно помечтать о каком-то совместном будущем... Хотя... По их мнению, жены сидят в поместье, занимаются хозяйством, а не сражаются рядом, спина к спине, как те двое мужчин на обложке. Короче, надо делать вид, что между нами ничего нет, не было, не будет... Никогда не будет!

— Слушай, я почитал вчера про антимагию, — учитывая время, когда мы расстались, правильнее было бы говорить «сегодня ночью», но «вчера» звучит более невинно, конечно. — Если тебе интересно, мы можем попробовать потренироваться во взаимодействии.

— Да, с удовольствием.

Это я сказала? А мои умные мысли куда делись? Зачем я лезу во все это, как мышь в логово к кошке?! Надо предупредить, что на тренировки я буду ходить не одна, а с кем-то из парней, хотя бы одним из двоих. Ведь, судя по лицу Эззи, он собирается присутствовать на всех наших совместных занятиях и бдиль. Да, о том, что заявлюсь в компании, надо сказать обязательно!

— Надеюсь, ты не против, если я буду приходить с кем-то из ребят? Чтобы они могли вмешаться, если что-то пойдет не так.

Напрягшиеся до состояния каменных изваяний Тим с Ниммеем облегченно выдохнули. Эззелин, кстати, тоже слегка расслабился.

— Конечно, нет. Я тогда договорюсь насчет тренировочного зала.

Дракон снова напрягся, но потом они с Фредо обменялись кивками, взглядами и загадочными мимическими гримасами, после которых Нимму в очередной раз полегчало.

— Всем приятного аппетита, — и, вполне дружелюбно улыбнувшись, Фредо, приобняв Вазелинку, направился в сторону раздачи.

— Интересно как, — произнесла загадочным тоном незаметно подошедшая Агата, усаживаясь напротив нас и поглядывая то на меня, то почему-то на Ниммея, то на парочку в очереди. Но продолжать свою мысль не стала, резко сменив тему: — А вы были тут, когда пытались спровоцировать Адама и Санасара? Хорошо, Робби и другие старшие вмешались! А я как раз только решила к другим девочкам зайти, поболтать, а тут такое.

— Да, мы были, — хмуро буркнула я. — Как по мне, так этих недоумков надо поймать и отпинать, как следует.

— Я тоже так думаю, — подмигнула мне с заговорщицким лицом девушка. — Робби, правда, против и постоянно твердит о том, что тут так не принято. Но я считаю... — Агата, закусив губу и на секунду нахмурилась. — Да, я с ним категорически не согласна, — решительно

продолжила она. — Особенно после сегодняшней выходки. Напасть прямо в столовой, при всех, это уже верх наглости!

— Точно! — воодушевилась я. — Надо что-то придумать...

— А я уже придумала, — загадочно улыбнулась девушка. — Просто мне нужен напарник. Я вызову одного из этих двоих на дуэль и уделаю его, как Бог черепаху! — в голосе Агаты прозвучало злорадное предвкушение. — Но мне нужен секундант. Робби и Адама я посвящать в свои планы не собираюсь, а то они начнут меня отговаривать и бухтеть про правила. Ну, согласись, что это за правила, по которым два сильных олуха могут задирать слабого беззащитного мальчишку?!

— Да бред это, а не правила! — согласилась я.

Сидящие рядом Тимошка и Ниммей в наши девичьи переговоры не влезали, но помалкивали очень выразительно и сочувствующе. Хотя, уверена, заведи разговор о магической дуэли я, а не Агата, меня бы перекинули через плечо и унесли бы в башню, чтобы наедине долго и тщательно клевать в мозг.

— Слушай, но вам же ведь нельзя магию во вред применять, — неожиданно вспомнила я. — Там же какой-то откат, частотное повышение, кары небесные, и вообще...

— У меня все продумано, — загадочно улыбнулась Агата, вновь подмигнув мне. — Значит, договорились? Приятного аппетита!

И девушка, ловко лавируя между студентами,двигающимися по столовой с подносами и без, направилась к столу, за которым сидела большая толпа целителей из разных курсов.

Глава 12. А мы уйдем на север...

Вечернее полоскание мозгов я все же получила, причем и от двоих сразу, и по очереди. И, главное, все за то, что еще даже не совершила — и за будущие тренировки с Фредо, и за намеченную дуэль Агаты с кем-то из ушлепков. Кстати, судя по настрою девушки — потенциального смертника. Агата не производила впечатления человека, который будет действовать непродуманно. У меня прямо пятки чесались бежать к ней, чтобы уточнить, что же она задумала и почему чувствует себя так уверенно. Но, ясное дело, два тирана меня никуда непустили.

Нет, можно было бы устроить прокачивание прав, стукнуть кулаком по столу и гордо выяснить, кто в этом блоке главный, я или тараканы?! Но, положив пятку на грудь, следовало признать, что когда у тебя регулярно эмоции берут верх над разумом, очень важно, чтобы рядом был кто-то хладнокровный, выдержанный, спокойный и уверенный в себе... Короче, тот, кто даст тебе по затылку и объяснит, что ты — безмозглая ящерица. Иногда это полезно.

— Ним, а сколько тебе лет? — неожиданно заинтересовалась я.

Тимохе вот было сто девяносто семь, совсем молоденький еще для домовенка. Его к нам в квартиру отселили как раз тогда, когда мы с мамой туда заселялись. Вместе заехали, вместе обживались, вместе мою комнату обустроивали. Тимка сразу заявил, что на кухне спать ему не любо — холодильник урчит, аки зверь голодный, кошмары нагоняет, а это вредно растущему организму с неокрепшей психикой. И устроился у меня в стеллаже, оккупировав сразу две нижних полки. То есть, учитывая, сколько лет мы прожили вместе, звание старшего брата или друга детства он честно заслужил. Правда, увеличившись в размерах, домовенок начал вести себя несколько подозрительно, но, может, это я уже сама себе придумываю, а он без всяких задних мыслей, исключительно как опекаемый объект, меня тискает и по попе хлопает.

— Эм... Ща прикину, сколько в переводе на ваши будет. У вас в среднем конечный возраст какой? Двести?

— Максимум — сто, — буркнула я, вспомнив свой разговор с Демо. — Мне не в переводе, мне, вообще, интересно.

— А, вообще... Мне четыреста семьдесят три, я по меркам драконов практически подросток во цвете юношеского максимализма. Так что мне надо дурить и баловаться. До первой тысячи считается, что у нас еще не

вся скорлупа с плеч осыпалась.

Я скептически посмотрела на ухмыляющегося «подростка во цвете» и тяжело вздохнула.

— Иех, а мне девятнадцать через месяц будет.

— Очешуешь! Устроим ночное пати с обливанием газированным вином? Как оно в вашем мире называется-то?

— Шампанское... Ладно, спокойной ночи!

Как можно быстрее, боясь расплескать очередной приступ тоски по дому раньше, чем за мной захлопнется дверь, я юркнула в свою комнату. Переодевалась, уже тихо всхлипывая, а потом зарылась головой под подушку и расплакалась. Неужели, и правда, придется отмечать свой день рождения здесь?! Я специально весной на права сдала, потому что Сашка с Артуром собирались мне мотоцикл подарить. Еще переживала, как мама к такому подарку отнесется. А то она последнее время постоянно за меня переживала, как будто предчувствуя, что со мной может что-то случиться. И вот... Случи-и-илось... Проснувшись я вся зареванная, как будто и во сне плакала. Быстро прошуршала в ванную, мимо зевающего во весь рот Тимохи, намылила руки и размазала мыло по лицу. Все! Пусть теперь докажут, что у меня глаза красные, потому что я мастер по ночным рыданиям. Просто мне мыло в глаза попало!

— Ненавижу... Найду и сломаю, — вполз вслед за продолжающим сладко зевать Тимкой недовольный Ниммей. Включил кран над ванной и зачихал под него голову. — Я дракон, а не жаворонок! Дра-кон! Мне положено спать в башне, на сокровищах, и охранять принцессу.

— Ну, так ты и спишь в башне, — усмехнулась я.

От воды рыже-красные волосы дракоши стали бордовыми, тяжелой мокрой гривой свисающими на один бок. И с них по его практически голому смуглому телу на пол стекали тоненькие ручейки. Правда, продолжалось это недолго. Пара секунд, и голова Ниммея снова сухая, так же как и пол вокруг.

— Еще скажи, что ты — принцесса... — фыркнул он. — Все, отваливаете от раковин, мне тоже клыки почистить надо.

Сегодня, судя по лицу Демо, нам предстояло падение ниже плитуса. Нам показали руны вызова природной и бытовой магии. Причем, если у природы руна была элементарная — кончик стрелы, упирающийся в значок перпендикуляра, то для вызова бытовой магии использовалась даже не одна, пусть и составная кракозябра, а целых три элемента — ветвистая закорюка, затем прямоугольник и над ним, отдельно, треугольник. Жизнь — боль...

Однако после обеда нас ждал приятный сюрприз.

— А теперь вы будете пытаться соединить те руны, что вы знаете, в единые плетения.

Демо поставил на стол горшок с какой-то засохшей икебаной и кивнул в сторону Тима — Лэр Тимофей, попробуйте вдохнуть в ЭТО жизнь. Какие руны нам для этого понадобятся?

Тимоха сначала растерянно посмотрел в мою сторону, словно ожидая подсказки, а потом, откашлявшись, произнес:

— Природы и жизни.

— Вы уверены, что не ошиблись в последовательности? — уголки губ нашего преподавателя дернулись в попытке улыбнуться. Вот ведь зараза! Хочет подловить моего Тимку...

— Нет, лэр Демо, — домовенок уверенным шагом прошел между партами, и, оказавшись у стола, на котором красовалась сушеная жертва, ласково погладил ее ладонью.

— Что ж, вы совершенно правы, — Демо понял, что пояснений от Тимохи он не дождетя, и решил объяснить нам сам. — Магу жизни надо было начинать со своей основной руны и потом уже уточнять, кому именно его целительная энергия достанется. А магу природы надо действовать наоборот, сначала призвать свою магию, а потом пояснить, что именно он от нее хочет.

Тут Демон снова посмотрел на Тима и с легким ехидством поинтересовался:

— А какие бы руны вы использовали, если бы в вас не было природной магии, а только магия земли?

Тимошка задумался, буквально на секунду, потом принялся рассуждать:

— Сначала руну земли. На всякий случай. Затем жизнь, а в конце — природа. Чтобы вышло: «Силой земли оживить природу».

— Да, это основное правило плетений: сила, действие, цель, — одобрительно кивнул Демо. — Для жителя техногенного мира вы очень быстро уловили суть.

Тимоха старательно изобразил на лице смущение, хотя я чувствовала, что он напрягся. Наверное, такое же правило действует и для магии домовых. А выдавать, что Тим — не совсем человек, мы оба не хотели, интуитивно.

— Попробуйте оживить этот цветок с помощью более короткого плетения.

Через минуту довольный и облегченно выдохнувший лэр Тимофей

плюхнулся рядом со мной, а на столе у преподавателя красовалось нечто, похожее на пион, только маленькое. Когда дошла очередь до меня, мне было поручено зажечь свечку, маленькую, тоненькую, которую Демо держал в руке, сжимая пальцы чуть ниже фитилька. У меня холодный пот по позвоночнику ручьем пролился, пока я решалась на этот подвиг. Но все получилось идеально, — не зря дракошка учил меня котлеты лепить и еду разогревать.

Еще с обеда среди младших курсов началась нездоровая волна ажиотажа, а уж когда мы спустились на ужин, одновременно печалью, паникой, радостью и предвкушением так и фонило из каждого уголка столовой. Завтра начинались командные сборы... Борхэль сидеть спокойно не мог — подпрыгивал, подскакивал, протирал очки. Адам на его фоне выглядел умиротворенно-спокойным сфинксом, а вот пробежавший мимо и быстро поздоровавшийся Пэтро тоже производил не очень здоровое впечатление.

Я изредка поглядывала в сторону Агаты, уютно устроившейся на коленях у Робби. Невинная девочка-ангелочек, ласковая, нежная, послушная... Домашняя кошечка в человеческом облике. Интересно, Роберто хоть догадывается, кого он на самом деле пригрел на своей груди? С другой стороны, меньше знает, крепче спит.

Я уже была наслышана, как проходят сборы, и даже успела всех достать, чтобы представлять для себя примерное количество команд и их состав. В Академии было всего чуть более тысячи студентов, даже с учетом подготовительного факультета и женского отряда — не так уж и много. Командные сборы проходили по очереди у всех курсов, но начинались всегда с первых. У стихийников на каждом курсе было по две группы, в среднем по двадцать человек в каждой, не больше. Но это я еще по числу столов в аудитории догадалась. А допускалась на командные сборы примерно половина, то есть сборная из двадцати студентов от каждого факультета. У цыплят же было всего по двадцать человек на курс, но зато к первым сборам допускались все.

Судя по пренебрежительным отзывам старших, основной задачей младших было научиться работать в команде, и задания им выдавали элементарные, но с расчетом на взаимодействие. А основной задачей «цыплят» было не создавать остальным проблем и не теряться — за потерю «бойца» с команды снимались баллы. Так что завтра около сотни студентов, радостно разбившись на десять команд, в которых будет каждой твари по паре, свалят из академии, примерно на неделю.

— Прикиньте, меня тоже соблазнили развлечься, — Ниммей уселся

между мной и Тимохой, обнял нас двоих за плечи и заговорщицким шепотом произнес: — Без меня не шалить, по девкам не ходить, по мужикам тем более! Будьте паиньками, и я вам зверушку какую-нибудь из лесу принесу.

— Корову, — мечтательно закатил глаза Тимка. — Чтоб молоко каждое утро...

— И навоз каждый вечер, — фыркнул дракоша. — Псих ты! Зачем нам в блоке корова?!

— Вы оба — психи. Откуда корова, — я выделила слово голосом, — в лесу?!

— Короче, яйцеголовые, просидите неделю на попе ровно?! Я слетаю, опыта наберусь, уровень прокачаю, а то тут тоска, аж крылья опускаются.

Я внимательно посмотрела на дракошу. Со стороны вот ни за что не догадаешься, но если внимательно вслушиваться в интонацию, то сразу ясно — ему тоже здесь грустно и домой хочется.

— Драконом полетишь? — заинтересовалась я.

— Ящерица, ты хочешь, чтобы потом от меня все шарахались в разные стороны? Здесь оборотень — это существо второго сорта, даже если он — дракон. Пока я наличием второй ипостаси перед всеми не размахиваю, народ не дергается. Но фигню кое-кто всякую думает, можешь мне поверить!

— Если ты имеешь в виду Эззелина, то в думании фигни он уже достиг уровня Virtus, и мы все — жалкие существа, недостойные целовать грязь под его ботинками. Лишь Рина удостоили права выделяться из толпы, но я не уверен, следует ли нам ему завидовать или лучше сочувствовать, — влез внимательно прислушивающийся к нашему разговору Адам.

— Вот и я о том же, в столовую под конвоем, потом сразу в башню, сокровище ты мое. И никаких тренировок, пока я не вернусь, усек?!

Я взглянула в серьезное напряженное лицо Ниммея, вздохнула и обреченно кивнула. О дуэли он при всех ничего не сказал, но я уверена, что наедине и насчет нее пройдет. И ведь как в воду глядела! Только что расписку не потребовал и с меня, и с Тимки. Но тут уж я встала в позу и заявила, что, если Агата решит сражаться в его отсутствие, пойду в секунданты и спрашивать никого не буду. Так что мы минут пять друг на друга злобно пыхтели, но в этот раз Ниммей первым сдался:

— Ладно, не дыши на меня, как рогатый огнеплой в брачный сезон. Секундантом — иди, но под присмотром Тима! И даже этого своего, водяного, с собой возьми, на всякий случай. Тебя он лапать не будет, если жить хочет. А воздушнику водяную бомбу в кумпол запульнуть осилит.

— Договорились, — кивнула я, выдыхая.

Знакомые парни постарше часто относились ко мне как к младшей сестренке, я уже привыкла к этой кармической несправедливости. Тем более и сама видела в них лишь симпатичных и умных собеседников. А ровесников, вообще, за противоположный пол не считала, или, точнее, учитывая то, что подруг у меня с самого детства не было, они были именно — «подруги». Вместе побеситься, поболтать, погулять... лекции прогулять. Как с таким отношением я умудрилась с парочкой поцеловаться, сама удивляюсь. Ой, даже не с парочкой... Если считать... Хотя, чего там считать?! Серьезного все равно ничего не было! И случай, когда я почти решилась на большее, тоже не засчитывается. Тот парень был меня на шесть лет старше и покори́л своим умом настолько, что я почти потеряла волю, и тело начало меня предавать.

Поэтому покровительственные замашки Ниммея меня совершенно не смущали, — просто еще один мужчина пал жертвой моего неземного обаяния и решил, что без него я совершенно точно не выживу. В своем мире, если кто-то уж очень сильно увлекался, я могла гордо нафырчать, потому что у меня был Сашка, а в этом... Дракоша и домовенок просто поделили на двоих внезапно опустевшее место старшего брата и, так как я, растерявшаяся от попадания в другой мир и, вообще, всего свалившегося на мою несчастную голову, изначально восприняла это спокойно, да еще и перенесла на них свое отношение к Саше... Короче, поздно качать права, можно только отстаивать границы личной свободы. И я — молодец, право участвовать в дуэли отбила!

Утром, быстро умывшись, мы с Тимкой устроились на крыше второго корпуса, среди толпы таких же провожающих: весь подготовительный факультет; первокурсники, которых не допустили; старшекурсники, имеющие хоть какое-то отношение к уходящим или к провожающим; просто любопытствующие... А на верхушке второй башни столпился, по моему, весь преподавательский состав, человек пятьдесят, точно. Я нашла взглядом завкафа своего факультета, лэра Кандейлла. Благодаря подсказке Роберто, визуально оценила и нашего ректора, лэра Тестаччо. Эти двое были чем-то неуловимо похожи — плотно сбитые, высокие, черноволосые, с пробивающейся кое-где сединой. Я даже не удивилась, когда Робби сообщил мне, что эти два мага огня дружат чуть ли не с первого курса.

На выходе из Академии несколько преподавателей быстро раздавали уходящим совершенно одинаковые рюкзаки и называли номер команды. И так, довольно в быстром темпе, сто с лишним человек оказались рассортированы, а также получили недельный запас вещей и провизии. В

конце к каждой из десяти групп подошел один из преподавов. Я буквально выдрала из Тимкиных рук подзорную трубу, чтобы разглядеть и Ниммея, и Борхэля, и Адама. Уж не знаю, случайно или специально, но эти трое попали в одну команду, в которой в качестве наблюдателя-куратора оказался Демо.

— А кто же нас неделю учить будет? — поинтересовалась я, ощущая себя практически преданной. И дракон меня бросил, и преподаватель...

— А вы будете переходящим призом, — прозвучал за спиной знакомый голос, и я крепко вцепилась в трубу сразу обеими руками, как будто это могло помешать чему-то метафизическому внутри меня резко ухнуть куда-то прямо в пятки, разом ослабляя все мышцы тела, и мозг за компанию.

— Оборотня своего провожаешь? — Фредо как-то довольно ловко и аккуратно оттер стоящих слева от меня Роберто и Агату.

Почему-то меня задел тон, которым это было сказано. Да и вспомнилось, как Ниммей упоминал, что тут оборотень — создание второго сорта.

— Дракона, — уточнила и, повернувшись, с вызовом уставилась в бездонные черные глаза. — Я. Првожаю. Своего. Дракона, — и каждое слово четко выделить голосом. Чтобы знал! — А ты, как я погляжу, где-то потерял свою подвеску? Эззи не захотел пожелать доброго пути своим товарищам?

— Думаю, это — правильное решение, а то вместо доброго напутствия он в них бы огнем дыхнул, не хуже твоего дракона, — Фредо продолжал улыбаться, только между бровей появилась едва заметная морщинка. Так, выдыхаем. Не огнем. Вот чего я на человека накинулась? Он же и раньше Ниммея «оборотнем» называл, и я так не подпрыгивала. А уж насчет Эззелина, вообще, зря подколола. Жестоко и неправильно. Как будто я тоже ревную.

— А что ты имел в виду под переходящим призом? — улыбаемся и переводим тему.

— С вашими двумя группами будут по очереди заниматься избранные везунчики с шестых курсов, — морщинка между бровей исчезла, как и напряженность в голосе. — Кстати, я вхожу в их число.

— Жесть, — недовольным тоном прокомментировал Тимоха.

— Не переживай, обещаю не сильно придирааться, — подмигнул ему Фредо.

— Предлагаю ускориться в направлении столовой, — влез с очень дельным предложением Робби.

Все же это предложение слегка запоздало, потому что в указанном направлении двинулась сразу почти вся лавина провожающих. Поэтому мы решили наоборот слегка переждать и втиснуться между этим, первым, нашествием и вторым, когда в том же направлении рванут студенты после утренней тренировки. Засаду мы устроили на первом этаже центральной башни, так, чтобы сразу было видно коридор пятого корпуса и можно было отслеживать, когда последние из желающих протолкнутся внутрь столовой. Мы с Тимкой уселись на ступеньках, Агата и Робби пристроились подпирать стенку напротив, а присоединившиеся к нам Фонзи и Мистер Икс (Я наконец-то запомнила, как его зовут! — Ксирономо) уселись на ступеньках, чуть выше нас. Странно, но Фредо тоже остался, встав так, чтобы ему было видно именно меня, зараза!

А еще Агата выловила где-то маленького хрупкого мальчишку-целителя. И он уселся у стенки на корточки, явно, чтобы стать еще меньше и незаметнее. Разговаривали, в основном, старшие, мы с Тимкой помалкивали, Агата загадочно улыбалась, пацаненок-целитель пытался слиться с плинтусом.

Когда же мы, наконец, дорвались до завтрака, ситуация несколько не изменилась, разве что к нам попытался присоединиться Эззелин, но потом почему-то подскочил и сбежал. Причем Фредо его не отталкивал и даже подошел, когда тот попытался активно втиснуться рядом. Просто искусство — сидеть, молчать и слушать — Вазелинке, явно, было не дано, поэтому он сначала попытался докопаться до пацаненка, наткнулся на строгий взгляд Агаты и нагрубил ей, затем Робби, потом вспомнил обо мне, вот после этого Фредо что-то прошептал ему на ухо, и тот убежал с обиженно-возмущенным выражением лица.

— Давно пора, — резюмировал Роберто.

— Да, парнишка совсем нюх потерял и все такое, — согласился Фонзи.

Остальные вежливо промолчали, а затем продолжили обсуждать не совсем понятные, но, в принципе, интересные события из студенческой жизни. Я прислушивалась лишь краем уха, Тимошка более внимательно, даже иногда вставляя какие-то реплики, вроде бы даже по делу. А когда мы выбирались из-за стола, чтобы идти на занятия, Агата умудрилась совершенно незаметно для Робби пропихнуть мне за манжет записку. В ней было лишь несколько слов: «Сегодня. В двенадцать. Двор между третьей и четвертой башнями».

Глава 13. Хоть право, я — не дуэлянт!

Сегодня мы оказались переходящим призом для Роджера, того самого парня-шестикурсника, что провожал нас с Тимом к декану. Как его зовут я тогда, естественно, не запомнила, но сегодня он нам представился и объявил, что по программе, оставленной Демо, мы всю неделю будем работать с плетениями. После чего мы, всей толпой в девятнадцать человек, из нашей аудитории перешли в небольшой зал на том же первом этаже четвертого корпуса. Как понимаю, мы теперь будем все время совместно всей группой заниматься, и больше нас разделять не будут. Вчера и руны, высунув язык от усердия, выписывали все, и последовательности из них выполняли тоже все. Причем нам, техногенным, возможно даже проще — мы с магией с нуля знакомимся. А вот тем бедолагам, кто попал сюда из других магомиров, еще и переучиваться придется, как тому же несчастному Борхэлю.

Например, два чернокожих парня, похожие как братья-близнецы, вообще, привыкли магичить напрямую с сырцом, и сложная система покраски, подзарядки и логической последовательности рун казалась им откровенным издевательством. О чем они вчера поставили в известность Демо, а сегодня — Роджера. Первый все претензии проигнорировал, лишь намекнув, что в этом мире магией принято пользоваться именно вот таким издевательским способом, но они вполне могут изобретать свой, в свободное от занятий время, с соблюдением всех положенных правил предосторожности для студентов подготовительного факультета. А второй повелся, как мальчишка... Угу. Максимум, двадцати пяти лет. Поэтому нам всем быстро было выдано задание: слепить каждому по шарик из своей стихии и попробовать удержать этот шарик в воздухе. Задание изначально нечестное, но зато обнадеживающее — начинаем первые шаги к движению предметов.

А Роджер и парочка чернокожих затихарились в углу и, явно, что-то химичили с сырцом. Интересно, как много они там нахимичат?

Ближе к обеду на пол в зале нельзя было смотреть без содрогания — грязные лужи, земля разной степени влажности, пятна от огня... Некоторым студентам тоже досталось. У Тима просто глаз дергался, когда он на все это смотрел. Пару раз пришлось буквально повиснуть у него на руке, которая практически самостоятельно пыталась вывести в воздухе руну активации бытовой магии.

— Зарядишь сразу тридцатью герцами? — поинтересовалась я ехидно, в очередной раз пиная Тимоху в бок. — Чтобы сразу и умыть всех и рубашки накрахмалить?..

— Иех! Пошли обедать, а? — обреченно вздохнул Тимка, и тут...

Нет, какое счастье, что зал был защищен от магического выброса за пределы его стен! Но нас всех расшвыряло по этим стенам в разные стороны. Черный дым вокруг стоял тоже... стеной... А эти три... химикалии вуглускровые... стояли и растерянно смотрели на огромную дыру в полу.

— Ну вот, — откашлявшись, занудно-менторским тоном произнес Роджер, — я же говорил, что ничего не выйдет! В нашем мире стихийникам с чистым сырцом работать нельзя, ясно?! Бытовикам, целителям и магам природы — можно, некромантам — если у них нет другого выхода. А стихийникам — только через плетения, поняли?! Все... Эм! — дальше пошла забористая местная игра слов, пока Роджер изучал состояние зала, разгоняя дым в разные стороны.

— Валите все на обед, — обреченным голосом закончил наш сегодняшний препод, с тоской медитируя то на общий срач, то на дыру в полу.

Понятное дело, ему, как магу воды, из этой дыры только если колодец сделать, чтобы в нем утопиться или как оригинальное дизайнерское решение. Я переглянулась с Тимом и поняла, что на обед мы сегодня слегка запоздаем, и конспирация наша окажется... не то чтобы проваленной, но с подкопом. А, с другой стороны, ну бытовой маг — Тимоша, в этом мире такие водятся! Порядочный бытовой маг, который не бросил горе-преподавателя на произвол старших «коллег».

Дождавшись, когда за последним из одноклассников захлопнется дверь, я подошла и повернула ключ в замке, на всякий случай. А Тим, пошущукавшись с Роджером, нарисовал в воздухе руну вызова бытовой магии, потом срисовал с протянутой ему под нос бумажки еще одну кракозябру, а затем взмахнул рукой над полом. Чудо чудное, но он вмиг стал таким же, каким был до начала занятий. Роджер оглядел восстановленный зал, уважительно присвистнул: «Ну, шкеты, вы даете!», и хлопнул Тимку по спине: «С меня причитается, пацан! А теперь валите обедать». Не заставляя себя долго упрашивать, мы быстро испарились, хотя, напоследок, я все же успела сказать Роджеру, что Тимошкины способности — тайна, на что тот даже удивился: «Ты меня за идиота держишь? Конечно, все только между нами!»

На обед мы приползли, когда первый поток голодных уже спал, и

большая перемена с девяти до десяти утра, то есть с полвторого до трех, в переводе на более привычное для нас время, уже закончилась. Не то чтобы в столовой было совсем пусто — например, почти все наши одноклассники еще всюду размахивали ложками и вилками — но очереди на раздачу не было. Так что мы быстро набрали себе первое, второе, салат и компот и устроились уничтожать все за ближайший столик.

— А что это за вторая руна-то была? — поинтересовалась я, когда мы уже брели по коридорам обратно.

— Восстановления, — хмыкнул Тимка. — Возвращает в первоначальное состояние. Очень удобно и пишется не так уж сложно. У меня с первого раза получилась!

Я покивала, с уважением поглядывая на гордого собой домовенка. Молодец, ничего не скажешь!

Роджер осознал, что первое задание было выдано немного... рановато и поэтому, пока мы обедали, добыл каждому отдельную тару для срач... для упражнения: большие деревянные миски — для магов земли и воды; прозрачные пакеты из очень похожего на полиэтилен материала, но более твердого — для магов воздуха; чугунные коробки без крышки — для магов огня. Каждый пристроился над своей тарой, создал внутри элемент своей стихии и далее развлекался с ним. Землю надо было приподнять вверх и обрушить обратно, затем наладить постоянную циркуляцию, чтобы получился нарисованный из земли круг. Ну, или что-то похожее... Хотя бы линия. Задание с водой звучало примерно так же — создать в итоге красивый круговой фонтан. Огонь тоже следовало уговорить плясать под свою дудку, красиво изгибая языки пламени. А воздух — кружиться в пакете, причем со скоростью, которую ему задает маг.

У меня все получалось через раз, потому что полностью сосредоточиться не удавалось — я была как натянутая струна, в предвкушении дуэли. Как ни старалась сконцентрироваться, часть сознания была уже где-то во дворах, пытающаяся представить, как там все будет происходить, или уже представляющая разные варианты развития событий, вплоть до того, что ушлепок выиграл. И тогда у меня кровь прилиwała к щекам от злости, а огонь разгорался чуть ли не под потолок. Роджер поглядывал на меня немного нервно, постоянно курсируя где-то поблизости, в боевой готовности залить пламя и не дать залу вновь пострадать. По этому, когда мы с Тимом объявили, что на сегодня с нас хватит, он только шумно выдохнул от облегчения и чуть ли не выпинал нас в коридор.

— Как ты думаешь, эта вся котовасия надолго? — поинтересовался

Тимоха, пока мы шагали по двору четвертого корпуса, чтобы, пройдя насквозь восьмой, оказаться в том самом дворе, где будет проходить дуэль.

Приятно — мы тут всего лишь пятый день, а уже прекрасно представляем, где что находится, и даже сообразили, что сможем срезать дорогу через улицу. Конечно, очень помогла схема, выданная Роберто, но и без нее, уверена, еще дня через два-три мы бы уже уверенно передвигались, точно зная, где и когда сворачивать и как проще сократить путь.

— Ну откуда ж я знаю? — я с удивлением посмотрела на домовенка. — У меня это первая дуэль.

— Надеюсь и последняя, — буркнул он недовольно. — Просто вот думаю, успеем мы поужинать, до того как народ столовую захватит, или нет?

— Кто про что, а Тима про еду, — рассмеялась я. — Не капризничай, растущий организм. Протолкаемся, если что.

Во дворе третьего корпуса нас уже ждали. Пара ушлепков, Агата и двое молодых мужчин с золотыми нашивками на жилетках.

— Мой секундант, — объявила Агата, кивнув в мою сторону.

— Хорошо, проходите, лэр. А посторонним следует покинуть место дуэли, — один из мужчин повернулся к Тимохе. — Вы можете наблюдать за происходящим из здания.

Немного растерянный от такого заявления домовенок развернулся и удалился обратно, в восьмой корпус. Вскоре его взволнованная напряженная рожица показалась в одном из окон первого этажа. А второй целитель в это время объяснял правила. На которых я честно пыталась сосредоточиться, хотя тот ушлепок, который был секундантом у первого, сверлил меня настолько недвусмысленно-многообещающим взглядом, что мне постоянно хотелось то почесаться, то комбинацию из пальцев ему показать. Секунданты были нужны, как заинтересованные представители соперников, а двое целителей — как незаинтересованные, и, одновременно, бригада скорой помощи. Их присутствие означало, что дуэль проходит санкционировано.

Единственное, что меня насторожило — если один из секундантов признает результат дуэли недействительным, то он обязан вызвать второго дуэлянта, а тот не вправе отказаться. Как заметил оглашающий правила, этот пункт не является обязательным, но вызывающая сторона на нем настояла. Надеюсь, Агата понимает, что творит. Очень надеюсь. Потому что я, конечно, вызову, с превеликим удовольствием... Но, без бушующего в крови адреналина и в нормальной драке, скорее всего, проиграю этому

крупному бугаю. Хотя... Я — юркая, верткая, и у меня красный пояс, так что шансы есть, но... как маг, я пока, вообще, вне игры.

А еще я — склеротичная дура, потому что нам же русским... или на каком тут языке говорят?.. внятно и четко намекнули о живущих по соседству природницах. Не местный «женский отряд», а настоящий. Обученные сражаться магички... Надо обязательно их навестить — не мне, так Тиму пригодятся. Еще бы найти время местную географию усвоить, политическую, экономическую и физическую, неплохо и историю полистать, для общего развития. Но только, где же это время взять то?

Мужчина закончил пафосную вступительную речь и, уточнив, что противники мириться не собираются, отошел к напарнику. Агата спокойно улыбнулась мне и кивком головы указала в ту же сторону. Второй секундант тоже туда направился. Нас расставили так, чтобы оба наблюдателя оказались между нами. Если бы мы захотели вмешаться в ход дуэли или повредить друг другу магически, то тут же привлекли бы их внимание.

— Лэра Агата Шаренгут и лэр Пэнфило Джаннини, начинайте!

Этот Пэнфило почти в тот же миг отправил в сторону девушки воздушный поток, от которого та едва увернулась, успев выставить щит, поблескивающий золотым и зеленым, и тут же проделала довольно длинную последовательность плетений, после которой парень просто согнулся пополам.

Дальше в течение пары-тройки минут происходило что-то непонятное: Агата рисовала в воздухе узоры, а ее соперник стонал, хватался за разные части тела и лишь громко скрипел зубами от боли и злости одновременно. В стоящей вокруг напряженной тишине этот странный скрежещущий звук было очень хорошо слышно. Причем, надо отдать парню должное, он все равно пытался сражаться, стараясь ударить соперницу воздухом, а один раз ему практически повезло — он создал мощный вихрь, подхвативший Агату и затем бросивший ее вниз. Но девушка успела воспользоваться своей второй магической энергией — природной и свалилась сначала на неожиданно увеличившиеся до гигантских размеров листы чего-то, типа нашего подорожника, и только потом, все равно по-моему довольно ощутимо, стукнулась о землю. Но тут же подскочила и одарила противника парочкой новых плетений, после которых тот резко упал, громко вскрикнул и потерял сознание.

Один наблюдающий тут же бросился к нему, а другой диагностировал:

— Конец дуэли. Бой выиграла лэра Агата Шаренгут. У секунданта лэра Пэнфило Джаннини есть претензии к победителю?

Судя по роже второго парня, претензий у него был товарный состав, и еще два вагончика. Но в наличии не было не то что слов, даже букв, чтобы сформулировать эти претензии.

— Если претензий нет...

— У меня есть! — с лицом, испачканным потом и пылью, в грязной одежде и с закушенной губой, Агата совсем не была похожа на милую домашнюю кошечку, скорее, на разозленного оцелота, например. Интересно было бы посмотреть на реакцию Роберто, если бы он увидел сейчас свою подружку.

— Я вызываю тебя! — и девушка ткнула парня пальцем в грудь. — Храбрости оскорблять беззащитного у тебя хватает, так что собери ее всю и прими мой вызов. Или ты при свидетелях откажешься, испугавшись девушки-целителя?

— Ты мухлевала с магией! — возмущенно выплюнул парень. — Целители не могут использовать свои силы во вред...

— И именно поэтому ты, мерзкое насекомое, позволял себе обижать мальчишку-первокурсника? Зная, что он не сможет тебе ответить? — я откровенно любовалась Агатой, и вот в эту минуту мне стало жаль, что Робби не здесь. Пышущая праведным гневом, со сверкающими глазами, она была прекрасна!

— Или принимай вызов, или признавай при всех, что ты — жалкий трус. Решай быстрее!

Оба наблюдателя стояли с каменными выражениями на лицах и не вмешивались, но переглядывались они друг с другом очень... многозначительно. Сдается мне, что после этой дуэли не одна я буду вытряхивать из Агаты, как ей удалось обойти запрет и уделывать соперника именно целительной магией — все плетения, которые ударяли по Пэнфило, светили золотом. Силой природы девушка пользовалась только для защиты.

— Я отказываюсь... — недовольно буркнул парень, поглядывая на своего друга, который как раз начал приходить в себя. — Ты — мухлевала...

— То есть вы считаете, что лэра Агата Шаренгут выиграла этот бой не совсем честно? — слишком спокойным голосом уточнил один из наблюдателей.

— Да! Она мухлевала с магией! Целитель не может... — парень еще не успел закончить, как наблюдатель указал ему на то самое место, с которого совсем недавно он же отлевитировал бессознательное тело Пэнфило.

— По правилам данной дуэли, если секундант недоволен результатом,

он должен вызвать победителя.

Я мысленно запечатлела выражение лица парня — может, кому-то потом удастся извлечь эту рожу из моей памяти. И развесить на стенах Академии. Вторая дуэль прошла гораздо быстрее, хотя Агата и была уже заметно уставшей. Этот трус ринулся в бой еще до объявления о начале. Но наблюдающие даже не успели вмешаться, как девушка шарахнула куском отливающего золотом сырца и ушлепок шлепнулся на землю.

— Конец дуэли. Вы выиграли и этот бой, лэра, — констатировал один из мужчин и с интересом уставился на девушку. — Поздравляем вас, все происходило честно. Но нам очень хотелось бы услышать, как вы обошли запрет.

— О, это очень просто. Странно, что раньше у вас никто до этого не додумался, — улыbnулась Агата. — Я их лечила.

Оба мужчины синхронно замерли с изумленно-недоумевающими выражениями на лицах. М-да, лечила, лечила и залечила... Хорошо хоть не до смерти.

— Продиагностировала, нашла все возможные или уже начинающиеся заболевания внутренних органов и лечила их, не применяя обезболивающих, но со всей возможной тщательностью, — усмехнулась девушка. — А под конец обнаружила старый перелом ноги, и мне показалось, — тут Агата состроила наивное личико и посмотрела на нас честнейшим взглядом, — что он сросся не совсем правильно. Так что я сломала кость и заставила ее срастись заново. Искренне переживая за своего пациента!

— А как вы умудрились уложить второго сразу с одного удара? — оба наблюдателя посматривали на девушку с опасливым уважением.

— Мне показалось, — еще одно невиннейшее выражение лица, в комбинации с честным взглядом, — что этому человеку срочно нужна помощь. Поэтому я послала в него мощный целительный поток, чтобы тот одновременно и диагностировал, и излечивал все, что покажется ему подозрительным. Правда, — на этот раз Агата изобразила на лице искреннее раскаяние, — я так спешила, что немного ошиблась, и вместо скана здорового человеческого тела отправила скан здорового тела оборотня, а там параметры для идеала несколько завышены, — и девушка виновато потупила глазки.

— Вы опасный соперник, лэра Агата, — констатировал старший из мужчин.

— Довольно изощренный способ использования целительной магии, — поддержал его второй из наблюдателей. — И мы в некотором

затруднении, следует ли просить вас сохранить его в тайне или, наоборот, постараться, чтобы о нем узнали все студенты факультета магии жизни.

— Можно сделать вид, что я умею использовать в качестве боевой — природную магию, скрывая ее за целительной, — пожала плечами Агата.

— Наверное, это будет правильным решением, — задумчиво произнес старший. — Немногие смогут настолько искренне, — мне показалось, или на губах мужчины промелькнула усмешка? — переживать за своих противников, как вы. Но многие захотят попробовать, причем не только из младших, но и из старших курсов. А мы стараемся не рисковать целителями, прошедшими испытание на внутренний самоконтроль, особенно сейчас, в период смены династии.

— Тогда как использование природной магии, в качестве боевой, было не так давно продемонстрировано, — добавил младший. — Уверен, если вы проявите инициативу и действительно освоите это умение, оно точно не будет лишним. Следующие пять-десять лет будут очень суровыми, и чем больше у вас будет возможностей сохранить себе жизнь, тем лучше.

Пока Агата и мужчины разговаривали, а я благоразумно помалкивала, два оздоровленных воздушника успели более-менее оклематься. Но, судя по их напряженно-прислушивающимся лицам, им почему-то было тяжело следить за обсуждением.

— Не переживайте, лэр, я возвел над нами звуконепроницаемый купол, — успокоил меня старший из наблюдателей. — Доверять такую важную тайну таким ненадежным людям, как два этих молодых мага, было бы очень большой глупостью.

Я согласно кивнула и улыбнулась.

— Но, раз мы обо всем договорились...

Я не заметила, как этот купол ставился, но зато отметила, как он снимался — как будто растворилась тонкая прозрачная золотая пленка, отделяющая нас от остальных.

— Прекрасного вечера, лэра! — оба мужчины едва заметно, но действительно с уважением склонили головы в сторону девушки. — И вам приятного вечера, лэры! — я удостоилась легкого кивка, а два воздушных ушлепка лишь пренебрежительных взглядов.

— Что ж, все прошло ровно так, как я планировала, — удовлетворенно улыбнулась Агата, отряхиваясь и приводя себя в порядок с помощью магии.

Чистка одежды и тела — это вам не уборка зала с восстановлением пола. Это — азы, которые мне, естественно, тоже придется изучать. Потому что, удобно же — простенький узор в воздухе, и ты не потное грязное

нечто, а милая красивая девушка, к которой уже бежит любимый парень, кстати. И выглядит при этом очень... очень... очень разозленным и взволнованным, одновременно.

Глава 14. Гендерные заморочки

Устраивать выяснение отношений при всех Роберто не стал, а, подхватив Агату под руку, быстро увел ее в сторону, за полосу деревьев, и, похоже, тоже возвел звуконепроницаемый купол. Конечно, если присматриваться, то все равно было видно, что они ругаются, но зато было не слышно — как. Правда, желающих присматриваться к чужой ссоре в наличии не было. Вся набежавшая толпа студентов, осознав, что главного виновника утащили, нашла себе другую жертву. Кто-то из магов земли быстро соорудил внушительную гору, Фонзи всучил мне в руки артефакт, усиливающий громкость голоса, и я, взобравшись на импровизированную земляную трибуну, принялась в красках пересказывать последние события.

С самого начала за дуэлью следил один Тимошка, а большинство подтянулось в процессе, равномерно расплывшись по всем окнам восьмого, седьмого и третьего корпусов. Естественно, ракурс обзора у всех был разный, и народ жаждал подробностей. Вот я им эти подробности и выдала! Ух, как я выдала... ПэнФиля со своим другом теперь долго будут ходить и прикрывать лица, а в столовую прокрадываться по ночам. Конечно, большая часть Агатиного триумфа, к сожалению, осталась за кадром. Но зато студенты порадовались и побрюзжали о том, что магия природы, того гляди, совершенно законно перейдет в разряд боевой. Похоже, скоро к несчастным природницам отправится целая процессия, а не только мы с Тимкой.

Причина этой дуэли тихо мялась в отдалении, маленькая, растерянная и очень несчастная. Я так поняла, что он был единственным парнем-попаданцем с целительскими способностями. Остальные все были девушками. И занимались они все отдельно, а не с остальными подготовишками. Так что общался Санасар, в основном, с Адамом и другими цыплятами-первокурсниками, которых еще неделю в Академии не будет... Спустившись, я попробовала протолкнуться к нему сквозь толпу, только это оказалось делом довольно непростым. Но если объяснить Фонзи и Тиму, чего я хочу, проблема сразу становится вполне решаемой — под натиском этих двух плечистых богатырей народ быстро расступался, и я успела перехватить мальчишку и не дать ему скрыться за стенами корпуса.

— Теперь со мной совсем никто не будет разговаривать, — вздохнул он, так горестно, что я сама чуть не поддалась его печали.

Все радостное настроение напряглось и замерло, уточняя, что у нас по

плану: испаряться или делиться.

— Это еще почему? — удивилась я, пытаюсь понять, откуда такой интересный вывод.

— Мало того, что сам слабак, так за меня еще и девчонка на дуэли дралась.

— И? — логика его рассуждений до меня все равно не дошла, заблудилась.

— Моих обидчиков победила девчонка. Я — не смог, а девчонка — смогла, — и Санасар опять горестно вздохнул.

— А... — я задумалась, пытаюсь осмыслить услышанное. — То есть если бы за тебя дрался парень, тебе бы не так обидно было?

— Нет, ты сам подумай! — загорячился мальчишка. — Получается, что или я слабее девчонки, потому что не смог сам их победить. Или они ничего собой не представляют, а я, как последний трус, позволял им над собой измываться, вместо того чтобы навалить им, как следует. А, скорее всего, все вместе.

— Ты — последний трус и никчемьш, слабее девчонки? — уточнила я, радуясь, что, на самом деле, я — не парень. Вот ведь надо же было себе придумать столько заморочек на ровном месте.

— Да, — еще раз горестно и отчаянно вздохнул Санасар.

Только его неподдельная печаль не позволяла мне послать его... в баню. Хороша благодарность!

— Ну и что тебе мешает исправить ситуацию? — все же я разозлилась. — Сидеть жалеть себя, несчастного, конечно, гораздо проще. Ты на утренние тренировки ходишь?!

Парнишка отрицательно замотал головой:

— Я пытался, но...

— Но лучше сидеть в углу и думать о том, какой ты несчастный, никчемный, противный и никому не нужный.

— Нет, я не противный, просто...

— Бросай скулить и пошли за мной, — меня озарила прекрасная идея — совместить приятное с полезным.

Просто Агата и Робби до сих пор ругались. И дожидаться, чем же все закончится, можно было или в столовой, сидя и ерзя на скамейке, или решительно осуществляя недавно запланированное. Так что, уточнив у Фонзи, где именно живут залетные природницы, я схватила Тима и Санасара и потащила их прочь из замка, в лес. Тимошка вяло отбивался и намекал про ужин, но я была неумолима. Для себя я бы еще неделю, а то и две собиралась, для Тима... ну все равно несколько дней бы промаялась,

набираясь храбрости, и тут удачно подвернулся этот мелкий страдалец, постоянно вырывающийся, словно его не обучать премудростям нужным тащат, а похищают с применением силы. Поразмывая, пока мы стремительно двигались к цели, я пришла к выводу, что на месте Санасара, мне бы тоже было неприятно. Ведь изначально я именно это и предлагала — натаскать и отправить сражаться самостоятельно. Так нет же... Дуэль, дуэль... Ушлепков-то Агата уделала классически, а о мальчишке никто не подумал.

Трое старшекурсников, охраняющих подступы к замку, предупредили, что если мы не явимся до шестнадцати часов, то будем ночевать под стенами. Учитывая то, что сейчас еще даже тринадцати не было, нам подобная участь не грозила. Если, конечно, не заблудимся. Но мы нашли природниц почти сразу. Два небольших домика на уютной поляне. И такие же милые девушки, лет так двадцати пяти — тридцати, со стройными женственными фигурками, пышной грудью, округлыми бедрами и тонкой талией. Но при этом я сразу заметила мышцы на руках и ногах, те, которые проявляются не от прокачки на тренажерах, а от длительной постоянной нагрузки, настоящей нагрузки.

— Неужели у нас гости? — дружелюбно улыбнулась нам самая старшая из пяти женщин. — И такие юные... — после этих слов все они уставились на Санасара так, как будто сейчас его прямо тут оближут, как леденец.

Удивительно, но Тимошка их совсем не заинтересовал, а вот это мелкое страдающее недоразумение оказалось очень популярным. Нет, мне тоже досталась парочка улыбок, на которые я даже ответила, пока мы знакомились. А затем я вкратце изложила нашу проблему.

— Научиться драться? Странная просьба от студентов Академии боевой магии, — хмыкнула главная из пятерки.

— Понимаете, у Тима большой потенциал, как у мага природы, но раскрыть его самостоятельно у него не получится.

— Нам дали понять, что в Академии имеются природники, — фыркнула одна из девушек, Абангу, прекрасная, как лесная нимфа, если бы не тонкий шрам от скулы до подбородка. По неухоженности прически она напоминала Тимоху — кудрявое взъерошенное безобразие, правда, каштанового цвета.

— Но не боевые, — горестно вздохнула я, подражая Санасару. Даже печальную рожицу попыталась состроить.

— Хорошо, а какая нам выгода от вашего обучения? — поинтересовалась еще одна нимфа, на этот раз русая и с косой, вместо

кудрей. Уорнеш.

— Мы открыты для предложений, — тут же оживилась я.

Торговаться гораздо проще, чем самой придумывать, что мы можем дать этим пяти прагматичным особам.

— Нам нужны мужчины, — хихикнула третья, Каджисо, тоже русая, но с ухоженными локонами до плеч. — Раз мы здесь надолго.

Я нахмурилась, Тимка оживился, Санасар испуганно сжался и спрятался за наши спины.

— То есть? — я решила потупить немного, но зато уже точно выяснить, что именно они понимают под этой фразой. А то, может, им деревья на дрова нарубить надо или... шкафы в домиках подвигать!

— Нам нужны молодые мужчины для секса. Чего непонятного? — Уорнеш посмотрела на меня с подозрением. Я на нее тоже.

— Для добровольного и естественного или для извращенного, со связыванием?

— Мальчик! У тебя слишком богатое воображение, — одобрительно захихикала Каджисо. — Конечно, для добровольного, но можно с извращениями и связыванием.

Санасар испуганно замотал головой, Тима тоже состроил на лице скептическую морду. Потом решил поучаствовать в торгах сам:

— На нормальный я согласен. Только не со всеми сразу.

— Конечно, нет, только с той, кто будет тебя обучать, — улыбнулась их старшая, Адвара. И кивнула стоящей в стороне белокожей черноволосой красавице: — Он твой, Бахати.

Как то это — «он твой» заставило меня очень сильно напрячься. Тимоха был МОЙ, а не какой-то там... Бахати! Но вроде все добровольно, домовенок не против, так что...

За Санасара, вообще, чуть драка не разгорелась, а этот мелкий прятался у меня за спиной и слабо попискивал, что он еще не готов к такому ответственному шагу, и вообще... и не сейчас, точно... и... Но когда к нему подошли одновременно Абангу и Каджисо, вдруг взял и ринулся к их главной. А та лишь едва заметно улыбнулась, но в глазах засверкали проказливые чертики, когда она соперницам чуть ли не язык показала. И, погладив парнишку по волосам, объявила, что он, и правда, еще слишком юн, так что сначала обучится, а потом уже расплатится. Мы с Санасаром одновременно облегченно выдохнули, потому как я же тоже за него переживала. Планировалось, чтоведу на поиски сенсея, а привела к озабоченным маньячкам. А через годик он уже на человека будет похож, а не на недокормыша.

И тут я вдруг осознала... что осталась одна. Не пристроенная. И все три нимфы смотрят на меня с хищным таким выражением лица, а я то... я то... Убиться плеером! И что делать?

— Жаль, мальчик, но у тебя нет даже зачатков природной магии, — спасла меня от полного провала или еще более полного позора Адвара. — Ты — один сплошной огонь. Но, конечно, если тебе нравится кто-то из девочек, думаю, они не откажут...

Я энергично закивала:

— Конечно, спасибо большое, обязательно буду иметь в виду, но не сегодня.

Тут я вспомнила про Агату и решила уточнить, ну так, на всякий случай:

— А девушку вы бы согласились поучить? И если да, то...

— Девушку мы возьмемся обучать просто так, — заверила меня Адвара.

— Из женской солидарности, — хихикнула Каджисо, при этом многообещающе мне подмигнув: — И всему, что знаем!

Ох, боюсь, Робби не скажет мне за это спасибо... Из леса обратно в замок я побрела одна-одинешенька, потому что Тим и Санасар остались тренироваться и потом, возможно, расплачиваться. Даже думать об этом не хочу! Мой Тимоха и... какая-то чужая девица! Кошмар... Какая-то чужая черноволосая красавица и МОЙ домовенок!

— Рин?! Я тебя уже долей двадцать в этом лесу ищу! — а это — чужой черноволосый красавец.

Интересно, что он здесь забыл?

— А зачем ты меня ищешь? — главное, вовремя поймать и задавить кокетливые нотки в голосе, чтобы спросить спокойно и естественно. Вообще, нормальный вопрос после заявления, что человек ради меня уже примерно... сейчас... ага, полчаса, где-то... по лесу бродит.

— Фонзи сказал, что вы к природницам пошли.

Вот... продажный артефактор! Хотя я же не просила его хранить цель нашего похода в великой тайне, а они все — Фредо, Робби и Фонзи — с одного курса по некромантии, вместе уже шесть лет, конечно, никаких секретов друг от друга. А еще у меня создалось странное такое, подозрительное ощущение, что вся честная компания с воодушевлением пытается избавиться от Эззи. А тут так удачно я подвернулась.

— Ну да, мы возле их домиков болтали, на поляне. Странно, что ты нас не увидел.

Действительно, странно. Вот же, если по этой тропинке пройти

немного, ну буквально, две елки, три сосны, и будет та самая поляна...

— Наверное, о чем-то секретном разговаривали, — улыбнулся Фредо, а у меня сердце уже привычно сначала замерло, потом застучало быстро-быстро. — Потому что я прекрасно знаю, где живут эти женщины, — в голосе не то чтобы презрение, а легкое пренебрежение, и не понять, то ли к тому, что «женщины», то ли конкретно к этой вот пятерке. — Но гулял по тропе туда и обратно, пока ты не появился из-за деревьев, и вот теперь я снова не вижу этого поворота!

Я обернулась и поняла, что тоже потеряла то место, с которого только что шагнула на тропинку. Вроде бы из-за этой елки... Или из-за этой? В моем мире так лешие развлекаются. А тут, значит, магички-лесовички, прибрали себе к рукам двух парней и дорогу нам к их спасению перекрыли? А я, дура, сама им этих двоих привела и лично выдала?! Так, в панику не впадаем, договор был добровольный, а Тимка — здоровый парень, растущий организм, ему самому, наверное... это самое... не помешает, короче. А то, что дорогу перекрыли — тоже правильно, чтобы от учебы не отвлекали всякие искатели.

— Робби с Агатой уже закончили отношения выяснять? — уточнила я. — А то он так на нее накинулся...

— Конечно, она же не то что разрешения не спросила, даже в известность его не поставила. А он ее под свою ответственность взял. И как бы он в глаза лэру Сеттимайо смотрел, если бы с ней что-то случилось? Как он, вообще, сам бы себя чувствовал? Это был очень, очень неуважительный поступок. Я бы свою женщину за такое не простил.

Ну и подумай! Какие мы серьезные, прямо убиться плеером! Неуважительный... Да просто не пустил бы Робби Агату на эту дуэль, если бы все заранее узнал. А лэру этому... кстати...

— А кто такой этот лэр Сеттимайо? — что-то неуловимо знакомое, но никак не могу вспомнить.

— Заведующий кафедрой факультета магии жизни. Лэр Сеттимайо Алюменио, — ага, веселый такой дедулька, с которым мы в деканате общались. Уверена, он уже поставлен в известность о случившемся. А, скорее всего, вообще знал о дуэли заранее. Так что, если бы хотел, мог бы вмешаться и остановить. — Он создал при кафедре отдельную группу для всех попавших в наш мир магически одаренных девушек, даже занимается с ними.

И опять это снисходительное пренебрежение в голосе, словно заниматься с девушками — бессмысленная потеря времени. Хорошо, что я ему не призналась... Думаю, его мнение о девушках мои успехи в магии

нисколько не улучшили, а, скорее всего, ухудшили. Вот Агата...

— То есть они с Робби поругались? — уточнила я печально. Раз начались пафосные фразы про неуважение, значит...

— Нет, он даже не вернул ее обратно к остальным девушкам, хотя бы на время, — судя по суровому выражению лица, Фредо считал такой поступок слабостью. Кто бы рожи корчил? Вазелинку свою воспитывай, а Роберто — молодец, сумел перешагнуть через местные предрассудки. Хотя, насчет «возвращения» я не очень поняла. Они что, живут вместе? Я почти побежала по тропинке в сторону замка, но этот самоуверенный... гендерный шовинист... схватил меня за руку и развернул к себе. По телу тут же заструилась приятная успокаивающая прохлада, весь агрессивный настрой выветрился, даже желание стукнуть его чем-то... легонечко, но ощутимо... пропало.

— Подожди! — я так уставилась взглядом на сжимающие мое запястье пальцы, что Фредо догадался ослабить хватку, но полностью руку не выпустил. И, его черные глаза сверкнули очень решительно. Похоже, обнаружив меня одну и без охраны, парень собрался воспользоваться возможностью и тоже устроить небольшое выяснение отношений. — Слушай, я...

Решительность резко испарилась, сменившись... Ну не робостью, конечно, но какой-то непонятной неуверенностью, что ли. Как будто Фредо боится, что я его сейчас оттолкну. А я ведь могу... Вот из вредности и этой самой женской солидарности! Могу, но не хочу, потому что мне очень нравится ощущение его энергии во мне.

— Давай, я тебе про кольцо расскажу, хочешь? — я даже не успела уточнить, что за кольцо, как он быстро-быстро продолжил: — Старшая сестра моей бабушки сбежала с простым матросом, бросив и мужа и троих детей. Эту позорную историю рассказывали шепотом, но о ней знали все.

Какая знакомая, потрясающе знакомая ситуация. Бывают же такие совпадения...

— А потом я выяснил, что мать тайком от отца встречается с садовником. Я следил за ними и... глупо поступил, как мальчишка! Взял и вызвал его на дуэль. Обычного человека, прислугу... Я даже не применял против него магию и позволил самому выбрать оружие. Отец потом обозвал меня идиотом и... наказал, чтобы в следующий раз помнил, кто я, а кто они. Но я тогда не очень понимал, что делаю...

Фредо говорил вроде бы спокойно, хотя на последней фразе голос едва заметно дрогнул. Только создавалось ощущение, что слова торопятся выбежать из него, обгоняя друг друга, и ему почему-то очень важно

рассказать мне эту историю. Поделиться еще одной частичкой себя. Интересно, сколько ему тогда было? Думаю не очень много.

— А перед смертью мать позвала меня и отдала вот это кольцо, — расстегнув жилетку, Фредо показал мне висящее на цепочке колечко, практически идентичное моему, только глаза у змеи были черные, — сказав, что оно будет вечно напоминать мне о ней и о том, что я сделал. — Вот теперь голос у него дрогнул очень заметно. — И что с этим кольцом она передает мне проклятье, с которым живут все женщины у нее в роду.

Парень медленно и очень аккуратно спрятал кольцо обратно и только после этого посмотрел на меня своими бездонными черными глазами.

— Скажи, твои тебя тоже прокляли?

Пока Фредо рассказывал, между нами как будто бы проявлялась незримая нить, крепкая и прочная, а после этого вопроса она даже зазвенела, настолько туго натянулась.

Мальчишка, которому с детства рассказывают страшилку о том, как двоюродная бабушка сбежала, бросив семью, застаёт мать изменяющей отцу. Да даже без предыстории про бабуку — это все равно стресс, мне ли не знать. Первого приведенного матерью домой любовника я восприняла очень тяжело. А ведь старалась, уговаривала себя, что это нормально и естественно. Но больно... больно было все равно. А для Фредо, наверное, вообще, был шок.

— Ты ее очень любил? — я проигнорировала его вопрос о проклятье, пытаюсь проанализировать и осознать, что именно чувствовал этот парень тогда, наткнувшись на мать и... садовника. Ну да, для него это было двойным шоком, ведь еще классовые и гендерные предрассудки разыграли во всей красе.

— Очень, — Фредо посмотрел на меня как-то странно, попытавшись резко отгородиться.

Мне показали поверхностный слой переживаний и не рассчитывали, что я полезу копать глубже. Но я принялась настойчиво пытаться протиснуться в приоткрытую дверь его воспоминаний.

— Я не хотел, чтобы она тоже сбежала, — очевидно, не увидев на моем лице ни насмешки, ни презрения, ни банального любопытства, Фредо решил открыться еще больше. — Но с тех пор она всегда смотрела так, словно я — пустое место, разговаривала только на Вы...

Перекатывающиеся желваки на скулах идвигающийся вверх и вниз кадык очень хорошо демонстрировали мне, что я сейчас играю с огнем, подобравшись слишком близко, почти вплотную к незажившей ране, которую можно попробовать излечить, заштопать, сделать сначала грубым

швом, а затем — тонким шрамом, а можно нечаянно задеть и получить удар под дых. И еще проблема доверия и привязанности: когда между людьми есть такая тайна, их отношения первое время как хрустальная ваза — чуть тронь, и разобьется. Надо ли мне оно? Зачем мне все это надо?! Для чего я лезу в чужую душу, пытаюсь понять, принять... простить... Да, простить его отношение к женщинам, оправдывая вот этой ситуацией с матерью. Предательство самого дорого, самого родного, самого любимого человека. Двойное предательство — сначала мать предала отца, потом отвернулась от сына. А ведь вместо того, чтобы тихо сообщить все взрослым, Фредо вызывал виновного на дуэль. То есть поднял до своего уровня, если я правильно понимаю все эти классовые заморочки. И еще...

— Ты ведь думал, что перед смертью она тебя простит? — не знаю, почему я задала этот вопрос. Просто это было логично и естественно, надеяться и рассчитывать на прощение все время, пока она была жива и уж тем более, когда она, умирая, призвала его к себе. Фредо вновь сжал мое запястье. Сжал с такой силой, что я едва удержалась, чтобы не вскрикнуть.

— Извини... Прости, я не хотел! — прямого ответа на свой вопрос я не получила, но мне было уже и не надо. Картинка сложилась полностью.

— Нет, меня не проклинали, но у женщин в моем роду очень похожая ситуация. Только это никак не зависит от кольца.

Вроде бы... Или я чего-то не знаю? Или есть отдельное проклятье с магнитом и отдельное с кольцом? Убиться плеером!

Глава 15. Прогулки перед сном полезны для здоровья

Вместо того чтобы бежать в замок, как с самого начала собиралась, неожиданно для самой себя я проплутала вместе с Фредо по лесу, пока окончательно не стемнело. Наручный артефакт, показывающий время, был у Тимошки, ему Фонзи подарил или расплатился за какую-то идею, — я не очень вникала. Мне же обычно хватало часов, развешанных на стенах замка. Но в лесу время посмотреть было негде, зато рядом был интересный собеседник, чей голос обладал надо мной какой-то завораживающей властью, да и глаза... Притягивающие и отпугивающие, одновременно. Прекрасный готический принц и я, совершенно простенькая, без всяких изысков, как внутри, так и снаружи. Что это Совершенство нашло во мне, не понятно. Почему я, как тупейший на всю голову мотылек, порхаю вокруг него — тем более не ясно. Ниммей проще, надежней, понятнее, в конце концов! Даже по менталитету ближе — нет у него никаких классовых предрассудков, не замечен. И гендерных тоже нет. Правда, и интереса ко мне, как к девушке, тоже нет. Вроде бы нет... Так и у Фредо — нет! Он вообще, к счастью, не знает, что я — девушка.

— Замри! Стой тихо и не шевелись. А теперь плавно, очень плавно скоси глаза влево и чуть вверх, — и все это мне на ухо, едва слышным шепотом, почти касаясь губами мочки, а ладонями крепко сжав мне плечи, чтобы и приятное спокойствие от его магической энергии, и тепло от его дыхания, и внутри все обмерло...

На ветке, едва заметная среди зеленой листвы, сидела остроклювая птичка, сочно-салатового цвета с иссиня-черными крыльями. Мы же замерли, не дойдя до нее пары метров. Она нас не замечала, любясь заходом местного светила, ничем внешне не отличающегося от нашего. Его название наш встроенный в голову переводчик так и перевел — Солнце. Наконец, птичка присвистнула, потом издала забавный тренькающий звук, снова свистнула. Дальше раздалось что-то типа: «трищи-щищи», потом свист, треньк, свист, снова трищи-щищи... и дальше уже без пауз, быстро-быстро...

— Ее зовут почти как тебя, — едва шевеля губами и обжигая меня своим дыханием до мурашек, прошептал Фредо. — Ильринка. Птица заката.

— А сколько сейчас времени? — тоже вроде бы шепотом спросила я, но ильринка тут же замолчала, склонила голову на бок и возмущенно свистнула.

— Половина пятнадцатого где-то, — выдохнул Фредо. — Хорошо погуляли. Я все думал, как бы тебя выкрасть от твоих телохранителей, а тут такое везение.

Да уж, я сама прямо ему в руки и запрыгнула. А, главное, к природницам мы направились в тринадцать, то есть около восьми вечера по-нашему. И пусть где-то полчаса с ними проболтали, хорошо. Но все остальное время, два с лишним часа, я прогуляла с этим гендерным шовинистом и даже не заметила?! А ведь, правда же, хорошо было. И, спроси меня, о чем мы болтали — не вспомню, наверное. Нет, если напрячься... Начали мы с географии. Сначала я выяснила, наконец, как мир называется — Анардинья. Такое вот красивое женское имя у мира оказалось. Потом мне рассказали, что Надзихар — пограничная застава целой страны, Хитхгладэ. Самой большой страны в этом мире. Затем... Да, о том, что материков — восемь, морей — три, а стран — семь. А еще есть океаны, северный и южный, прямо как у нас. Только на полюсах жизни нет, никакой, потому что это — места для сражений.

Раз в пять сотен лет с северного полюса к крепости приходят проигравшие предыдущую битву и оставляют «Книгу пророчеств». Ровно в тот момент будущие воины осознают, за кого им придется сражаться, за светлых или за темных, а дальше цель одних — разгадать предсказания в книге и предотвратить их. А задача их противников, естественно, сделать все, чтобы сбылось как можно больше. Ну, а у оставшихся магов головная боль похлеще — сделать так, чтобы вся эта забава не отразилась на простых людях. Ведь «Книга пророчеств» — это только одна часть веселья. После того, как призванные бойцы будут ею озадачены, на полюсах Анардиньи начнутся сражения сил тьмы и света. Причем обе армии припрут в этот несчастный мир все свое тайное оружие массового поражения, которое напридумывали с прошлой битвы. Ну и старое, уже проверенное веками.

Что там с оружием, я не очень поняла, но Фредо и сам знал очень мало, пересказывая все с чьих-то слов или из книг. Так что тут, скорее, надо зажимать в углу смешливого дедулю — Сеттимайо Алюменио. Вот уж кто точно знает, как все в прошлый раз было. А еще мне очень не понравился один момент... Пока «Книгу» под ворота Надзихара не доставили, мы не знаем, кто за кого, а потом что? Сразу станем врагами? А если я — налево, а Тим — направо, то, что тогда?!

Так что, если бы ильринка запела минут на сорок пораньше, я бы пришла домой озадаченная всеми этими странными вопросами, а так они отложились у меня где-то в глубинах подсознания, потому что Фредо сменил тему и негромко продекламировал, глядя на меня:

*Твои глаза — как моря глубина,
Твои черты — для восхищенья повод,
Твой взгляд — как чаша тёплого вина,
Она согрела мою душу в сильный холод.
Твоё лицо — светлей иконных ликов,
Твоё тепло — от сердца, изнутри,
Твоя улыбка, словно солнца блики.
Прошу тебя, смотри, смотри, смотри...*

До этого я действительно смотрела, вернее, хотя бы решалась изредка посматривать на своего собеседника. Особенно, пока меня разрывало от кучи вопросов о том, как будет проходить эта их битва тьмы и света, — тогда я, вообще, всякий страх потеряла. Но после такого... только сверлить взглядом тропинку, освещая ее пылающей краснотой щек и ушей.

*Чтобы раскрыть все чувства пред тобой,
Мне не хватает слов простых порою,
Они — как половодье раннею весной
Из сердца льются, как нектар, рекою.*

— Это кто-то из ваших поэтов, да? — прохрипела я едва слышно.

— Да, сам я стихи писать не умею, к сожалению, — так, судя по голосу, улыбается. Конечно, ему смешно, это у меня муки смущения и совести.

Стихи же... Пусть не собственные, пусть чужие. И, с одной стороны, безумно приятно, а с другой — как будто украли. Ведь не мне же, не для меня, не девушке Ринке, а парню, Рину. И осторожные прикосновения к руке, и стихи, и нежное поглаживание по щеке, чтобы смахнуть несуществующую соринку, и... И ильринка эта, как последняя точка. Не знаю, кто меня добил — стихи или птица. А может, все вместе? Но прямо вот хоть садись под ближайшей сосенкой и вой на луну, большую такую, красную, просто созданную для того, чтобы на нее выли глупые влюбленные девчонки. В конец запутавшиеся... Убежать, ничего не объясняя? Иногда очень удобно быть истеричной и непредсказуемой, но я так не могу. Значит, надо успокоиться, соорудить на лице что-то условно независимое и... я неожиданно оказалась буквально вдавлена спиной в ствол ближайшего дерева, а Фредо навис надо мной. Потенциальная угроза. Способов, как вывернуться из такой позиции, знаю почти десяток, но...

Стою и смотрю в его бездонные черные глаза и жду. Жду, что он сейчас сделает.

Секунд тридцать жду, пока до меня не доходит тот факт, что если вдруг... то фигурой я, может, и не сильно, но все же несколько отличаюсь от мальчика. Да, узкие бедра и почти плоская грудь. Да, кадык проявляется в двадцать четыре-двадцать пять, и щетина может в девятнадцать еще не пробиваться. Да, плечи у меня пока еще, примерно, той же ширины, что и бедра, так что сойду за тщедушного заморыша... Только грудь уже не совсем плоская, кстати. Не такая, как у Агаты, конечно, но... заметнее, чем у Санасара, точно. И, это... как бы... нет у меня кое-чего в штанах! А Фредо сейчас как раз туда и полезет, судя по...

— Рин... Ты же весь, как открытая книга, — отличное сравнение, корректное. Обычно мне говорили: «у тебя ж на роже все твои переживания, толстым маркером!». А тут... книга.

— Не бойся, я ведь даже за руку тебя стараюсь не брать без твоего разрешения, — наглые враки, между прочим. За время прогулки ко мне уже столько раз как бы невзначай прикоснулись, что я со счета сбилась! Хотя да, иногда происходил уже своего рода ритуал, когда Фредо интересовался моим мнением. Робкий вопросительный взгляд в глаза и негромкое: «Позволишь?» или «Можно?». Тогда мурашки по всему телу уже от голоса, а само прикосновение — удар током, а уже потом волна освежающей магической энергии.

А сейчас его губы так опасно близко от моих, что я уже чувствую его дыхание, такое же освежающе-прохладное... как мята. Да, даже пахнет чем-то очень похожим на мяту. Такой странный успокаивающий запах: смесь почти выветрившегося за день терпкого парфюма, ввевшегося под кожу, потому что он им регулярно пользуется и его естественный, собственный... Даже пота немного чувствуется, если глубоко вдохнуть. Все равно приятно, потому что... Потому что я — дура! Нашла в кого... Толпа мужиков по Академии бегают, а я... А что я? Он первый начал... Точно, дура! Даже не сама выбрала, меня поймали, как рыбку на крючок. И что мне теперь делать? Есть только один способ быстро со всем этим покончить — признаться, что я девочка и сбежать. Трусливо сбежать, забаррикадироваться в блоке и не вылезать. Только... А если Фредо всем расскажет?! Не со зла, а потому что менталитет же, и вообще.

Надо просто держаться от него подальше, дать понять, что он мне не интересен, и все! Проще простого! С моей-то рожей, на которой толстым маркером уже все мои чувства к нему написаны?!

— Дракон, да? — неожиданно почти прорычал Фредо. — Ты

сомневаешься из-за дракона, верно?!

— Из-за тебя, — ну надо же, и голос сразу прорезался, стоило лишь почувствовать потенциальную угрозу для близкого мне челов... оборотня. И обвинения несправедливы, потому что проблема, действительно, во мне и во Фредо, Ниммей тут совсем не при чем! Ну... почти не при чем.

— Я слишком тороплюсь, да? — спокойно, почти ласково, как будто только что проявившийся хищный оскал ревнующего альфа-самца мне показался. — Хорошо, прости. Я буду ждать рядом столько, сколько ты захочешь, — тут он ухватил меня за подбородок своими сильными пальцами, нежно вроде, но так, словно... словно у него есть на это право. Я недовольно нахмурилась и приготовилась ударить. Влюбленность — это зло, ее надо уничтожать на корню, как сорняк. Вот не успела прополоть грядку вовремя, и на тебе, меня уже хватают все, кому не лень! Усмехнувшись, Фредо потянулся своими губами к моим...

Я резко дернулась вбок, потом нанесла скользящий удар ребром ладони по его руке, освобождаясь от захвата, затем коленкой в пах, чтобы согнулся от боли, и толчок сразу двумя ладонями в плечи... Просочиться в освободившееся пространство и... почувствовать, как его тело прижимается ко мне со спины, а обе его руки обнимают меня крест на крест, как раз по груди, которой почти нет, но она есть... Так что надо быстро вывернуться, освободиться, скинуть эти руки... Хотя так и стояла бы... Дура!

— Все... прости! Прости, Рин... Я, правда, больше не буду! Клянусь!

Фредо, развернув меня к себе лицом, заглянул в глаза, робко и умоляюще. Ну да, поверила, как же!..

— Я договорился на завтра насчет тренировки, — теперь у него спокойно-деловой тон. — Взаимодействие подразумевает полную открытость друг перед другом. Надеюсь, мне удастся убедить тебя, что я не хотел ничего плохого. Просто... мне показалось, что ты был готов... прости!

Да ладно, мне самой тоже показалось... настолько, что если припоминать, как оно было, то... вроде даже успела губами к его губам потянуться, прежде чем впасть в панику и начать отбиваться. Но это все равно не повод! Мало ли кому там что-то показалось?! И нечего давить мне на совесть, ненавязчиво так потирая ушибленную мной руку. За второй удар мне гораздо больше стыдно. По уже возбужденному... наверное, очень больно.

И тут до меня дошло, как до жирафа... убиться плеером! Полная открытость друг перед другом? Так, закат, ильринка уже пропела,

приличным девочкам... то есть мальчикам уже пора домой, рвать на себе волосы и искать выход из той задницы, куда она, то есть он... то есть я... падаю на всех скоростях. Немного ошалевши-задумчивые мы вместе дошли до замка. Дальше, по моему плану, Фредо сворачивал в сторону своей башни, а я отправлялась к себе, в гордом одиночестве, размышляя о тщетности всего сущего. Но не тут то было.

— Я тебя провожу, — просто поставил перед фактом, вот и все.

Пока мы шли через пустующий второй корпус, меня слегка отпустило, так что я даже начала что-то слабо мяукать, особенно когда увидела большущую полуоткрытую аудиторию, из которой дуло так, что меня к стене напротив буквально припечатало. Фредо, смеясь, пояснил, что это зал, в котором начинающие маги воздуха летать учатся. А потом вдруг схватил меня за руку и затащил во внутрь. И нас подхватила воздушная волна, закружила, понесла под потолок... И если бы не этот... серфингист... я бы точно расшиблась, а так мы очень весело прокатились через весь зал по кругу и потом без всякого ущерба для моего здоровья спрыгнули вниз.

— Ничего сложного, на самом деле, — гордо заявил мой спутник, довольный произведенным впечатлением. — Нас на первом-втором курсе всех сюда отправляли, равновесие и координацию движений тренировать. Очень полезное упражнение, — и он улыбнулся, совсем как мальчишка. Радостно и светло. — Мы на этих волнах и вдвоем, и втроем, взявшись за руки... А еще можно подпрыгивать и местами меняться. Попробуем?

Ну и как отказать, когда тебе уже протягивают руку? Да и саму распирает просто от желания полетать, покружить над полом, да еще под присмотром человека, которому... доверяешь? Странно, он же только что меня чуть не... ну, положим, он всего лишь хотел поцеловать, да еще и, по его мнению, с моего согласия... Короче, доверяю я ему! Вот не понятно почему, но, несмотря на все его гендерные заскоки, доверяю! Однако полного раскрытия он все равно не заслужил... Но разве это сейчас важно? Главное — не взвизгивать, как девчонка, не попискивать от счастья, не зажмуриваться, а стараться более-менее походить на парня. Контролировать свое поведение и при этом пытаться получить удовольствие. В целом, у меня получилось. Только круге на тридцатом голова закружилась, поэтому Фредо пришлось быстро спрыгивать и практически ловить мое укатанное тело, — координация движений у меня оказалась совсем не натренированная. И сделал он это очень осторожно, даже не воспользовался возможностью подольше поприжимать и уж тем более — потискать ослабленную полетами тушку.

Единственное, когда я заявила в свой блок, угулявшаяся, окружившаяся и уподнимавшаяся после всего этого на десятый этаж, да еще в сопровождении Фредо, нас, буквально в дверях, встречал Тим с лицом ревнивой жены, руки в боки. Хорошо, второй шляется... в смысле в командных сборах участвует. Домовенок скандалить в открытую не рискнул, тем более у самого рыльце в пушку и мох в волосах, так что мы просто переглянулись, улыбнулись друг другу и расползлись по комнатам. По поводу моего прощания с Фредо ничего сказано не было, хотя мы очень невинно расстались, кстати: «Пока» и «Спокойной ночи». Даже за руку меня брать никто не стал.

Спала я крепко, сладко, а вот с утра проснулась и принялась нервно грызть ногти, обдумывая, как правильно выкручиваться из ситуации с полным открытием для взаимодействия. С одной стороны, мне скрывать от Фредо было нечего, ну вот почти совсем нечего, кроме... М-да... С Тимой советоваться я смысла не видела — начнет ругаться и пытаться тренировки запретить. Конечно, будет прав, но... Вот когда все говорит, что надо сделать именно так, а интуиция молчит, то почему-то я всегда делаю наоборот. Не знаю, из чувства противоречия или блондинистый ген так себя проявляет. Но, вместо того, чтобы ХОТЯ БЫ, как полу-умная, попросить Фредо подождать с тренировками до возвращения Ниммея, если уж поступить, как умной, и послать с тренировками совсем духу не хватило, утром я пошла сдаваться Агате. Я ее тайну несколько дней хранила, так что заслужила право озадачить своей собственной.

Правда, выловить ее одну, без Роберто, поглядывающего на меня после вчерашнего очень неодобрительно, оказалось задачей непростой. Тем более надо же было и от Тимохи избавиться, не вызывая подозрений. Но в обед я сделала это — тихо слиняла с занятия, которое вел очередной старшекурсник, занудный до противного, в отличие от Роджера. Он просто заставил нас решать рунные уравнения. Нет, если бы это сделал Демо, я бы сидела и решала, высунув язык от усердия. Потому что у него бы это получилось интересно и с личным вызовом, чтобы захотелось упереться рогом и решить все сразу. И вообще, он во мне синдром идеальной студентки разбудил.

А у старшекурсника оно вышло вяленько и нудненько. Ну да, воздух плюс вода дадут пар, а земля плюс вода — болото. И руны новые, опять же. Вроде рисовать учиться надо, но скучно. Не было в этом старшекурснике Демовской экспрессии при подаче материала. У него даже голос был какой-то... никакой. Поэтому, долей за пятнадцать до звонка на большую перемену, я сказала Тиму на ушко, что у меня живот прихватило, не сильно,

но от занятий отвлекает. И совершенно честно призналась в своем желании найти Агату и попросить меня подлечить. А провожать меня не надо — лучше в столовой встретимся, а то чего мы животом страдать вместе пойдем? Сделав полдела, я быстро побежала делать другую половину — вылавливать Агату. Мне повезло — я нашла Санасара, грустно сидящего на подоконнике и листающего анатомический атлас. Я заглянула и полюбовалась на картинки. Каждый орган имел свое отдельное рунное обозначение. Вот уж гемор у целителей, почище чем у нас, оказывается.

— Младших раз в шесть дней экзаменуют всех, по очереди. Нас и первый курс. Но большинство на сборах, поэтому сегодня только нас мучают. Девчонки уже все сдали, а я сейчас пойду, — пояснил он мне и кивнул в сторону одной из аудиторий: — Агата — там, опыт какой-то захотела поставить.

Услышав про опыт, я предусмотрительно в дверь сначала поскреблась, а не сразу ее распахнула. А то мало ли, вдруг открою, а по мне здоровьем шарахнет так, что мало не покажется. После вчерашнего, даже я Агату побаиваюсь, а уж каково этим двум горе-дуэлянтам?

Пока, явно, шли теоретические выкладки, потому что девушка сидела за партой, полностью усыпанная исписанными крупным округлым почерком листами бумаги.

— О, Рин?! Что-то случилось?

Глава 16. Мужское воспитание

М-да, вот так вот прямо сразу с разбега информацию выдать или сначала подготовить? Прямо даже не знаешь, как лучше... Но, в итоге, решила все же сразу, а то начну реверансы и прелюдии разводить, и тут объявится тот же Робби, например.

Так что села я рядом с Агатой, вздохнула и выдала:

— Я не Рин, а Рина. Девушка.

Дальше мы какое-то время посидели вместе, молча. Потом Агата оглядела меня как-то странно, даже руну в воздухе нарисовала, после которой меня пару секунд откровенно мутило, затем кивнула, как будто сама себе:

— Подозрения вызываешь, но не сильные. А на фоне Санасара даже выигрываешь, — тут она хитро улыбнулась и снова стала серьезной: — Тим и Ниммей знают?

— Угу, — снова вздохнула я. — Они знают.

— Дай угадаю, Фредо не в курсе? — с сочувствием в голосе уточнила моя догадливая собеседница.

— Угу, — третий вздох у меня вышел наиболее жалобным. — А у нас сегодня тренировка по взаимодействию.

— Это вы сильно замахнулись, — искренне изумилась Агата. — А кто предложил? Хотя и так понятно... И отказаться ты не можешь?

Я помотала головой и в очередной раз горестно вздохнула.

— Тогда надо к моему учителю идти, потому что я блоки ставить еще не умею, а этот должен быть идеальным и незаметным. С таким даже Робби, боюсь, не справится.

— С чем я не справлюсь? — раздался от входа в аудиторию очень напряженный голос Роберто.

Вот ведь чуткий слух какой... А мы, наоборот, две глухие тетери, так увлеклись, что не заметили, как он появился. И хорошо, что он, а не другой кто-то. Агата, судя по лицу, начала быстро придумывать какую-то правдоподобную ложь, а мне вдруг стало настолько все равно, что я просто взяла и призналась:

— Поставить мне блок, чтобы скрыть от Фредо, что я девушка.

Роберто, в отличие от меня, дурынды, первым делом закрыл дверь на замок, потом повернулся, взял преподавательский стул, развернул его задом наперед, уселся и, облокотившись о спинку, уставился на нас пристальным

немигающим взглядом. Минуты две изучал. Потом вздохнул.

— То, что вам обеим не стыдно, я понял. Но зачем тебе еще и Фредо, если ты и так живешь с двумя мужчинами?

У меня просто дар речи от возмущения пропал!

— Каждый думает в меру своей испорченности! — выплюнула, подскочила, до двери добежала, стараясь не разрыдаться заранее — ведь еще по коридору бежать до ближайшего туалета. Но пока пыталась открыть замок, мой обидчик уже оказался рядом. Развернул за плечи, голову за подбородок приподнял, в глаза посмотрел... А потом внутри у меня как будто какой-то маленький тошнотворный смерч пробежался. Без всяких там рун.

— Прости, был не прав, — нахмурившись и изучая что-то, видимое только ему, растерянно-виноватым голосом извинился Роберто. — Но вопрос: «зачем он тебе?» остается в силе.

— Потому что... — я задумалась, пытаюсь поточнее сформулировать и заодно успокаиваясь. Организм уже настроился на истерику, бурную такую, с криками о том, что все кругом гады, и как я всех ненавижу. Нет, сначала полагалось порыдать о том, какая я несчастная и непонятная, и как он мог... А потом перейти к гадам. А Робби взял и все испортил своими извинениями, и послать его сейчас, стоящего рядом и серьезно смотрящего на меня сверху вниз, было очень сложно.

— Потому что...

Если я оттолкну Фредо, это будет жестоко? А если потом он узнает, что я девушка, и сам меня оттолкнет? Нет, причина не в жестокости, а в том, что я просто не могу это сделать. Вот сейчас, после всего того что между нами было, после разговора о книгах и маме, после прогулки по лесу, после того как я заглянула к нему в душу... оттолкнуть его я точно не могу. И сказать, что девушка, тоже не могу! После его пренебрежительных фраз? Нет, не сейчас, не...

— Не знаю, — горестно выдохнула я. — Просто нужен. Потому что нам хорошо вместе.

— И ты хочешь начать строить отношения на лжи? — в голосе Робби зазвучала обвинительная сталь, но разглядев очередной наплыв слез в моих глазах, он снова сбавил обороты и уже более спокойно уточнил: — Почему ты ему просто не признаешься?

— А ты знаешь, что он о женщинах думает?! — возмутилась я. Тоже мне друг, называется! Шесть лет вместе, а то, что Фредо женщин за друзей человека держит, не заметил?

— Но... — Робби задумался, снова уселся на стул и махнул мне, чтобы

я села напротив, перед Агатой. Посекретничали девочки, называется. Надо же было так с дверью ступить! А с другой стороны, если бы Роберто обнаружил, что я с его девушкой заперлась, при этом считая меня парнем... тоже ничего бы хорошего не было.

— Просто он все равно же узнает, и будет только хуже.

— Может, не узнает? — жалобно так предположила я. — Может, я ему надоем, и он меня бросит...

— Так брось его первой, сейчас, — Роберто, нахмурившись, изо всех сил пытался осознать женскую логику влюбленной дуручки, то есть мою. Сочувствую, но если я сама в ней ничего не понимаю, то кто-то еще тем более не разберется.

— Не могу, — желание разрыдаться, не реализовавшись, сменилось на агрессию. Только пока с целью не определилась. — Ему будет больно!

— А потом ему больно не будет? — ехидно уточнил Робби, с таким выражением лица, как будто сейчас встанет и начнет биться головой о стену.

Тут не выдержала молчащая до сих пор Агата:

— Будет, но он уже к Рину привыкнет, позлится и простит.

— Как я тебя? — неожиданно улыбнулся Роберто, снова став родным и привычным. — Ладно, подойди и встань вот здесь, — кивнул он мне, указав на место рядом с собой. — Стой спокойно и думай о том, что ты девочка, только не паникуй, а просто думай об этом. Я источник попытаюсь уловить.

Какое-то время я думала, а Робби просто сидел на стуле и молча изучал меня. Ощущение было очень неприятное, если честно. Хуже, чем у врача какого-нибудь в кабинете. Вроде бы и одетая стою, а все равно взгляд у Роберто очень профессионально-раздевающий. Особенно не по себе стало, когда он встал и принялся вокруг меня кругами ходить, медленно, сверля взглядом то затылок, то лоб, то в глаза заглядывая.

— А теперь чуть погромче подумай, как будто где-то рядом Фредо, и ты боишься.

«Чуть погромче»? Да у меня в голове все мысли заметались в панике, сбивая друг друга. А этот начинающий садист-целитель начал надо мной руны рисовать. Много рун... Иногда одни и те же, иногда разные. Ходит, смотрит на меня и в воздухе узоры вырисовывает. Вот честно, еще бы немного, и послала всех... Семейка извергов. Два сапога-пара!

Но тут Робби вытер пот со лба, упал на стул и усталым голосом произнес:

— Все. На магистерскую я сдал...

Агата радостно взвизгнула и кинулась к нему обниматься и ластиться. А я села за парту, уткнулась лицом в стол, закрылась от них руками, чтобы не завидовать и не расплакаться снова... Тоже хочу! Хочу взвизгивать, обниматься, вешаться на шею, нести кокетливый бред... Хочу! Почему раньше можно было, но никакого желания не было, а теперь вот просто распирает, и человек подходящий рядом есть, а нельзя! Я же приличный парень, а не Эзелин какой-то там...И вообще, Тимошка, наверное, извелся уже весь, а я тут сижу, прохлаждаюсь.

— Спасибо, — благодарность вышла все же очень бурчательнообразная. Злость на Робби у меня еще не прошла. И настроение он мне своим подозрением сильно испортил.

Потом посмотрела на бледного парня, у которого капельки пота и над губой, и по скулам, и у висков снова выступили. Не помню уже, какой раз по счету вздохнула и улыбнулась:

— Спасибо большое! Ты мне очень-очень помог, и я буду очень-очень стараться доставить Фредо как можно меньше неприятностей, правда!

— Без проблем, — устало, но зато, как раньше, добродушно и дружелюбно улыбнулся мне в ответ Робби. — Ты лучше старайся, чтобы он тебе их не доставил. Особенно после того, как правду узнает.

Тимошке условно повезло встретиться с успевшим уже все сдать Санасаром, который честно отчитался, что меня видел, к Агате отправил, и мы там начали шушукаться, а он пошел знаниями с преподавателем делиться. То есть Тима, по крайней мере, знал, что до цели я добралась, и ждал меня в столовой, грызя ногти и локти.

— Ну вы там блин... Живот лечить! — фыркнул он при виде меня. — Есть-то тебе можно?

И-и-ить, я забыла предупредить Агату, чем мы с ней по легенде занимались! Не получится из меня «агента 007», туплю на каждом шагу. И, главное, только подошла моя очередь на раздаче, как нарисовалась эта парочка садистов-целителей. Тоже перекусить зашли, наверное. Увидели Тимоху и направились к нему, а мне как раз тарелки с едой на поднос ставят... Не бросать же все и бежать, размахивая руками, чтобы привлечь внимание? Ох, что сейчас будет, даже думать не хочу! Когда я с подносом уселась возле Тима, целительский дуэт уже отправился занимать очередь — опять разминулись, и не узнаешь, чего они тут уже успели наговорить. Но Тимошка выглядел вполне спокойным, даже заботливо предупредил, что мясо в этот раз какое-то странное, и лучше от него воздержаться, а то опять живот прихватит. Так что к моменту, когда Робби и Агата вернулись, я уже расслабилась и дошла до компота. Нет, потряхивало меня по-

прежнему, в ожидании встречи с Фредо, но насчет проваленной легенды о болях в животе я уже не переживала. Поэтому, когда мы, пожелав парочке приятного аппетита, отправились в сторону нашей аудитории, и Тимка вдруг резко затащил меня за угол и залепил подзатыльник, ощутимый такой, между прочим, я от неожиданности только пискнула: «Идиот, да?!»

— Я?! Ты мозгами думать совсем разучилась?! Столько лет под нормальную косила, а тут за пару дней ошизела совсем?

— А драться-то зачем?! — обижено поинтересовалась я, потирая затылок.

— Можешь мне потом сдачи дать, — недовольно буркнул Тимка и снова возмущенно зашипел: — Знаешь, каким я себя дураком чувствовал, когда Агата мне начала про блок рассказывать?! Какой Робби умница, справился, и теперь Фредо не узнает, что ты девушка, даже во время тренировок по взаимодействию, подразумевающих полную открытость двух магов друг перед другом. Она, значит, щебечет, а я сижу такой и киваю, как болванчик! — тут Тимоха выдохся и уточнил: — Ты когда планировала мне правду сказать? Или вообще не собиралась?!

— Собиралась! — искренне возмутилась я, предусмотрительно повертев головой, разглядывая, что происходит слева и справа от домовенка. Потом встала на цыпочки и убедилась, что и за спиной у моего богатырского домового никто не стоит. — Еще как собиралась... Вот прямо сейчас и собиралась!

— Ну давай, говори, — Тимка сложил руки на груди крест на крест и встал передо мной так, что не вдруг-то проскользнешь. И обзор сразу сильно сузился. — Я слушаю.

— Эм... Ну так тебе Агата уже все сказала, — проямлила я, грустно сверля взглядом пол.

— То есть теперь всегда за сведениями о тебе к ней ходить? — опять взвился Тим.

— Нет! И вообще... Что вы все на меня орете сегодня?! — не выдержала я и тоже ошетибилась. Сначала один воспитывал, теперь вот второй начал, хорошо Ниммея нет, а то бы еще и этот полез со своими ящерицами и долбоклюями.

— Потому что мы за тебя переживаем! — рыкнул Тимоха и выдохнул, сдулся. Даже сдачу ему давать расхотелось... Так, вяло треснула по пушистой шевелюре, скорее для профилактики.

— Тим, ты прости, ладно? Естественно, ты должен ругаться и пытаться меня отговорить. Я все понимаю, но... Если я сейчас остановлюсь, потом всю жизнь жалеть буду. А если расскажу...

Наверное, мой лимит неприятностей на сегодня был перевыполнен, потому что стоящего неподалеку и греющего уши Эззелина я увидела раньше, чем закончила фразу и, главное, вроде бы... вроде бы я о себе в женском роде не говорила. Ну, после того, как в последний раз гордым сурикатом просканировала местность. Заметив, что его обнаружили, парень презрительно фыркнул и с независимым видом продефилировал мимо. Лицо у него при этом было очень... недоброе, так скажем. Тимошка понаблюдал за мной, напряженно провожающей взглядом этот не очень радующий меня довесок к Фредо и ехидно поинтересовался:

— Ты уверена, что понимаешь ВСЕ? Я вот охватить умом, как можно встречаться с одним и ухаживать за другим не могу. Это я такой приземленный, али как?

— Когда ты у меня таким язвой стал?! — горестно вздохнула я, про себя соглашаясь, что Тимка совершенно прав. Так — нельзя.

— Ой, да, Тим, что я тебе сейчас расскажу! — как-то вот совершенно неожиданно захотелось перевести стрелки и поговорить совсем о другом. Ну, или не совсем, но о другом.

Так что дальше мы спокойно шли до нашей аудитории, и я пересказывала все, что узнала от Фредо про надвигающийся катаклизм. И о том, что если мы окажемся не по ошибке закинутыми, а сознательно выбранными, то нас могут взять и поделить. И как это будет проходить, я не представляю, но не нравится мне это все ужасно. Ясное дело, Тимохе это тоже не понравилось. Вообще, конечно, с неприятностями надо разбираться по мере их появления и уж тем более не следует волноваться о них заранее. Но вот как-то у меня и так не слишком радужное настроение окончательно испортилось.

Что за гадство, в самом-то деле? То намагниченного суженного подложат, то в другой мир перенесут. То теперь еще эти местечковые разборки, в которых мы или участвуем, или нет, и на чьей стороне — не понятно. И вот как-то на фоне этого моя не самая удачная влюбленность вдруг перестала сверкать яркими острыми маняще-опасными гранями. Да, пусть это будет моя самая большая проблема в этом мире: когда признаться Фредо, что я девушка! Я так разволновалась, что почти повисла на бедном Тимке, прижимаясь к нему покрепче, как будто вот прямо сейчас принесут эту треклятую книгу, после появления которой нас разделят и заставят сражаться друг против друга. В моем больном воображении почему-то возникли рыцари в доспехах и с копьями, скачущие на лошадях навстречу друг другу. В голове даже зазвучала подходящая случаю песня, довольно долго лидирующая в моем плейлисте:

*Вновь на битву зовёт железный престол,
Боль, смерть, власть — это его игра.
Крылья расправит в огне рождённый дракон,
В бой поспешит олень, волк растерзает льва.
Здесь подлость и честь сочетались в одном,
Здесь смерть и любовь не размыкают рук*

И вот как-то я мысленно попыталась представить себя, вот с этим тяжелым копьем, в железных доспехах да еще и на коне... А рядом нет ни Тимохи, ни Ниммея, который где-то там крылья расправляет, без меня. Вот ужас-то?! Убиться плеером!

— Тим, им ведь не удастся нас поссорить, правда? — уточнила я почти под дверью в аудиторию.

— Пока ты прекрасно справляешься сама, — буркнул он недовольно-ехидно, а потом успокаивающе похлопал по спине: — Не получится у них ничего! Если что, пошлем всех и свалим в деревню.

Я робко улыбнулась и почувствовала, что дышать сразу стало легче. Все-таки настоящий друг — это важно!

— Я так больше не буду, — извинившись за опоздание, мы уселись за свою парту, и я погладила Тимку по руке, одновременно изображая на лице максимально виноватое выражение. — Честно-честно не буду! — и тут же строго предупредила: — Но если ты еще раз драться полезешь, точно поругаемся.

— Я тоже больше не буду, — улыбнулся Тимоха. — А то вдруг все настройки собью? Но ведь гляди, что простая затрещина с мозгами делает! Сразу включились и заработали...

— Выйдем, я тебе по заду пендаль дам, — пообещала я самым суровым голосом, на который была способна, хотя очень хотелось рассмеяться. Уж не знаю, что там помогло, но в голове действительно прояснилось. Только я точно знала, что подобную выходку могу простить один раз и то не каждому. Тимке — могу. Тем более он же не со всей своей богатырской силы залепил, а так, чисто по-дружески. Для просветления.

— Если тебе от этого станет легче, — хмыкнул домовенок. — Пиши давай: воздух плюс земля равно пыль...

Фредо пришел за мной прямо на занятия. Переговорил с занудой, поглядывая в мою сторону, потом кивнул в сторону двери:

— Позвольте вас снова похитить, лэр Рин.

Вот если бы не было у меня прояснения, побрела бы следом за ним, как под гипнозом, а так я резко вспомнила, что мы договаривались о сопровождающем эскорте.

— Меня можно похитить только вместе с Тимом, — и улыбнулась, чтобы сгладить неожиданно проскочивший вызов в голосе. Наверное, у меня это от напряжения — целый день же на нервах, то как насчет блока договориться, то как блок поставить, то как за этот блок оправдаться. Нервы — они же не железные, вот и напряглись.

— Не доверяете мне, лэр Рин? — Фредо хищно так улыбнулся, оглядывая меня, как кот — глупую мышку. — Правильно делаете, — и подмигнул, проказливо и одновременно тоже... хищно. Особенно учитывая то, что он еще при этом губы облизнул.

И тут до меня дошло — мы в аудитории, на занятиях. И меня при всех... помечают, так, наверное, будет правильнее всего? И зануда-старшекурсник смотрит на нас очень задумчиво. А у меня весь набор хохм для таких случаев исключительно под девушку заточен. Но очень надо вежливо дать понять, что кто-то слегка заигрался.

— Так как у вас уже есть пара, лэр Фредо, будет правильным, чтобы даже на простых совместных тренировках мы не оставались с вами наедине. Не люблю подавать беспричинные поводы для ревности.

Фредо хмыкнул, переглянулся с занудой, потом, улыбаясь уголками губ, придержал дверь, пропуская вперед меня и Тима, а в коридоре склонился к моему уху и тихо прошептал:

— А как ты относишься к созданию причин для ревности?

— Очень отрицательно, — тоже шепотом ответила я. — Из ревности столько людей поубивали! Так что давай лучше воздержимся.

— Не бойся, я же некромант. Если что — оживлю, — утешил меня мой поклонник.

— Спасибо, но я себе нравлюсь в состоянии первой свежести, — хмуро отреагировала я на его заманчивое предложение.

Фредо, очевидно смирившись, что я не в настроении кокетничать, быстро пошагал вперед, в сторону башни-общежития магов воды. От нее мы свернули в восьмой корпус, где занимались те, у кого были способности к ментальной магии. Целители, которым этот дар доставался в качестве бонуса к магии жизни, занимались отдельно, у себя, и, надеюсь, неплохо занимались. Потому что как раз сейчас мне предстояло проверить, насколько успешно с моим мозгом поработал Роберто. Аудитория, в которую мы так стремились, находилась в самом конце первого этажа, практически у центральной башни. И там нас с каменной мордой поджидал Эзелин. Увидев, что я иду сзади, вместе с Тимохой, он облегченно выдохнул, попытавшись замаскировать это за презрительной гримасой. Какая я предусмотрительная, прямо самой приятно! Но, надеюсь, на саму

тренировку Фредо свой хвостик брать не будет? А то такое я точно не пойму...

Глава 17. Взаимодействие и противоборствие

Фредо встречи с Эззелином не то чтобы не ожидал, но откровенно ей не обрадовался. Лицо у него слегка закаменело, прямо как в зеркале отразив эмоций Вазелинки. Только тот уже успел расслабиться, а вот Фредо этого делать, явно, не собирался, и, подойдя к Эззи почти вплотную, зло процедил:

— Что ты здесь делаешь?

Если бы меня спросили таким тоном, то первой реакцией было бы забиться в угол и оттуда отмахиваться: «Мимо проходила, мимо, и дальше сейчас пойду!». Но Эззелин намек не понял, а изобразил оскорбленную в лучших чувствах невинность и, надув губки, томно протянул:

— Вообще-то, тебя жду, ты же говорил, что будешь заниматься с этим пришлым... А мне без тебя скучно.

Мы с Тимом стояли чуть поодаль и видели лица двух разговаривающих парней, хотя и практически в профиль. Вот Фредо закрыл глаза, глубоко вдохнул, напрягся, красивый и опасный одновременно. Резко наметились скулы, видно, как двигается кадык на шее. Я опустила взгляд ниже и заметила крепко сжатые кулаки. М-да, неужели Эззи его так раздражает? И, главное, неужели Эззи этого не чувствует?!

— Я сейчас буду тренироваться с Рином. Мне будет некогда тебя развлекать, — медленно, четко, тщательно выговаривая каждое слово. Главное — спокойно. А то я уже решила, что сейчас будет убийство или шумный скандал, как минимум.

— Ну и не надо, я просто посижу, посмотрю... Его друг будет сидеть и смотреть. И я хочу!

Фредо снова сжал кулаки и закрыл глаза...

— Тимк, ты, если что, Эззелина же не убьешь? — поинтересовалась я, где-то глубоко, очень глубоко внутри сочувствуя своему сопернику. Тимошка посмотрел на меня так, как будто я у него только что отняла конфету. Вкусную. Последнюю. И он пытается найти у меня совесть. Наивный, спит она у меня, крепким сном. Или, наоборот, проснулась и переживает? Я тут гуляю по лесу, птичек слушаю, а бедный Эззи скучает. Кажется, это чувство называется женской солидарностью, только странно, что я испытываю ее именно к Вазелинке.

— Ну, положим, если сильно лезть не будет, то выживет, — успокоил меня Тимоха.

А Фредо, как раз примерно в это же время, набрал в грудь побольше воздуха и выдал:

— Друга Рин сам пригласил, значит, он ему доверяет, а тебя никто не...

— Послушай, если что, я не против, — влезла зачем-то между ними и улыбнулась, сначала одному, потом второму. — Может, у нас, вообще, ничего не получится, и мы сразу разойдемся. Ну, или посидит рядом с Тимом, подождет тебя, помолчит, — последнее пожелание я выделила голосом, — посмотрит, чем мы будем заниматься. Так и тянуло добавить: «убедится, что ничем предосудительным, и успокоится». Теперь Фредо посмотрел на меня тоже немного загадочно. Нет, не как на человека, отнявшего последнюю конфету, а как на внезапно проявившего признаки душевного нездоровья, по которым теперь следует определить степень его опасности для общества. Однако согласно кивнул и потом сделал Эззи приглашающий жест в сторону аудитории:

— Раз мой партнер не против, то можешь посидеть и помолчать! — и тоже выделил голосом последнее пожелание.

— А я думал, что это я — твой партнер, — молчать Эззелин не умел, да и не очень старался. Поэтому следующую фразу, может быть, даже и заслужил, по крайней мере, сам на нее напросился — точно.

— Ты — мой партнер только по сексу. Воздерживайся от влезания в другие сферы, ясно?

Взгляд, которым меня одарил Вазелинка, сразу выжег и чувство «женской» солидарности, и жалость, и вину, и совесть. Я зябко поежилась, напоминая себе, что, вообще-то, маг огня, и холодно мне точно быть не должно. Аудитория оказалась довольно большой, поэтому, кивнув сопровождающим в угол у одной стены, Фредо утащил меня к другой.

— Как наша магия ведет себя при соприкосновении, мы уже прекрасно знаем.

Наверное, он специально встал спиной к Эззи, потому что за его улыбку после этой фразы меня бы убили. Да и сама фраза звучала довольно провокационно.

— Давай попробуем совместно их столкнуть вне наших тел.

— Думаешь, я знаю, как это делается? — приподняв вверх одну бровь, я изобразила наигранное возмущение.

После просветления в мозгу чувствовала я себя гораздо увереннее. И робость со смущением куда-то исчезли. Только притяжение все равно

осталось мощное, но уже не сбивающее с ног и не затмевающее разум. Фредо снова улыбнулся, ласково и заботливо, как любимому младшему брату, после чего очень бережно взял меня за запястье, перевернул мою руку ладонью вверх и погладил пальцами по кругу:

— Попробуй представить, что магическая энергия — это птичка, и ты приманиваешь ее, чтобы она подлетела поближе. Сконцентрируйся и зови. Не хватай руками, как дикий голодный хищник, а заманивай, ласково и нежно.

Интересный взгляд на магию — как на добычу, за которой можно охотиться, причем по-разному. Ниммей ее, вообще, не одушевляет, она для него — фарш, пластилин для лепки, а тут — птичка... Я зажмурилась и старательно представила... Сначала котлету, раз уж про фарш вспомнила, потом добавила в котлету огня и света, чтобы она стала похожа на мои колобки. Затем решила продвинуться дальше и мысленно «вылепила» птичку-свистульку. Вспомнила, как я в детстве дула в такую глиняную игрушку во всю силу своих легких, но при этом в голове зазвучала песенка знакомого деревенского пастушка, играющего на дудочке. Красиво и душевно... Когда же я приоткрыла один глаз, на ладони у меня лежал маленький искрящийся красно-рыжий шарик, вполне себе видимый и осязаемый. Причем, такое ощущение, что он крутился... Уф!

Стараясь не делать резких движений, лишь чуть скосила глаза в сторону улыбающегося Фредо, довольного и гордого, как будто это он только что приманил это чудо, а не я. Встретившись со мной взглядом, парень очень-очень медленно поднял вверх свою руку, и у него на ладони появился малюсенький фонтанчик, чуть побольше моего шарика.

— Теперь доверься мне, полностью... И постарайся уговорить свою энергию прикоснуться к моей. Не напасть, не защищаться, а прикоснуться, понимаешь?

Я лишь дернула уголком губы, вместо внятного ответа на его тихий шепот, вся сосредоточившись на том, как же мне хочется ощутить приятную прохладу. Как будет весело подскакивать, перепрыгивая со струи на струю, потом скатиться по одной из них в небольшую водяную чашу на самой верхушке, стать с этим фонтаном единым целым...

Шарик перестал крутиться у меня на ладони и замер, будто прислушиваясь, точно как вчерашняя птичка. Потом приподнялся и сдвинулся на несколько сантиметров, снова покрутился. По-моему, я даже не дышала, вся сосредоточившись на том, как меня манит этот прохладный источник воды, сверкающий от искр и огонька пламени, неожиданно воинственно вспыхнувшего на моем ручном магическом питомце.

Наверное, его смутило слово «прохладный». Это для меня приятное ощущение, а для огненной энергии — угроза. Поэтому я начала очень сосредоточенно думать только о красоте, нашей красоте, отражающейся в струях воды. Помогло — вновь остались только искорки, пламя исчезло. Фредо сквозь зубы тихо выдохнул — похоже, он тоже все это время не дышал, как и я. Шарик подкатился еще поближе к фонтану, вновь замер, будто принохиваясь... и, высоко подпрыгнув, плюхнулся прямо в центр, между струями. Тут же подлетел вверх, вроде бы даже взвизгнув от возмущения, но затем снова чуть ли не с потолка спикировал в воду, опять подпрыгнул вверх.

— Ему нравится! — восхищенно прошептал Фредо. — Ему, правда, нравится!

А я представила, как будет красиво смотреться фонтан, из вершины которого вместе со струями воды будут извергаться струи пламени. Прямо вот даже увидела перед своими глазами... И мой шарик, словно подслушав, опустился и растекся по воде, переплетаясь и вклиниваясь в свободное пространство. Получилось, и правда, очень красиво — вода вся стекала вниз, а языки пламени устремлялись вверх. Соприкасаясь, они не уничтожали друг друга, а дополняли — вода поддерживала огонь и несла его на себе, стекая с руки Фредо вниз, на пол... Я даже не заметила, как фонтан стал в несколько раз больше, да и шарик... то есть костер... пламя...

Тут мой партнер по магии закрыл глаза, побледнел и покачнулся. Вся красота тоже покачнулась, но я успела схватить извергающийся источник воды обеими руками в горсть, а Тимка, уже давно, оказывается, стоящий рядом, подхватил Фредо. Тот благодарно улыбнулся — Сглупил, надо было сразу на нейтральной поверхности соединять.

Опустившись на колени, я аккуратно водрузила резко уменьшившийся фонтанчик на пол, и мы еще несколько минут любовались на взаимодействие огня и воды, прежде чем все исчезло. Какое-то время все молчали, переживая каждый внутри себя только что увиденное. Для меня это был потрясающий опыт и взаимодействия с собственной магией, и соприкосновения с чужой. Эмоций внутри было очень много, но они все казались настолько личными, что как-то выразить их наличие внешне — подпрыгивать, взвизгивать, виснуть на шее — ничего этого не хотелось. Стоять, молчать и собираться с силами, чтобы дойти до своего блока, не расплескав это ощущение соприкосновения с чудом. Но кое-кто молчать совершенно не умел...

— Почему с ним?.. Почему со мной ты так никогда не делал?! Что в

нем такого, чего нет во мне?!

Фредо, все еще немного бледный, несмотря на смуглую кожу, к тому же до сих пор поддерживаемый за плечи Тимкой, который без нужды обниматься с ним точно не стал бы, закусил губу и закрыл глаза. Глубоко вдохнул, выдохнул, снова вдохнул...

— Эззи, давай не сейчас, пожалуйста, — мне даже его жаль стало, такая в его голосе обреченность и усталость прозвучали, что прямо хоть плачь.

— Почему не сейчас? — такое ощущение, что Вазелинка совсем без чувства самосохранения.

Ведь попросили же... Вежливо, спокойно... И, главное, ругаться после такого или просто говорить гадости совсем не хотелось. А он, как специально, напрашивался:

— Я хочу знать!

— Мы с Тимом, пожалуй, пойдем, а вы тут поговорите без нас, хорошо?

Оставлять Фредо в таком состоянии не хотелось, но я же не одного его бросаю, в конце-то концов, а с партнером... по сексу. Конечно, из Эззелина подпорка гораздо слабее, чем из Тимохи, но тут уж выбирать не приходится. Слушать, как он права качает, я не собиралась. Мы уже почти дошли до двери, когда я обернулась и увидела, как Фредо плавно оседает на пол. Увидела это не только я, но и Тимка, бегом кинувшийся обратно и успевший подхватить моего тренера.

— В лазарет? — уточнил он скорее у меня, чем у Фредо. Но тот отрицательно повел головой:

— Завтра буду как новенький, это просто истощение, из-за того что слишком долго с чистой антимагической энергией взаимодействовал. Потрясающие ощущения, никогда раньше... Вот и увлекся. Восстановлюсь за ночь, не волнуйтесь.

Судя по улыбке, ему было приятно, что мы за него переживаем, хотя по тоскливым взглядам в мою сторону, он бы предпочел, чтобы его поддерживала я. Но не судьба, что ж поделать...

— Рин, ты тогда иди к нам, — Тимоха предусмотрительно решил позаботиться о моей нервной системе, если вдруг Эззи решит продолжить скандалить.

Я кивнула, ответила улыбкой на понимающе-печальный вздох Фредо и побрела в сторону своей башни. Напрямую, через центральную, по седьмому корпусу, а не в обход, вдоль всего восьмого, как раз через общежитие магов воды. Я уже прошла почти весь путь по первому этажу и

начинала морально готовиться к штурму лестницы, который мне удавался все легче и легче. И тут меня догнал Эззелин. Еще продолжающие снова из аудитории в аудиторию некроманты внушали мне надежду, что меня не растерзают прямо у них на глазах, ну или, если что — быстро реанимируют, а шутка Фредо на эту тему перестанет быть шуткой...

— Послушай, ты! Подкидыш мира... Не лезь к моему парню, понял? — о, у нас намечаются «девичковые» разборки, замечательно.

— Разве похоже, что я к нему лезу? — ехидно уточнила я, хотя вся интуиция просто вопила о том, что надо игнорировать и сваливать, крича издали, чтобы подавился своим богатством, на которое я не претендую...

— Ты к нему как прилип в первый день знакомства, так и не отлипаешь! — странно, вроде не замечала за собой подобного поведения, но, говорят, со стороны виднее. Игнорируем и валим. Валим... Не хватало еще из-за парня с другим парнем подраться.

— Насколько ты заметил, мы долго даже руками соприкоснуться не можем, так что висни на нем сам, только крепче держись, чтобы не скинул.

И-и-ить, дура ты, Рина, но язык у тебя дурнее и живет своей жизнью, зараза!

— Твоего мнения, пришлая дрянь, никто не спрашивал! Я предупредил, не лезь к моему парню, шалава бесхозная, а то я поделюсь с ним своими сомнениями о том, что ты — зверек двухзадый!

Я даже не сразу сообразила, как именно меня обозвали, и что моя тайна в очередной раз под угрозой, просто от обилия оскорблений в глазах помутилось, и я ударила... Сначала ногой в живот, потом локтем по позвоночнику, затем ребрами ладоней одновременно с двух сторон, под углом, со всей силы. И, отпрыгнув в сторону, успела интуитивно возвести из сырца щит, отразив летящий на меня гигантских размеров огненный шар, а затем сформировала свой... и пальнула... почти не глядя... Чтобы уже потом, в отблесках пламени рассмотреть стоящего перед Эззи Фредо, встретиться взглядом с его бездонными глазами, раствориться в них... раскрыться ему навстречу.

«Я не виновата, он первый начал, прости!» «Ты — прости... Я виноват, не удержал, не успел»... Это было даже не чтение мыслей, а отголоски эмоций. Но моя магическая энергия тоже почувствовала эти отголоски, прониклась... И ударила по Фредо уже не огромной огненной волной, готовой уничтожить все на своем пути, а мягким спокойным пламенем, которое послушно стекло ему под ноги. А он сам не упал на пол, только благодаря Тиму, вновь подхватившему его за плечи.

— Так, все участники драки — за мной! — прозвучал рядом строгий

голос, и злющий суровый дядька с черной нашивкой на жилетке быстро зашагал в сторону центральной башни. Мы обреченно побрели следом — первой я, потом Фредо с Тимохой, а замыкал шествие Эззи, бухтевший что-то возмущенное. Я не прислушивалась, мне было грустно, обидно, страшно и... очень страшно. Наконец-то, я полностью переварила всю сказанную Эззелином фразу и осознала, что этот... недобитый недоумок... догадывается, что я — девушка. Не уверен, но догадывается. А я своим бурным реагированием, скорее всего, только подтвердила его подозрения. Надо было просто рассмеяться ему в лицо и идти спокойно к себе, спать. Дура... Вспыльчивая, агрессивная, опасная для окружающих, глухая и неадекватная... Пустырник надо пить, три раза в день. И мяту жевать... И... К чужим парням не лезть! Вот, тут Эззи совершенно прав. Привели нас в деканат младших курсов, где тихо в своем кресле скучал уже знакомый по распределению лэр Аделард Гальторе.

— Обычная драка с переходом в магическую дуэль, — буркнул приведший нас преподаватель и, взяв протянутый деканом небольшой белый шарик, нарисовал в воздухе узор, после которого в шарике замелькали фигурки. Я и Эззи. Вот быстро подбегают Фредо и Тим. Вот Фредо встает между нами, отталкивая Тимку в сторону...

К счастью, «видеосъемка» началась с момента, как я бью Эззелина по ребрам, потом отпрыгиваю в сторону и блокирую щитом летящий в меня шар.

— Ну и что это было? — усталым голосом поинтересовался лэр Гальторе.

— Простите, не удержался, — виновато пробубнила я. — Он меня оскорбил, я его ударил.

— Что ударил, это я вижу. И что потом чудом не убил — тоже вижу. Хотя, признаю, лэр Эззелин начал первым, и если бы вы только защищались...

— Удар принял я, у меня претензий к лэру Рину нет, — влез в наш диалог Фредо.

— У меня есть! — понятное дело, молчание и Эззи — вещи не совместимые. — Он меня избивал, так что я тоже защищался.

— ОН, — декан, скептически поджав губы, хмуро оглядел меня с ног до головы, — еще совсем недавно не мог контролировать выбросы сырца, а теперь спокойно избивает вас, студента первого курса, без всякой магии, а вы, лэр Эззелин, даже отбиваться и блокировать его удары не в состоянии. Чему вас только учит лэр Оберон?

Я даже не стала напрягаться, пытаюсь сопоставить, кто такой этот

Оберон и чему он, и правда, учит Вазелинку. Пока дело пахнет керосином, надо стоять и помалкивать. Очевидно от возмущения, у Эззелина тоже временно пропал дар речи, поэтому лэр Гальторе спокойно продолжил:

— Если бы магическую дуэль первым начал лэр Рин, я был бы не так расстроен. Конечно, пришлось бы поговорить с лэром Никодемо и попросить его уделить побольше внимания обучению контролю за магией, но на этом инцидент был бы исчерпан. Однако дуэль первым начали вы, лэр Эззелин. А так как вы — студент первого курса, а не подготовительного факультета, то на вас распространяются...

— Простите, лэр Гальторе, но Эззелин официально числится под моей опекой, так что за его поведение буду отвечать я.

Декан одобрительно хмыкнул, но потом нахмурился:

— Лэр Фредонис, я ценю ваше стремление защитить своего подопечного, но по Уставу наказание за магические дуэли относится к разряду индивидуальных. Вы можете разделить его пополам с лэром Эззи, но полностью принять на себя — нет.

Фредо обернулся и одарил Эззелинку таким взглядом, что тот, как раз собравшийся выдать в мир очередное детище своего словесного недержания, вновь затих, излучая в воздух поток возмущения от несправедливости всего происходящего.

— Итак, — тяжело вздохнув, резюмировал лэр Гальторе. — Студент Рин, за драку в стенах Академии — наряд на кухню. Завтра, с трех до шести, будете отмывать столовую и заниматься другим физическим трудом, чтобы провокационных желаний применить свою силу на сокурсниках больше не появлялось. Студент Эззелин, за несогласованную магическую дуэль в стенах Академии — наказание по Уставу. Завтра в четырнадцать часов, через строй в двадцать человек, так как ваш опекун выразил желание взять часть наказания на себя. Студент Фредонис, вы тоже завтра пройдете через строй в двадцать человек, сразу после своего подопечного. А теперь все свободны, можете идти, — декан устало откинулся в кресле, но тут же снова оживился: — Хотя нет! Скажите, почему огненная лавина вас не убила? — и он с интересом уставился на Фредо.

Тот едва заметно улыбнулся, вспомнив, что сегодня у нас были и положительные эмоции, а то, в связи с последними событиями, мы их слегка растеряли.

— Мы с лэром Рином учимся взаимодействовать. Разрешение и согласование от заведующих обеих кафедр у меня есть.

— Интересно... Такая идеальная противоположность довольно редко встречается. Я бы хотел поприсутствовать на одной из тренировок.

— Если лэр Рин будет не против...

Я лишь устало отмахнулась. Сегодня мою неудавшуюся попытку спалить Эззи видело столько народу, что скоро можно будет билеты на наши тренировки продавать. Так что деканом больше, деканом меньше... Внутри было тускло и пусто, несмотря на то, что вроде бы все более-менее обошлось. Подумаешь, столовую все утро отмывать буду. Напугали. Я-то испугалась сначала, что исключат, а потом, когда начали про устав и проходы через строй, вообще, чуть сознание от волнения не потеряла. В ушах кровь так и пульсировала... Когда же про столовую сказали, очень старалась, чтобы мой облегченный выдох не оглушил всех присутствующих в кабинете. Фраза: «пройти через строй в двадцать человек», мне очень не нравилась. Явно же, не прогуляться надо будет, и не просто так число человек в этом строю за различные наказания — разное. Вот за сон на посту Демо пугал пятьюдесятью, а за дуэль, значит, полагается сорок...

Конечно, Фредо было жаль. И стыдно очень, потому что ему этот проход достался из-за моей вспыльчивости и неумения промолчать вовремя. Вазелинку осуждаю, а у самой такое же словесное недержание, еще и в более агрессивной форме. И, конечно, меня сильно расстроило то, что Эззелин, оказывается, у Фредо под опекой. Это означало, что у них серьезные отношения, как у Робби и Агаты. К тому же взять на себя половину наказания «партнера по сексу» не каждый согласится, так что там еще что-то есть, кроме секса... Может, только вина и ответственность, не знаю. Но то, что я влезла между вполне сложившейся парой...Нет, возможно, они бы и без меня расстались, а мое появление лишь ускорило процесс, не знаю. И вообще! Не дам я всяким там Вазелинкам портить мне настроение! У нас с Фредо такая совместная красота получилась...

— Спасибо! И за тренировку, и за фонтан, и... за все остальное тоже.

— За остальное ты меня лучше прости, а не благодари. Спокойной ночи?

— Угу... Спокойной...

В этот раз мы поступили более разумно, поручив доставку Фредо одному из его сокурсников-некромантов, стоящих под дверью деканата в качестве группы поддержки. Эззелина тоже под белы ручки взялся сопроводить кто-то из старших, а мы с Тимом побрели следом, старательно выдерживая дистанцию.

Глава 18. Горки и скачки для магов и их магии

Всю ночь мне снилось, как вода и огонь плавно перетекают друг в друга, взаимодействуя, как вчера. Но потом стихии стали выходить из-под контроля. Огонь начал жечь леса, — я просто слышала треск деревьев, видела, как они падают, как горит трава, кустарники... как языки пламени извиваются на верхушках вековых сосен, увеличиваясь и уменьшаясь, напоминая взмахи крыльев дракона. Это было страшное, красивое, завораживающее зрелище. Но гораздо более страшной оказалась огромная волна, прокатившаяся по морю и казавшаяся издали невинной и безопасной, а потом зависшая над всеми нами, как изогнувшийся огромный небоскреб... А мы стояли на берегу, взявшись за руки, и смотрели на нее, подняв вверх головы. Меня охватил просто парализующей ужас, когда понимаешь, что ты — обречен, и бежать бесполезно. Сейчас тебя накроет эта лавина, поглотит, размажет по земле, и ты исчезнешь... Почему-то огонь не вызывал во мне такого первобытного необъяснимого страха, хотя я осознавала, что гореть придется долго и мучительно больно. Но при этом могла бежать, кричать, звать на помощь, привлекая внимание мелькающего в небе дракона. Даже пыталась сама спасти попадавших на пути зверушек... А волна должна была убить сразу! Вот раз — и все. Быстро. Мгновенно. А я стояла, застыв на месте, смотрела на нее и не могла издать ни звука. Просто сжимала руку Тима... Страшно, и помощи ждать неоткуда. Только мы вдвоем — я и Тим. Тимка... Тимошка...

— Ти-и-има!

— Да здесь я, здесь! Вставай уже, пошли столовую отмывать, — мрачно пробурчал стоявший в дверях Тимоха. — Во ты орать! Я уж думал, Вазелин твой прокрался и тебя задушить пытается.

— Эй, в столовую меня одну отправили, — попробовала возмутиться я, одновременно испытывая гамму противоречивых эмоций — и стыд, что разбудила Тимку своими криками, и облегчение, что это был просто кошмар, и радость... эгоистичную радость от того, что у меня будет компания по уборке столовой.

— Ага, так я тебя одну куда-то теперь и отпустил. «Ой, Тимочка, не надо убивать Эззи, он хороший!» Ща! Вот дал бы ему тишком по кумполу, полежал бы он себе спокойно, отдохнул, забот бы не было. Тьфу!

Быстро умывшись, мы спустились вниз и прошли по абсолютно пустым коридорам до центральной башни. Странно, но в ней уже были признаки жизни — двое парней, курса с третьего-четвертого, со злобными лицами драили лестничную площадку первого этажа. Причем не так, как уборщицы в мэрии, а «по техногенному», без всякой магии. Правда, швабры у них были с автоматическим отжимом, так что хоть тряпки выжимать руками не надо. Но зато по ступенькам размазывать грязь и пыль приходилось самостоятельно, да и ведра таскать — тоже.

— А чего не с артефактами? — искренне удивилась я.

— Так это ж наряд, — буркнул один из парней. — Исправительный ночной труд на благо Академии. Два корпуса и лестница.

— А... — понимающе протянула я. И тут же решила воспользоваться возможностью и уточнить у «коллег по несчастью» некоторые подробности, которые вчера выяснять было как-то неудобно: — Скажите, а «через строй», это как?

— Через строй? Это позорно! — второй парень даже шваброй елозить перестал, остановился и уставился на меня. — Ты один из перваков, что у некромантов огнем палили, верно?

— Угу, — кивнула я, решив не уточнять, что я не совсем «из перваков».

— Так вроде через строй только зачинщика отправили. Тебя, что ли?

— Нет, второго, — я тяжело вздохнула и добавила: — С его опекуном.

— Ну, так ему, выходит, повезло! — утешили меня. — Двадцать розог — это не страшно. Тем более он же не за глупость какую, а за магическую дуэль. Этим даже гордиться можно, так что ничего с ним не будет. А старшему, может, и не повезет.

Загасив процесс самобичевания в зародыше, я вопросительно уставилась на парней:

— И в чем старшему не повезет?

— Так строят шестерок же, шестой курс. К мелочи у них обычно претензий нет, а к ровеснику могут и оказаться.

— И? Если кто-то сильнее ударит, это же понять можно, — удивилась я, одновременно успокаивая себя тем, что у Фредо вроде со всеми хорошие отношения. Это вам не Эззелин...

— Не! Они там все в одинаковых плащах будут и в масках. Не вычислишь, — хмыкнул самый разговорчивый из ребят. — Берут сразу весь шестой курс с той кафедры, откуда тот, кого пороть будут. Если людей не хватает, значит, берут еще целиком курс с какой-нибудь другой кафедры. Раздают всем плащи серые, до пола, чтобы даже ботинок видно не было, с

капюшонами на завязках. И маски во все лицо, стремные такие, с носами загнутыми, как клювы. Потом Тарелка...

— Кто? — не поняла я.

— Тарелло, психолог наш. Не познакомился еще?

— Не-а, — помотала я головой. Мне сейчас только психолога не хватало...

— Ну, значит, позже повезет. Мимо не пронесет, даже не мечтай, — между делом ободрил меня собеседник. — Так вот Тарелка отбирает наугад нужное число и во дворе выстраивает. Поэтому никто не знает, кто где стоит, даже сам Тарелка. Но он строго следит, чтобы все лупили честно и кончики не грызли.

— Чего не грызли? — опять подвисла я.

— Кончики розог, от них самые смачные следы остаются. А если их размочалить, то уже терпимо. Но это редко бывает, если только народ считает, что наказание совсем несправедливое. Вот лет десять назад, говорят, бунт был, — все одновременно кончики жевали. И, прикинь?! Отстояли парня. Скандал до ректора устроили!.. После этого даже Устав пересмотрели, так что теперь решать, как наказывать, только деканы и завкафы могут. Даже наряды на исправительный труд только они раздают. И в карцер — только через них. А по каждому проходу через строй должен мыслескан от свидетеля-препода прилагаться, причем не картинка, а запись. Не готов дать запись из памяти, значит — нет наказания, так-то! Разговорчивый парень соскочил с перил, на которые он уселся, пока вываливал на меня все подробности, и принялся задумчиво крутить в руках палку швабры. Мыть полы ему, явно, не хотелось, а я дальше разговор не поддерживала, переваривая услышанное.

— Кстати, говорят, раз одного студента так до смерти запороли, прикинь?! — с интонацией рассказчика детских страшилок у костра, поведал нам его напарник по наряду. — Его через строй, а кто-то слабо ударил, наблюдателю не понравилось. Его снова через строй, обратно. И опять кто-то слабо ударил, только теперь другой. Так и гоняли туда-сюда...

— Да не ври! — фыркнул первый, с облегчением оставив швабру в покое. — Если слабо ударили, то идет добавочный удар и все.

— Ничего я не вру! Точно тебе говорю, мне сам...

— Спасибо, нам пора, у нас тоже наряд, — я благодарно кивнула и потянула Тимку за собой, в столовую. Первая история, с покусыванием кончиков розог, была хоть как-то более-менее правдоподобна. А вот вторая — ну точно страшилка местная. Я даже обернулась и уточнила:

— Тот запоротый парень, он потом призраком является, да?

— А ты его видел? — напрягся «сказочник», замерев со шваброй в руке.

— Нет, но слышал. Воеет во дворе по ночам, — и я потащила Тимоху дальше, изо всех сил стараясь не заржать прямо там.

Когда мы добежали до столовой, я немного успокоилась и как-то вдруг резко осознала, что, на самом деле, смеяться не очень хочется. В истории моего мира такие вот прогоны через строй тоже встречались, в армии и в военных училищах. Так что ничего особо удивительного, но и приятного от всего этого тоже мало. «Двадцать розог...», я зябко поежилась. Больше всего меня смущало, что в моих переживаниях по поводу наказания Фредо было что-то... подозрительное. Да, я ощущала себя виноватой. Да, мне было безумно жаль, что так вышло, и я ему заранее очень сочувствовала. Но еще я испытывала какое-то нездоровое предвкушающее любопытство. Я пыталась представить выстроившихся в ряд двадцать одинаковых фигур в масках, чем-то напоминающих старинные карнавальные, из моего мира, когда в узкие щелочки даже глаз почти не видно. И стоящего босиком в одних штанах Фредо, с его распущенными по плечам волосами, опущенной вниз головой... Почему-то от этой фантазии, которая вот-вот должна была стать реальностью, у меня начинало сладко ныть внизу живота, и по телу разливался приятный жар.

Осознав это, я попыталась измерить глубину своего падения и слегка успокоилась, — как только количество розог начало расти, возбуждение сменялось желанием раскидать воображаемые фигуры в разные стороны. Наверное, на меня повлияла спокойная реакция встретившихся нам ребят, не знаю. Потому что до разговора с ними я лишь переживала и волновалась. Но, главное, как только я начинала на месте Фредо представлять Ниммея или Тима, то все подозрительные эмоции сразу исчезали. Ничего притягательного и манящего. Рвать, метать, спасать, выручать! Без вопросов!..

С Эзелеином тоже получалось что-то не очень хорошее. С одной стороны, я понимала — виноваты мы оба, а с другой — злорадство, с лозунгом: «так ему и надо!», пробивалось вперед, расталкивая вину и стыд в разные стороны. Просто, раз ему так и надо, значит, и мне надо так же? Иначе несправедливо! Но от мысли, что эти розги могли перепасть мне самой, становилось неприятно, а еще сразу охватывала паника — ведь без рубашки сразу увидят, что я — девушка. Так что я дала злорадству пендаль и прогнала. Но его появление было хотя бы понятно и объяснимо. Нет, все-таки со мной что-то не так, и лучше я буду держаться от Фредо подальше. Ну, правда, не бежать же снова к Робби, с просьбой поставить еще один

блок, теперь уже на мои странные желания?! Уф!

М-да... Кстати, в столовой нам обрадовались, особенно узнав, что я привела с собой напарника. Озадачили, естественно по полной — и полы помыть, и столы отмыть, и скамейки протереть, и помои в огород их местный откатить, а с огорода телегу с овощами и фруктами прикатить. Содержимое телеги тоже помыть, почистить... Так что в аудиторию мы пришли шалашиком, уставшие донельзя. И я всю дорогу только и делала, что бубнила: «Какое счастье, что ты пошел со мной, одного бы меня они там загоняли!».

Очередной старшекурсник отвел нас снова в зал для упражнений, и мы вновь играли со своими стихиями. В этот раз мы должны были заставить их замкнуться вокруг нас в защитное кольцо. Водяное, вихревое, пылевое или огненное. После вчерашнего урока от Фредо, это задание оказалось довольно простым. Я закрыла глаза, нарисовала мысленно вокруг себя круг и поманила магическую энергию, представив, как по контуру круга танцуют языки пламени, причем плотной тонкой стеной. И чтобы верхний край извивался ровной идеальной синусоидой... как горки — вверх и вниз, вверх и вниз... Открыв глаза, я сначала увидела тонкую огненную стенку и катающийся по горкам маленький любопытный искрящийся шарик, затем — широко распахнутые глаза старшекурсника, а уже потом — восхищенные взгляды одноклассников. Хорошо иметь столько учителей! Глядишь, к возвращению Ниммея и Демо я в отличники выбьюсь! Единственное, пришлось старательно делать вид, что мне просто нравится ходить по залу в огненном коконе, потому что исчезать он не желал абсолютно. Хотя от мелькающего перед глазами на бешеной скорости искрящего коlobка меня довольно быстро начало подташнивать.

Потихоньку защитные кольца стали получаться и у остальных. Причем не только у жителей магомиров, но и у техногенов. Вот справилась пара «африкосов», вот вокруг Тимошки закружился пылевой смерч... Ближе к обеду большая часть народу задание выполнила, а мой коlobок, наконец-то, накатался и исчез. Кстати, проблема выхода из созданного кокона возникла не только у меня, от чего даже как-то немного полегчало, самую чуточку. А то веселящийся и упорно нежелающий исчезать коlobок довольно сильно омрачил мой триумф. Понятное дело, что грязизи на полу в этот раз тоже было немерено. Но никаких подпалин и ям, так что мы с Тимкой ушли обедать вместе со всеми безо всяких угрызений совести.

Когда к нам подсели Робби и Агата, я почувствовала инстинктивное желание спрятаться за Тимку. Но все обошлось... Роберто даже не стал меня ни в чем обвинять, констатировав лишь, что мы все — «молодцы», и

произошло ровно то, чего и следовало ожидать. Возможно, он просто не захотел убивать меня при свидетелях, потому что вслед за ними вокруг нас потихоньку начали рассаживаться Фонзи и Мистер Икс, Роджер, еще какие-то незнакомые мне старшекурсники, в основном, или с черной молнией некроманта на значке, или маги воды.

Когда большинство кое-как рассредоточилось, окружив нас с Тимохой еще более надежно, чем стихийные защитные кольца, Агата практически потребовала, чтобы я рассказала им, как все было, потому что из слухов ничего не понятно. Эззи горланит на каждом углу, что он — невинная жертва, а по замку бродит потенциальный убийца, едва не уничтоживший его любимого парня. А сам любимый парень даже на занятия сегодня не пришел, но, по крайней мере, с утра был жив, если верить его соседям по блоку. Естественно, я разволновалась, вмиг позабыв обо всех своих утренних нездоровых эмоциях! Вспомнилось лицо Фредо, когда бледность была заметна, даже несмотря на смуглую кожу, и в глазах — усталость... И еще — обреченность и безысходность, когда он стоял, прикрывая Эззелина от моего огненного удара. Получается, я, и правда, могла его убить? Да нет, глупости какие! Он бы защитился, использовал бы свою магию... которой у него почти не осталось... Убиться плеером!

Как его наказывать будут, когда он, возможно, до сих пор на ногах еле стоит? И что мне теперь делать? Бежать к нему, узнавать, как он себя чувствует? Извиняться за то, что чуть его не убила? Но я же решила держаться от него подальше, потому что сама неадекватна, фантазии у меня извращенные, и рядом с ним еще больший неадекват, чем я... Слишком много психов на одного Фредо. Запихав все переживаемые эмоции, здоровые и не очень, подальше и поглубже, я спокойным тоном, избегая излишних подробностей, пересказала все, что вчера произошло. Вышло что-то, в стиле мальчиков-подростков, рассказывающих друзьям фильм: «Сначала такое все — у-у-ух! А потом он — бух, а этот другому — бум, а тот ему — бам, а потом как ра-а-аз, и всем звездеч!».

После минутной паузы Робби нахмурился и диагностировал:

— Вот дурак!

— Ага, — обреченно согласилась я. — Второй день переживаю, что не сдержался. Вот чего мне стоило промолчать и идти своей дорогой...

— Да я не о тебе, — отмахнулся Роберто. — Фредо — идиот.

— Точно, — согласно кивнул Роджер. — Стравил двух пацанов и, вместо того, чтобы обоим по шее выписать, полез геройствовать. Очередная попытка самоубиться с чужой помощью.

— Как по мне, так сегодняшнюю порку он заслужил, — резюмировал

Фонзи.

— Только он же опять героем себя выставит, — влез какой-то незнакомый мне старшекурсник. — За придурка своего малолетнего страдать же будет.

— Тяжело выставлять себя героем, если все вокруг уверены, что ты — недоумок, — хмыкнул Фонзи, встал и хлопнул меня по плечу. — Держись от него подальше, Рин. Парень он красивый, и язык у него хорошо подвешен, но только на голову сильно со странностями. Друг надежный, ничего не скажу, но для чего-то большого у него слишком много тараканов.

Народ стал потихоньку расползаться. Я отодвинула недоеденный суп, поняла, что второе в меня тоже не полезет, потянулась к стакану с чаем и наткнулась на сочувствующий взгляд Агаты. Она одна осталась сидеть с нами. Даже Робби присоединился к большой толпе, пересевшей от нас за соседний стол и бурно между собой что-то обсуждающей.

— Они просто хотели выяснить, кто на самом деле виноват, — пояснила Агата.

— Виноваты мы с Эззи, — упрямо поджав губы, буркнула я.

— Не глупи, Рин, — Агата посмотрела на меня, как на маленькую наивную дурочку. — Тот парень, который про пацанов говорил, совершенно прав. Фредо — эгоист, думающий только о себе и своих желаниях.

Я внимательно посмотрела на девушку. Ее дуэль за честь Санасара тоже, по своему, была проявлением эгоизма. Но если я ей сейчас попытаюсь это объяснить, она, скорее всего, обидится, потому что намерения у нее были самые искренние. Возможно, у Фредо та же самая ситуация, он просто не очень понимает, что творит...

— Ты знаешь, где его комната? — решение держаться подальше погибло в неравной схватке с переживаниями о чужом здоровье. Я только зайду, проверю, что у него все хорошо...

— Рин, ребята сейчас пойдут к нему, не переживай.

— Все? — я обернулась на огромную толпу шестикурсников и нервно дернула плечами.

— Нет, конечно, — Агата хитро и немного покровительственно улыбнулась. — Я попробую пристроиться к Робби и потом все тебе расскажу, — подмигнув мне, она вылезла из-за стола, и, подойдя к толпе парней, начала осторожно протискиваться между ними.

— Крутит она им, как веретено меж пальцев, — выдал Тимоха.

— А? Кто? — не поняла я, размышляя о своем.

— Да Агата Роберто вертит, как ей хочется, а тот даже не замечает.

Я вспомнила улыбку Робби, перед тем как он решился поставить мне блок, и усмехнулась:

— Все он замечает. Просто ему нравится.

Узнав, что к Фредо отправится целая делегация, среди которой будут, как минимум, два целителя, я немного успокоилась, и ко мне даже вернулся аппетит. Правда, ненадолго, потому что в столовой появился Эззи. К счастью, он лишь решил облить нас презрением и игнорированием, а это я оказалась вполне готова пережить. Зато слабый героический позыв подойти и просить прощения растворился в воздухе, к сожалению, вместе с желанием доесть остатки тушеного мяса. Овощное рагу я в себя все же впихнула, — большая часть овощей была начищена лично мной и Тимом, как я могла оставить плоды своего труда страдать на тарелке?

После обеда те, у кого кокон еще не получился, продолжили развлекаться его созданием. А тем, у кого он получился настолько хорошо, что отказывался исчезать, пришлось тренироваться именно с удалением защиты по собственному желанию, а не тогда, когда магии надоест их защищать. Мое упорство было вознаграждено, и ближе к ужину колобок смирился, что это я продаю билеты на американские горки, а не он развлекается столько, сколько ему нравится. Правда, для этого нам пришлось с ним несколько раз конкретно поругаться. Но в итоге — полный консенсус и взаимопонимание между человеком и магией.

Глава 19. Мучения и влечения

На ужин я брела, как на казнь. До начала наказания оставалось не более часа, их здешнего часа, но все равно катастрофически мало. Меня знобило и потряхивало так, будто это я сейчас должна буду выйти... и пройти... Какое любопытство?! Какое возбуждение?! Забиться в угол, спрятать голову в песок, как страус, и переживать о том, как я могла так подставить человека... двух человек! Ведь удержись я и смолчи — никакой бы дуэли не было, и никого бы сейчас не надо было прогонять через строй — ни Фредо, ни Эззи. Все из-за меня... Из-за того, что не смогла вовремя отказать одному и промолчать с другим.

Не знаю, как Тима умудрился уловить ход моих размышлений, но, понаблюдав, как я рисую узоры вилкой по тарелке, он грозно прорычал сквозь зубы:

— Жуй, давай! И прекращай страдать, а то сейчас миску на голову надену, и поварешкой сверху буду стучать до очередного просветления.

Едва я представила эту картину в переполненной столовой, как мне неожиданно сразу полегчало, и просветление пришло даже без помощи поварешки. Поздно пить боржоми, зато можно сделать выводы и учесть все ошибки. А еще, фигос Эззи под нос, но отказываться от тренировок с Фредо я не собираюсь, вот! Просто буду учиться себя контролировать и сдерживать, и с ним, и с его «партнером». Но отказываться от той красоты, от вчерашних, пробирающих до глубины души впечатлений, только потому, что у кого-то не хватает мозгов вести себя нормально и ценить наличие рядом такого парня, как Фредо... Вот уж, не дождетесь! Просто у нас будут чисто деловые отношения. Да, деловые и дружеские, потому что ни на какие другие мне рассчитывать не приходится, и надо быть долбанутым на всю голову Эзелеином, чтобы устраивать по этому поводу дуэли.

— Знаешь, я, пожалуй, поварешку все же на кухне сопру, — выдал внимательно наблюдающий за изменением моего настроения Тимка. — Она вон, даже как упоминание чудеса творит. Так что повешу у тебя над дверью, в рамочке, с припиской: «При первых признаках невменяемости у Ринки схватить и помахать у нее перед носом».

— Тимк, какое счастье, что у меня есть ты!

— Угу, а на кухне — поварешки, — фыркнул, расслабляясь, домовенок. — Жуй, а то не обедала нормально. Скоро сможешь за местными швабрами прятаться...

В просветленном ажиотаже я даже согласилась, что мне незачем смотреть на наказание, и сразу после ужина мы направились в общагу. Но тут нас поджидал не очень приятный сюрприз — проход вверх по лестнице был заблокирован. Вниз — работал, потому как на первый этаж, пока мы пытались пробиться к себе на десятый, спустились семеро парней.

— Сегодня же прогон через строй, — пояснил нам один из спустившихся. — Всем надо присутствовать.

На всякий случай я решила сбегать к соседней башне, проверить... Почему-то именно к общежитию магов воды, а не воздуха. Там ситуация была точно такая же. Студенты понуро спускались вниз, и не было никого, кто поднимался бы наверх. Меня начало буквально колотить изнутри. Это, получается, принудительный спектакль для всех? Принудительно-поучительный, о том, как не надо себя вести в Академии?! И Фредо... при всех... и он сам вызвался... и... ради Эззи... и жизнью он рисковал ради Эззи, и сейчас вот... ради него... на такое унижение...

— Вот ведь жгучки-колючки, а повареху-то я в столовой так и не увел. Зря, — констатировал Тим. Схватил меня за руку и потащил куда-то. Я сначала слабо отбивалась, потом затихла, а в себя пришла в общем туалете, от большой горсти холодной воды в лицо.

— Во! Ниммеевская метода тоже работает! — гордо объявил Тимошка. — Все, заканчивай нагонять тоску, утомила уже.

— Тим, ты не понимаешь...

— Это ты не понимаешь. Половозрелый жлоб сам сделал выбор, зная, на что идет. Так не делай из этого мировой трагедии. Опекуном этой вазелиновой дряни он тоже в здравом уме себя назначил, а не силой ему навязали...

— А может и силой! — такая мысль мне в голову не приходила, а теперь пришла и засела, вполне себе логичная или удачно замаскировавшаяся.

— Тьфу ты... — растерянно выругался Тимка. — Ты его что, совсем за нормального мужика не держишь?!

Я изумленно захлопала глазами, пытаюсь осознать, что у меня сейчас спросили. Я? Фредо? Еще как держу... за мужика...

— Так вот, нормальный мужик за свои слова и действия сам отвечает, ясно?! Сам решил, сам сделал! И не позорь его нюнями. Он, может, и эгоист, только вину за собственную дурь признает. За это уважать надо, а не соль по роже размазывать. Иех, видела бы ты! — Тимоха даже глаза прикрыл, вспоминая. — Откуда только силы взялись, когда Эззи в тебя огнем пальнул. Быстрее меня побежал, а до этого еле идти мог. Когда ты

сдачу швырнула, я его за рукав, а он меня в сторону: «Никогда себе не прощу» и вперед, между вами... Дурак, конечно. Я бы говнюка этого мелкого на себя бы дернул, и все. А этот медаль героя посмертно захотел, не иначе. Хотя ты бы тогда ползамка разнесла, от тебя жар на весь корпус шел...Странно, но мне почему-то было приятно слушать этот короткий эмоциональный пересказ. Приятно и больно, потому что спасали, в итоге, не меня, а Эззелина, и жизнью рисковали ради него, а не ради меня. И...

— Сейчас опять оболью, — серьезным голосом предупредил Тимка. — Блажь надо изгонять сразу, пока в подкорку не въелась.

— Я не блажу, а ревную! — рыкнула я, чувствуя, что да, опять полегчало. — Ревную я...

— А, ну это можно, — тут же расслабился Тимоха. — Тут он по всем статьям сволочь последняя, согласен. Только рожу такую страдательную делать не надо, ревновать надо с топором в руке, ну на крайний случай — с поварешкой. А не с лицом болотного гуля. Вот, как оклемается, приставь ему нож к горлу, и пусть выбирает. Или ты с ножом, или придурок его...

— Тимош, ну что тут выбирать? — я вздохнула, но, увидев под носом кулак Тимки, не удержалась — улыбнулась, скупой и едва заметно. — Ты же видел, что у нас от прикосновений бывает?

— Тогда и ревновать глупо, верно? Лучше заведи себе тоже кого-нибудь... Пусть он ревнует.

— Эм... — я даже зависла от такого предложения.

— А что? У него есть партнер по сексу, вот ты себе тоже заведи. Бери пример с меня! А платонически страдайте друг подле друга, сколько влезет, если душа просит.

Ответить на это что-то более-менее внятное я не успела, потому что вдруг везде зазвучал звонкий, тонкий и довольно противный голосок:

— Всем студентам Академии следует в течение дюжины долей выйти на крыши четвертого, пятого или восьмого корпусов, чтобы присутствовать при наказании за несанкционированную магическую дуэль.

Дюжина долей, это, примерно, пятнадцать минут... Надо бы поторопиться, тем более сейчас все туда ломанутся.

— Нам на четвертый, он выше всего, — пробормотала я и потянула Тимку, но противный голос снова зазвучал на весь замок:

— Студент Рин Гончаров, как участника дуэли, вас ждут во дворе между четвертым, пятым и восьмым корпусом. Студент Рин Гончаров...

— И-и-ять... — я тихо принялась стекать по стенке, чувствуя, как от страха подкашиваются ноги. Тоже мне... любопытство с возбуждением...

Закрыв глаза, я сосчитала до десяти, встала, сама спокойно умылась,

посмотрелась в висящее на стене зеркало — шальной взгляд неожиданно ставших еще больше серо-голубых глаз, ввалившиеся скулы, бледное лицо и нездоровый румянец, несмотря на внутренний озноб, и абсолютно ледяные руки. Ярко-красные искушенные губы прекрасно завершали картину. Красавица! Еще одна порция холодной воды, теперь потрясти головой, отгоняя глупые мысли и приводя в порядок прическу. Все. Одернув жилетку и расправив воротник рубашки, я с прямой спиной и на негнущихся ногах пошагала по коридорам. Тимоха молча пристроился рядом. Однако на выходе во двор меня пропустило, а его — нет. Обернувшись на его: «Ри-и-ин», я успокаивающе кивнула: «Справлюсь, не переживай!», и пошла дальше, к высокому тощему еще довольно молодому мужчине, с крупными грубоватыми чертами вытянутого лица. Наверное, это и есть их Тарелка.

— Студент Рин?

— Лэр Тарелло? — противный голос, противная лошадиная морда. Может, он, конечно, психолог хороший, но что-то я сомневаюсь.

— Рад, что вы обо мне наслышаны, студент Рин.

Моя любимая шлея под хвостом, активизирующаяся от страха, не подвела и на этот раз:

— Лэр Рин.

Почему-то у Демо «студент Рин» звучало не так раздражающе, как у этого психолога. Не бесило. Хотя меня сейчас все раздражает, и эта Тарелка в первую очередь.

— Если не ошибаюсь, вы еще не получили титул...

Туше? Ладно, попробуем отбиться.

— Уважительное отношение к собеседнику зависит от титула?

— Вы еще не заслужили мое уважение, студент Рин.

— Вы мое — тоже, — усмехнулась я, пытаюсь, как можно скорее, успокоиться, а не злиться на этого... коня педального. — Лэр Гальторе вчера ничего не говорил о том, что я обязан присутствовать во время наказания своего друга и его опекаемого. Это ваша личная инициатива?

— Допуск для перехода на первый курс вы получите одним из последних, — процедил лэр Тарелло, подтверждая этим мои подозрения о личной инициативе.

Я лишь едва заметно улыбнулась и кивнула:

— Если это будет оправданное и справедливое решение, я приму его со всем... уважением.

Так, Ринка, поздравляю! Ты очередной раз обосралась... Бессмысленно и глупо. А главное — очень вовремя. Потому что во двор

уже вышли Эззелин и Фредо, и оба внимательно прислушиваются к твоему диалогу с психологом. Я отвлеклась от Тарелки, практически забыв об его существовании, чтобы встретиться взглядом с черными бездонными глазами. Иех, мне бы сейчас с ним эмоциями обменяться так, как вчера... Легкая ободряющая улыбка. Такое впечатление, что это не я за него, а он за меня переживает. Ну да, я сейчас дымлюсь, наверное. Гад — этот их Тарелка последний, но теперь я отсюда уже не уйду, даже если гнать будут. Потому что сейчас единственное, что я могу — это стоять и смотреть, чувствуя, как ногти впиваются в ладони...

— Надеюсь, вы осознаете, что тоже виноваты в случившемся, студент Рин, — влез откуда-то в глубины моего подсознания противный тонкий голос.

— Мои переживания вас не касаются, — я даже поворачиваться к источнику не стала. Не достоин!

— Ошибаетесь. Как психолог Академии я обязан отслеживать все переживания студентов, чтобы вовремя оказать им поддержку и помощь.

— Спасибо, и без вашей поддержки не упаду, не стоит напрягаться.

Интересно, сколько лет этому жеребцу? Ровесник Демо, наверное... Но если с первым я пререкалась, осознавая, что докапываюсь до хорошего человека, то тут было чувство, что я стою с палкой и пытаюсь привлечь внимание огромной змеи. Успокойся, Рина, возьми себя в руки и успокойся!

— Лэр Эззелин Буджардини, вы готовы? — змея на время отползла от меня и занялась другими. Фредо напрягся, обернулся в мою сторону, потом на Эззи, потом снова на меня... Я поняла, что, кажется, мешаю ему переживать за своего парня и принялась разглядывать битком забитые крыши. Восьмой и пятый корпусы были трехэтажными, и с моим новым улучшенным зрением я даже могла разглядеть знакомые фигуры. Тимохи среди них не было, зато была Агата. Она помахала мне рукой... Да, нам с ней так и не удалось пересечься после обеда. А вот тех, кто столпился на четвертом, было уже не разглядеть...

Я спустилась с небес на землю, и дальше оставалось только зажмуриться, потому что иначе отвести взгляд не получалось. Двадцать фигур в плащах и в масках, друг напротив друга, в шахматном порядке, создавали довольно широкий коридор, по которому вот-вот должен будет пройти Эззи. Странно, но у Эззелина даже мышцы небольшие на руках присутствуют и на животе тоже... И вообще, если абстрагироваться от характера, то вполне себе симпатичный парень. Темно-русые вьющиеся волосы и серые глаза, в которых сейчас плещется страх. Я все же смогла отвернуться, чтобы встретиться взглядом с Тарелло, изучающим больше

меня, чем Эззи. Так, сейчас опять начну хамить... Надо просто набрать в рот побольше воздуха и заткнуться. И, главное, чтобы он ко мне не лез. Да, главное, пусть он меня не трогает, и все... Мне и так тошно! Не выдержав, я все же зажмурилась, но уши же затыкать как-то совсем было бы странно. Резкий, свистящий звук, словно острым ножом вспороли воздух, а затем тишина и стон. Снова свист и опять стон. Два... три... пять... семь... вскрик... Я зажмурилась еще крепче, словно мне это поможет не слышать. Теперь свистело реже, и вместо стонов — вскрики. Двенадцать. Тринадцать... Пятнадцать...

— Наказание положено смотреть, а не слушать.

Мне казалось, что я ненавижу Эззи? Нет, я ошибалась. Я ненавижу здешнего психованного психолога. Но сил пререкаться у меня не было. Вообще не было сил, так что я широко распахнула глаза, чтобы увидеть, как Эззелин с гордо поднятой головой, закушенной губой и влажными блестящими глазами делает последние шаги через строй серых обезличенных фигур. Вскрик. Свист. Вскрик. Все... Неужели все?! Забыв обо всем, я кинулась к Эззи. Нет, он стоял и, явно, не собирался падать, но я чувствовала, что будет лучше, если он сейчас не будет наклоняться за одеждой и так же красиво отойдет в сторону. Прямой и не сломленный. Чтобы этот Тарелка подавился!

— Держи, — я протянула Эззелину его рубашку. Он молча кивнул, и мы вернулись туда, где полагалось стоять вип-зрителям. Искося взглянув на его исполосованную спину, я тут же уставилась на Фредо, у которого почему-то на лице промелькнула довольная улыбка, когда он посмотрел на нас. Может быть, радовался тому, что Эззи хоть сейчас повел себя нормально, а не как последний придурок?!

— Лэр Фредонис Веккьони, вы готовы?

Так хотелось объявить, что еще не готова я. Не готова, не готова, совсем не готова... Потому что глаза не зажмуривались!

Фредо потрянул своей гривой, расправил плечи, закусил губу и сделал первый шаг... второй... Крайняя левая фигура замахнулась, злое жужжание и... тишина. Я поняла — самое страшное, это тишина, потому что она означает, что прут достиг цели. Следующий шаг. Второй. Крайняя правая фигура делает замах... На моих губах вкус крови... Прокусила? Плевать! Новый свист, страшный, длинный. На пятом ударе Фредо будто на полсекунды споткнулся и сквозь зубы выдохнул. На шестом — еще один выдох. Резкий, как свист розги до него. На десятом выдох стал напоминать стон, от которого у меня сердце тоскливо сжалось. Вскрики Эззи не отдавались во мне так болезненно, как эти почти неслышные звуки.

Двенадцать... Пятнадцать... Я перестала считать удары, перестала следить за замахами, перестала слышать злое жужжание розог... Я смотрела Фредо в глаза...

— Отвернись, — злобно рыкнул у меня над ухом Эззи. — Когда кричишь, не так больно. А он перед тобой выделяется.

Я честно попыталась, но ничего не вышло. Это было как... Как вчера... Когда есть только он и я. И в этот раз никакой магии. И... Он все прошел! Даже не думая о том, что, вообще-то, это чужой парень, и забыв о том, что решила держаться от него на расстоянии, я бросилась к нему и... застыла, увидев его спину. Когда я подошла к Эззи вместе с рубашкой, он уже успел повернуться, а Фредо... не успел. Или я слишком быстро подбежала. Двадцать тонких шрамов, разорвавших кожу. Ярко-красных, припухших, пышущих жаром, со следами сукровицы по краям и стекающими вниз кровавыми дорожками... Кажется, я перестала дышать, замерев... И Фредо замер, стоя ко мне спиной, потому что я потянулась к этим полоскам и провела по ним пальцами, впитывая исходящий от них огонь... забирая его себе, вместе с болью. Я — сильная, да и боль слабая. А я сейчас все разглажу, каждый рубец... поглажу, остужу, выровняю... и все исчезнет... Он не заслужил такого, не заслужил! Он — не заслужил!

— Ри-и-ин...

От этого слабого то ли стоны, то ли мольбы у меня судорогой стянуло мышцы живота, и я сама едва удержалась, чтобы не застонать... Не от боли, нет, от дикого желания. Никогда раньше так никого не хотела, а тут прямо вот хоть бери и заваливай, прямо во дворе. Заставить себя отступить на несколько шагов, было ужасно сложно, но я сделала это. Потому что краем глаза увидела стоящего сбоку от нас Эззи с одеждой Фредо в руках. Так, я молодец... Я могу! Теперь еще два шага в сторону, и я об кого-то споткнулась.

— Простите. Лэр Рин, если не ошибаюсь.

Меня аккуратно отодвинул еще подальше молодой целитель, один из тех, что присутствовал на дуэли Агаты. Посмотрев на Фредо, он как-то странно хмыкнул:

— Не знал, что антимагией можно лечить.

Говоря это, он нарисовал в воздухе руну, потом как будто плеснул энергией на спину Эззелина и принялся водить ладонью сверху вниз, не касаясь кожи. Потихоньку вместо страшных красных рубцов появлялись тоненькие белые полосочки... Такие же, как на спине у Фредо.

— Пойду я, пожалуй, — растерянно пробормотала я и сначала задом, потом все же заставив себя отвернуться и медленно... быстрее... еще

быстрее... Прочь! Скорее прочь отсюда, к Тимке... Нет, к себе в комнату, залезть на кровать, укутаться в одеяло и... Книжку почитать? Да, вместо того чтобы сидеть и жалеть себя, лучше почитаю. Тимоха догнал меня уже на подходе к общежитию.

— Ты как?

— Отвратительно, — пожаловалась я. — С психологом поругалась, с Эззелином помирилась, Фредо чуть не изнасиловала...

— Во-о-от! Я ж тебе не зря про партнера намекал. Слушай, а ты чего, по спине его гладила, или мне сверху примерещилось?

— Гладила, — горестно вздохнула я. Тимоха посмотрел на меня с сочувствием, но промолчал. Ну и правильно, без него все знаю.

Так вот, в молчании, мы поднялись наверх.

— Я сейчас хочу помыться и лечь книжку почитать, ничего? — уточнила я у Тимки.

— Читай, сколько хочешь, главное, фигню всякую не думай, — кивнул он и потом немного виноватым тоном поинтересовался: — Слушай, а если я до природниц и обратно, ты как? Не надумаешь ничего лишнего? Я быстро...

— Хорошо, — я понимающе улыбнулась. Регулярный секс не только Фредо нужен...

— Ага, а то у меня там тоже партнер, — подмигнул Тимоха и выскочил из блока, уже на бегу крикнув: — Никому не открывай, а то серый волк придет!

Я грустно вздохнула. Вряд ли серый волк сегодня до меня дойдет, спать он, скорее всего, пойдет. После такого бурного вечера. Однако я оказалась не права. Не успела я вылезти из ванны и переодеться в домашние штаны и свободную футболку, как в дверь постучали...

— Рин, — взгляд черных глаз немного расфокусирован, или мне кажется? — Можно я у тебя выброшу? Пока шел, все выпил.

Не кажется. Бутылка вина в одно лицо — вроде бы и нормально, но на обычный здоровый организм, а не тот, который еще после вчерашнего не сильно оклемался, и сверху сегодняшним зарихтовал.

— Я... только одну вещь сказать хотел...

Так, а теперь взгляд сфокусирован и очень четко. На моих губах. Красных и немного пухлых после горячей ванны.

— Да? Я тебя внимательно слушаю.

А сердце то затихнет, то зачастит. И страшно немного, не понятно почему, и... тянет к нему, тянет! Подойти, погладить, спросить, как он себя чувствует... А от его взгляда на мои губы снова внутри начала подниматься

сладкая вязкая волна. Зря Тимошка ушел... Или, наоборот, хорошо? Что я без Тимки не справлюсь?! Я же все решила, сейчас вот выслушаю, что он мне сказать хотел, и выставлю.

— Я... Короче, я с Эззелином расстался. Сегодня вечером зашел в деканат, а потом... сказал ему. Еще перед тем, как... Так что вот, — Фредо поставил пустую бутылку в угол и, наконец, оторвался от моих губ, чтобы заглянуть мне в глаза. — Я теперь свободный человек. Ну не считая моральных обязательств и долга перед семьей, — он как-то криво усмехнулся и замолчал, выжидающе смотря на меня.

Я замерла, пытаясь осознать... Расстался. После того, как я почти убедила себя, что там что-то большее, чем просто секс. Вечером в деканат зашел? То есть перед наказанием? И... Ничего не понимаю, совершенно ничего.

— Я не жду, что ты прямо вот так сразу бросишься мне на шею, — судя по легкой горечи, все-таки надеялся. Но я не могу, не сейчас, не в футболке этой почти прозрачной, не... О чем я думаю, вообще?! Этот мужчина опасен, хотя бы тем, как у меня от него крышу уносит вдаль! И я же решила... Решила...

— Можно я тебя поцелую? — обманчиво-спокойный тон и звенящий от напряжения голос. — Пожалуйста, Ри-и-ин! Я пальцем тебя не трону, только поцелую и уйду, честно!

Я хотела помотать головой и уже приготовилась ответить: «Нет», но почему-то услышала: «Да», сказанное моим голосом. И почти сразу его лицо оказалось близко-близко, пугающе близко... и кружащий голову запах вина и мяты... и его губы, манящие... немного жесткие и слегка обветренные... нежные...

— Ри-и-ин!

— Мы договаривались! — я успела отпрыгнуть в последнюю минуту, когда его руки уже лежали у меня на талии.

Черт! Нам даже обняться нормально нельзя, потому что он же почувствует, что у меня не только что-то намечается сверху, но и ничего нет снизу... И что мне ему теперь сказать?! Вернись сейчас же к Эззи, потому что нам ничего не светит? Совсем ничего! И дело не только в магии, а еще и в том, что я завралась?!

— Т-т-точно! — Фредо тряхнул головой и посмотрел на меня. — Скажи, у меня, вообще, есть хоть какой-то шанс? Или ты просто играешь мной, а?!

Вот как стояла, так и застыла. Это я играю? Я?!

— Есть... — удовлетворенно протянул Фредо, изучая мое лицо, и

улыбнулся. — Спокойной ночи, Рин!

Тут он слегка покачнулся, и я кинулась к нему, чтобы успеть его подхватить. Ему же сейчас надо будет спуститься вниз, пройти весь третий корпус, потом подняться к себе на этаж...

— Слушай, у нас есть свободная комната, давай, ты там заночуешь сегодня, а?

Фредо нахмурился и уставился на меня непонимающе, потом хмыкнул:

— Не волнуйся, нормально все. Досюда дошел и обратно дойду. А спать через пару стенок от тебя — это пытка, к которой я не готов. Уж извини...

И тут его пальцы ласково погладили меня по уголку губы.

— Но насчет свободной комнаты я запомню.

Глава 20. А вы видели ангелов в ботинках?

— Еще раз повтори, что он сделал?! — Тимоха нахмурился и даже зубы чистить перестал, выслушивая мой краткий пересказ вечерних событий.

— С Эззелином расстался, — повторила я.

— Нет, я про другое! — сплюнув в раковину зубную пасту, Тимка уставился на меня своими серо-дымчатыми глазищами. Страшное зрелище, учитывая еще более взлохмаченную, чем обычно шевелюру.

— Пьяный ко мне пришел? — опасливо предположила я.

— Нет! Другое! — гневно рыкнул Тимошка.

— Поцеловал? — сообразила я, наконец.

— Ринка, ты совсем тупая или прикидываешься?! От поцелуев до регулярного секса один шаг! И?..

— И?.. — я решила прикидываться душой до последнего, раз уж так удачно получается.

— Тьфу! — Тимка повернулся ко мне задом и продолжил с остервенением начищать зубы.

— Тимочка, ну не злись, — я ласково погладила домовенка по спине, стараясь не замечать следы ногтей на плечах и ребрах. Меня за поцелуй гоняет, а сам вон... Развлекался от души.

— Пфффф! — выдал мне на это Тимочка, ополаскивая лицо холодной водой. — Давай-давай, признайся ему, что ты девчонка, а мы потом с Ниммеем на тебя опеку оформим. И чуть что, поварешкой в лоб!

— Я, между прочим, баронский титул должна буду получить. Меня нельзя поварешкой...

— А я позолоченной, не переживай. По-нашему, по-баронски... — фыркнул Тим. — Давай, я с Агатой насчет экскурсии в женский отряд договорюсь? Чтобы знала, куда попадешь...

— Тимох, ты же сам говорил, чтобы я себе партнера завела, ну вот...

— Так я ж не этого же...

— Ну как не этого, а кто мне советовал с ножом к горлу к нему пристать? Вот он без ножа выбор сделал, с Эззи растался.

— Короче, делай что хочешь, — пробубнил обиженно Тимоха из-под полотенца. — Я тебя про опеку и поварешку предупредил. Пошли тренироваться...

Странно, но сегодняшний день был весь какой-то подозрительно

спокойный. Ни дуэлей, ни драк из ревности, ни показательных наказаний... Скукотища! Даже на занятиях никто ничего не взорвал, не спалил и дырку в полу не проделал. Академия словно затихла, переживая вчерашнее. С Фредо я сегодня не пересекалась. Робби с Агатой только помахали нам, потому что когда мы заканчивали обедать, они только вошли в столовую и направились штурмовать раздачу. Даже когда мы с Эззи столкнулись в коридоре, то лишь кивнули друг другу и быстро разбежались.

Но не зря же говорится, что когда слишком тихо — это не к добру.

В двенадцать часов, когда мы с Тимкой, уставшие после занятий, шли по коридору пятого корпуса в сторону столовой, обсуждая план на вечер — ужинать и спать или сначала вместе погулять, потом поужинать и спать, — мимо нас от центральной башни, по моему, вообще, не касаясь пола, промчался лэр Гальторе. Кажется, я впервые имела честь увидеть левитацию мага воздуха. Гораздо менее стремительно, но тоже довольно быстро, вслед за ним прошагал невысокий коренастый обритый налысо мужчина, с синей эмблемой мага воды на серой жилетке. Его морщинистое лицо выражало крайнюю степень обеспокоенности. Само собой, мы тоже развернулись на сто восемьдесят градусов и рванули за ним.

Возле перехода из пятого корпуса в общежитие магов земли нас поджидал небольшой затор, но при виде мужчины все расступались, иногда здороваясь: «Добрый вечер, лэр Мастезано» или «Добрый вечер, декан Мастезано». Понятно, мы сели на хвост декану старших курсов. И удачно сели, пристроившись сзади с деловым видом. Нас даже не сразу оттерли, а лишь почти у самого входа в башню, но тут уже Тимка не растерялся и принялся энергично работать локтями, а я за ним — прицепом. Но, впихнувшись кое-как в башню, мы поняли, что выпихнуться из нее в первый корпус у нас уже никак не получится, и, переглянувшись, рванули наверх. Правда, таких умных нашлось не мало, но на лестнице пробок не было, и мы более-менее быстро взобрались на восьмой этаж — именно с него был выход на крышу первого корпуса. Народу здесь тоже была тьма-тьмущая, но они уже были более-менее дружелюбно настроены и могли связно объяснить, что именно происходит:

— Ангелы принесли Книгу пророчеств.

Ага, значит, проигравшие предыдущую битву — Ангелы. То есть сейчас в этом мире правит тьма? Ни за что бы ни подумала... Тут я вспомнила, что после появления Книги, вся Академия должна будетделиться на три части, и ухватила Тимку за руку, буквально повиснув на нем.

— Ты чего? — удивился он, поглядывая на меня с некоторым

опасением.

— Так Книга же, — пояснила я. — Сейчас оба осознаем, что один за светлых, второй за темных, и все. Страшно!

Страшно стало настолько, что зубы принялись выстукивать какую-то только им известную мелодию, и внутри поселился ледяной осьминог, размахивающий своими холодными щупальцами. Сверху было видно только пятерых светлокожих золотоволосых великанов, около трех метров ростом, со сложенными за спиной крыльями. Одеты они были лишь в белые, свободного покроя штаны и в какую-то обувь. Сверху разглядеть в какую именно было сложно, но не босиком — точно.

Я нервно захихикала, привлекая к себе нездоровое внимание, — вокруг все были напряженные, серьезные, взволнованные...

— Тим, помнишь анекдот про ангела в ботинках? — шепотом поинтересовалась я.

Тимоха нахмурился, потом посмотрел вниз и тоже хмыкнул.

— Точно!

Стоящему рядом с нами парню, поглядывающему на нас с осуждением, я виновато пояснила:

— В нашем мире анекдот такой есть. Художник рисует для церкви изображение ангела. Все хорошо, но у нас считается, что они ходят лишь в набедренных повязках и босиком, а художник им одежду и ботинки нарисовал. Священник начал возмущаться: «Где вы видели ангелов в ботинках?!», а художник ему в ответ: «А где вы видели ангела без ботинок?». У нас просто этих ангелов никто не видел...

— А как же вы их тогда рисуете? — удивился парень, отвлекаясь от попыток прислушаться и приглядеться к происходящему у ворот.

— Ну, вот каждый рисует так, как представляет, исходя из описания в старинных книгах.

— Забавно, — хмыкнув, он снова уставился на странных крылатых существ. Как раз, похоже, закончилась первая часть встречи — обмен любезностями, и нашему ректору один из ангелов вручил... лист бумаги. Ничего не скажу, большой лист. Настолько, что даже нижний край немного закручивался, но... Я-то КНИГУ ожидала, а тут...

— Все, спектакль закончен, — констатировал наш сосед. — Теперь будем ждать, когда нам огласят первое пророчество.

— Кто огласит? — я даже за рукав парня схватила, чтобы не сбежал, пока не выясню у него все подробности.

— Ректор, кто же еще. Оно на древнейшем языке написано, так что перевести сначала надо, потом понять, о чем вообще речь... Дед у меня в

прошлой заварухе участвовал — жуть, говорит, что за бедлам невнятный. Зачитывается ахинея, потом все бегают, рвут на себе волосы и пытаются вникнуть в озвученный бред. В итоге, за порядком в мире следить более-менее удавалось, потому что ясновидящая хорошая попалась, а пророчества предотвращать — нет, все двенадцать в яблочко. Демоны даже козырной картой в тот раз не воспользовались, чистый выигрыш был.

— Ясновидящая? — я принялась переваривать полученную информацию и споткнулась на новом, непонятном персонаже.

— Да, чтобы отслеживать, куда надо группу магов для зачистки высылать, нужна ясновидящая. Иногда еще провидец бывает, но редко.

— То есть пророчества зачитываются по порядку, и всего их двенадцать? — переварила я следующий кусок информации.

— Ты что, с луны... А, ну да, с нее и свалился, — хмыкнул парень. — Да, по порядку. А старые помечаются золотой или черной галочкой, или вычеркиваются, если сбывлась только часть. Их еще на стене в столовой высвечивать будут, так что отцепись от меня, и пошли вниз.

Я отпустила рукав его рубашки, который от переживаний даже смяла и, уже глядя ему в спину вспомнила, где мы встречались — это был «герой», приведший к декану ярко раскрашенную куколку. Как там его... вермут — чинзано, а он — Чезанно, точно. Когда мы протолкались, наконец-то, ко входу в столовую, стало ясно, что на этом наше везение заканчивается. Нельзя войти туда, где одновременно находится сразу больше тысячи человек. Мне казалось, что я уже видела это помещение битком набитым. Ха! Нет, набито под завязочку оно оказалось именно сейчас, и, главное, народ все прибывал и прибывал.

— Жрать-то как хочется, — горестно протянул Тимка, напомнив, что мы, вообще-то, шли ужинать. Мне есть совершенно не хотелось. И я уже не в первый раз поймала себя на мысли, что мне было бы спокойнее, если бы Ниммей был бы сейчас рядом. А то я за него волнуюсь.

— Тимох, ты давай попробуй протолкаться, у тебя одного получится, а я к нам в блок пойду, спрячусь под одеяло и буду бояться.

— Как в детстве? — хихикнул Тимка.

— Угу, как в детстве, — согласилась я. — Тут кругом сплошные бабайки, куда не плюнь. Так что сооружу непробиваемый волшебный кокон, буду оттуда выстукивать зубами воинственные марши и ждать тебя.

— А как же ужин? — нахмурился Тимоха. — Надо поесть, а то ты тощий, как Кощей.

— Тимочка, какой ужин?! Мне кусок в горло не лезет...

— Пропихнем, — сурово объявил Тим и потащил меня в сторону

раздачи, пробивая своими широкими плечами узенькую тропиночку. В итоге, на половине дороги я на полсекунды выпустила руку Тима и тут же оказалась в гордом одиночестве. Пришлось возвращаться обратно к двери, так как туда было ближе, и протолкаться — проще. Постояв минут пять-шесть в коридоре, я поняла, что мне грустно и одиноко, поэтому самое правильное, что я могу сделать в такой ситуации — отправиться в наш блок, как и собиралась. Тимошка умный, он сообразит, что я жду его там. Просто пока мы спускались, я краем уха не раз слышала, что текст пророчества объявят громко на весь замок, и если бы нам удалось прошмыгнуть и пристроиться к нашей компании, я бы сейчас сидела вместе со всеми и не жужжала. А так мысли в голову начинали лезть всякие странные, о драконе, о Демо, да даже о Борхеле, бродящем сейчас где-то по лесу в своих очках.

А в комнате приму ванну, залезу под одеяло, возьму книжку... Интересную, кстати. И постараюсь отвлечься. Да, буду лежать и читать, а не грызть ногти в ожидании расшифровки этого пророчества, чтоб его... Но моим правильным планам сбыться оказалось не суждено, потому что в конце седьмого корпуса, буквально возле входа в нашу башню-общежитие, я наткнулась на Эзелина, с деловым видом прошагавшего мимо меня в обратную сторону. Не очень соображая, что делаю и зачем, я развернулась и побежала за ним.

— Ты куда?

— Тебя не спросил, — привычно-презрительно фыркнул Эззи. — Чего без лохматого своего? — любопытство смешалось с ехидством, и вышло не так уж и обидно. Или я просто начинаю привыкать к стилю общения Вазелинки.

— Тебя не спросил, — усмехнулась я. — В столовой он, ужинает.

— А... — Эззи даже опешил немного, по-моему, после того как я нормально ответила на его вопрос. — Пошли, на стreme постоишь, пока я прослушку в ректорат закину.

И, не уточняя, согласна я или нет, еще быстрее зашагал дальше. Кабинет ректора, деканат старших курсов, кафедра магии жизни и лазарет находились на первом этаже шестого корпуса, туда-то мы и направились, миновав центральную башню.

— Следи за дверью деканата, — практически приказным тоном выдал Эзелин, одновременно пристраиваясь к соседней, с красивой надписью: «Кабинет ректора и зал заседаний». Вокруг нее он исполнил странный ритуальный танец, вырисовывая какие-то руны в воздухе, а потом поманил меня пальцем, достал из кармана жилетки и вручил один маленький

наушник-пуговку, ну вот один в один как в моем мире, только без провода.

В голове сразу проявилось шумное мужское многоголосье. Сначала разобрать даже отдельные слова в этом гуле было очень сложно. Создавалось ощущение, что говорят все разом. Внимательно прислушиваясь, я почти сразу вычленила визгливый тенор Тарелки, бас Рудольфа Кандейлла и приятный глуховатый баритон Аделарда Гальторе. Как говорится, знакомые все лица. То есть голоса. Наконец, начала различать и слова. Затем обрывки фраз. Создавалось вполне естественное ощущение, что все находящиеся в зале мужчины очень взволнованы и активно спорят между собой. Я только начала более-менее вникать в суть спора, как дверь хлопнула, и Эззи дернул меня за руку, буквально размыывая по соседнему дверному проему.

— Я сколько раз говорил вам, Буджардини, что подслушивать нехорошо? — негромко прозвучал в коридоре басок Никомедо Троватто.

— Вне территории замка сейчас находятся мои одноклассники, я за них переживаю, лэр Медо, — тихо ответил Эззелин. Убедительно прозвучало, если не вспоминать, как Эззи злился, что его не взяли на командные сборы.

— Вне территории замка сейчас находится мой брат, однако я не нарушаю правила Академии, — пробурчал Медо.

— Так вам и нарушать не надо, — хмыкнул Эззи. — Вам и так все скажут...

— И вам скажут. Так что давайте, возвращайтесь к остальным.

Тут Медо разглядел меня, и на его лице отразилось искреннее изумление:

— Не ожидал увидеть вас... здесь, лэр Рин.

Похоже, привилегия называть меня «студентом» осталась исключительно за Демо. Ну и правильно, пусть у меня титула пока нет, но я полноправный член магического общества и вполне себе полноценный маг, так что пусть привыкают. А Демо, учитывая, сколько нервных клеток я ему изничтожила при нашем знакомстве, пусть пользуется... Я — добрая.

— Простите, я просто тоже волнуюсь.

— Да, у вас вроде бы сосед?..

— Вроде бы сосед, — согласно кивнула я и только потом осознала, как двусмысленно вышло. — То есть да, сосед. Дракон.

— В детстве я иногда мечтал встретиться с драконом, — усмехнулся Медо. — Правда, в своих мечтах я не преподавал ему огненную магию, но жизнь иногда очень вольно обращается с нашими детскими фантазиями, — я лишь кивнула на это философское замечание. — А теперь исчезните оба,

чтобы я вас здесь не видел!

Эззелин дернул меня за рукав и потащил в сторону центральной башни. Но, как только за Медо захлопнулась дверь, он опять потянул меня обратно. Теперь мы не стали подходить вплотную и постарались, как можно плотнее, слиться со стеной. Слышно было ужасно плохо, но все равно было ощущение сопричастности. Гораздо интереснее, чем толкаться под дверью столовой в ожидании неизвестно чего. И вдруг мне показалось, что или нас вычислили, или я оглохла. Потому что неожиданно наступила тишина. Плохая какая-то тишина, нехорошая. Потом кто-то выругался. Затем я услышала, совершенно четко, как наш завкафедрой произнес: «Еще не все потеряно. Лэр Никомедо, попробуйте вновь связаться со своим братом, возможно, в этот раз получится». Мы с Эззи переглянулись, и я почувствовала, что тихо сползаю по стенке, затыкая рот кулаком, чтобы не закричать.

— Эй, с твоим оборотнем все в порядке. Дракона убить сложно!

— Умеешь успокоить, — буркнула я, причем, как ни странно, действительно успев задавить начинавшуюся истерику, буквально на старте.

Мы снова стали прислушиваться к тишине в зале. Потом раздался усталый вздох, и голос Медо объявил: «Связь со всеми ушедшими, владеющими ментальной магией, заблокирована, а артефактовая не работает еще с утра». Я снова начала нервно грызть кулак, но при этом поглядывала на Эззи вполне адекватно, чтобы тот не решил, будто я снова паникую. Я паникую. Но про себя...

— Предлагаю пока не объявлять расшифровку, а собрать поисковую группу... — так, по-моему, лэр Гальторе, но могу и ошибаться.

— Вы не имеете права удерживать информацию, — это, точно, Тарелка. Незабываемый голос, противный, до зуда в ладонях.

— Мы и не будем ее удерживать, мы ее просто слегка задержим, — к разговору присоединился еще кто-то, незнакомый. — Вы, как психолог, сами должны понимать, какая паника начнется, если мы сейчас зачитаем текст.

— Лэр Кваттроки прав, ни задерживать, ни удерживать информацию мы не имеем права, — это вроде бы сам ректор вмешался. А «Кваттроки» — это фамилия Тарелки? Кватровая тарелка... Да, не повезло мужику. — Тем более нам надо будет собрать поисково-спасательный отряд. Некроманты и менталы со старших курсов. Значит, информация все равно распространится.

Теперь паника отчетливо проявилась в глазах Эззелина, а меня,

вообще, просто затрясло, как в лихорадке. Старшие курсы. Некроманты... Фредо! Мало мне переживаний за Ниммея?!

— Не пуцу! — прошептала я едва слышно, но Эззи все равно понял. Может, прочел по губам или по выражению лица...

— Уйдет. Такую возможность героически погибнуть он не упустит, — Вазелинка произнес это совершенно без всякого ехидства, презрения или осуждения. Обреченно как-то. И от этого его слова ударили в меня гораздо сильнее.

— Зачем ему геройски погибать?! — не выдержала я. — Зачем?!

— Он тебе о проклятье не рассказывал? — ну вот, теперь в голосе Эззи прозвучало удовлетворение. Я решила просто не отвечать, чтобы не врать и, одновременно, не говорить правду, потому что сейчас, на эмоциях, мне, возможно, расскажут что-то важное. — Значит, не так уж ты ему и нужен... Да даже если и нужен... Все равно он ко мне вернется рано или поздно. Или ты ему дашь и вскоре надоешь, или ты ему не дашь... Тогда тем более вернется, сначала просто потрахаться, а потом и насовсем. Кому он еще со всеми его придурями нужен, кроме меня?! Я пожала плечами, продолжая молчать и выжидая, может еще что-то скажет. Но Эззелин заткнулся, недобро зыркнув на меня и тут же расслабившись, как бы подчеркивая, что я ему уж точно не соперник, и он действительно уверен в своих словах.

Большая часть моих сил уходила на попытку сдерживать нарастающую панику, теперь уже за двоих, вместо одного. Так что придумать что-то, чтобы спровоцировать его на дальнейшее общение, я не успела. Уверенный властный голос нашего ректора оглушительно зазвучал везде и всюду. А сказанное им было настолько страшным, что все мои попытки поистерить вынесло напрочь. Не место. Не время. Не сейчас.

— Внимание! Мы расшифровали текст первого пророчества. Звучит оно так: «Когда юность, только вставшая на путь познания, станет пищей детей ночи». Как вы помните, дети ночи никогда раньше не заключали договор с ангелами. Поэтому и всю фразу не следует понимать буквально. На выходе из замка собирается поисково-спасательный отряд. В него могут вступить все шестикурсники, владеющие магией смерти и ментальной магией, желающие принять участие...

Глава 21. Спасение утопающих — дело лишь самих утопающих

Слушая спокойный голос, будничным тоном сообщающий о юности, ставшей пищей «детям ночи», мы с Эзелином быстро шагали по коридорам к выходу из замка. Я старалась не понимать фразу буквально, но определение: «юность, только вставшая на путь познания», идеально подходило для ушедших на командные сборы первокурсников, а отсутствие с ними ментальной и артефактовой связи только еще больше пугало, а не успокаивало.

— Эззи, а может, это было о каких-то школьниках из Медвежьего перевала или Утиной заводи, а? Ну, то есть из какого-нибудь Усть-Таракановска вашего, которые на экскурсию поехали?

— Пророчества касаются только магов, так заведено, — Эзелин, обернувшись, посмотрел на меня со странной смесью презрения и жалости. — И еще вас, пришлых. Но только тех, кто до Академии добрался.

— Жаль, — совершенно искренне расстроилась я.

Просто потому что... Да, эгоистично. Да, не справедливо. Но лучше какие-то далекие совершенно неизвестные мне люди, чем те, кого я хотя бы зрительно уже научилась выделять из толпы. Тем более там Борхэль, Адам, да даже Пэтро, хотя я и видела его всего пару раз, в компании с Ниммеем... который тоже — там. И Демо... Нет, лучше пусть был бы экскурсионный автобус из Усть-Таракановска. А еще лучше — вообще, чтобы хомячки какие-нибудь. Юные хомячки... Страшное, кровавое зрелище — стая хомячков, погибшая в неравной борьбе со злыми ночными хищниками.

— А «дети ночи» — это кто?

— Их еще пьющими кровь называют, — с выражением лица: «все то вам, тупым, объяснять надо», устало вздохнул Эззи.

— Вампиры? — нет, я не тупая, просто до самого последнего момента хотелось верить, что под красивым определением «дети ночи» подразумевалось что-то более-менее безобидное. Хотя намек на «пищу» все портил изначально. И вообще, похоже, у меня опять обострение страхобредоносия. Так и тянет щебетать и щебетать, не затыкаясь, потому что стоит замолчать, как сразу в голову начинают лезть мысли... странные, страшные... Хочу в кокон из одеяла! Хочу домой и в кокон из одеяла...

— Рин! Я тебя везде ищу!

Оказывается, мы уже пробежали весь шестой и половину первого корпуса и стоим у ворот замка. А я и не заметила...

— Тим... Тимка, ты слышал?!

— Конечно, я слышал, все слышали...

Тут я очень невежливо бросила Тима и, забыв обо всем, побежала на встречу Фредо. Почему, почему мне нельзя повиснуть у него на шее, обнимать, целовать и требовать, чтобы он никуда не уходил?! Потому что я не выдержу, если с ним... Если с кем-то из них... Черт! Я даже думать не хочу, что с Ниммеем, Демо, Адамом или даже Борхэлем что-то случилось!

— Рин...

Голосом тоже можно погладить, если захотеть. И взглядом обнять. И... Тут Фредо немного напрягся, и я резко обернулась, — за моей спиной стоял Эззелин. Ехидно прищурившись, он с вызовом смотрел на нас двоих, словно чего-то ждал. Наверное, каких-то эмоций. Но не буду же я при всех накидываться на Фредо, стучать по нему кулаками и кричать: «На кого ты меня покидаешь?». И так ясно, что на Тимку, больше не на кого. Поэтому я собралась со всем оставшимся у меня духом и спокойно сказала:

— Когда найдете наших, передайте им что за подзарядкой артефактов внимательнее надо следить. А то мы тут все из-за них волнуемся, а они на связь не выходят.

Фредо усмехнулся:

— Ты прелесть, Рин. Даже шутить пытаешься...

Игнорируя скептическую усмешку Эззелина, я улыбнулась чуть подрагивающими губами:

— Конечно, ведь все будет хорошо, и вы всех найдете.

— Верно мыслишь, — подошедший к нам Фонзи со всего размаху приложил меня ладонью по плечу. По-моему, у меня даже что-то где-то хрустнуло. — Мы с Фредо уделаем этих упырей, только в путь!

Спасательно-поисковый отряд из восемнадцати шестикурсников и семи пятикурсников под командованием Медо ушел в ночь, а мы побрели обратно в замок. Я шла вместе с Агатой и Тимом и крепилась из последних сил, чтобы не расплакаться. Даже уже не от переживаний за парней, а от какой-то безысходной внутренней усталости. Пройдя где-то половину пути, меня неожиданно осенило, и я остановилась, только не успела озвучить свою мысль, потому что ее практически дословно произнес Тимоха:

— Лесовичек забрать надо!

И мы побежали обратно. Но, ясное дело, у ворот нас затормозили и попытались удержать. Ага! Тогда, когда меня трясет от страха и волнения,

и для того чтобы воспламениться, мне надо маленькую щепочку? «Наш паровоз вперед лети...». Нет, нам удалось уладить все мирно, и ни один охраняющий ворота маг не пострадал. Нам просто выдали Роджера, в качестве группы сопровождения.

А вот полянку без Тима я бы, наверное, не нашла, потому что была уже в состоянии бойцовского пса перед дракой — ничего не вижу, ничего не слышу, бросаюсь на первый шорох. Но лучше так, чем липкие холодные щупальца страха, мешающие дышать и двигаться. Если бы сейчас какой-то несчастный вампир выскочил из леса — все, спалила бы и его, и лес, и... Так! Неправильный настрой перед боем. Я уже вполне себе обученный маг, вторую неделю уже в Академии. С нервной системой пора уже учиться договариваться. Ведь теперь я с перепугу могу не только кулаком в глаз и ногой в солнечное сплетение, но и сырцом пол леса... А это — ответственность. Поэтому расслабляемся и вспоминаем, что на занятиях по карате меня учили не только ударам, но и правильному дыханию с концентрацией.

Вот Агата — она умничка. И Робби проводила спокойно, с улыбкой, поцеловав на прощание, и сейчас по лесу идет и чуть ли не насвистывает. Да, мне бы ее выдержку...

Тимошка все же заметно нервничает, по сторонам головой вертит, ругается сквозь зубы и на баб-параноиков, и на одинаковые деревья, и на чертову тропинку, которая, как нарочно, прячется. Наконец, тропинка нашлась. Природницы без разговоров собрались, поляну свою, уходя, лианами, как забором, опутали. И мы быстро побежали обратно. Всю дорогу смешливая Каджисо с интересом поглядывала на сурово хмурящегося Роджера и почему-то тихо хихикала в кулачок. Когда мы уже вышли из леса, парень не выдержал и рыкнул:

— И нечего ржать! То, что ты меня тогда завалила, ничего не значит, ясно?!

— Конечно, — снова хихикнула девушка. — Просто как вспомню, какой ты был миленький...

Роджер, идущий самым последним, резко затормозил. Ноздри у него начали широко раздуваться, как у быка при виде соперника, вроде даже дым повалил, несмотря на то, что он был магом воды. Хотя, логично — закипело все...

— Так, пацаны, забирайте остальных баб и проваливайте. У нас тут сейчас разговор будет...

Потом плюнул и махнул рукой:

— Ладно, во дворе перетрем, кто там из нас миленький был. Сначала

вас всех в замок доставлю!

Я даже временно за свой вспыльчивый характер переживать перестала. Не одна я такая. Тут главное — все держать под контролем. Спокойным людям просто проще, а таким, как я или Роджер — сложнее. Да... Мы уже были у самых ворот, когда у меня перед глазами заплясали ярко-огненные всполохи, и я, буквально, услышала голос Ниммея:

— В круг, в круг, ящерицы безмозглые! И целителя тащите, он вам еще пригодится, когда оклемается!

Говорил Ниммей как-то странно, громко и не совсем четко, но это был он! Он, мой дракон!

— Рин! — это Тимоха, вроде...

— Стой, пацан! Спятил совсем?! Куда тебя понесло, шкет?!

Уху, в которое вцепился Роджер, было очень больно, а мне — очень обидно.

— Там Ниммей! Я его слышу, ясно?!

— Отлично! Вот сейчас к ректору пойдем, доложишь все по Уставу, кому идти, куда идти...

— Ты не понимаешь! Я просто голоса слышу, — до меня медленно доходило, как глупо я только что собиралась поступить. Бежать не понятно куда, через лес, где... возможно... бродят вампиры.

— Голоса — это тоже аргумент, но все равно сначала — к ректору! Одного в лес я тебя не пущу, мне Фредо не простит, и совесть не даст, — хмыкнул Роджер и, отпустив мое ухо, практически пинками погнал меня к воротам. — Удумал! Голоса у него в голове... Мозги там должны быть, мозги! Думать надо! То бежит сломя голову баб из леса спасать, то в одиночку за драконом... Они там как, держатся? — последняя фраза после потока возмущенного бурчания прозвучала несколько неожиданно.

Вздохнув, я кивнула:

— Вроде да, даже целитель жив...

— Оба?! — раздался рядом напряженный голос Агаты.

— Не знаю, — вздохнула я, внезапно осознав, что одним из целителей в группе Ниммея был Адам.

И тут Агата всхлипнула, глаза у нее влажно заблестели, она уткнулась мне в плечо и замерла. Маленькая, хрупкая, беззащитная...

— Ты не волнуйся заранее, — принялась я ее успокаивать, чувствуя, как отступает собственный страх за всех. Да, за всех ребят... — Мы что-нибудь придумаем! Их такой большой отряд спасать пошел!

С каждым словом мне самой становилось все спокойнее и спокойнее. Я даже начала искренне верить, что целителем, которого тащили в круг,

совершенно точно был Адам. Или, может, Адам, вообще, уже был в круге, а тащили второго?.. Неужели огненный дракон с горсткой вампиров не справится?! Все будет хорошо! Правда, как там другие команды? В которых драконов нет...

— Прости, мне пора к ректору! — я осторожно передала Агату Тимке, а на его попытку дернуться за мной, отрицательно замотала головой: — Пристраивай пока всех. Я справлюсь.

— Не психуй, пацан, с твоим братом я схожу, — успокоил Тимоху Роджер. — Может, придется второй отряд высылать, кто знает. А ты к завкафу целителей вали, места бабам своим выбивать.

Незаметно вытирающая слезы Агата дернула Тимку за рукав:

— Пошли, я тебе помогу.

— А нам куда? — поинтересовалась я, потому что кабинет ректора находился рядом с кафедрой магии жизни, и я сегодня там уже побывала. Правда, под дверью, но не важно. То есть, по идее, нам всем по пути — на первый этаж шестого корпуса.

— А нам к Мухобою, — серьезно ответил Роджер и потащил меня по улице, через все дворы, за третий корпус. Надо же, а я и не знала, что там второй выход есть, и за ним еще пристройки, вдоль берега моря. Вот в одну из таких, с виду напоминающую деревянный сарай, меня и затащили. Изнутри этот сарай оказался огромным залом, в котором фехтовали уже визуально знакомый мне лэр Томазо Тестаччо, ректор Академии Боевой Магии и еще один, тоже визуально знакомый мне мужчина, примерно ровесник ректора.

— Лэр Тестаччо, лэр Фальтмос, — Роджер встал в дверях зала-сарая, удерживая меня за плечо. — Вот пацан говорит, что у него голоса в голове, и он одну из групп перваков слышит.

— Пацан, значит, — мужчины прервали свое занятие, переглянулись и уставились на меня с подозрением. Я что, опять спалилась? Как?! Стою тихо, никого не трогаю...

— Где их именно искать, голоса говорят?

Я отрицательно помотала головой, вызвав двойной разочарованный вздох.

— Еще вчера я бы этого... пацана... к целителям бы отправил. Голоса из головы изгонять, — суровым тоном выдал лэр Фальтмос.

— Ремнем, желательно, — подсказал, криво усмехнувшись, ректор.

— Вечно эти... пацаны... не в свое дело лезут! — судя по лицу второго лэра, у него, явно, накипело... к пацанам.

— Но сейчас мы готовы внимательно вас выслушать, лэр?.. — ректор

выделил последнее слово и запнулся, выжидающе глядя на меня.

— Рин, — подсказала я.

— Гончаров? — заинтересовался Фальтмос. — Это вы нашему первокурснику навалили сначала по простому, а потом еще и магически?

— Эм-м... Магически я не успел, Фредо вмешался, — запинаясь, принялась оправдываться я.

Мужики заржали, даже Роджер с ними за компанию рассмеялся.

— Не успел!.. Нет, Томазо, ты только послушай! Извините, дяденьки, я будущему боевому магу магически впясть не успел, мне помешали... — тут лэр Фальтмос резко стал серьезным и нахмурился: — Ладно, будем считать, что это вы — такой крутой, а не наши первокурсники такие слабаки, что их одной левой любой иномирный пацан, — тут он в очередной раз ехидно хмыкнул, — уделать может. Стар я стал для таких стрессов! Тем более я еще ведьм лесных не пережил... Итак, что именно говорят вам голоса?

Я быстренько пересказала. Мужчины вновь переглянулись. Казалось, они обладали способностью понимать друг друга без слов. Судя по всему, ожидали они чего-то большего. И тут, словно по их заказу, в моей голове снова загалдела целая толпа. Только теперь я отчетливо слышала другой родной голос — Фредо...

— Отходите! Все отходите! Мы попробуем их сдержать.

Почему командует он, а не Медо? И, судя по всему, он там опять героически самоубивается вместе с кем-то еще?!

Придурок! Сволочь! Последняя сволочь!.. Не смей, гад! Как я без тебя буду?! Не смей!

— Пацан?! Эй, пацан, ты как там?

— Хреново, — прошептала я, отлипая от Роджера, удерживающего меня в стоячем положении. — Я теперь еще и Фредо слышу...

— Ясновидящ... Тьфу! Пророк, что ли? — переглянулись мужчины.

— Или внезапно открылся канал к ментальной магии?

— Не бывает такого, чтобы не было, а потом раз и...

— У наших не бывает, а у...

Тут оба мужчины хмуρο уставились на меня.

— Место вы опять указать не можете?

— Нет, — горестно вздохнула я. — Но может, мне попробовать с ними связаться?

— Если ваш... друг... не отреагировал, значит, связь только односторонняя.

Я вмиг покраснела. Выходит, про «гада» я вслух выдала? Убиться

плеером!.. Стыдно-то как...От злости на себя я сосредоточилась, пытаюсь представить этого «гада», который нашел очередную возможность самоубиться, и буквально заорала, на этот раз мысленно, представляя, что у меня в руках огромный рупор:

— Где вы?!

— Ри-и-ин? — искреннее изумление, и потом: — Стоять, твари!

Последующие звуки никакого воодушевления и успокоения не вызывали, кроме желания заткнуть уши... в голове... Но я понимала, что если связь установлена, надо ее удерживать, потому что... Потому что... Ну хотя бы потому, что раз я до сих пор что-то слышу, значит, Фредо жив!

— Пацан? Им помощь нужна, да?

— Да, — выдохнула я. — Им всем нужна помощь...

— Новый отряд? — мужчины переглянулись, нахмурились и принялись обсуждать, какие у них есть варианты.

Связь с Фредо я все же потеряла, но в панику впадать не стала — мало ли, он просто отвлекся. Или я отвлеклась, вернее, Роджер меня отвлек. Я вот сейчас, пока они тут все из себя умных строят, попробую с Ниммеем связаться. Потому что даже мне понятно, что еще один отряд отправлять — глупо. Это я на эмоциях бежать всех спасать хотела, не задумываясь. А сейчас понимаю — пошлем следующий отряд, и что? Судя по всему, сейчас почти весь лес оккупирован вампирами, и надо, наоборот, народ оттуда выводить, а не заводить.

— Нет, нового отряда не будет! — решительно объявил ректор, как будто прочитав мои мысли. — Смысла не вижу выгонять в леса всю Академию. Надо пытаться наладить связь и хотя бы собрать всех уцелевших в одном месте.

Я тихо угукнула и, закрыв глаза, попыталась представить Ниммея. Вышло еще быстрее, чем с Фредо.

— Ринка? Улет! Вы там как? — голос и радостный, и напряженный, одновременно.

— Это вы там как?! — а мой, наверное, возмущенный. Я тут за него волнуюсь, а он такие глупые вопросы задает.

— Жарко... — хмыкнул Ниммей. Вот если бы я до этого тишком не подключалась незаметно, решила бы, что они на пляже отдыхают. — У вас там тоже заварушка?

— Нет, пока только у вас, — ну просто светская беседа за обедом. И не важно, что сердце замирает, и дыхание перехватывает от волнения. А пальцы заледенели, и я их просто не чувствую... — Вы там сами по себе или еще кого-то из наших встретили? — его спокойствие распространилось

и на меня, так что даже появились силы внятно формулировать вопросы, а не просто выкрикивать: «Как ты?! Все ли живы?!».

— Нас три команды уже, — гордо выдал Ниммей. — Мы лес потихоньку прочесываем, остальных ищем. Я сначала всех найду, а уже потом к замку выведу. А то я ж — не ездовой, только по одному в когтях таскать могу. Вот завтра днем всех и перетаскаю. Упыри — ночные твари, вроде. У нас — точно.

— Ним, тут такое дело... Вас ребята спасать пошли, — спокойствие, главное — спокойствие...

Изысканный набор фраз был мне ответом, недвусмысленно выражающим все, что Ниммей думал по этому поводу.

— Где эти долбоклюи? — выдохшись, поинтересовался он.

— Не знаю, но у них проблемы, и им тоже... жарко, — спокойно, дышим ровно, думаем о хорошем...

— И?! Как мне спасти этих спасателей, чтоб им...

— Не знаю, — горемычно вздохнула я. — Там Медо, Фредо, Робби, Фонзи...

— А, Медо — это хорошо, он — ментал. Правда, ментальная магия здесь почти не пашет, упыри ее перекрыли, твари. Но будем пробовать. Ты же как-то на меня вышла... Ящерица... — последнее слово он произнес с такой нежностью, что я чуть не расплакалась. — Если сможешь с ними связаться, пусть прут обратно в замок, я сам тут всех спасу. И без них помощников под ногами хватает.

— Хорошо, — послушно согласилась я. — Скажу.

— Ну все, ящерица, тут стало очень жарко. Не скучай и будь хорошей девочкой. Я завтра прилечу...

Так, не рыдать, не рыдать! Я же парень... «Крутой пацан», черт! Поэтому, очень медленно, стараясь, чтобы голос не то что не дрожал, а, вообще, звучал спокойно и уверенно, я вкратце пересказала свой разговор и, не обращая внимание на дикое головокружение и усталость, попыталась связаться с Фредо и передать ему всего одну мысль: «Идите обратно в замок! В замок, обратно! Возвращайтесь быстрее, пожалуйста!».

— Рин?!

— Да?! Возвращайтесь в замок!

— Мы не можем...

— Почему?! — так, не паниковать, может, все не так уж плохо.

— Мы наткнулись на команду мелких, они почти все перекусанные... Их надо... — тут я очень отчетливо ощутила, как Фредо внутренне передернуло. — Их надо... Боже, Рин, их надо сжечь! Мелких... Всех...

Наших мелких! Лучше бы выпили, сс... скотины!

Если с Ниммеем я говорила, почти как по телефону, то с Фредо связь была на уровне эмоций, как в прошлый раз. Просто поток ощущений, переживаний, которые уже позже я для себя переводила на язык слов. Поэтому как-то передать, где именно они находятся, у него не получалось — только лес, темно, огненные вспышки от шаров, посылаемых магами огня, защитные нити, опутывающие круг живых, а еще знакомые и, одновременно, не знакомые лица тех, других... за кругом. Тех, кто уже успел примелькаться за неделю в столовой, и тех, кого знал раньше, пересекаясь на приемах, банкетах, балах, днях рождениях и выездах на охоту. Кадры из памяти, кадры сегодняшнего кошмара и внутренний ужас, с осознанием — надо убивать своих! Да уж, действительно, врагу такого не пожелаешь...

Наша не совсем надежная связь оборвалась, но я еще какое-то время молча сидела, приходя в себя. Лишь потом, в очередной раз собравшись с силами, смогла выдавить: «Я все передала». Было дикое желание просто отключиться, вот прямо сидя на полу. Но мысль о том, что кому-то может прийти в голову расстегнуть на мне рубашку... чтобы легче дышалось... сразу взбодрила, прямо до открытия второго дыхания.

— Мне надо к себе, полежать немного, — выдавила я, умудрившись даже встать самостоятельно. — А потом я еще раз попробую связаться с Фредонисом.

— Конечно, лэр Рин, — мужчины уже не ехидничали и посматривали на меня с уважением. Только за что меня уважать? Я ничего не сделала... И... Что я скажу Агате?! Она тут за Адама волнуется, а я ее обрадую еще и тем, что и у Робби тоже... жарко.

Как же тошно то... И голова кружится...

— Так, пацан, ты только в обморок не падай, договорились?! Тут до твоей башни рукой падать. Так что ты уж сам постарайся.

— Угу, — можно подумать, мне самой хочется в этот обморок. Удобно, конечно. Ничего Агате говорить не надо будет... Но нельзя. Да и трусливо немного. — Мне на десятый этаж еще потом.

— Ну ты и забрался, пацан. Ладно, по лестнице я тебя, если что подниму. Через плечо перекину...

— Спасибо тебе, добрый человек, но я лучше сам как-нибудь.

— Как знаешь, шкет, я из лучших побуждений. Слышь, а расскажи, как там у парней дела...

Иех, и вот что я ему должна рассказать?! Что наш спасательный отряд выжигает первую найденную команду?!

Глава 22. Возвращение дракона

В блоке меня уже ждали, взволнованно-напряженный Тимка и Агата, старательно пытающаяся держать себя в руках. Правда, судя по красным глазам, у нее не очень получалось.

— Ну?! Что?! Как там они?!

— Ты себя в зеркало видел? В гроб краше кладут! Пошли, я тебе из столовки ужин забрал...

— Они нормально, — я не стала вдаваться в подробности, пусть Робби сам потом расскажет, что посчитает нужным, когда... если... нет, все же, когда вернется.

А вот слова Тимки об ужине напомнили мне, что есть действительно хочется. Роджер от нас уходить не стал, сказав, что будет работать в качестве связного, если вдруг ко мне в голову снова кто-то залезет.

— Одного тебя, пацан, оставлять нельзя, чуть что — в обморок норовишь бухнуться. Прямо барышня после первого бала. Так что я, если что, метнусь вниз-вверх, народ приведу. А твой брат за тобой присмотрит.

Сравнение мне не очень понравилось, но против правды не попрешь. И в обморок несколько раз собиралась прилечь, и барышня... м-да... А после сытного ужина меня так разморило, что я чуть в гостиной не уснула. Агата хотела сначала дернуться мне помочь, но вовремя вспомнила о конспирации. Чудно бы она выглядела со стороны, отводя чужого парня в его спальню. Поэтому до комнаты меня довел Тимоха, даже подождал, отвернувшись, пока я скину одежду и заберусь под одеяло.

— Если что — ори, как потерпевшая, я прибегу.

— Уговорил, — улыбнулась я и моментально заснула. Чтобы провалиться в... кошмар.

В моих фантазиях, созданных из книг и фильмов, вампиры были мрачно-красивыми разумными хищниками, очаровывающими противоположный пол, завораживающими своим воспитанием, вежливым обращением и гипнотическим взглядом. Сейчас же меня окружали твари... Разумные хищные твари, с голодным блеском в глазах. А еще — руны, в которых пульсировала магия смерти, заставляя этих существ держаться подальше. Невидимые стихийными магами, руны сплетались между собой в сложный узор, и каждый стоящий в круге поддерживал и подпитывал свой кусок паутины. И силы у всех были уже на исходе. Но сдаваться нельзя. Малейший разрыв, и твари накинутся, сожрут или обратят. Если бы

был один... все равно страшно. Страшно стать таким же, как они. Но сейчас за спиной почти шестьдесят человек. Это огромная ответственность, и только она не дает упасть на траву и сдохнуть. Двадцать пять некромантов, три мага огня и один дракон. И бесчисленное число тварей... А впереди — целая ночь. И надо найти еще три команды. Хорошо — есть дракон, который ночью видит, как днем, и может летать. Хорошо — есть целители, правда, совершенно неопытные. Хорошо — есть Робби, который успел их проконсультировать, прежде чем встал в круг. Хорошо...

— Фредо!..

Я так испугалась при виде страшной рожи, возникшей буквально перед моими глазами, что заорала ровно так, как просил Тимоха — оглушительно громко, как потерпевшая. И, пока влетевший в комнату Тимка меня тряс, отвлекая и мешая сосредоточиться, я успела докричаться до Ниммея ради одной короткой фразы: «У некромантов разрыв круга!». Ним умный, он сразу все понял, даже отвечать не стал. А я все же, наконец-то, потеряла сознание. Правда, ненадолго и, главное, в надежных руках. Тут-то Агату никто осудить не мог за ее желание помочь перетрудившемуся пророку... или новоявленному ментальному магу. Ну как по мне, так просто влюбленной дуры, которая в парнях запуталась.

— Робби? — шепотом поинтересовалась она, едва я пришла в себя.

— Жив, — ответила я уверенно, хотя, может именно он и послужил причиной разрыва круга, откуда мне знать? У меня свои страхи... Я как только ту страшную морду вспомню... прямо рядом с Фредо... Так, лучше не думать, не вспоминать, не...

— Адам?

— Не знаю...

Агата тихо застыла, уставившись в одну точку, потом нарисовала над собой очередную руну, и в меня полилась энергия, только она была какая-то... неправильная. Силы возвращались, но вместе с тем хотелось спать, очень... ужасно хотелось спать!

— Я его усыпила на четыре часа, — услышала я сквозь туман. — И можете на меня так гневно не смотреть, лэр Тестаччо. У него полное физическое и магическое истощение. Еще одного такого ментального соединения он мог бы и не пережить.

В следующий раз я проснулась лишь от звонка их местного будильника, подскочила и минут пять тупила в потолок, возвращаясь в реальность. Хотя спала совершенно без снов, но почему-то, открыв глаза, была очень удивлена и какое-то время не понимала, где я. Осознав, что не дома, что все по-прежнему, что кошмар продолжается... едва сдержалась,

чтобы не разрыдаться. Я даже не сразу смогла вспомнить, почему мне вдруг так резко захотелось домой, и лишь спустя несколько минут перед глазами четко всплыла страшная клыкастая морда, хищный взгляд и даже... отвратительный тошнотворно-сладковатый запах из пасти. И... эта морда была последним, что я увидела перед тем, как оборвалась связь с Фредо! Как же я хочу домой... Потерять близкого человека во сне не так страшно, как в жизни. Так, ладно! Вылезаем из-под одеяла и вперед — умываться, просыпаться, на тренировку! Да, главное — на тренировку, и выложиться до пота ручьем со лба... И...

— Дракон! — казалось, закричал сам замок, правда, на разные голоса.

И я, ругая себя разнообразными интересными словами, которых вдосталь наслушалась от друзей брата и значение которых не всегда понимала, принялась быстро натягивать на себя штаны, рубашку, жилетку... носки, черт! Нет, вот чего мне приспичило валяться в постели, вместо того чтобы одеться чуть пораньше?! Вот, а теперь бегом, сбивая в дверях Тимоху и Агату, мимо Чезанно, не понятно что делающего в нашем блоке... Наверное, сменил на посту Роджера, судя по тому, что тот отсутствует... Куда бежать-то? К воротам или на крышу? На крышу ближе...

— Он приземлился у ворот, — нагнал меня Тимоха.

— Откуда знаешь? — я скакала вниз, буквально через три ступеньки, пару раз Тимка успел поймать меня за воротник в последний момент. Пришлось замедлиться, а то сломаю себе шею. Довольно оригинальная смерть, примерно настолько же, как убиться плеером.

— По крикам ориентируюсь, — хмыкнул Тим. — Прислушайся.

Я кивнула, после чего уселась на перила и съехала вниз. Здорово! А, главное — быстро.

— Рин, ты спятил, да?! — Тимоха повторил мой эксперимент и чуть не врезался в стену. Понятно, метод не такой уж и безопасный. Воздержусь, пожалуй. Все равно уже третий этаж... А теперь во двор и через шестой корпус к выходу... и бежать... забыв обо всем! А в последний момент вспомнить — я не могу повиснуть на шее у уже обернувшегося в человека Ниммея. Не могу!.. Парни так не делают!

— Как ты тут без меня, ящерица моя?

Так... Крепимся. Размазываем слезы кулаком по лицу с самым независимым видом, чтобы никто, кроме него не видел. Почему у меня такое чувство, что я его предала? Ведь ничего не обещала! Он даже не намекал, что я ему нравлюсь. Но вот... Почему-то эта «ящерица моя», как ножом по сердцу, и что с этим делать?

— Да так, скучно, — я даже попыталась улыбнуться, вспоминая все события последних дней. — Скукотища...

— А-а-адам!

Я резко развернулась и увидела Агату, подбежавшую к двум телам, которые целители левитировали в замок. А я тут стою, драконом своим люблюсь и ничего не замечаю.

— Они живы? — я обернулась к Ниммею, потому что мне почему-то хотелось смотреть только на него. На его лицо, которое сейчас ничем не напоминало лицо дворового мальчишки Славки, хотя веснушки остались на месте. Но я уже видела перед собой молодого мужчину, решительного, уверенного в себе и с соответствующими характеру плотно сжатыми губами, волевым подбородком, высоким лбом, длинными бровями... Даже курносый нос как-то неожиданно вытянулся и стал обычным, прямым, лишь с чуть более округлым кончиком. А зеленые с рыжими искорками глаза смотрели на меня внимательно, с трогательной заботой.

— Да, иначе я бы не притащил их сюда, — едва заметно промелькнула грустная улыбка, которая тут же исчезла: — Там в лесу уже целое кладбище. Потом надо будет огородить...

И, увидев, как я бледнею, Ниммей тут же перешел на деловой тон:

— Значит так, пока я летаю за следующей партией, приготовьте здесь что-то типа... плотной ткани, сильно натянутой, чтобы я мог просто снижаться, скидывать и лететь обратно. Поняла?

Я кивнула.

— Все, ящерица, руководи и жди меня. А, да! Маг твой жив. Нормальным парнем оказался.

— А Робби? — я вспомнила про Агату и обернулась в сторону ворот замка. Конечно, она уже давно ушла в лазарет, за Адамом. — Фонзи?

— Наши все живы, — успокоил меня Ниммей и вдруг начал плавно меняться, его облик словно расплывался. В какой-то момент я четко видела парня на фоне сильно расплывчатого тела дракона. Затем — дракона и расплывчатое тело парня. Наконец, остался только дракон. И у меня в голове загромыхал голосом Нима:

— Улет! Только ради выражения твоей мордочки стоило так выпендриться. Правда, круто?! Ладно, я за следующими, делайте багут!

Проводив взглядом огромного красно-рыжего дракона, я обернулась к стоящему неподалеку лэру Фальтмосу. Он почти сразу понял, что именно надо сделать. Материализовал нужную ткань и затем вместе с деканом Гальторе, создал под ней плотную надежную воздушную подушку. Успели как раз вовремя — крылатая тень накрыла, ветер растрепал волосы, жар

согрел кожу, и тут же все снова просветлело. А на ткани — двое студентов-первокурсников.

— Ринка, еще три ходки будет, остальные сами идут в сторону замка.

Я кивнула, как будто он мог меня увидеть, и отчиталась первому попавшемуся мне на глаза мужчине, вроде какому-то завкафу. Когда последняя пара, удостоившихся быстрой доставки в замок, была отлевитирована в замок, я уселась у ворот, прямо на землю, и уставилась на дорогу. Гипнотизировала я ее минут десять, точно. Потом вздохнула, встала, отряхнулась и наткнулась на Тимошку, стоящего рядом.

— А я думал, ты тут так и будешь сидеть, пока они не вернутся, — с сочувствием в голосе выдал он.

— Глупо, — горестно вздохнула я, хотя у меня было именно такое желание, оно до сих пор не прошло, но ведь, и правда — глупо. — Мне надо умыться, позавтракать, потом доползти до аудитории...

— Занятия на сегодня отменили, — расстроил меня Тим. И на чем мне тогда сосредотачиваться? Надо срочно придумать себе дело, а то с ума сойду от ожидания.

— Природниц пристроил? — вспомнила я внезапно.

— Да, в один блок всех запихали, выдав им дополнительную кровать.

— Угу, — мы уже шли по коридору в сторону пятого корпуса, в столовую. Только надо не забыть зайти в ближайший туалет и умыться. Наверное, в зеркале будут ужасы показывать... А он... «Ящерица моя!»... А я... Уф!

Так, Ниммей, конечно, герой, и парень классный, но тут много классных парней! И что? Если каждый начнет меня «своей» называть, я за каждого переживать буду? Фредо свои намерения озвучил, с Эззелином расстался... Надолго или нет — не важно. И то, что он во мне видит парня — сейчас тоже не важно. Да, для него я — парень, за которым он ухаживает. Пусть лишь для того, чтобы затащить в постель... Да, обидно звучит, но ведь вполне возможно, что Эззи прав. Но, главное, Фредо — ухаживает! Стихи читает, птичек показывает... А этот... Или, раз он — дракон, я должна растечься лужицей? Все, короче! Не стыдно ни капельки! Пусть тоже напряжется и поухаживает...

Так что я спокойно умылась, внутренне молясь всем здешним богам, чтобы все кто сейчас движется к замку дошли до него без потерь. Фредо, Робби, Фонзи... Все, даже Пэтро, про которого я так и не спросила. И, обязательно, Демо и Медо... И... Короче, все! Пожалуйста... Так же спокойно я позавтракала среди шумно галдящих младших курсов и напряженно выжидающих — старших. Странно, но складывалось

ощущение, что о моих способностях знают лишь избранные, а не вся Академия. Похоже, Роджер умеет держать язык за зубами. Когда я, с отсутствующим выражением, совершенно далекая от всего происходящего, вливала в себя компот, как раз именно Роджер ко мне и подсел. Вместе с Чезанно и Мистером Икс... как же его, на самом деле?.. Ксирономо и еще одним парнем. Вроде именно он ругался на то, что Фредо любит себя героем выставлять.

— Слышь, пацан, чего дракон сказал? Наши в норме?

Я кивнула:

— С Фредо, Фонзи и Робби точно все в порядке.

— Отлично! Не самоубился, значит, — с облегчением пошутил Роджер.

— Удивительно, — фыркнул незнакомый парень. — Может, поумнел?

И посмотрел на меня как-то странно, с интересом и уважением. Как будто это я была причиной поумнения Фредо.

— А, вообще, жертвы есть? — судя по серьезному лицу, задавшему этот вопрос Чезанно было не до смеха. Правильно, мне тоже. Хотя я часто замечала, даже за собой, желание пошутить в самый неподходящий момент. Но обычно получалось или цинично, или плоско, или просто не в тему выходило.

— Есть, — с грустью призналась я, вспомнив вчерашний вечер и переживания Фредо о команде обращенных первокурсников. Надеюсь, больше одновременно столько жертв разом не было. По моему молчанию все поняли, что говорить я об этом не желаю, и оставили меня в покое. Между собой у них разговор тоже не очень клеился — сразу было понятно, что переживают за своих. Да и не за своих, наверное, тоже.

— Я пойду Агату с Адамом навещу, — обрадовалась я неожиданно возникшей идее. Дело! У меня есть дело. Навещу, выясню как он, может, за завтраком для Агаты схожу или просто отпущу ее в столовую, а сама посижу с Адамом. Тем более там еще и Борхэль...

— Точно, пошли шкетов навестим, — воодушевился Роджер. Им всем, наверное, тоже было тоскливо просто сидеть и ждать.

Может, и зря занятия отменили? Хотя учиться в таком состоянии тоже невозможно. Вот тренироваться — самое оно. Не зря вчера ректор со своим другом фехтованием занимались, ох, не зря. Не магией дрались, а именно на шпагах. Красиво, кстати.

«Шкеты» выглядели уже более-менее здоровыми. Впечатление самой больной производила Агата с темными кругами, делающими ее глаза еще больше и еще чернее. А вот шикарная черная коса будто потускнела, лицо

побледнело и осунулось. Короче, я даже ее спрашивать не стала, просто молча развернула лицом к выходу. Чезанно, входивший в лазарет последним, развернулся и, буркнув: «Я прослежу», отправился в качестве сопровождающего. Черт, я же забыла, что тут женщинам прогуливаться без мужской компании не то чтобы опасно, скорее, по статусу не положено.

Тимка, посмотрев, как я с задумчивым лицом провожаю эту парочку, подошел поближе и слегка хлопнул меня по плечу:

— Скоро Робби вернется, и ей полегчает.

— Надеюсь, — буркнула я и подошла к кровати Адама. М-да, это я издала решила, что он выглядит здоровым. Вблизи этот золотоволосый эльф тоже пугал своей бледностью и заострившимися чертами лица. Хотя при виде посетителей попытался сделать вид, что у него все прекрасно.

— Ты как?

— Если поставить себе цель искать во всем только хорошее — жив, здоров, и даже есть шансы на восстановление магических сил, — хмыкнул он. А потом вздохнул и добавил: — Но, если честно, пока это хорошее воспринимается через призму плохого, и радоваться ему не получается.

— Рин, ты представляешь, я видел живых вампиров! — обрадовал меня с соседней койки Борхэль. — Видел и выжил! И Адам — выжил! Так что ты его не слушай, у нас все отлично, мне даже попрактиковаться в комбинировании рун с разной магией удалось! А Ниммей — это, вообще, что-то с чем-то! Пока Демо узоры выписывал, он как дыхнул!.. И сразу с десяток кровососов углями замертво! Но потом сказал, что лес жалко — спалит к...

— Едрене фене, — подсказал Адам.

— Да, я решил, что это заклинание такое! — игнорируя мои переглядывания с Тимкой, продолжил восхищаться Борхэль. — Специальное, драконье. Но мне его никак не выучить.

— Эм-м-м, — начала я, но Адам посмотрел на меня суровым взглядом, и я тут же заткнулась. Пусть будет заклинание, мне что, жалко?

Я вот как раз вспомнила начало разговора и решила уточнить:

— У тебя пока магическое истощение, да?

— Да, слегка увлекся при виде такого огромного количества возможностей попрактиковаться, — хмыкнул Адам и кивнул в сторону остальных: — Мы тут почти все с этим диагнозом. Разве можно устоять, когда столько различных вариантов применить теоретические знания.

— Да, пацаны, впечатлений у вас лет на сто вперед, — констатировал Роджер.

— Точно! Адам, вообще, такое пережил, — принялся опять бурно

делиться Борхэль: — Он же сознание потерял, когда из круга зачем-то вышел... И вокруг него сразу толпа этих упырей, жуть жуткая! Я бы от страха умер...

— А я без сознания был, — хмыкнул Адам. — Так что переживали все, кроме меня. Очень удобно!

Глава 24. Второе пророчество

Пока мы шли к нашему блоку, Ниммей аккуратно так, но с пристрастием, принялся выпытывать у меня обо всем, что случилось за время его отсутствия.

— Как дуэль прошла?

— Отлично, Агата придумала, как сразаться целительной магией.

— И как?

Я с воодушевлением рассказала, как именно, потому что была чиста, как снег в горах.

— А потом?

— Что потом?

— После дуэли.

— А... Ну потом... А! Потом мы к природницам пошли.

— Зачем?

Я похвасталась о том, какая я активная, сообразительная и...

— То есть потом ты одна пошла домой?

— Ага...

Ниммей внимательно посмотрел сначала на меня, затем на Тимку и снова на меня. От этого взгляда возникло странное чувство, будто отчитывает не посторонний дракон, а старший брат, причем суровый, злой такой, гад рыжий! И я почему-то отчитываюсь! Вместо того чтобы отстаивать права человека. Я — свободная женщина, поэтому сейчас быстро все перескажу, и пусть переваривает.

— Значит так. За мной начал ухаживать Фредо. Это не понравилось его парню. И после успешной тренировки по взаимодействию антимагии, он спровоцировал меня на драку, а затем попытался устроить магическую дуэль. За это его и Фредо высекли, розгами, при всех. После этого Фредо с ним расстался и продолжил за мной ухаживать. Ну а потом пришли ангелы и принесли свою книгу с пророчествами.

— А тебе?

— Что мне? — я даже опешила от краткости реакции на мой длинный монолог.

— Тебе нравится, что Фредо за тобой ухаживает?

Фраза звучала подозрительно, и как на нее правильно отвечать, я не знала. Главное, она опять же была, скорее, в духе старшего брата. Может, Ниммей именно так ко мне и относится, а я тут себе напридумывала

лишнего?

— Он ухаживает за мной, как за парнем. Но делает это красиво.

Я вспомнила наше ночное катание с Фредо на воздушных горках и почти инстинктивно потерла руками плечи в тех местах, где их проткнули когти дракона.

— То есть тебе нравится сам процесс?

— Нет, почему, мне и Фредо нравится, иначе бы процесс не нравился. Просто он мне нравится...

Я задумалась, пытаюсь найти подходящее разъяснение и ничего лучше сравнения с книгами не придумала.

— Вот представь, ты прочитал уже множество интересных историй и вдруг начинаешь читать такую... просто совсем замечательную! И, при этом, где-то на середине прочтения у тебя начинает зудеть мысль, что, возможно, где-то неподалеку есть еще другие такие же, а может, даже лучше. И вот ты сидишь и не знаешь, дочитывать до конца или отложить в сторону.

— Во, ты улетный философ, ящерица! Мой мозг превратился в шкварки от усилий понять метафору. То есть ты не знаешь, хочешь ли читать дальше книгу про Фредо. Тебя на середине вынесло из сюжета, и ты переживаешь, мало ли вдруг концовка не понравится, так?

— Да, — я непроизвольно улыбнулась. — И потом, эта книга принадлежит другому и... Она думает, что ее читает не тот, кто читает на самом деле, вот!

— Я слишком много выпил, чтобы вписаться в этот поворот. Ща... — Ниммей тряхнул своей гривой, переглянулся с ухмыляющимся Тимохой и резюмировал: — Короче, книга про Фредо зачитана и рассчитана не на читательниц, а читателей! Улет, я гений! Предлагаю выкинуть ее с полки, тем более теперь, когда я вернулся.

Преображение из старшего брата-следователя в друга произошло не то чтобы совсем внезапно, но все равно несколько резко... Вот только что на меня смотрели трезвым взглядом с внимательным изучающим прищуром, и вот передо мной привычный Ниммей, дурачащийся и слишком уж демонстративно делающий вид, что слегка перебрал с выпивкой.

— Пожалуй, я ее оставлю и буду полистывать время от времени, когда будет соответствующее настроение.

— Как знаешь, — дракошка фыркнул, скорее с ехидством, чем с недовольством, и самоуверенно заявил: — Я позабочусь, чтобы тебе было некогда отвлекаться на всякие измусоленные чужими лапами книжки. У тебя рядом, в соседней комнате, ценный фолиант!

— Это ты, что ли? — тихо рассмеялась я.

Громко веселиться в погруженной в траур Академии было не очень прилично. Но и оставаться серьезной — не возможно.

— У нас скоро не блок, а музей будет. Над Ринкиной дверью — золотая поварешка просветления, а в одной из комнат — рыжий фолиант в веснушках, — поддержал мой тихий смех Тимоха.

— Правильно оформленная пещера дракона, — хмыкнул Ним. — Только принцесса у нас в штанах рассекает. Надо ее переодеть...

— Только попробуйте, я вам той самой золотой поварешкой по лбам военный марш настучу!

— Тим, у нас не принцесса, у нас деспот-узурпатор! — Ниммей показал мне язык и поскакал вверх по лестнице. Я сначала рванула вслед за ним и лишь на пятом этаже осознала, что не только не задыхаюсь при подъеме, а практически бегу. Нормально я так себе дыхалку прокачала! А ночью Ним пришел ко мне, молча укутал меня в мое одеяло, как в кокон, запинал к стенке, сам улегся рядом, накрылся своим, которое принес с собой...

— Спи!

Буркнул, уткнулся носом мне в затылок и почти мгновенно уснул. И я, когда волна накрывшего меня офигения схлынула, тоже уснула. Мне было хорошо, тепло, уютно, надежно и...

— Я сломаю этот гребаный звонок! Огнем на него дыхну! Разнесу...

— К едрене фене, — подсказала я, потирая практически оглохшее ухо.

— Точно, секешь фишку...

Мы выползли вдвоем из комнаты, чтобы наткнуться на Тимку.

— И ты Брут! — пафосно объявил тот, глядя на Нима. — Или ты Ринку так от Фредо охранял? Так он вроде еще в блок без стука не вламывался.

— Я замок от моих кошмаров охранял. А то дыхнул бы огнем, и все... пепелище. Поэтому лечился по методу Фонзи, с красивой девушкой под боком. Очень хороший метод, мне понравилось. Девушке тоже, — и этот засранец взял и шлепнул меня по задку. Черт! На фоне ухаживаний Фредо, панибратское отношение Ниммея, как ушат холодной воды после жаркого дня. Пришлось развернуться и залепить подзатыльник, чтобы руки не распускал.

— Ромео из тебя так себе, — зачитал Тимка приговор по выражению моего лица. — Но жить будешь. Ринка добрая.

— Я злая, — буркнула я, но уже заготовленную шаблонную шутку о том, что убью внизу, чтобы труп по лестнице не переть, в последний

момент проглотила. В ближайшее время так шутить не стоит. Да и убивать Нимма жалко — смешной такой, стоит, улыбается, как дурак, и затылок растирает, наверное, чтобы шишки не было. Залепила-то я от души...А потом мы спокойно пошли на тренировку, даже Ниммей. Затем привычно взяли штурмом столовую, чтобы позавтракать. Еще стоя в очереди на раздачу и крутя головой по сторонам, я обратила внимание, что первокурсники старались теперь разделиться не по факультетам, а по командам. Пусть и не полным.

Странно, но парни из команды Ниммея к нам подходить не рискнули. Лишь Пэтро помахал рукой, и все. Хотя мы пришли попозже, и по местному этикету это мы должны были к ним подсесть, а не они к нам. А мы не захотели и плюхнулись со своими подносами отдельно. Кстати, раньше я как-то не заостряла на этом внимание, но сейчас, приглядевшись, отметила, что покомандное разделение начиналось не с шестого, как мне вчера показалось, а с пятого курса. А вот более младшие еще крутились везде учебными группами. Так и тянуло диагностировать: «Пороха не нюхали». До сборов первокурсники выделялись, напоминая восторженно-неугомонные стайки воробушков или, наоборот, расхаживали по коридорам как павлины, раздуваясь от собственной важности — поступил, достиг, проник, учусь... Сейчас же они очень четко разделились на тех, кто пороха нюхнул и резко повзрослел, порой даже слишком. И тех, кто на сборы не попал и остался прежним.

Участвовавшие во вчерашней пьянке шестикурсники начали вползать в столовую уже тогда, когда мы доедали. С Фредо мы, вообще, столкнулись в дверях, и от его: «Доброе утро, Рин», у меня привычно замерло сердце, а душа ухнула в пятки. Но я уже научилась воспринимать это как естественный процесс, с которым следует смириться и не обращать на него внимания. От кофе — бодрит, от сыра — крепит, а при встрече конкретно с этим парнем у меня временный паралич тела и мозга. Тем более в наличии заметный прогресс — раньше я на несколько минут отупевала, теперь пара секунд, и я готова ответить: «Доброе утро, Фредо». И довольно улыбнуться, заметив, что мой голос обладает таким же парализующим эффектом. Пустяк, а приятно. А потом мы разошлись по своим аудиториям. И я едва удержалась от радостного повизгивания при виде строгого сурового лица моего замечательного преподавателя.

— Приятно, что вы так по мне скучали, студент Рин, — Демо даже улыбнулся, глядя на меня. — А теперь, вместо взаимных объятий, порадуйте меня демонстрацией своих успехов. Судя по отчетам моих заместителей, у вас они иногда встречались.

— Заместители или успехи? — не удержавшись, съехидничала я.

— Заместители с вашими успехами, — Демо снова скупно и быстро улыбнулся и тут же опять стал суровым и серьезным: — Давайте, студент Рин, начнем с охранного огненного круга. Очень полезная вещь для выживания оказалась.

Иех, черт! Всяким лирическим развлечениям пришел конец. Теперь в нас будут впихивать исключительно боевые руны — защита и нападение. Причем первого будет во много раз больше.

Круг с катающимся огненным шариком Демо оценил, и то, что у меня опять не получилось снять его мгновенно, а пришлось повозиться минут десять, уговаривая собственную магию заканчивать веселиться — тоже не преминул отметить. Но, кроме меня, у него было еще девятнадцать студентов. И каждый, по очереди, «порадовал» вернувшегося преподавателя своими успехами. Кто-то по настоящему, а у кого-то несурезица зигзагообразная, вместо охранного круга получилась.

После этого мы пошли в зал для практики, и Демо, отобрав самых безнадежных, принялся натаскивать их. А остальным поручил самостоятельно работать над ошибками. Моя магия, увидев, что капризничать и выделываться не перед кем, сразу расстроилась и стала слушаться. Так что где-то на десятом повторе я заскучала и начала обдумывать, как бы себя, любимую, развлечь. Даже к Демо подошла, попросив задание посложнее. Ну он честно и усложнил, кивнув в сторону Тимки и сказав, чтобы учились работать в паре. И тихо веселился, гад, когда мы, ожидаемо, ступили, создав сначала пылевой вихрь, а потом уже огненный.

Нос, глаза, уши, волосы... Все было в пыли. Чихали мы на весь замок, и глаза пришлось бежать в туалет промывать, потому что очищающие руны не помогали. А на обратном пути уже знакомый спокойный голос ректора как-то так буднично объявил новое пророчество: «Когда прозреет глядящая во тьму, чтобы явить миру свет, и избранные шагнут за ней в огонь».

— Глядящая во тьму — это слепая, что ли? Так тут таких вроде нет, — задумчиво растрепал свою шевелюру Тим.

Странно, но в коридорах по-прежнему было пусто, никто не стал прерывать занятия. Все делали вид, что ничего удивительного не случилось. Подумаешь, очередное пророчество... Чего переживать? А мне вот стало беспокойно, потому что непонятное не люблю. И фраза: «избранные шагнут за ней в огонь», мне абсолютно не понравилась!

— Пойдем-ка, навестим «женский отряд»? Предсказание, явно, не о парне.

— Ага, оно может быть о тебе, — недовольно буркнул Тимка.

— Это еще почему? — искренне возмутилась я.

— Дык это ты у нас была нормальной, а потом раз и начала с Ниммеем и Фредо разговаривать.

— Я разговаривать начала, а не...

Вот ведь, убиться плеером! Точно! Я же и видеть начала... И принялась нести миру... свет... глядя в ночную тьму. Черт!

— И чего теперь делать? — с тоской в голосе поинтересовалась я у Тимки. — Какие избранные за мной в огонь шагать будут? А если они не выживут?

— Спички детям не игрушка, — буркнул Тимоха. — Огонь не устраивай вокруг, и все будет хорошо.

— Да как его не устраивать, если мы на занятиях с тобой уже много раз туда и обратно через мой огонь шагали!

— Пошли, короче, Ниммея искать. Других здравых мыслей у меня нет. Разве что пойти и объявить всем, что ты — не парень и как раз в пророчество вписываешься, тютелька в тютельку.

Я горестно вздохнула. Сдается мне, что среди администрации Академии то, что я — девушка уже секрет Полишинеля. Но начать, и правда, лучше с Ниммея. Он умный...

— Улет! А я вас ищу!

Мы столкнулись с драконом где-то на середине пути. Напряженный Тимка, пытающийся всю дорогу шутить и веселить меня, облегченно выдохнул. Нет, в истерику я не впадала, но потряхивало меня знатно. Никогда еще не была частью пророчества, да еще такой вот... многообещающей.

— Вы тоже доперли, что это может быть про Ринку?

— Угу, — обреченно вздохнула я.

— Так, ящерица, во-первых — выдыхай. Во-вторых, пошли в блок, посадим тебя в ванну с водой, и будешь там сидеть до вечера.

— А у пророчества есть срок годности? — с надеждой поинтересовалась я.

— Да. Сутки. Я все утро в их библиотеке проторчал, болтая с библиотекарем. Клевый старикан и, главное, это его вторая заваруха, улавливаете? Правда, тут еще есть те, кто на второй круг пошел. Тот же завкаф у целителей, например. Но его раскрутить у меня не получится, а дедок-библиотекарь от моего внимания прямо растаял и столько интересного выболтал... Никаких книг не надо!

Я покивала, немного расстроенная, что сама не додумалась до такого

простого способа получения информации. Вообще, если честно, я и до посещения библиотеки-то не додумалась!

— Кстати, это ты меня своими метафорами на мысль натолкнула, — подмигнул мне Ниммей. — Самому бы мне такая мысль не залетела даже с ветром.

— Да ладно, — засмущалась я.

— Вот тебе и ладно. Библиотека — это последнее место, куда бы я пошел. Ты меня роющим в книжках представляешь?

Я, не удержавшись, хихикнула. С мечом — представляла легко, с книгой — с трудом.

— Ну вот и все, философ... Давай, под ноги гляди, а не во тьму!

Я, конечно, глядела под ноги, но и по сторонам — тоже. Так вот, мы почему-то, вместо того чтобы подниматься на десятый этаж своей башни, вырулили во второй корпус. А затем через общагу воздушников перешли в первый и оказались на выходе из замка.

— Значит так, ящерица, сосчитай до пятидесяти и можешь начинать визжать и кричать о мужском заговоре и похищении среди бела дня, — фыркнул Ниммей, подозрительно понимающе перемигнулся с Тимкой и...

— Мамочка!

— Я же сказал, до пятидесяти считай! — прогремело у меня в голове. — И не дергайся! Я тебя очень нежно когтями обнимаю, так что могу и уронить нечаянно. Ты же первая и расстроишься.

— А куда мы летим? — я рискнула снова приоткрыть один глаз и посмотреть вниз. Очередной вопль вышел уже не таким громким. Привыкаю.

— В пещеру, куда же еще! — заржал Ниммей. — Самовоспламеняющиеся вещества надо держать вдали от людей.

— Но, Ним, если я уже начала видеть свет, вместо тьмы, значит, пророчество уже сбылось?

— Перо страуса им в жопу, а не сбывшееся пророчество, — злобно прорычал дракон. — Ради своей победы молодняк кровососам скормили! Гады... Так что рыбью кость им в горло, а не избранных в огонь. И, раз половина пророчества — мимо, значит, оно вычеркивается. Целиком.

— Но... А если один ты за мной шагнешь? — я снова приоткрыла глаз и в этот раз даже кричать не стала. Красиво там внизу. А наверху — страшно.

— Не шагну. Я — это огонь. Огонь — это я. Мы с ним договоримся.

— Идея о том, что я сутки живу в ванной, мне нравилась больше...

— Поздняк! Я тебя уже спер. Запишаю в пещеру и буду за тобой

романтично ухаживать. Кормить сырым мясом, таскать блестящие огромные предметы...

— Ним, ты — дракон, а не сорока!

Не удержавшись, я рассмеялась.

— И что, мне теперь нельзя таскать блестящие огромные предметы для красивой девушки? Улет! Дискриминация по чешуйчатому признаку?

— Ним...

— Все, ящерица, визжи! Мы садимся...

Глава 25. Главное — не признаваться, какой у нас план!

Визжать я не стала, но страшно было до ужаса. В этот раз Ниммей нес меня, аккуратно обхватив поперек за талию и за ноги, своими закругленными толстыми, как у птиц и выдвигающимися, как у кошек, когтями. И если в первый раз мне не очень понравилось чувствовать, как эти когти впиваются в плечи, то в этот... приближающаяся каменистая гряда обещала массу новых ощущений. Но, слава всем богам и драконам, в последний момент Ним подогнул лапы, и я пролетела над грядой, буквально в десяти сантиметрах. Даже легкую прохладу от камней ощутила. А затем меня осторожно уронили на траву. Я тут же вскочила, обернулась и накинулась на ржущего рыжего гада.

— Ты представляешь, как я испугалась?! А если бы я стукнулась!

— Рин, ну сама подумай, разве бы я дал тебе шмякнуться?!

Сказано это было таким тоном, что мне, и вправду, стало стыдно — как смогла только предположить подобное?!

— Я тебя просто попугать хотел...

— У тебя получилось, — объявила я, плюхнулась на ближайший валун и сделала очень достоверный вид, что надулась. Даже сама почти поверила. Ниммей присел рядом, тихо посидел, потом нагнулся, взял что-то с земли и водрузил мне на ногу. Ящерица. Маленькая, зелено-голубая, с черными глазками-бусинками. Она смешно закрутила головой, потом застыла, посмотрела на меня, на Нима... и быстро шмыгнула прочь, под камни.

— Красивая, — я подняла голову и встретилась взглядом с Ниммеем. Внутри все обмерло, а сердце забило сильно-сильно. Мгновенно вспыхнув, я отвернулась и принялась изучать землю у себя под ногами. Хватило меня минуты на две. Затем любопытство победило, и я снова посмотрела на Нима. В зеленых глазах была непривычная серьезность. Не вчерашняя, суровая, а задумчиво-грустная. Такой дракон меня немного отпугивал и, одновременно, притягивал, как магнит. Я нервно облизнула губы, пристально разглядывая валун, за которым скрылась ящерка. Если рядом с Фредо дыхание перехватывало, то сейчас я, наоборот, дышала глубоко и часто, и... мне хотелось, чтобы он меня обнял... и...

— Посмотри на меня.

Как под гипнозом, я повернулась, отвела глаза в сторону, снова

посмотрела, вновь в сторону... Черт! Ну чего он ждет?! Не выдержав, потянулась и провела подушечкой пальцев у него по губам. Мягкие, теплые, нежные... И едва заметный пушок над верхней губой. А если провести по нижней, то Ним ее смешно надувает, а потом поджимает. Если пощекотать уголок губ, то еще морщится. Смешной, милый, серьезный... Смотрит так внимательно. К нему так и тянет прижаться, чтобы обнял и... Мягкие, теплые, нежные губы прикоснулись к моим. Или мои — к его? Я не очень поняла, кто из нас первым не выдержал, да разве это важно?

Ним пах чем-то сладким, связанным с лесом... смолой! Дракон, пахнувший смолой? А плевать! Я обняла его за шею, отвечая на поцелуй и чувствуя, как внутри вспыхивает огонек желания. Маленький, робкий, неуверенный. Но он разгорается довольно быстро, от жара, исходящего от прижимающих меня со спины ладоней. От стука чужого сердца. От запаха хвои и смолы. От приятного чувства, что я в лесу у костра, а не на холодной каменистой земле. От того, что мне не надо волноваться о том, что найдут под рубашкой его пальцы и губы.

Пуговица за пуговицей... и вот перед ним моя грудь, еще не оформившаяся полностью, но такая чувствительная к его прикосновениям. Особенно когда язык лишь едва задевает небольшую розовую вишенку — прямо разряд тока по всему телу, а от влажных губ и теплого дыхания чуть ниже пупка немного щекотно, и тоже жар сразу от кончиков пальцев на ногах и до щек, пылающих румянцем. Когда же я понимаю, что Ниммией собирается опускаться с поцелуями ниже... еще ниже...

— Тш-ш-ш, — я не успела даже начать вырваться, как оказалась сидящей у него на коленях. Осторожно расправил воротничок моей рубашки, сам застегнул каждую пуговку, потом притянул к себе и прижал. Молча. Крепко.

Сидели мы так долго, очень долго. Мне было хорошо, спокойно, уютно. Едва возникшая паника уже давно исчезла, и, если бы он сейчас повторил попытку, возможно, я бы рискнула зайти дальше. Но Ниммией не повторил. Погладил меня по волосам, поцеловал в макушку, улыбнулся, когда я посмотрела ему в лицо.

— Обедать уже давно пора. Ты тут без меня похозяйничай, а я слетаю, поймаю что-нибудь съедобное.

— Ним...

— Все, не дрейфь, я быстро — одно крыло здесь, второе — там. Даже чихнуть не успеешь.

— Ним...

— Я четыреста семьдесят три года Ним, — фыркнул дракон и

легонечко щелкнул меня по носу. — Сиди в пещере и не высовывайся. Если вдруг чего, звони мне в голову, я тебя в белый список внес.

Он уже обращаться начал, когда я, разозлившись, что меня игнорируют, повисла у него на шее и чмокнула, то ли еще в человеческие губы, то ли уже в драконью морду. И на этой морде появилась довольная Ниммеевская ухмылка. Главное, пока он был со мной, мне было хорошо и спокойно, но едва огромная тень скрылась из моих глаз — накатил ужас. Именно ужас, а не глупая легкая паника на тему того, а тому ли я собираюсь отдать самое дорогое... Дураку ясно, что тому, просто он как-то слишком быстро к этому дорогому полез. Причем, как в буквальном, так и в фигуральном смысле. Где? Где ухаживания?! Цветы, конфеты, рассказы о птичках?! Где?!

Героический подвиг по спасению большинства первокурсников и отряда некромантов достоин увековечивания в анналах Академии, но к моей девственности это никакого отношения не имеет. Да и... Даже если бы у меня кто-то и был до него, все равно — не повод. Хочу цветы, конфеты и птичек... Где он там летает так долго?! И почему мне тут так страшно? Мысли в голову лезут дурацкие... Я же ведь даже не знаю, в какой стороне Академия. И смогу ли я отсюда спуститься, вообще? А вдруг тут змеи водятся?!

Черт! Как-то в подростковом возрасте залезла с друзьями в большую темную пещеру, и змеи — это было последнее, что меня тогда волновало. Почему же сейчас так страшно? Из-за валуна выскочила уже знакомая мне ящерица, нагло взбежала по моей ноге, устроилась на коленке, прикрыла свои глазки-бусинки. Наглое земноводное! Но удушающий страх затих, спрятался. Стало любопытно, что будет, если я поглажу эту нахалку...

— Лови!

И со мной рядом упал трупик какого-то животного, больше всего похожего на козу.

— Придурок! А если бы мне по голове копытами... Или того хуже, рогами! — возмутилась я.

— А визжать не будешь? — с откровенным разочарованием в голосе поинтересовался уже обернувшийся Ниммей. — Иех, надо было пантеру хватать, над той ты хоть поубивалась бы. Девчонки любят кошек...

— Над козой я убиваться не собираюсь, но и готовить ее не умею, — понятное дело, что как только с неба начали падать драконы и козы, ящерица от меня сбежала. Но и страх вместе с ней.

— Улет! И что ты за принцесса, если козу своему дракону приготовить не можешь? — заржал Ним. — Может, сменить тебя на другую, как

думаешь?!

Так, вот теперь я уже всерьез решила обидеться, но Ниммей подхватил меня на руки и чмокнул в губы, быстро, словно мазнул, но при этом рожа у него была хитрая-хитрая.

— Не дуйся, желтоклювик, у драконов с парами все очень запутанно, так что ты еще очень неплохой вариант, придется терпеть. А тебе придется лопать стейк из козлятины. Деликатесное мясо, секешь?

— В смысле «запутанно»? Что значит?..

— Ящерица, вместо того, чтобы глупые вопросы задавать, держи эту тушу за рога...

У Ниммея была интересная способность, которой я не видела ни у одного из оборотней нашего мира — частичный оборот. Он просто сделал из своего пальца коготь, острый такой и орудовал им, разделявая несчастную козу. А потом мы с ним пошли к журчащему неподалеку ручью — мыть мясо и выполаскивать его от жира. Там же Ним сломал толстую ветку, которую использовал как шампур...

— Романтический обед, плавно переходящий в ужин! Налетай! — объявил он, наконец.

Я к этому времени уже устала крутиться рядом, даже сходила искупалась. Причем разделась полностью, совершенно не стесняясь изредка оглядывающегося на меня дракона, и была очень разочарована, когда обнаружила, что он не кинулся вслед за мной сломя голову. Этот гад продолжал сидеть на берегу и жарить козу! Нет, с одной стороны, приятно, когда так ответственно подходят к твоему питанию. А с другой... Он же не домовой, в конце концов! Мог бы и поплавать со мной немного.

Натянув лишь трусы и накинув на плечи рубашку, я уселась у костра, вся такая провокационно загадочная и соблазнительная. Так и сидела, пока он в свою козу не наигрался... Интересно, как надо правильно соблазнять мужчину, который совсем недавно пытался соблазнить тебя, но ты его немного отшила? Ведь это уже просто дело принципа! Он меня хотел, я видела... и чувствовала, между прочим. Внушительное такое «между прочим»... А то, что я испугалась — простительно. Не каждый же день... И вообще, это всего лишь раз в жизни, ответственный шаг... Черт! Да просто тупо страшно — в одних книгах все происходит легко и просто, в других — боль или неприятные ощущения, как минимум. Опять же... а если он после всего случившегося от меня отвернется? И ухаживания...

Как же это тяжело — выбирать!

А коза по вкусу очень напоминала баранину, только была чуть более жесткой. Но, учитывая, что солнце уже садилось, сильно привередничать

не было ни сил, ни смысла. Так что сидела себе тихо, жевала наструганное и приправленное какими-то травками горячее мясо, запивала водой, из слепленных Ниммеем «на скорую руку» кружечек... Вылепил из мокрого песка, как из пластилина, потом дыхнул на них огнем и готово. Магия. Шкуру этой несчастной козы Ним тоже как-то хитро обработал, магически-ручным способом. Она даже пахнуть стала, как он — смолой и лесом. И в эту шкуру завернули меня, обернули ею полностью и еще обняли покрепче, чтобы уж точно не замерзла.

Половину суток мы продержались...

Я уже почти заснула, как в мою несчастную голову полились чужие эмоции. Основная — волнение за меня, потом — про какую-то ясновидящую, прозревшую четко в соответствии с пророчеством: спала себе, в темноту глядела и вдруг ее белым ярким светом ослепило. Причем не только зрения лишило, но и разума... Хотя какой у женщин — разум? Но эта совсем сбрендилась... И дальше я просто увидела яркую такую картинку — та самая девица, от которой не так давно шараялся Чезанно, напуганная, в одной ночной рубашке. И вокруг — огненный круг! В котором, кроме нее — еще трое. Две таких же напуганных, дрожащих, прижавшихся друг к другу. И в центре — настоящая фурия со страшно белеющими глазами без зрачков.

— Ним! Мы все не так поняли!! Летим обратно!

Всю дорогу меня просто трясло и от холода, потому что ночи здесь действительно не жаркие, и просто знобило, потому что резко выдернули из сонного состояния, а организм этого не оценил, и от страха, что не успеем. Еще и ветер хлестал меня по лицу, как я ни пыталась отвернуться, потому что дракон мчался вперед изо всех сил. Подлетели мы практически в самый последний момент, когда Чезанно, откинув в разные стороны удерживающих его парней, уже был буквально в шаге от огненного кольца. И, судя по плотно сжатым губам, нахмуренным бровям и, главное, решительно-отчаянному взгляду — шагнул бы в огонь... Но не успел. Даже не приземляясь, со мной в когтях, Ниммеем резко вдохнул в себя горящее вокруг фурии пламя и... оно исчезло.

— Улет! Что, у магов воды водокачка сломалась?

Примерно этот же вопрос мучил и меня, пока я приводила себя в порядок под пристальным взглядом стоящего в первых рядах Фредо. Он был одним из тех, кто пытался удержать Чезанно, снова сделавшего вид, что в упор не видит девушку, ради которой только что готов был рискнуть своей жизнью.

— Не брала этот огонь вода, — пояснил кто-то из парней. — Ни одна

магия его не брала.

Странно, но толпа во дворе была не такая уж и большая — не вся Академия. Только взрослые ее представители, да и то не все, и шестикурсники. Остальные толпились вдоль окон, и, осознав, что спектакль закончен, принялись потихоньку расходиться. Трех бывших заложниц и фурию тоже достаточно ловко и незаметно увели целители.

Фредо ко мне подходить не стал, ушел вместе с остальными, вслед за Чезанно. Ниммей о чем-то секретничал с ректором, Мухобоем и лэром Рудольфом Кандейлла, завкафом огненного факультета. Тимка упорно отстаивал свое право светить рожей в окне, раз во двор не пускают, и ждал нас. А мои плечи мягко укутал теплый плед. Обернувшись, я наткнулась на серьезное лицо Демо.

— Ваш брат сказал, что у вас резко прихватило живот, студент Рин. А вы решили просто провести романтический вечер со своим любовником?

Сил гордо швырнуть в него пледом у меня не оказалось. Плед был такой теплый, а я такая замерзшая...

— Или захотелось спасти замок от ясновидящей, а ею, внезапно, оказались не вы?

Ничего более умного, как застыть с оскорбленным выражением лица я не придумала.

— Я знаю о вашей связи с драконом, студент Рин, — немного ехидно хмыкнул Демо, подчеркивая двусмысленность фразы. — Но ведь в замке не было ни его, ни вас. Кто же вам сообщил, что нам опять нужна помощь вашего друга?

— У меня здесь остались еще... связи, — я едва сдержала улыбку. Странно, но я даже соскучилась по этому вежливому язвительному обмену колкостями.

— А вы не боитесь запутаться в таком количестве... связей... студент Рин?

— Боюсь, — честно призналась я. — Но вы же помните, я очень не люблю разочаровывать красивых молодых людей.

— Позвольте напомнить мой совет, студент Рин. Я очень рекомендую научиться кому-то отказывать, оставляя его разочарованным, или вам будет очень тяжело сидеть во время лекций.

— Спасибо, лэр Демо. Но тогда бы мы не успели прилететь вовремя. Так что в моих слабостях — моя сила.

— Главное, не сильно расслабляйтесь, студент Рин. От этого иногда рождаются последствия...

Вот и поговорили. Вот и... «студент Рин»... Черт! По-моему, уже вся

академия, кроме Фредо, в курсе что я — девушка! Причем, такая, немного гуляющая... Ну и ладно! Что мне теперь листовки всем раздавать с текстом: «Я не такая! Я даже дракону сегодня отказала!»? К тому же о последнем я, если честно, немного жалею. С другой стороны, как по мне, так рядом с цивилизацией девственности лишаться удобнее.

С чувством выполненного долга я приняла горячий душ, пожелала сонному Тимохе и загадочно улыбающемуся Ниммею «спокойной ночи» и улеглась в теплую, мягкую, уютную кровать! Как и ожидалось, вскоре ко мне заявился дракон со своим одеялом и даже подушкой. Никаких поползновений он не делал, просто пристроился сзади, обнял, поцеловал в плечо и сонно прошептал: «Спи, ящерица!». Не знаю, что там снилось рыжему гаду, а мне всю ночь снился он... Его губы, то напористые, то податливые, его руки... его зеленые-зеленые глаза... которые под утро, почему-то, превратились в черные.

Резко проснувшись, я какое-то время полежала, вспоминая взгляд Фредо — сначала облегчение, что я жива, а потом... Разочарование? Недоумение? Обида? Буря разных противоречивых эмоций. Ясно было только одно — то, что я явилась поздно ночью, в когтистых объятиях дракона, ему абсолютно не понравилось. Ну и пусть? Я же уже выбрала? Или?..

Утром, в столовой, мы лишь обменялись приветственными кивками. Но, может быть, это не потому, что все кончилось, а просто из-за того, что опять столкнулись в дверях? А не улыбнулся он в этот раз, потому что не выспавшийся... И... Почему меня, вообще, все это должно волновать?! Я не настаивала, чтобы он расстался с Эззелином, — он сам решил. И... Почему я себя последним дерьмом чувствую от того, что мне хорошо с драконом? Может быть потому, что и с драконом все очень непонятно? Ну спит он рядом со мной вторую ночь, и что? Что дальше-то?!

Окончательно запутавшись, я нашла оптимальный выход. Просто делать вид, что ничего не произошло. При встречах в столовой болтать со всеми ребятами, переглядываться с Агатой, улыбаться Робби. Беззлобно ехидничать над Роджером, который ежедневно посещает тренировки, устраиваемые теперь природницами для всех желающих, и упорно сражается только с Каджисо. Сидеть рядом с Ниммом, улыбаться его шуткам и искоса поглядывать на молчаливого Фредо.

Неделя. Так прошла неделя! Убиться плеером... Даже ангелы со своими пророчествами о нас как будто бы забыли.

А Ним спать ко мне приходиться перестал. Просто был постоянно рядом, отпугивая поклонников... поклонника, и вел себя в лучших традициях

собаки на сене: «И сам не ам, и тебе не дам!». Я уперлась рогом... козым... и никаких встречных телодвижений делать не желала! Требования были оглашены не раз — ухаживания, конфеты, прогулки под луной. Только за героизм, незаменимость и отменное чувство юмора — не подаю!

Ну и Фредо тоже уперся, чем — непонятно, но крепко. И упорно делал вид, что мы всего лишь близко знакомые люди, с которыми положено вежливо раскланиваться при встрече и на прощанье. И вот сидим мы, все такие близко знакомые, ужинаем. Тимошка с Роджером торопят — им же потом к природницам бежать, а надо еще успеть закинутое в топку переварить.

Выписавшийся только сегодня Адам откровенно грустит, потому что магическая сила у него так и не восстановилась. Поэтому завтра его через портал отправляют домой. А он, естественно, туда абсолютно не хочет, и причина его нежелания покидать Академию сидит сейчас в обнимку с Робби и пытается улыбаться. Остальные парни о чем-то вяло переругиваются между собой, периодически с осуждением поглядывая на Чезанно. Фредо помалкивает, опершись локтями о стол и положив голову на скрещенные пальцы. Борхэль, уже привычно, рассказывает всем что-то свое, и народ даже иногда из вежливости реагирует.

Я сижу между Тимом и Ниммеем... Нет, мне хорошо, спокойно, но... Тоскливо? Грустно? Скучно? Странное состояние. Десять дней события вокруг меня скакали галопом, и я даже не успевала замереть, присмотреться, проанализировать, задуматься... А теперь почти уже столько же времени — спокойная, размеренная жизнь. Монотонная, однообразная, строго по режиму. Подъем. Тренировка. Завтрак. Учеба. Обед. Учеба. Ужин... Сон. Здоровый, крепкий, без сновидений.

— Рин, ты хоть книгу читать начал?

А? Голоса? Знакомые голоса?!

Я с некоторым удивлением посмотрела на Фредо, потом опустила взгляд, вздохнула...

— Не начинал или не понравилась?

— Начинал, понравилась, — так, главное, сейчас не обращать внимания на ехидную ухмылку Ниммея, — у него с недочитанными книгами свои ассоциации. — Я ее уже третий раз перечитываю, — честно признаюсь и снова смотрю на Фредо, прямо ему в глаза.

— Так, может, тебе вечером продолжение занести?

Ним под столом кладет свою руку мне на колено. Тимка хмурится и щиплет меня за бедро. Разговаривающие вроде бы о своем парни

замолкают и с интересом смотрят на меня. Пауза откровенно затягивается. Но, наконец, я принимаю решение и киваю — Да, занеси, пожалуйста, если не трудно. Нам все равно надо поговорить. Так почему бы не начать с разговора о книгах?

Глава 26. Этому — дала, этому — дала

После ужина в башню я шла не в сопровождении двух друзей, а под конвоем. Строгим таким, нахохленным и жутко недовольным. Серые и зеленые глаза поглядывали на меня с осуждением. Вот правда, такое впечатление, что я Фредо пообещала голышом вместе искупаться, а не вернуть ему его же книжку и взять вторую часть.

— Мы просто поговорим, — не выдержав, я даже оправдываться начала, и это при том, что никакой вины за собой не чувствовала.

Если кто и виноват — так это рыжая веснушчатая драконья наглая морда! Почти соблазнил и бросил... недособлазнив! И неделю... Неделю уже делает вид, что между нами ничего не было, и мне все приснилось. Да я две ночи пятнами красными покрывалась, едва вспоминала, как голышом перед ним рассекала, а он на козу любовался. Вот стыдоба-то! Может, он и перестал вокруг меня круги накручивать, решив, что никуда я не денусь, легкодоступная, причем во всех смыслах: живу в соседней комнате, из кровати не выпинываю, сама вот соблазнять оказалась готова... Позорище!

Нет, потом-то я потихоньку успокоилась, даже без помощи поварешки — не пойдешь же Тимке на такое жаловаться?! Тут уж даже не знаешь, с кем посоветоваться, и как себя вести правильно. В своем мире я бы к Сашке пошла... Может, маленькому Тимохе в жилетку поплакалась. А вот большому — неудобно. Полезет еще с Ниммеем отношения выяснять, поругаются. Не надо мне оно — сама разберусь, большая девочка уже. Ну и разобралась — решила не дергаться и ни во что не вмешиваться, пусть все течет, как течет. Взяла и ушла в учебу. Зато Демо на меня не нарадуется, вечерами стал частные уроки давать, в основном, на защиту и совсем немного на нападение.

Последние пару дней он меня учил «заготовки» узоров делать. Полуфабрикаты такие. Нарисовал рисунок из трех рун, часто востребованный, задал ему какой-то короткий знак и потом в любой момент можно этот знак использовать, вместо длинной цепочки. Понятное дело, что знак с уже существующими рунами совпадать не должен, а то не перезапишется. Поэтому среди магов в краткие обозначения «заготовок» принято свои инициалы вплетать. У меня вот уже был «Рин1» — быстро создающийся защитный круг и, одновременно, два огненных шара, вылетающие из ладоней.

— Просто поговорят они, — пробурчал недовольно Тимка. — Мы

просто поверим... Дураков в зеркале ищи, хозяйюшка, а мы знаем уже, чем ваши разговоры заканчиваются.

— И чем же?! — искренне возмутилась я. Вот уж с Фредо наши разговоры заканчивались вполне невинно, по сравнению с посиделками с драконом.

— А то ты не знаешь? Опять целоваться будете...

Как ни странно, Ним на это заявление отреагировал вполне спокойно, в очередной раз подтвердив этим, что я все сама себе придумала, а, на самом деле, он просто хотел без проблем развлечься, чисто по дружески. Но, так как я испугалась и начала создавать проблемы, меня оставили в покое. Вот и все. Может, он по ночам к кому-то из природниц таскается или, вообще, летает к кому-нибудь в ближайшую деревню. Должны же тут поблизости быть деревни...

— Мы книгу обсуждать будем, Тим, — я нахмурилась и почему-то расстроилась.

Бредовая идея, что дракон куда-то по ночам летает, почему-то никак не хотела вылезать из головы. Не мог он никуда летать — спать ложился вместе с нами, вставал вместе с нами. Вставал условно выспавшийся. Не мог! Но все равно накатила обида, хотя бы на то, что захотел бы — смог! Пришлось сосредоточиться на мыслях о поварешке. Нужный в хозяйстве предмет, многофункциональный. Причем может использоваться многократно, потому что на Тимоху я тоже решила обидеться — рассказываю ему все, а он берет и переиначивает так, как ему нравится. Его послушать, так мы каждую встречу с Фредо целуемся! Как самому — так можно, а как мне, так даже книгами обмениваться с хорошим человеком нельзя?! Такая я вся легкомысленная и ветреная...

Короче, большую часть пути я то обижалась, то дулась, то злилась, то по лбу поварешкой стучала мысленно. Себя я знаю, как облупленную — главное, не увлечься накручиванием виражей, а то так и буду гонять обиду по кругу, пока или сама не устану, или до маразма не докружусь, причем такого махрового, что опять же сама пойму и выдохну, или кто-то из вне вмешается. Парни помогать мне в процессе успокоения в этот раз не стремились, так что пришлось все делать самой.

— В дом не пуцу, — объявил Тимка в дверях блока. И я как-то сразу поняла, кого именно он имеет в виду. — На лестнице милуйтесь, но ты, если что — зови. Мы ему...

Ниммей лишь искоса посмотрел на меня как-то странно, оценивающе. Так и захотелось дать ему по лбу... поварешкой. И звать никого не буду, и миловаться на лестнице — тоже!

Оглядела я эту парочку не очень добрым взглядом и ушла к себе в комнату. Книжку по рунам листать. Пять тысяч основных рун — это вам не фунт изюма. Мы с Борхэлем только копии с библиотечной книжки три вечера снимали! И это не вручную, а через артефакт их ксерокопировальный! Он же тут не издательский — на входе книгу вставил, на выходе десятков получил. А обычный, как в моем мире, постраничный. Я, на всякий случай, Тимке тоже копию сняла, чтобы у каждого своя книжка была. И сама для себя решила — буду две руны в сутки учить, несмотря ни на что.

Так что плюхнулась на кровать, открыла справочник, уставилась на загогулины эти... смотрю и в упор не вижу. Душа просит пойти и скандал дракону учинить. Качественный такой, с бросанием подушками, битьем посуды... Опыта у меня в таком деле нет, со стороны всегда выглядело глупо, но тут просто шило вдоль всего позвоночника раскаленное. Еле себя на месте усидеть заставила... Изъерзалась вся, пока Фредо дождалась. А ведь он всего лишь до своей башни дошел, книгу взял и тут же к нам... ко мне.

— Явился твой... книголюб! — объявил Тимка, ничуть не стесняясь того, что его слышу не только я, но и мой гость. Тимоха, вообще, своего прохладного отношения к Фредо не скрывал, в отличие от Ниммея, который после возвращения из леса поддерживал с некромантом спокойные ровные отношения. Нейтралитет. Я вышла из комнаты, посмотрела на сурового домового, вздохнула... Сказал, что в дом не пустит, значит, не пустит. А с собственным домовым ругаться — редкая глупость.

— Пошли, на лестничной площадке поговорим, — я постаралась проигнорировать демонстративно вопросительно изогнутую бровь и ехидную усмешку. Да, знаю, что не гостеприимно, но не бодаться же мне со своим другом, которому шлея под хвост попала?

— Я снова в опале? — спокойно поинтересовался Фредо, совершенно по-мальчишески усевшись на лестничных перилах. — Вроде ничего предосудительного не совершал. Из здания академии ночами не уносил.

— Не совершал и не уносил, — согласно кивнула я.

— Так и чем я опять не угодил твоему брату?

Я вздохнула и пожала плечами, давая понять, что сама не очень представляю, чем именно. Фредо, резко спрыгнув, неожиданно оказался близко-близко, а я — прижатой к стенке. Да, все же Тим прав, — именно этим все наши встречи и заканчиваются.

— И ты меня игнорируешь в последнее время, — утвердительный тон задел за живое, поэтому инстинктивно я принялась защищаться:

— Это ты меня игнорируешь, а не я!

И тут же сама себе поварешкой... по лбу. Нет, неприступной принцессой мне не быть, даже на неприступного принца не потяну. Вместо того, чтобы загадочно промолчать, сразу раз и... Конечно, на лице у Фредо засияла довольная самоуверенная улыбка. А его губы оказались катастрофически пугающе близко.

— Просто, когда в следующий раз полетишь куда-то с драконом, предупреди меня, пожалуйста. А то я волновался за тебя, Рин...

И все. Все! Ноги, как кисель, душа в пятках, ладони влажные, сердце почти не бьется, дыхание перехватило... Как он это делает со мной?!

— Я очень за тебя волновался! — черные глаза смотрят на меня, я уверена, что на меня. И смотрят с легким таким укором, не осуждая, а просто подчеркивая такой вот печальный факт — он за меня волновался. И ведь действительно, я же чувствовала.

— Рин...

И-и-ить, если он еще несколько раз произнесет мое имя, находясь вот так вот близко-близко, чтобы моя кожа ощущала тепло его дыхания... чтобы запах мяты... чтобы взгляд черных глаз прямо в душу... чтобы шепот до мурашек... То пульсирующее внизу живота возбуждение взорвется мощным оргазмом, безо всякой помощи с моей стороны. Просто от одного его голоса.

— Рин?.. Ты обещаешь?..

— Да...

Что я ему обещаю? О чем мы, вообще?! Так, соберись! Это — Фредо. Фредо — это опасность! Да-да-да, тебя предупреждали, что так все и закончится. Ты снова станешь безвольной амебой и будешь таять от его голоса, взгляда, губ... Из последних сил мне удалось отпихнуть... скорее, чуть сдержать... упереться руками ему в плечи. Все тело хочет, мозг давно в раздразе, все во мне хочет... но нельзя, потому что... нельзя.

Я сейчас просто заплачу!

— Хорошо-хорошо, прости! Я просто подумал, что раз мы уже целовались, и мир не рухнул, то можно повторить. Прости.

Я сглотнула мешающий говорить комочек в горле и как можно более спокойным голосом сказала:

— Давай лучше про книжку? Мне она очень понравилась...

Странно, никогда не думала, что книжку можно обсуждать час. Их час. Несколько раз я видела, как приоткрывалась дверь нашего блока, и выглядывала взлохмаченная голова Тимки. И тут же скрывалась обратно, потому что мы просто сидели на перилах и болтали. Конечно, не только о

книжке. Иногда мы уходили от заданной темы в очень глубокие философские дебри, но потом снова возвращались, чтобы напомнить и себе, и собеседнику — мы не влюбленные, ни отрывающие взгляда от губ друг друга, внимательно следящие за мимикой, за выражением лица, за сменой интонаций в голосе... Мы просто литературный кружок такой. Маленький. Я сама почти поверила, расслабилась, забылась и поплатилась за это, вновь оказавшись у стенки, после того как попрощалась и объявила, что уже поздно.

— Хорошим мальчикам пора спать, да, Рин?

Мне показалось, что в голосе Фредо прозвучал вызов.

— А что же делать в это время плохим?

На языке уже крутилось: «идти к Эззелину с вазелином», но я стоически промолчала, лишь глазами недовольно сверкнула.

— Что ж, не один я ревную, и то приятно, — фыркнул парень, в очередной раз улыбнувшись и практически мазнув своими губами по моим. — Ой, прости, я забыл, это же как-то должно повлиять на расстановку звезд во вселенной, да, Рин?..

Через минуту я бы сообразила, насколько это была откровенная провокация. Может, даже меньше, чем через минуту. Но конкретно в данную секунду я от злости на его подколку растеряла остатки самоконтроля, обняла его за шею и поцеловала. Тут же отпрянула, одернула безрукавку, взяла у него из рук вторую часть приключений двух боевых магов-напарников и на негнущихся ногах, но с прямой спиной, направилась вдоль по коридору... Угу. От Фредо... Наивная! Он догнал меня на половине пути, развернул, обнял и поцеловал... так что мои негнущиеся ножки подогнулись. И только отчаянный страх, что он никогда, ни за что, ни... Я же, вообще, хотела чистосердечно признаться в том, что выбрала дракона. Я же... Я же выбрала дракона, да?

— Рин...

— Всем уже пора спать, Фредо. Всем. Завтра вставать рано...

— Давай я тебя тоже украду? Я недалеко... тебе понравится!

— Нет! — кажется, я произнесла это слишком громко и слишком испуганно. Потому что дверь блока тут же распахнулась, и в коридор выскочил Тимка.

— Мы просто желали друг другу спокойной ночи, — уверенно пролепетала я и быстренько шмыгнула за дверь.

Тимоха тут же ее захлопнул и уставился на меня:

— Ну?!

— Что? — я состроила максимально невинную рожицу, но, похоже,

она у меня не получилась, потому что Тим схватил меня за руку и затащил в ванную.

Из зеркала на меня смотрело большеглазое нечто, неопределенного пола с ярко-красным румянцем во все щеки и такими же ярко-красными губами. Тимоха, поджав губы, буркнул: «А я чо говорил?», и, развернувшись, отправился к себе в комнату. Я, вздохнув, ополоснула лицо холодной водой... раз пять, подняла голову, чтобы посмотреть в зеркало, оценить эффективность и вздрогнула. У меня за спиной, в дверях ванной, стоял Ниммей.

— Ты тоже будешь меня воспитывать? — поинтересовалась я возмущенно-обреченным тоном. Резко выплыли все забитые поварешкой обиды, шило опять же воспалилось, вспомнилось, что лучшая мера защиты — нападение.

Ним промолчал, глядя на меня со странным загадочным прищуром, пристально и изучающе. Я даже плечами передернула, так не по себе от его взгляда стало.

— Он тебе нравится? — помнится, не так давно мы эту тему уже обсуждали. Наверное, Ним позабыл. А я вот хорошо помню, тогда у него даже интонации похожие были. Старшего брата.

— Да, — с Фредо начистоту поговорить не получилось, попробую с Ниммеем. И пусть со стороны это будет звучать так, словно я навязываюсь, но просто это короткое одинокое «Да» отсекало, вырезало наш вечер... и ящерицу... и... и козу эту, чтоб ей пусто было! Поэтому я решила быть честной до конца и добавила: — И ты мне тоже очень нравишься.

Ним как-то странно хмыкнул, развернулся, чтобы выйти из ванной, потом медленно повернулся обратно, бесшумной крадущейся походкой хищника подошел вплотную, запустил пальцы в волосы на моем затылке и замер, глядя мне в глаза. А потом взял... взяла... я... он... опять не поняла, кто первым потянулся, но как-то так получилось, что мы снова целовались. И мои руки обхватили его за шею, а его — подхватили меня сзади и посадили на край раковины. Мы целовались, целовались и целовались... Только изредка прерываясь, чтобы вдохнуть воздуха. Но... вдруг раздался странный треск, я покачнулась и тут же оказалась на руках у Нима, раковина на полу, а сонный Тим — в дверях.

— Вот чтобы раковинами друг в друга кидались — еще не видел, — буркнул он, рисуя в воздухе последовательность рун для восстановления порядка в ванной. — Идите лучше в кровать, там от вас хоть вреда меньше всего будет. Под мерный скрип спать можно, а под грохот — фигушки.

Я нервно хихикнула, уткнувшись носом Ниму в плечо. Потом

освободилась от его объятий и направилась в свою комнату:

— Спокойной ночи, мальчики. Завтра вставать рано.

Странно, но стыдно мне почему-то не было, ни капельки. Наоборот, было легко и хорошо. Наверное, потому что хоть одному из двоих я объяснила всю правду, и он от меня не отвернулся. А еще я вспоминала, как Фредо шепчет: «Рин...», и сердце снова замирало. А еще вкус их губ, такой разный... И куча сомнений в голове. Два таких потрясающих парня что-то нашли в такой неказистой девчонке, как я. Как я буду из них выбирать? А если я не хочу?! Не могу!.. Не готова?.. Я их двоих хочу! Но так же ведь нельзя. А утром нас разбудил не будильник, а голос ректора, зачитавший новое пророчество: «Когда призванные сеять жизнь станут насаждать смерть». У запрыгивающего в штаны Тимошки было такое выражение лица, как будто сейчас будет конец света, а он опаздывает.

— «Призванные сеять жизнь» — это или целители, или природницы. Я пойду за ними присмотрю, а то мало ли что. Вы же поможете, если вдруг чего?

Словарный запас моего домовенка от волнения резко уменьшился. Он настолько заметно распереживался, что мне даже жалко его стало. Конечно, мы пообещали, что «если что — то всегда». И даже уговорили его забежать сначала в столовую позавтракать. Заодно и сами решили туда заглянуть, вместо тренировки. Отношения с Нимом после вчерашнего, как это ни удивительно, абсолютно не изменились. Он все так же подшучивал, подкалывал и даже обрызгал меня во время умывания, объявив, что это ради ускорения. Просто, учитывая нервничающего Тима, слишком активно радоваться было не очень удобно. Да я и сама переживала за девушек.

В столовой мы столкнулись с довольным Адамом, быстро запикивающим в себя еду и при этом сияющим так, словно выиграл крупную сумму в лотерею. В принципе, так оно и было — благодаря загадочности пророчества ректор лично аннулировал приказ о его отчислении из Академии до окончательной смены правящей династии. Ведь Адам тоже относился к тем, кто призван был сеять жизнь. Поэтому завкаф, лэр Алюменио, прямо из кровати его чуть ли не за шкуру оттащил в кабинет ректора. А потом еще долго ректора отчитывал, тихо, но Адам все равно кое-что слышал. О том, что думать надо, и о том, что добрый позыв освободить мальчика от лишних переживаний может обернуться во зло — его еще в каком-то пророчестве упомянут, а он вне зоны досягаемости.

Судя по счастливо поблескивающим глазам, мальчик от того, что его не отправили домой, не расстроился. И даже от того, что всех целителей

вот-вот должны были запереть в их башне, вместе с «женским отрядом», преподавателями и завкафом. Это, опять же, лэр Алюменио настоял. То есть Академия на сутки оставалась без медиков. После завтрака Тимоха с Нимом сразу пошли к природницам, а я побежала к Демо, чтобы предупредить его о прогуле по уважительной причине. Но не добежала.

Снова раздался голос ректора, сообщающий, что в Тид Се Гладэ сразу на семи крупнейших кладбищах страны наблюдается восстание зомби, поэтому вызывается четырнадцать действующих команд, укомплектованных дополнительно некромантами. И четырнадцать кураторов... Так что я развернулась и сначала побрела в сторону природниц, а Демо промчался мимо меня к выходу. Спустя полминуты я тоже помчалась за ним к выходу, когда до меня немного с опозданием дошло, что действующие команды — это же Роджер, Чезанно, Фонзи, Ксириномо и... Фредо. А еще, может быть, и Робби — он ведь не совсем подходит под пророчество.

Глава 27. Маленькое, да удаленькое

В этот раз проводы были довольно быстрыми. Провожающие толпились отдельной группкой у стены замка, чтобы не мешать и не толкаться. Четырнадцать команд с костяком из восьми стихийников в каждой — это уже более ста человек. Причем каждую команду надо было доукомплектовать некромантами и распределить между кураторами. Так что я, старательно не замечая стоящего неподалеку Эззелина, лишь помахала ребятам рукой. И краем глаза отметила, что к ним присоединились незнакомый мне старшекурсник-маг земли и три некроманта. А еще порадовалась, что Робби все же не стали запираить и разрешили отправиться на задание. То есть в команде есть свой целитель. Агата, конечно, предпочла бы, чтобы Роберто остался в замке, но мне эгоистично стало спокойнее.

Куратора парням выдали тоже из «землян», чтобы компенсировать нехватку «стихийного» состава, как я понимаю. А потом все команды двинулись в сторону портала, чтобы по очереди шагнуть в него и исчезнуть. Надеюсь, что не навсегда. Дождавшись, когда мои друзья тоже скроются в туманной порталной неизвестности, я побрела обратно, к Тимохе и Ниму. Долго брести не пришлось, потому что Ниммей уже бежал мне навстречу.

— Все, — объявила я расстроенным голосом. — Наши ушли гасить зомби.

— Вот перья им в подмышки, а я клювом прощелкал. Интересно, где этот Тид Се Гладэ и что это, вообще, такое?

— Материк это, — пояснила я, как более просвещенная, благодаря прогулкам с Фредо. — На нем находится государство Тид Гладэ. Оно, вообще-то, занимает два материка: Тид Се Гладэ и Тид Де Гладэ. А еще ему принадлежит целая цепь островов.

Все это я произнесла тоном прилежной ученицы, отвечающей урок по географии. Просто этому Тид Гладэ повезло, что оно — единственное в этом мире двухматериковое. Поэтому Фредо о нем рассказал чуть подробнее. А так бы мой политпросвет закончился на описании Хитхгладэ. Вспомнив о своем некроманте, я тяжело вздохнула, в очередной раз, пытаюсь расслабиться и успокоиться. Восстание зомби на кладбище — бытовая проблема же. Наверное. Уж точно не целый лес вампиров! Вот, кстати, очень яркий плюс между драконом и любимым боевым магом, любимым.

Просто любим. За дракона я могу быть совершенно спокойна. Что с ним может случиться? Он же дракон!

Но я же все равно буду переживать за остальных, потому что это — мои друзья. Все. Каждый. Интересно, каково это, быть женой действующего боевого мага? Постоянно на нервах, постоянно в готовности потерять... Или к этому со временем привыкаешь? Каждый раз прощаешься и знаешь, что в этот раз он может не вернуться?

— То есть это — не наш материк, другой? — прервал мои размышления Ним.

— Угу. Наш — Хитхгладэ. А мы — пограничная застава.

— Улет, я — дракон-пограничник! — хмыкнул Ниммей и быстро поменял тему: — Слушай, если «сеяли», то точно про природниц.

Я сначала даже не сообразила, о чем он, потом вспомнила текст пророчества: «Когда призванные сеять жизнь станут насаждать смерть». Слово «насаждать», кстати, тоже навеивает мысли не о целителях.

— У нас пока счет со светлыми один — ноль. Даже если бы мелюзга крыльями не хлопала и с самого начала на стреме была, все равно пролет. Мы бы выиграли, только если бы ни одной жертвы не было. А второе пророчество они изначально составили так, что хоть как дятел клювом долбись — не вмешайся. Но мы им только немного подгадили, и вышла ничья. В этот раз надо, чтобы все по-нашему вышло. Может, утащим их на гору? Три перелета... Ладно, четыре, Тимка тоже на хвост сядет. Как думаешь? Коз поймаем... Мысль была в чем-то здравая, тем более с целителями так же поступили — просто заперли их временно. А мы, вообще, унесем опасность из замка и отсидимся. Эдакий постоянный универсальный метод — взять объект пророчества и на сутки запрятать в пещере. Конечно, если объемы и количество позволяют.

— Пойдем, посоветуемся, — предложила я. — Похищать-то мы их не будем, значит, надо, чтобы они согласие дали.

Девушки, о которых руководство Академии успешно позабыло, сидели во дворе и скучали. Когда прозвучал текст пророчества они были на утренней тренировке, своей личной, и тоже напряглись. Затем увидели, как магически запирают башню магов жизни, в которой у них был отдельный блок на пятерых, да еще и взволнованный Тимоха прибежал. Поэтому, посоветовавшись, решили тихо отсидеться, не привлекая к себе внимания. Ниммей огласил им свое предложение немного полетать. Магички задумались, переглянулись и отказались.

— Мы уже и так загостились в каменных стенах, — пояснила Адвара. — Нам пора к себе, в лес. От упырей вы нас спасли, спасибо вам.

Но теперь мы просто вернемся домой.

— А как же пророчество?! — возмутилась я.

— Пророчество? Если ему суждено сбыться, оно сбудется, — пожалала плечами женщина. — Мы не любим убивать, это противно и нам, и нашей магии. Поэтому я уверена, что и сейчас нам удастся сдержаться.

— Тогда мы вас проводим, — объявил Тимоха, проигнорировав нахмурившийся взгляд Бахати.

Что, не нравится, когда кто-то с тобой командным тоном разговаривает?! Это у вас там матриархат, а у нас...М-да. Что-то меня на теме того, что я мальчик, слегка переключило. Совсем себя от женского общества подсознательно отделила. А, главное, вот так совершенно спокойно подумалось «у нас»... И ведь я здесь всего лишь девятнадцатый день. Даже месяца еще не прошло!

Прижилась, освоилась, влюбилась. И... И-и-ить! Совсем забыла из-за чего, а, вернее, из-за кого провалилась в этот мир. И снова еще один плюс к дракону — уж он-то точно этому гаду так навалит, что ходить и примагничивать приличных девушек долго сил не будет. Правда, я ж гада даже не видела ни разу, может и Фредо справиться? А уж вдвоем они его точно от меня отгонят, чтобы вне очереди не пролез!

До лесных домиков мы шли, разбившись на две, точнее на три группы — впереди природницы, все пятеро, затем плелся одинокий Тимка, которого и туда не позвали, и к нам он пристраиваться почему-то не захотел. А замыкали шествие мы с Нимом. Всю дорогу, особенно после того, как миновали охрану у ворот замка, дракон меня веселил, рассказывая смешные истории. Он вот как-то очень аккуратно начал, типа: «Прикинь, я на этот листик посмотрел и вспомнил... Улет! Такой случай забавный был...». И дальше очень даже связно перескакивал от одной истории к другой, а я то улыбалась, то слегка посмеивалась, а пару раз даже от души посмеялась.

Не то чтобы это было нормальное ухаживание, конечно, но... На самом деле, большинство парней именно под этим увеселительным процессом и понимают красивое соблазнение девушки. Подергать за косичку, рассказать анекдот, встать на голову, соорудить забавную рожу, чтобы улыбнулась, заметила, рассмеялась, оценила! И, главное, я как раз к такому и привыкла. А теперь распробовала вкус романтики и хочу ее от несчастного дракоши.

— Все, спасибо. Мы пришли. Никто нас не похитил. Не украл. Не напал... — повернувшись к нам, Адвара очень недвусмысленно кивнула головой в сторону тропинки обратно.

— Ой! — вдруг вскрикнула Каджисо и потом радостно засмеялась: — Смотрите, какая миленькая!

На цветочке сидела маленькая рыженькая феечка с яркими темно-красными крылышками.

— На тебя похожа! — улыбнулась я и посмотрела на Ниммея. Тот тоже улыбнулся, немного нервно. А феечка уже забралась на ладонь Каджисо и строила той умильные рожицы.

Оглядевшись, я заметила еще несколько рыженьких крошек. К одной из них потянулась Бахати, но Тимка, неожиданно, дернул свою девушку за руку:

— Вы что, очумели?! «Миленькая»? — передразнил он Каджисо. — Это же феи!

— И что? — недоуменно-обиженно поинтересовалась русоволосая красавица, тряхнув локонами. — Маленькие, миленькие, славненькие...

Домовые фей не любили, это факт. Я, правда, никогда не задумывалась, почему. Разговоров конкретно на эту тему у нас с Тимкой не было, а про неприятие одного малого народца другим я догадывалась по присказкам. Ленивый, как фея. Злопамятный, как фея.

Поляна потихоньку заполнялась этими сверкающими крылатыми созданиями. Природницы, игнорируя предупреждение Тима, присев на корточки разглядывали их, любуясь и совсем не опасаясь, как загнипнотизированные. Меня саму так и подмывало подойти к ним поближе. Но Тимоха крепко держал и меня, и Бахати. А Ниммея, похоже, такие мелочи, в буквальном смысле этого слова, не умиляли. Он, вообще, почему-то был странно напряжен. И тут одна из фей, только что кокетливо улыбающаяся Абангу, воинственно взвизгнув, полетела прямо на Тимошку:

— Домовенок!

Похоже, нелюбовь у малых народцев взаимная. Сверкнуло что-то острое, и на рукаве Тимкиной рубахи появилась огромная дыра. А на коже — кровотокающий порез. «Миленькая крошка», оскалив острые зубки, вцепилась ими Тимке в руку. Сморщившись от боли, он отчаянно пытался оторвать от себя хищную прелесть. Та не сдавалась, вцепившись в рану не только зубами, но и пальцами с такими же острыми ногтями. Мало того, ей на помощь сразу слетелось еще с десятков таких же мелких тварей. И не только на Тимошку! Они накинулись и на меня, и на Бахати, и на Нима... Окружили, как озверевшая мошкара, целясь в лицо, в глаза...

Остальные природницы тоже уже не умилялись, а пытались защищаться. Феи, неожиданно из миленьких и славных ставшие злыми и опасными, так и норовили укусить, уколоть или обжечь девушек. Но разве

могут ветки и корни справиться с юркими негасимыми спичками? Ниммей, обернувшись в дракона, дыхнул огнем в сторону окружившей его злобной мелочи и тут же понял свою ошибку. Огонь — огня не боится. К тому же, феи, хоть и маленькие, но магические существа, значит, втянуть их силу другому, более крупному магическому существу, не получится. Вот увеличить... У меня было четкое ощущение, что «милые крошки» опаленные пламенем дракона, стали еще сильнее, злее и, главное — крупнее. Я и сама совершила ту же ошибку, послав в мелкую пакость огненный шар.

— Мы приняли решение начать убивать, — объявила Адвара, отмахиваясь от назойливых тварей.

— Нет, стойте! Крылья! Дед говорил, что им надо отрывать крылья, — вдруг, внезапно, вспомнил Тимка. — А еще они боятся железа. И соли!

Конечно, после этой речи на домовенка напали с еще большей агрессией, но фразу про соль девушки услышали, и Абангу попробовала пробиться в дом. Но не тут-то было, феи выстроились, в буквальном смысле, стеной. Жужжащим горящим кусающимся роем напав на бедную девушку. И вдруг одна из тварей, что нападала на Тима, как-то странно пискнула и яркой искоркой полетела на землю. За ней следующая. Еще одна...

— Рин, держи! — и домовенок, разогнав вокруг меня фурий тем, что было зажато в его кулаке, вложил мне в руку гвоздь. Обычный железный гвоздь. Которым я тут же воспользовалась, проткнув попытавшуюся впиться мне в палец злобную пакость.

Никогда не думала, что когда-нибудь буду сражаться с десятками мелких крылатых тварей двумя зажатými в кулаке гвоздями. Эта картина была сюрреализмом и в моем прежнем мире, и в этом, где я уже смирилась с тем, что являюсь магом огня и, именно поэтому, опасна. Опасна, а не беспомощна перед какими-то бабочками-переростками.

Думаю, Ним сейчас чувствовал себя еще более странно. Всесильный дракон, уже привыкший к тому, что его никто и ничто не сможет победить... В облике дракона единственное, что он смог бы сделать — сбежать с поля боя, улетев прочь. Потому что отмахиваться от назойливых, как мошка в лесу, фей его огромными когтистыми лапами было сложно, а если пытаться просто укрыть от них голову крыльями, то вскоре перепончатая кожа превращалась в решето — я наблюдала этот процесс. Ниммей рычал от боли и злости, но сделать ничего не мог. Только тут же залечивать магией своей раны, чтобы снова получать новые. Так что большую часть битвы он провел в облике человека — так отмахиваться

было удобнее, хоть какой-то процесс. А теперь он планомерно, с довольной улыбкой, уничтожал мелких монстров гвоздями.

И, действительно, это было весело! Нет, я понимала, что убиваю живых существ, но жалости внутри меня не было. Адреналин, злоба и какая-то неестественная радость. Я, кстати, вообще, не очень люблю насекомых и очень пожалела о замечательной мухобойке, которая была у меня на даче. Правда, она была пластмассовой и почти сразу расплавилась бы, к сожалению. Природницам гвозди в руки мы не давали, но они принимали в бою посильное участие, опутывая ветками мелких злобных гадин. Те почти сразу вырывались на волю, но нам много времени было и не надо — рука, нога, тело или голова... неважно что, главное — проткнуть до крови, и фея гибнет. Шесть гвоздей и гора... А, никакой горы! Эти твари сгорали еще в полете, и от них даже пепла не оставалось. Правда, по всей поляне горели костры, как результат моих с Ниммеем попыток отплеваться или отмахаться огнем.

Но я предложила Тимошке воспользоваться руной «Поглотил», и уже когда он начал ее рисовать, в панике уточнила, что надо добавить «Огонь», а то окажемся все под землей... А потом природницы снова вырастили целую поляну цветов. Словно ничего и не было. Чтобы окончательно все забыть, Тим починил нашу подпаленную и порванную одежду. А вот что бы вылечить мелкие, но очень болезненные ожоги, порезы, укусы и царапины, придется идти в башню к целителям.

— Уф, я думал, они бесконечны, как вампиры! — Ним, игнорируя недовольный взгляд Тима, упал прямо в траву.

— Вот и латай вам вещи, — проворчал домовенок. — А вы тут же их снова пачкаете!

— Тимочка, не брюзжи, — улыбнулась я и тоже упала рядом с драконом. Он притянул меня к себе, и мы оба уставились в небо, светлое и чистое. Безо всяких фей...

— Лучше скажи, откуда у тебя гвозди?

— Так это... — Тим, неожиданно смутившись, разлохматил ладонью затылок. — В столовой, еще когда дежурили, я им телегу обещал починить. Они все ее магией и магией, а там гвозди просто в паре мест прибить надо было. Вот я и взял горсть сразу... и в карман запихал. А когда про железо вспомнил, так тут же сразу и про них тоже. Ну и вот...

— Здорово, что ты у нас такой запасливый, — промурлыкала я, при этом свернувшись калачиком и пристроив голову на плече Нима. Хорошо-то как! Уютно, спокойно...

— Спасибо, что помогли нам, — Адвара почти бесшумно подошла к

нашей компании и благодарно улыбнулась Тимке. Потом нам. Затем сурово посмотрела на стоящую поодаль Бахати. Кажется, девушку уже никто не будет спрашивать, нравится ей Тимоха или нет. Вот уж не знаю, насколько это правильно... Хотя, вроде бы, она же его сама выбрала?..

Ой, нет! Тим сказал, что готов расплачиваться, только не со всеми сразу, и Адвара тогда еще выдала фразу, от которой меня перекорежило: «Он твой, Бахати». То есть, получается, моего Тимошу этой черноволосой красотке навязали. То-то она на него всегда так недовольно реагирует. Зато Тимка от нее просто в восторге, глаз не сводит. Иех... Странно, у них такой богатый выбор, можно же было просто отказать, если не понравился? Ничего не понимаю. Бахати так и не посмотрела в нашу сторону, зато подошла Абангу, которая, если честно, мне нравилась гораздо больше, несмотря на свой шрам через всю скулу.

— Пообедаете у нас?

— Не, спасибо, — натянуто улыбнулся Тим, вновь посмотрев на свою неприступную красавицу. — Мы тогда пойдем. Пророчество же мы уже победили, вроде. Верно? — и он вопросительно взглянул на Нима.

Дракон удовлетворенно кивнул, уселся, посмотрел на меня, продолжающую валяться в траве. Сорвал какой-то цветок по типу ромашки и воткнул мне в волосы. Взгляд у него при этом был такой теплый-теплый, родной-родной...

— Хватит валяться, ящерица! Пошли целителей из башни освободить и потом обедать. Или нет, лучше наоборот сделаем, а то ломанутся в столовую, толкучку устроят, очередь создадут. Да, пошли сначала поедим спокойно...

На обратном пути мне удалось воззвать к драконьей совести, и мы сначала дошли до ректора, предъявили ему доказательства боя на наших лицах, прослушали его речь о том, что драть нас всех надо... было бы... но вроде как даже нарушение устава не впяешь. Хотя руки очень чешутся. Мы покивали, виновато сверля ковер на полу и делая вид, что нам очень стыдно. Вернее, Ним-то даже вид делать не старался, только мы с Тимохой за троих отдувались. А потом все, с чистой совестью, отправились в столовую, где действительно спокойно поели.

Хотя меня до сих пор потряхивало от пережитого, я подсознательно уже начала нервничать за наших зомбиуничтожителей. Конечно, приключение с феями только показалось нам вечностью, а, на самом деле, заняло от силы долей двадцать-тридцать, не больше. Но я почему-то ожидала, что после того, как мы вернемся, Фредо тоже почти сразу объявится... если не в замке, то у меня в голове. Странно, но я уже

привыкла к нашим переговорам эмоциями. Может быть, попробовать мне с ним связаться? Первой? Сказать, что волнуюсь...

Вот и какая фея меня укусила?! Я же совсем недавно валялась на траве вместе с Нимом и ни о каком Фредо даже не вспоминала! А тут вдруг... заволновалась.

Глава 28. И снова гендерные проблемы

Когда в столовую хлынул поток освобожденных целителей, мы уже доедали суп, и отступившее чувство голода подпустило ко мне волнение за Фредо, а к Ниммею — любопытство.

— В моем мире о таких существах почти ничего неизвестно. Только в сказках, мельком, причем ни в одной не упоминалось, что они могут одолеть дракона, — судя по недовольному прищуру, с которым Ним тыкал вилкой в тарелку с мясом, последний факт его ужасно злил.

— В нашем о них тоже только истории остались, — сказала я и тут же повернулась в сторону скептически усмехнувшегося Тимохи.

Вообще, домовенок, несмотря на двойную славную победу — и над феями, и над пророчеством — выглядел непривычно задумчивым. Если это он так из-за своей Бахати печалится, то сейчас кому-то перепадет поварешкой в лоб! Не родилась еще та, которой позволено моего Тима расстраивать!

— В нашем они просто людям на глаза не попадают, — пояснил он. — В глухих деревнях и лесах такого богатства — завались. С крыльшками, без крыльшек... И управы на них почти нет, творят, что в голову придет. А мы издревле с ними в ссоре, так как все эти... с крыльшками! — Тимка даже нос от презрения наморщил, — вредители и тунеядцы. От них даже молоко киснет!

— Кстати, вы заметили, как ректор удивился? И сразу невозмутимость на лицо повесил, словно ничего странного не произошло. Но готов заложить любимую чешуйку на хвосте — здесь тоже феи не каждый день встречаются.

— О чем это вы? И что у вас с лицом и руками? — поинтересовался довольный Адам, одним из первых занявший очередь на раздачу и теперь балансирующий с двумя подносами — своим и Агатиным.

Девушка, хитро подмигнув мне, пристроилась напротив, с одной стороны соблюдая некое расстояние от сопровождающего ее парня, а с другой... при Робби они никогда так близко не сидели. Правда, к ним почти сразу же подсел Санасар, но тот, как обычно, был тих, молчалив и почти незаметен.

— Обсуждаем сезонные миграции и агрессивное поведение огненных фей, — произнося эту фразу, Ним настолько внимательно уставился на Адама, что парень даже оглянулся. Просто, чтобы убедиться, что все это

внимание принадлежит лично ему.

— Феи? Это такие смешные маленькие существа, типа бабочек? В плохом настроении они кидаются пылью?

— Нет, они кусаются! Очень больно, — я протянула руки, чтобы Агата и Адам могли убедиться. — И кусаются, и обжигают.

— К сожалению, я ничем не могу вам помочь, кроме сочувствия. Быть зверски искусанными бабочками, наверное, обидно, особенно дракону, — судя по голосу парня, ему тоже стало обидно от того, что может лишь посочувствовать, вот и пшикнул ядом, в качестве маскировки.

— То есть ты про фей слышал, но видеть их никогда не видел? В вашем мире они на каждом повороте не встречаются? — проигнорировав выпад, с интонацией следователя, ведущего тайное расследование, поинтересовался Ним, пока Агата рисовала над каждым из нас излечивающую руну.

— Нет, не на каждом. Это только вам повезло так развернуться, — хмыкнул Адам, поглядывая на девушку со странной смесью гордости и зависти. — Кстати, поворот не подскажите? Чтобы избежать, по возможности.

Мне неожиданно стало интересно, а вот что чувствует сама Агата, зная, что рядом постоянно крутится влюбленный в нее парень. У нее-то все однозначнее, она выбрала Робби (и правильно сделала!), но при этом к Адаму тоже относится... скажем так, как к очень хорошему другу. Мне бы так научиться... Выбрать Ниммея и просто дружить с Фредо. Хорошая ведь мысль, здравая! Только почему-то настроение от нее испортилось.

Так как мой рыжий сосед слева не горел желанием делиться пережитыми приключениями, и мой сероволосый сосед справа тоже был подозрительно притихшим, то всю историю нашей короткой битвы с феями пересказала я.

— Значит, это благодаря вам, нас выпустили из башни? Оригинально. Дракон-освободитель принцесс, ну и заодно их свиты... — фыркнул Адам, с беззлобным ехидством поглядывая на Нима. А Санасар, нахмурившись и несколько раз уточнив, что с девушками-природницами все в порядке, принялся быстро орудовать ложкой, как будто куда-то опаздывал.

— Кстати о принцессах, — вспомнила я отвратительное послевкусие после встречи с женским отрядом и странные намеки парней. — А это правда, что девушек раздают на ночь желающим?

Адам широко распахнул глаза и посмотрел на меня так, как будто я редкую глупость сказала.

— С чего ты взял? Нет, конечно, только если они сами выражают

согласие, как Агата, например.

— Но Агату же не одну ночь... — возмутилась я.

— Конечно. Просто если девушка из бедного рода то, прежде чем взять ее в жены, принято оформлять опеку, — тут Адам нахмурился и уточнил: — Тебе, если что, не полагается, после двадцати одного только можно кого-то под опеку брать.

— Нет, мне не надо, — немного испуганно отмахнулась я и, наткнувшись на хитрый взгляд Агаты, сообразила, что фраза звучит, как признание полного отсутствия моего интереса к женскому полу. Да ну и пусть! — Просто я за Чезанно наблюдаю и...

— У него сложная ситуация, запутался в трех соснах и собственных чувствах, — фыркнул Адам, как будто у самого ситуация была простейшая. — Выбранная им девушка не стала ждать, пока он наберется храбрости взять ее под опеку, а согласилась на другого, но чем-то ему не угодила, и он ее вернул. Так она тут же согласилась на третьего, затем на четвертого. Думаю, и на пятого бы согласилась, но очередь из желающих временно закончилась.

— Не правда, пятому она отказала! — Агата с неодобрением посмотрела на златокудрого эльфа.

— Возможно, ей кто-то объяснил, что с таким поведением она, вместо баронского титула, получит место в борделе для магов? — Адам, проигнорировав осуждающий взгляд, продолжил ехидничать. — А ее титул будет звучать так: «Магичка облегченного поведения». Что, я не прав? — отреагировал он, наконец, на недовольство своей соседки по скамейке. — Чезанно — наследник, он должен был спросить у отца разрешения на такой ответственный шаг. Могла бы и подождать неделю! А теперь, с такой славой по всей Академии, конечно, ее уже ни в один приличный дом даже приживалкой не возьмут. А Чез на ней жениться хотел, как порядочный, в отличие от...

Тут Адам резко заткнулся и замолчал.

— Договаривай! — медленно и спокойно произнесла Агата. — В отличие от Робби, который на мне жениться не сможет, так?!

— Откажется от наследства и женится, если захочет, — буркнул Адам.

— Можно подумать, я ему позволю так испортить свою жизнь, — в глазах Агаты заблестели слезы, а в голосе послышался надрыв.

Адам, зло прищурившись и сжав кулаки, молчал, только желваки на скулах перекатывались.

— Я знаю, что он на мне не женится. Мы это обсудили в тот день, когда он предложил мне переехать к нему, ясно?! Так что ты зря столько

времени переживал и сдерживался.

— А я и не сдерживался! Я ему сразу сказал, что он — подлец! — рыкнул Адам. — И что ты достойна лучшей участи, чем вечная любовница.

— Однако ты же мне предложения тоже сделать не спешишь, — грустно улыбнулась Агата. — Или меня теперь тоже ни в один приличный дом пускать нельзя?

Адам резко вскочил со скамейки. Посмотрел на девушку как-то странно, потом выпрямился, тряхнул копной своих чудесных золотых волос, глубоко вдохнул... и громко на всю столовую произнес:

— Я, Адам Донати, прошу Агату Шаренгут стать моей женой, как только я достигну возраста совершеннолетия.

— Ты спятил? — девушка испуганно огляделась. Убедилась, что свидетелей у этого странного предложения — вся битком набитая целителями столовая. Растерянно замерла, прижав одну руку к груди. — Робби... Он же тебе этого не простит!

— Я предложение сделал, дальше решать тебе, — небрежно пожал плечами Адам. — Понятно, что теперь у меня не такое лучезарное будущее. Но моего состояния, как второго сына, хватит, чтобы содержать жену и дать образование детям. А если окажется мало, то даже без магического дара я найду достойную работу.

— Адам... — если честно, в этот момент мне Агату было искренне жаль. Вот вроде бы надо завидовать, предложение руки и сердца сделали, а я сочувствовала. Потому что, по сути, ей сейчас надо что-то ответить. Ее почти принудительно заставляют сделать выбор.

— Мне еще нет двадцати, у тебя есть чуть больше года на то, чтобы подумать. И я не прошу тебя отказывать Робби, ведь тогда тебя должен будет взять под опеку кто-то другой... не я. Меня, вообще, скоро отсюда выставят. Но моя семья будет только рада такой невестке, как ты. Тем более после того, как мой дар...

Адам, резко выдохнув, снова сел на скамейку и продолжил есть. Со стороны, если не приглядываться и не замечать бросающееся в глаза напряжение, он был идеально спокоен.

— Какой хитрый ход, — томно протянул у меня за спиной знакомый голос. Обернувшись, я наткнулась на ухмыляющегося Эззелина. — Стал неполноценным и решил позаботиться, чтобы в семье число целителей не изменилось?

— Твоего одобрения не спрашивали. Держи свое мнение при себе, спина целее будет, — буднично-ровным тоном, даже не отрываясь от процесса еды, произнес Адам.

Эззи, презрительно фыркнув, развернулся и, уже отойдя на пару шагов, добавил:

— Это насколько надо себя не уважать после потери дара, чтобы сделать предложение уже попользованной другим.

Я уже приготовилась к тому, чтобы не дать свершиться очередной драке, но Адам лишь оторвал взгляд от тарелки и выдал:

— Мысль о том, что людей еще можно любить и уважать, причем достаточно сильно, слишком велика для твоего маленького мозга, как я понимаю. Но ты хоть не позорься прилюдно, демонстрируя свою эмоциональную и умственную ограниченность. Особенно учитывая тот факт, как ты сам сейчас унижаешься, чтобы вернуть бросившего тебя мужчину.

Эззи стремительно вылетел из столовой. А Агата, по-прежнему слегка растерянная, не удержавшись, слабо улыбнулась:

— Спасибо.

Адам тоже едва заметно улыбнулся:

— Что ж, мне теперь придется быть гораздо осторожнее на поворотах, чтобы не наткнуться на злобного огненного фея. Думаю, Эззелин с радостью бы меня покусал, если бы я ему позволил. Но, к счастью, он умеет только громко тявкать. Кстати, а куда делся Санасар?

И действительно, маленький целитель, воспользовавшись тем, что всем как-то было не до него, куда-то исчез.

— К эсне Адваре побежал, — подсказал Тим. — Проверить, все ли у них там хорошо. А я, пожалуй, пойду в блоке посижу.

Я уже дернулась тоже составить Тимохе компанию, но Ним под столом положил мне руку на колено и, судя по отсутствию движения губ, проговорил сразу в голову:

— Сиди спокойно, ящерица. Он один хочет побыть.

Вспомнив, сколько раз Тимка меня утешал, я решила, что лучше уточню у него самого, а то как-то оно неправильно получается. Поэтому, криво улыбнувшись всем, сорвалась вслед своему домовенку, нагнала его в центральной башне и предложила:

— Слушай, если тебе вдруг нужна моя поварешка, стукнуть для встряски, или мозги кипят, и их помешать надо, то я всегда готова помочь.

Тимошка даже улыбнулся:

— Я в тебе не сомневался. Если по кому стукнуть, да еще и с пользой, то ты всегда готова. Но я просто хочу немного в блоке убраться, пыль протереть, подмести... И окна в комнатах давно не протирали.

— Тим! Это все дело пары, ладно, тройки рун, которые ты наверняка

уже знаешь!

— Ну и что? — надул губы Тимоха. — Руками тоже работать надо иногда. Чтобы мы вот с этими рунами, да без гвоздей, делали?! — потом вздохнул и признался: — Подумать хочу. А когда руки заняты, мне лучше думается.

— Так бы сразу и сказал, — немного расслабилась я.

Судя по лицу домовенка, думать он собирался о чем-то не очень радостном, но не предлагать же мне ему подумать вместе, если он уже тактично намекнул, что хочет заняться этим интимным процессом в одиночестве. Поэтому еще раз уточнив, чтобы обращался, если что, я вернулась в столовую. Пока меня не было, наше общество увеличилось на Борхэля и Пэтро. Последний, с сочувствием поглядывая на Адама, подсел, по-моему, исключительно, чтобы выразить соболезнования. Очень неуютно чувствующая себя Агата, умоляюще посмотрела на меня, показав на место рядом с собой.

Но только я уселась, как по замку эхом прокатилось:

— Наши вернулись!

Поэтому мы подскочили и побежали встречать «наших». Вернее, побежала Агата. Я же, едва сдерживаясь, дождалась, пока Ниммей поднимется со скамейки, потянется, довольно улыбнется, глядя на меня... Так бы и убила бы!

— Пошли скорее! — не выдержала я, наконец.

— А, ты меня ждешь? Ну, надо же, — фыркнул Ним и, подойдя, приобнял меня за талию, заглянул мне в глаза, задумчиво так. Склонив голову немного набок, какое-то время поизучал что-то, видимое только ему одному.

Потом, взяв меня за руку, вывел во двор, обернулся драконом, схватил за плечи и взлетел. Меньше чем через минуту мы были у ворот замка, практически одними из первых — даже Агата еще не добежала.

«Наши» возвращались полным составом. Очевидно, те, кто справился с зомби, приходили на помощь остальным или просто спокойно ожидали их в каком-нибудь уютном месте. Я насчитала восемь носилок с ранеными, к которым сразу же кинулись целители: кураторы и старшекурсники. Носилки тут же были позабыты, и тела плавно поплыли по воздуху в направлении ворот. Я замерла, вцепившись в руку Нима и ища одновременно знакомые лица и среди раненых, и среди идущих от портала своим ходом. К счастью, среди первых никого из знакомых не было... Очень к счастью, потому что выглядели жертвы встречи с зомби намного хуже, чем мы после столкновения с феями.

— Погибших нет, — увидев, как я внимательно, с испугом в глазах, разглядываю каждого проплывающего мимо раненного, успокоил меня один из целителей.

Я благодарно ему улыбнулась и немного расслабилась. Особенно после того, как разглядела знакомые силуэты. Так, не бежать, не виснуть на шее у каждого, особенно у Фредо... Да, я очень рада, что они вернулись. Им есть, что нам рассказать, нам есть, что им... Все у всех хорошо закончилось. И...Конечно, когда ребята подошли еще ближе, я не удержалась и бросилась им навстречу. Добежала, спокойно улыбнулась всем, встретила взглядом с Фредо.

— Похоже, я опять что-то пропустил? — это он отреагировал на Нима, подошедшего следом, вставшего у меня за спиной и сжавшего пальцами мне плечи, к слову, ощутимо побаливающие после полета.

— И ты, и Роберто, — протянул появившийся Эззелин, со злым ехидством глядящий на Агату, которая, в отличие от меня, могла себе позволить обнять Робби и прижаться к его груди щекой.

Девушка даже обернулась, при этом еще сильнее прижавшись к Роберто. Меня же просто подмывало двинуть по наглой симпатичной морде, довольно ухмыляющейся, от того что сейчас наговорит кучу гадостей.

— И что же я пропустил? — почти ласково спросил Робби, заглядывая в глаза Агате.

Меня порадовало то, что Эззи он проигнорировал, в отличие от нахмурившегося Фредо, уставившегося на своего бывшего так, что излучаемый им эмоциональный посыл: «Лучше заткнись!», просто оглушал. По-моему, его слышали и чувствовали все, кроме самого Эззелина. Хотя он и замолчал на какое-то время, выжидая, рискнет ли Агата что-то ответить. Во взгляде девушки, которым она одарила Эззи, была редкая смесь гадливости и презрения. Но только она начала говорить:

— Понимаешь, Адам...

— Да, Адам всего лишь предложил ей стать его женой, — с почти счастливым выражением лица томно протянул этот гавнюк.

Роберто очень заметно напрягся, я бы сказала, что он просто застыл, как изваяние. Но, самое странное, я совершенно не поняла, почему на моих плечах и руках вдруг оказалась такая ощутимая тяжесть.

— Рин, он того не стоит!

Дернувшись еще несколько раз и, по-моему, даже зарывав от обиды, я смирилась, что двинуть по этой наглой морде у меня не получится. Хватка на сведенных за спиной руках немного ослабла. А вот за плечи меня по-

прежнему держали довольно крепко. Ниммей. Вначале он этим просто показывал, что я — его, а сейчас помог удержаться от глупости. Минутное удовольствие, за которое потом пришлось бы дорого заплатить. Да, Фредо совершенно прав. Эззи того не стоит. Но, пока эти двое сдерживали меня, разъяренную до состояния фурии, Роберто, отставив в сторону Агату, подошел к спокойно стоящему по близости Адаму и с размаху залепил ему кулаком прямо в челюсть...

— Держись подальше от моей девушки, понял?!

Остальные парни, очевидно, не ожидавшие ничего подобного, тут же растащили обоих в разные стороны, поэтому сдачу Робби получил несколько смазанную, но, судя по звуку удара, все равно болезненную.

— И что тут у вас происходит? — внезапно прозвучавший рядом угрожающий голос Демо ничего хорошего никому не обещал. — Студент Рин? Вы, как всегда, в центре событий?

— Мы просто разминаемся, — заступился за меня Роберто, с невозмутимым видом наблюдающий, как подбежавшая Агата рисует руны над Адамом. Лишь излечив младшего из своих поклонников, девушка подошла к старшему и вновь уткнулась ему в грудь. А тот спокойно ее обнял, будто действительно ничего такого не происходило, и нам всем показалось.

— Странно, но я четко видел, что вы стучите друг другу по лицу кулаками. Когда я был студентом, такие тренировки называли драками, лэр Роберто.

— Простите, лэр Демо. Мы несколько увлеклись, — пробурчал хмурый Адам, многообещающе посмотрев на Эззи.

— То есть вы не имеете к лэру Роберто никаких претензий? — уточнил такой же хмурый и недовольный Демо.

— Имею, но не по этому поводу, и они не касаются преподавательского состава Академии, — с легким вызовом произнес Адам.

— Учитывая, что вы пока еще являетесь студентом, я бы рекомендовал вам соблюдать устав Академии. Не так уж много потерпеть осталось.

— Да, лэр Демо, я обязательно учту ваше пожелание.

— Вам, лэр Роберто, я бы тоже посоветовал потренировать выдержку.

— Да, лэр Демо.

— А уж вам, студент Рин...

— Да, лэр Демо, — кивнула я. — Обязательно учту. Потренирую. Воздержусь. Набью морду лэру Эззелину вне стен Академии.

Глава 29. Игрушки для магов

Несмотря на то, что Адаму было велено держаться подальше, он с независимо-непринужденным видом пошел с нами, и остальные парни отреагировали на это вполне спокойно. Роберто пришлось идти первым, обнимать Агату и делать вид, что он не слышит, как его соперник пересказывает последние новости. Так, как решение оставить Адама в Академии практически совпало по времени с отправкой ребят на задание, естественно, что они об этом не знали. И сейчас все по очереди похлопали бывшего целителя по плечу, не то чтобы поздравляя, но разделяя с ним положительные эмоции.

Второй маг воздуха, которого мне так и не представили, но вроде бы откликающийся на Жана, предложил Адаму списаться со своим отцом-дипломатом. Тот как раз искал младшего секретаря, юношу благородных кровей с хорошим образованием. С темы трудоустройства мы плавно перешли на обсуждение нападения фей, ну и, уже подходя к столовой, зарихтовали темой о зомби. Как раз для улучшения пищеварения. Энергетический источник, сразу поднявший столько усопших граждан материка, найден так и не был. Именно его искали все команды, после того как упокоили несчастные умертвия. Как и ожидалось — обычная бытовая работа, выделяющаяся только масштабами. Но, возможно, как раз именно из-за них закончившаяся почти без потерь. Из-за неиндивидуального подхода зомби изначально вышли очень тупенькие, а развиться до более высокоинтеллектуального уровня не успели.

В столовой была небольшая давка, поэтому мы с Нимом и Адамом проталкиваться туда не стали. Пожелали всем приятного аппетита и побрели по своим аудиториям. В этот раз администрация на пьянку поскупилась, мало того, по замку было объявлено, что с десяти до тринадцати у всех курсов будут занятия, в соответствии с утренним расписанием. Садисты, а не администрация... Хорошо, конечно, что они на момент отбытия охотников на зомби, не разбираясь, всем разрешили отдохнуть. И это при том, что весь преподавательский состав остался в Академии — команды возглавили именно кураторы. Практиканты, если переводить на студенческий язык моего мира. Они и здесь вели практики, тренировали, занимались с теми, у кого что-то не получалось... И двое из них были постоянными «няньками» у подготовишек. А еще они натаскивали старшекурсников, учили их сражаться и взаимодействовать.

Тимошка на занятия не явился, так что я уселась за свой стол в гордом одиночестве и уставилась преданным взглядом на любимого преподавателя.

Сегодня у Демо было хорошее настроение, и он решил поучить нас «фокусам», как он это сам назвал. Это было красивое представление. Наш серьезный суровый препод создал огненный шар, размером с футбольный мяч. Дальше этот мяч то исчезал у него в ладони, то выпрыгивал буквально из пальцев, перекатывался по руке, прятался за плечом... Мое самомнение, распирающееся в разные стороны от того, что я научилась слегка управлять своей магией, быстро скатилось на пол и спряталось за плинтусом. И, действительно, с чего я вдруг решила, что добилась чего-то особенного? К тому же научил-то меня этому всему Фредо...

Но тихо всхлипывающая у меня в ногах жажда эксклюзивного владения дрессированными магическими шариками не отвлекала от происходящего перед нашими глазами огненного шоу. На одной ладони Демо создал горящий обруч, через который принялся перекидывать свои мячи. Один за другим создавая их прямо из ладони. Перепрыгнув через кольцо, мячик зависал в воздухе, поджидая следующего, образуя цепочку, которая потом или обвивалась вокруг Демо, как пояс, или спадала светящейся гирляндой через плечо...

— Студент Рин, я знаю, вы тоже увлекаетесь чем-то подобным. Не хотите попробовать повторить?

Повторить мне захотелось большую разнообразную последовательность слов, которые употребляли в моем мире более старшие товарищи. Витьевато-разнообразную. Потому что я изначально расценила это предложение, как попытку ткнуть меня носом в собственное несовершенство. Но быстро опомнилась — это же не Эззелин, а Демо. Строгий, занудный, ответственный. И уж точно не любитель поунижать своих студентов и покрасоваться за их счет.

— Нет, спасибо, — начала я... А потом почувствовала, как активировалась шлея под хвостом, заявляя, что нам море по колено, и мы тут сейчас всем покажем!

Странно, но в этот раз у меня получилось обуздать свой характер, а не пойти у него на поводу. Поэтому к Демо я подошла совсем не с тем настроением, с каким выскочила из-за стола.

— Я бы хотел попробовать такому научиться, — призналась, честно глядя на преподавателя. — Потому что моя магия, скорее, может выступать перед своими братьями, показывая им дрессированного мага. Демо одобрительно улыбнулся, протянул свою ладонь и практически из ниоткуда

материализовал на ней огненный шар.

— А руны вызова я нарисовал другой рукой, — произнес он громким шепотом, словно выдавая страшную тайну. Хотя, в принципе, так и было, мы же все смотрели на его вытянутую вперед ладонь! — Попробуйте, Рин. У вас все получится!

В его голосе было столько убежденности, и, без добавления «студент», вся фраза звучала настолько по-дружески, что я рискнула. Шарик у меня вышел чуть побольше мячика для большого тенниса, но я примерно этот размер и хотела. А, главное, опять пригодилась моя способность писать как левой, так и правой рукой.

— А теперь запоминайте, студент Рин...

И Демо начертил в воздухе последовательность рун.

— Исчезновение. Лево. Право. Вперед. Назад. А это цифры... Магия не понимает единиц измерения, но они должны быть у вас в голове. Вы их должны представлять сами. Смотрите...

На ладони мужчины возник огненный футбольный мяч.

— Я сейчас его сдвину на пару своих шагов влево.

И правда, мячик плавно откатился в заданном направлении и примерно на заданное расстояние. После чего повис в воздухе.

— Теперь ваша очередь.

Конечно, я рассчитывала, что все получится с первого раза. Но пришлось немного опозориться. Мой мячик честно укатывался влево, но понятие «два шага» каждый раз понимал так, как ему хотелось. Но на пятой попытке мы с ним достигли консенсуса. А на восьмой-девятой этот консенсус стал стабильным. Дальше пошли руны: «вверх», «вниз» и «наклон». Тут у меня случился полный провал, но Демо, хмыкнув, выдал:

— У вас поразительная настырность, студент Рин, с которой может соперничать разве что дикий осел. Думаю, дня через три-четыре вам будет чем похвастаться.

После этого мы направились в наш небольшой зал для тренировок, где и всем остальным была предоставлена возможность поиграть в воздушные, водяные и земляные мячики. Уж не знаю, что так порадовало нашего преподавателя и подвигло показать, а, главное, обучить нас этим фокусам, но всем было очень весело.

Под конец наши «африканосы» слепили что-то очень похожее на снеговика, только из двух шариков — земляного и огненного. И даже умудрились его вполне синхронно двигать по залу. После случая с дыркой в полу и взрывом они смирились и больше к чистому сырцу не рвались, послушно разучивая руны вместе со всеми. Но все же чувствовалось, что у

них с магией более доверительные отношения, чем у меня, например. На «снеговика» Демо, хмыкнув, выдал, что смешанный голем — это уровень второго курса Академии. Парни ненадолго задрали носы и возгордились, после чего одна часть снеговика пошла влево, а вторая — вправо. Но, правда, тут же снова склеилась.

На ужин мы отправились радостные, довольные и предвкушающие продолжение веселья завтра, потому что остались же еще «вверх», «вниз» и «наклон»! В столовой меня поджидали Ниммей и Тимоха. Чуть попозже подошли Адам, Агата и Робби. Еще попозже — Борхэль. Остальные объявились уже после того, как я слопала почти весь ужин и взахлеб рассказала о сегодняшнем занятии целиком, и о снеговике в частности.

Если до появления наших друзей-шестикурсников мне казалось, что обстановка слегка напряженная, из-за игнорирующих существование друг друга Роберто и Адама, то после того, как напротив меня уселся Фредо, я поняла — до этого атмосфера была милой и почти семейной! Нет, он ничего не говорил, просто сидел и смотрел на меня с загадочным прищуром. Мне казалось, что он смотрел на меня, даже когда ел. Чтобы вечер окончательно перестал быть томным, Фредо, почему-то сначала на некоторое время переведя взгляд на Ниммея, поинтересовался:

— Рин, ты не против после ужина еще раз потренироваться во взаимодействии магии?

Ну и, спрашивается, что я должна ответить? «Прости, но я же выбрала дракона?». Так меня не на романтическую прогулку в лес зовут. И, если честно, то, как только я увидела снеговика-голема, у меня самой в ладошках зудело от желания создать такого же... из огня и воды.

— Нет, если ты не против присутствия зрителей, — я улыбнулась, как можно дружелюбнее.

Фредо тоже улыбнулся в ответ и снова посмотрел на едва заметно нахмурившегося Нима. Тимка тоже изобразил на лице нечто среднее между осуждением и непониманием. Ну и ладно... Я же даже наедине оставаться не собираюсь! Просто... занятие такое, вот! Очень полезное для развития моей магии занятие.

Так что после ужина мы вчетвером направились в тот же самый зал, где тренировались в прошлый раз. Я принялась тихо расспрашивать Тимку, до чего он там додумался, и узнаю ли я наш блок, или он теперь зеркально чист, и там даже ходить можно только в вязаных тапочках, как в музеях. А Ним засыпал Фредо наводящими вопросами по поводу энергетического источника, разбудившего зомби. Уж не знаю, зачем ему это было надо, но за время пути он выпытал у бедного некроманта кучу подробностей. Я

прислушивалась к их разговору вполуха, потому что остальными полутора слушала Тима.

— Вот скажи, если к одной тянет, потому что красивая, а к другой — потому что человек хороший? То как выбирать?!

— Человека, конечно, — уверенно ответила я. «Чужую беду — руками разведу», обращайтесь. Это со своими двумя парнями у меня «запутанница» полная. — Красота проходит, да и приедается со временем.

— А если на этого человека у тебя совсем глаз не лежит, тогда как? — поинтересовался Тимка. — Стерпится-слюбится? Со временем привыкну?

— Ага, — радостно закивала я. — Тимошенька, ты не зря в блоке уборку делал.

— Знаешь, никогда не думал, что из-за девок в моей голове такой....

И тут по замку прогремел голос ректора, объявивший новое пророчество: «Когда призванный создавать порядок породит хаос».

— Странно, что-то они зачастили... — начала я и тут же уставилась на Тимоху. — Так что там у тебя в голове из-за девок?

— Бардак полный! — растерянно прошептал Тим.

О том, что он у нас «призванный создавать порядок», знали только мы с Ниммеем, который тоже напрягся, обернулся и посмотрел на Тимоху с подозрением:

— Никто никуда не летит. Лапы, крылья и хвосты никуда не тянет.

Его собеседник, обернувшись, заинтересованно посмотрел сначала на меня, потом на Тима. Но мы оба лишь натянуто улыбнулись деснами, на что Фредо скептически усмехнулся, но ничего уточнять не стал. Оставшиеся метров десять мы прошли молча, в зал тоже вошли в молчании. Тимоха пристроился в уголочке, нахохленный и немного напуганный. Дракон уселся с ним рядом, но поближе к двери. Фредо, оглядев Нима с Тимкой, перевел взгляд на меня, напряженную и взволнованную странным совпадением темы нашего с Тимохой разговора и текстом пророчества, хмыкнул и объявил:

— Нет, я понимаю, что в качестве парня Рина я вас не устраиваю, раз на него еще ты претендуешь, — кивнул он Ниммею. — Но с чего вы вдруг решили что-то от меня скрывать, да еще так откровенно? Не то чтобы я горел желанием влезать в чужие тайны, но раз уж так сложилось, может, вы потрудитесь мне объяснить, что происходит? Это как-то связано с Рином?

— Со мной это связано, — буркнул Тимоха. — Домовой я. Призванный создавать порядок, ясно?

Фредо, нахмурившись, кивнул. Подумал и уточнил:

— А что насчет хаоса? Только не надо делать загадочные лица, у Рина

они очень плохо получаются.

— Бардак у меня. Из-за баб. Запутался я в них. Так что сейчас пойду и все распутаяю.

— Стоять, — тут же рыкнул Ним и подскочил к двери. — Какие бабы? Какой бардак?!

— Какие-какие, природные, — снова недовольно пробурчал Тим. — Бахати и Абангу. Первой я, как козлу — доярка, а у второй пол лица изуродовано. Каждый раз как вижу, в дрожь бросает.

— Улет, — горестно вздохнул Ним. — Дятел ты! Она на тебя запала, даже я заметил. И лицо у нее красивое.

— Это вы о той девушке, у которой шрам через все лицо? — спросил Фредо. — Так Ниммей прав, она красивая, и шрам ее совсем не портит.

Тимоха посмотрел на двух остальных парней с подозрением и обернулся ко мне.

— Мне Абангу тоже больше нравится, чем эта твоя Белоснежка, — добила я домовенка. Но потом добавила: — Но решать-то все равно тебе.

— Дык это... Я вроде решил. Пойду, скажу. Наведу в бардаке порядок. Ним уже сделал шаг от двери, но тут вмешался Фредо:

— А ты уверен, что это будет именно наведением порядка, а не порождением хаоса?

Домовенок замер. Задумался. Посмотрел растерянно на меня, потом на Нима.

— Есть две девушки, одной ты не нравишься, второй нравишься. Но время проводишь с первой. Я правильно понимаю ситуацию?

— Да, — кивнул Тимка.

— А по второй довольно заметно, что ты ей нравишься.

— Да, — снова, как игрушечный болванчик, кивнул Тимошка.

— Знаешь, я в женщинах мало что понимаю, — Фредо кривовато улыбнулся. — Но мне кажется, что если ты сейчас к ним заявишься и скажешь, что бросаешь первую и берешь под опеку вторую, это как раз породит огромный хаос, вплоть до рукоприкладства.

Тим задумался, а Ним, снова встав возле двери, согласно поддакнул:

— Точно, возьмут и просто из вредности друг друга заключают. Может, ты чернявой и не нужен, но свое из рук выпускать никто не любит.

— Да, Тимош, главное, что ты сам с собой разобрался. А природницам завтра скажешь, куда твоя Абангу не денется.

Тимка вздохнул и плюхнулся на пол:

— Уговорили. Я сам эти разборки терпеть не могу.

— Теперь мы можем спокойно позаниматься?.. Рин?..

Вот и зачем он мое имя так произнес, что даже у Ниммея глаз дернулся?! Но, проигнорировав закаменевшего ненадолго дракона, я принялась рассказывать Фредо о сегодняшнем снеговике. И о том, что мне было бы интересно получить именно единое целое, огненно-водяного голема.

— Все, что только захочешь, Рин, — соблазнительно улыбнулся парень, заставляя едва начавшего подавать признаки жизни Нима снова застыть.

А дальше мы творили голема... нечаянно прикасаясь друг к другу руками, улыбаясь, обсуждая, даже слегка споря. Сначала мы сделали два шарика — огненный и водяной, и вопреки всем правилам магии скрепили их между собой. У любых других магов воды и огня более сильный шар поглотил бы и уничтожил более слабый. А у нас они спокойно расположились друг под другом и даже слушались кого-то одного, если второй помалкивал. Правда, когда мы попытались дать разные команды, вместо того, чтобы развалиться на две части, наш голем обиженно замер и подождал, пока создатели между собой договорятся.

Потом мы решили пойти дальше, — я скрутила огненный шарик, Фредо окружил его водой. Я поверх воды нанесла огонь... У меня руки от напряжения занемели. Я чувствовала себя человеком, который лепит что-то из хрусталя. Одно неверное движение, и все наши труды разлетятся вдребезги. Мы передавали друг другу наше изделие, иногда лишь едва соприкасаясь пальцами, иногда переплетая их... И я тогда замирала, забывая о том, что мы что-то лепим, потому что... накатывала выматывающая душу тоска. Которая тут же исчезала, едва я бросала взгляд на нашего первого голема, вполне самостоятельно передвигающегося по залу и уже познакомившегося с Нимом и Тимом.

Это ужасно, но когда я смотрела на дракона, то понимала, что хочу быть с ним, валяться с ним на траве, слушать его шутки, отгонять от него плохие сны... Но стоило мне встретиться взглядом с Фредо, ощутить прохладные прикосновения, вспомнить вкус его губ... который почти сразу сменяло воспоминание о губах Нима... На душе становилось тоскливо только от одной мысли, что мне надо отказаться от кого-то из них.

— Думай сейчас только обо мне, Рин. А то твоя магия становится слишком горячей для меня.

Я тут же вспыхнула, чуть сама не воспламенившись от этой фразы. И наш многослойный колобок выскользнул у меня из рук, но не разбился, ударившись об пол, а покатился навстречу первому голему.

— Что мы с ними будем делать, Рин? — прошептал мне в ухо Фредо,

обжигая своей прохладой. — Оставим здесь одних?

С первым снеговиком так и поступили, оставив его в зале. Но он и не жил самостоятельно, а двое наших, явно, были разумны и...

— А что принято делать с такими созданиями?

— Оставляя при себе, как домашних любимцев, например. Тебе какой больше нравится, Рин?

Я оглядела перекатывающийся по залу слоистый колобок, потом «снеговичка», поманила их обоих к себе... Похоже, «слойка» на меня обиделся за то, что я его чуть не разбила, потому что подкатился с некоторым запозданием. Что ж, значит, у нас в блоке появится еще один жилец — Снежок.

— Замечательно, — улыбнулся Фредо моему выбору и подманил к себе сверкающую и переливающуюся «Слойку». — На руки я своего питомца взять вряд ли смогу, но зато он будет напоминать мне о тебе. Всегда.

— Как ты ее назовешь? — поинтересовалась я, заодно поглаживая Снежка по верхнему, огненному шарик.

— Ее? — Фредо, склонив голову набок, внимательно пригляделся к Слойке и хмыкнул: — Ты прав, Рин. У нас с тобой получился голем — девочка. Что ж, теперь меня уже точно никто не обвинит в том, что у меня в спальне никогда не было женщин. А назову я ее... Софи.

Шарик закружился по полу, выражая бурный восторг, и попытался запрыгнуть к Фредо на руки.

— Давай я подержу, а ты его водой укутаешь? — предложила я, подхватывая энергичный мячик.

— Нет, — с непонятным упрямством отказался мой напарник по взаимодействию, едва заметно улыбнувшись. — Он тогда не будет похож на тебя. Она...

— Но тогда ты сможешь ее гладить, — я несколько растерялась от его тона, убедительно-серьезного и какого-то звеняще-напряженного, что ли. — А ей этого хочется.

— Мне тоже много чего хочется, Рин... Очень много чего хочется, — с какой-то удивительно знакомой тоской в голосе ответил парень. — Так что мы все будем лишь любоваться друг другом.

— Спокойной ночи, лэры! — едва заметно поклонившись всем нам троим, Фредо вышел из зала. Софи, как верный песик, полетела за ним. А я осталась с Нимом, Тимом и Снежком. Растерянная и расстроенная.

Глава 30. У каждого свой выбор

Возвращались в блок мы все немного задумчивые и молчаливые. Я почувствовала себя одновременно обманщицей и ветреной женщиной легкого поведения. Осуждающие взгляды Тима только подтверждали этот диагноз. Главное, как только Фредо ушел, и я снова смогла начать рассуждать здраво, захотелось надавать себе поварешкой... больно.

— Вот и чего ты над парнем измываешься? Видишь же, что чахнет! Нет, чтобы прямо послать, так...

— Кто ж свое так легко из рук отпустит? — усмехнулся, глядя на меня, Ниммей.

Я даже обиделась. Это что же получается, они теперь еще и за него? Против меня, что ли? Вот она, мужская солидарность в действии! В гневе я взлетела сразу ступенек на пять вверх, но обернулась на странный монотонно гудящий звук. Снежок радостно протопал вслед за нами по всему коридору, но перед лестницей забуксовал и теперь взывал ко мне, требуя оказать помощь. Недолго думая я подхватила его на руки, сначала за большой нижний шар, состоящий из воды. Почти сразу осознала свою ошибку и сжала в ладонях вторую, огненную часть.

Ниммей едва заметно усмехнулся. Я посмотрела на него так, словно вот сейчас возьму и стукну Снежком, как молотком или поварешкой. Наверное, со стороны я так же глупо выгляжу, как Тимка со своей проблемой выбора. Хотя, не-е-ет! У него все просто. Я даже догадываюсь, почему он из-за шрама Абангу так закомплексовал — магический он у нее, и магией же залечен. Так что, может, магическое создание видит этот шрам не совсем так, как я.

Только Бахати Тимку так откровенно игнорирует, что я бы уже давно ее послала, а не бегала бы к ней через вечер.

Но, едва мы добрались до блока, и я выпустила Снежка знакомиться с его домом, как по замку вновь прозвучал голос ректора:

— Энергетический прорыв на границе. Все кураторы и студенты пятых и sixth курсов...

— Улет! Ну уж эту развлекуху я не пропущу! — Ним, резко развернувшись, тут же побежал обратно вниз.

— Стой! — заорала я на весь этаж. — Я тебя одного не отпущу! Ни за что!

И понеслась следом, да так быстро, что пролета через три Ниму

пришлось остановиться и поймать меня, мчащуюся на всех скоростях, почти не различая ступенек.

— Ящерица! Там будет не то веселье, на которое принято приглашать девушек. Сиди здесь, желтоклювик. Ты же у нас связист!

Он все это прошептал мне в ухо, так ласково, что у меня даже слезы на глаза навернулись, и я всхлипнула, прямо ему в рубашку.

— Сырость мне в одежду разводить не надо, мы — маги огня, ты что, забыла? А за твоим водяным я присмотрю, не переживай!

— Я... за... тебя... переживаю, — провсхлипывала я Ниму в грудь.

— Да за меня-то зачем? — искренне удивился он. — Со мной все хорошо будет. А теперь лети обратно и ложись спать. И спи крепко-крепко, потому что твой сон охраняет дракон, — и Ним подтолкнул меня обратно, наверх. — И никакой сырости, слышишь, ящерица моя?!

— Угу, — послушно всхлипнула я, но упорно стояла на лестничной площадке, пока рыже-красная коса мелькала то слева, то справа, спускаясь все ниже и ниже... А потом выбежала в темноту, на крышу, чтобы дожидаться, когда в небе промелькнет сверкающее тело дракона.

И только после этого побрела обратно в блок, быстро помылась, залезла под одеяло и расплакалась. Причем причину объяснить внятно не смогла бы никому. Я ее и сама не очень понимала. Просто Ниммой такой замечательный, и я действительно за него волнуюсь, и... Фредо сегодня честно проговорился, что в его спальне ни разу женщин не было, так что он не для меня. Но пока он уверен, что я мальчик, он не отступит, значит, надо сказать ему правду. Наверное, если он будет знать, что я с драконом, то не выдаст мою тайну. Не простит... но и не выдаст... Он тоже хороший... И за него я тоже волнуюсь. А еще, если бы он с самого начала знал, что я девушка, мы бы с ним никогда так близко не подружились... На этой мысли я разрыдалась с новой силой и так в слезах и уснула.

Утром выяснилось, что наша маленькая пограничная армия до сих пор не вернулась. А во время завтрака, который Тимоха запихивал в меня, как в ребенка, с ложечки, по громкой связи в кабинет ректора вызвали «студента Рина Гончарова». Понятное дело, что побрела я туда вместе с Тимом, а в шестом корпусе на нас налетели взволнованные Адам с Агатой.

— Ты что-то слышал? Что-то знаешь? С тобой Ним разговаривал? — девушка буквально чуть с ног меня не сбила, сверкая черными глазищами.

— Нет, не слышал, не знаю, не разговаривал, — отчиталась я по всем пунктам. — Сам весь на нервах.

— Робби как чувствовал... — Агата всхлипнула и покрутила перед нами поднятой вверх ладонью. На указательном пальце сверкало золотое

кольцо с черным камнем. — Сказал, что в его жизни самое главное — это я, а все остальное вторично, — последнее слово девушка смогла выговорить целиком только с третьей попытки. Я смотрела на это кольцо и чувствовала, что сейчас тоже заплачу. За компанию.

— Так, — я сморгнула едва выступившие слезинки и более уверенным голосом повторила: — Так! Значит, ты у нас теперь — невеста. Поздравляю! — скептическое выражение на лице Адама я проигнорировала. — Вернется Робби, и устроим большую пьянку.

— Он никогда раньше так не прощался! — вздохнула Агата, но всхлипы учащаться перестали.

— Конечно, предложение обычно делают один раз, — удивительно, но когда надо успокаивать кого-то другого, заодно и самой становится легче. Вот, даже пошутить получилось. — Вы тут побудьте поблизости, я сейчас все выясню и вам расскажу.

Подмигнув Тимке и кивнув в сторону Агаты, я уверенно вошла в кабинет ректора в гордом одиночестве. Тимоха — опытный утешитель, а Адам слишком заметно ревнует, ему сейчас самому тяжело.

— Лэр Рин? Доброе утро. Ваши... кхм... молодые люди... не связывались с вами в последнее время?

Вокруг большого стола собралась, по-моему, вся администрация Академии. Сам ректор, лэр Томазо Тестаччо. Оба декана — лэры Аделард Гальторе и Ипполито Мастезано. Все пять заведующих кафедрами, психолог (чтоб его...), Мухобой... тьфу! лэр Викензо Фальтмос, какой-то мужчина в ярко-салатовой жилетке и с чисто черной эмблемой... Хм... Наверное, шестой завкаф. И еще человек тридцать, не старше сорока — преподаватели. И я... И-и-ить! Нет, раз войти уверенно получилось, значит, и дальше надо так себя вести. Хотя сначала я проблеяла что-то не очень членораздельное. Но откашлялась и уже нормальным голосом повторила:

— Нет, не связывались.

— Очень жаль, — искренне расстроился ректор. — Что-то в этот раз все не по правилам. «Глядящая во тьму», не успев прозреть, лишилась рассудка, и из ее безумных выкриков практически ничего не ясно. Если не появится еще одна пророчица или пророк — не представляю, как локализовывать последствия битвы, о которых мы не знаем. Артефактная связь постоянно барахлит, а ментальная срabатывает, когда ей захочется. Нам даже не выяснить, что происходит с нашими собственными отрядами. Такое впечатление, что нас специально тыкают носом в ваши возможности, лэр Рин. Правда, что делать со спятившей пророчицей — не представляю! В вас, случайно, дара к ясновидению не проявилось? Я помотала головой,

вздохнула, и, игнорируя выжидающе-напряженные взгляды, как можно спокойнее уточнила:

— Попробовать связаться с Ниммеем?

— Да, мы были бы вам очень признательны, лэр Рин.

Я закрыла глаза и постаралась вызвать своего дракона. Сначала почти не сосредотачиваясь, потом чуть более настойчиво, потом заметавшись во внутренней панике... Стена. Я не чувствовала, не слышала. Даже отголосков эмоций не было! Так, главное — не истерить. Мало ли из-за чего я не слышу ни дракона, ни Фредо. Надо успокоиться, сосредоточиться и пробиться. Я смогу... Обязательно смогу. Ни к одному, так ко второму. Я закрыла глаза и попробовала сконцентрироваться именно на Фредо. Просто вспоминала наше вчерашнее развлечение-взаимодействие. Вспоминала прикосновения его рук, его дыхание, его голос.

— Рин?! — изумление откуда-то из глубины колодца, наполненного вязким киселем. По крайней мере, ощущения именно такие. И сквозь этот кисель на меня вылились опасения, волнение, злость... и страх.

Мысленно погладив своего некроманта по щеке, я постаралась чуть вынырнуть из зябкого вязкого киселя. И с ужасом поняла, что застряла. Рванула из последних сил, чувствуя себя осой на медовой тарелке. Накатил панический страх от осознания, что сейчас, если не успею отклеиться, освободиться, то отдачей меня закинет в этот страшный колодец еще глубже... может быть, даже дальше, чем все наши парни. Но тут надо мной пролетела огромная огненная тень, острые когти впились в тело... несуществующее, ментальное... только все равно больно, очень больно... Но понимаю, что иначе — нельзя, потому что дергать надо со всей силы! И меня выбросило обратно, в большой кабинет ректора, к взволнованно ожидающим хоть какой-то информации магам.

— Энергетический прорыв произошел по вине светлых. Все наши ребята целы, но выйти на связь не могут из-за того, что оказались за стеной, выстроенной светлыми для предотвращения отрицательных последствий этого прорыва. Ниммея тоже не выпускает. Они пытаются что-то придумать, чтобы успеть освободиться до того, как... до того, как...

— Дайте ему воды, скорее! — пить было сложно, потому что от волнения зубы стучали по стеклу.

— Лэр Рин, немедленно успокойтесь! — мерзкий голос Тарелки временно сорвал предохранительный клапан, и я просто швырнула в него почти пустым стаканом.

К сожалению, кто-то из воздушников спас психолога, а зря. Одним психом на свете стало бы меньше.

— До того как стены окончательно сойдутся, и всех, кто между ними находится, просто сплющит! — проговорила я быстро, чтобы не сорваться в очередную истерику.

— Сколько у них осталось времени? — спросил подошедший ко мне Медо.

Внешне он был совершенно спокоен, хотя взгляд и голос выдавали волнение. Иех, мне бы научиться так собой владеть... Мне бы... Как я сейчас буду рассказывать обо всем Агате? Как я... Действительно, надо успокоиться. Еще не все потеряно. Дракон даже летает. Значит, можно успеть спасти. Надо только придумать — как.

— Сосредоточьтесь и вспомните, что вы видели и чувствовали, — рядом со мной оказался довольно молодой кареглазый шатен с эмблемой переливающегося, стального цвета на нежно-бирюзовой жилетке. У него был приятный вкрадчивый бархатный голос, от которого так и тянуло расслабиться и рассказать о себе все-все с самого рождения. Вот кого надо было психологом назначать, а не этого уроды писклявого!

— Лэр Торелло, выйдете на время в коридор, вы отвлекаете лэра Рина и мешаете ему сосредоточиться, — шатен едва заметно улыбнулся мне и даже подмигнул. Окончательно покорив мое... и так уже битком набитое здешними красавцами сердце.

— Вы позволите? — присев передо мной на корточки, мужчина очень осторожно взял обе моих ладони в свои руки. — Мне так будет проще считывать ваши ощущения. А вы просто вспоминайте... Закройте глаза и вспоминайте.

Когда я по новой пережила и страх, и отчаяние, и ужас, и... щемящую душную до слез тоску, когда Ним выкидывал меня из этого киселя, а сам... сам полетел вниз от этого усилия... да, я и это вспомнила... зачем, я только это вспомнила?!

— Кисель? Это такая сладкая липкая субстанция, правильно? — ласковые поглаживания пальцев, как будто вливали в меня силу и, заодно, успокаивали. — Странные ассоциации. Скажите, а вы не припомните еще что-нибудь? Вот пока вы там находились? Какая-то настойчивая зудящая мысль? Идея? Лэр Фредонис обладает зачатками ментальной магии, как и все некроманты, и должен был постараться внушить вам свой вариант спасения, если он у него есть.

— Знаете, — я задумалась, припоминая все что испытывала, барахтаясь в этой кисельной каше. — Он очень переживал, что эти стены блокируют его магию.

— Некромантию? — шатен вопросительно уставился на других

мужчин, крутящихся рядом.

— Лэр Веккьони — маг воды, — напомнил кто-то.

— Да! — оживилась я. — Кисель очень легко разводится водой и становится менее липкий.

— Но, если мы польем магической водой, это может загасить всех огненных магов. Конечно, если другого варианта нет...

— Есть, — я даже сама удивилась, как легко ко мне пришло озарение, после того как сидящий у моих ног мужчина помог мне упорядочить эмоциональные обрывки и вспомнить действительно важное, отбросив лишнее. — У нас есть пять магов природы. Они смогут вызвать нормальный дождь! Не магический, а обычный.

— А сможет ли он размочить магические стены? — задумчиво почесал свою лысую голову декан старших курсов, лэр Ипполито Мастезано.

— Что ж, надо приготовить сразу два варианта, и если с дождем не получится, значит, придется пожертвовать огненными магами, — решительно объявил ректор.

Не прошло и часа, как все имеющиеся в Академии маги воды были доставлены и рассредоточены вокруг огромной круглой поляны окруженной зыбким туманным маревом. Через его мутную пелену можно было разглядеть знакомые и незнакомые лица. Но всем строго настрого было запрещено не то что прикасаться — приближаться к этой странной субстанции. Кроме магов воды вокруг поляны крутилась еще толпа народу. Хотя большая часть администрации осталась в стенах Академии, но Мухобой был здесь. И красивый шатен с удивительно странным именем Хамон — преподаватель по всему, связанному с ментальной магией. И декан старших курсов, потому что он тоже был магом воды. И Медо, потому что там, за стеной, был его брат.

Меня притащили как переговорное устройство, даже настаивать не пришлось. Тимошка объявил себя природным магом, и девушки-природницы подтвердили, что его помощь пригодится. Агата со скандалом втиснулась в команду целителей, поджидающих своего часа, если он вдруг наступит... А Адам просто перенесся в общем ажиотаже, потому что все привыкли, что он рядом с Агатой, если поблизости нет Робби.

Я тихо уселась на ближайшей камушек и принялась про себя молиться всем богам этого мира, заодно богам мира Нима, ну и, на всякий случай, богам моего... Можно сказать, я мысленно взывала к массовому мирозданию, чтобы оно не дало совершиться самому страшному — гибели сразу стольких людей, дорогих мне людей...

Так, главное, не плакать!

Агата за последний час стала напоминать бледную тень. На лице остались только черные глаза. Даже коса словно поблекла. И пальцы постоянно то крутят, то гладят кольцо, подаренное ей Робби. Наверно, я выгляжу не лучше. Да какая сейчас разница, как я выгляжу?!

— Значит так, сначала пробуют природные маги. Если эффекта не будет — вступают маги воды.

Да, это тоже страшно. Я уже знаю одного выгоревшего мага и вижу, как он переживает и страдает. А там будет не один, не два... даже не десять... там будет Демо... там будет Ним... Нет! Надеюсь, магия воды не загасит моего дракона! Я вцепилась пальцами в камень, заскребла по нему, сдирая ногти. Это помогло остановить рыдания и взять себя в руки. Нельзя быть такой истеричкой, да еще и заранее. Все будет хорошо!

Вперед выступили пять девушек-природниц, образовав круг. Мой Тим пристроился между Адварой и Абангу. Пока мы переходили через портал, он даже что-то пытался мне объяснить по поводу необходимости мужской магической силы, но я не очень вникала. Просто приняла к сведению, что для более успешного вызова дождя необходим мужчина-маг. Природный маг.

— Нам надо, чтобы на той стороне тоже попытались нам помочь, — Адвара внимательно посмотрела на меня. — Второй круг. Им надо создать второй круг из магов, в которых есть сила природы. По-хорошему им бы туда надо женщину....

Адвара даже договорить не успела, как Агата, всхлипнув и закрыв глаза, решительно шагнула в это марево. Адам кинулся за ней, но его уже успели поймать.

Я же лишь продолжала скоблить ногтями камень и нервничать.

Вот он — выбор во всей его красе. А смогла бы я ради Нима или Фредо шагнуть в эту муть? Не ментально, а осознанно... Смогла бы ради кого-то из них, даже не задумываясь, ни на секунду. Сказали — надо, и вперед. Сразу. Вот Ним ради меня взлетел и помог вырваться, чтобы потом упасть вниз... Так, не думать. Не думать. Драконы не разбиваются! Сейчас надо закрыть глаза и попробовать связаться с Фредо. Шатен... то есть лэр Хамон сразу оказался рядом, готовый выдернуть меня, если понадобится.

Сначала пустота, потом волнение, надежда... снова волнение... Агата. Да, это они увидели Агату. Сильное волнение... Облегчение... Вытащили. Надежда. И, наконец... готовность. Да, напряженная выжидающая готовность.

— Все. Они создали круг.

Глава 31. Освобождение

Все дальнейшее я помню очень смутно. Сердце стучало от волнения так, что закладывало уши, и пульсировало в голове. От пальцев искрило, а ладони вспотели. Искусанная губа ныла, не давая совсем отключиться от реальности. Больше всего меня злило то, что я ничем, никак не могла повлиять на происходящее. Тим — мог, Агата — могла, а я — нет. А ведь там, за стеной, мои друзья. Мои! Там... Ним, Фредо... Демо... А я сижу тут, на камне. Ну, разве что под ногами у всех не путаюсь, просто сижу. И вон Адам тоже просто стоит у дерева. Молча. Уставившись в небо и сжав кулаки. М-да... Мы с ним сейчас два сапога — пара. Я заставила себя расцепить пальцы и встать. Потом медленно подойти к застывшему, как скульптура, парню и пристроиться рядом, опершись о то же дерево.

— Рин, ты только не обижайся, но я сейчас могу что-нибудь не очень доброе сказать, если ты меня утешать попробуешь.

— Даже пытаться не буду, — вздохнула я. — Просто сидеть устал, решил компанию составить. А то все кругом суетятся, как муравьи перед закатом.

— Точно, — Адам скупно улыбнулся. — У вас в мире есть история про муравья, который опаздывал к закрытию муравейника?

— Есть, — я тоже улыбнулась. Быстро. Мельком.

— Ты верно подметил — все суетятся, и только я...

— Только мы, — подсказала я.

— Именно. Только мы с тобой отдыхаем и не создаем излишней суеты, чтобы не привлекать внимания к своей бесполезности и никчемности, — Адам нахмурился, закрыл глаза и замолчал. А потом, так и не открывая глаз, добавил: — Кстати, я против того, чтобы ты примазывался к моему тайному обществу. От тебя есть польза, Рин. Огромная. Без тебя мы бы никогда не узнали, что с нашими друзьями. А вот от меня точно никакого проку. Я теперь не то что других, сам себя вылечить не могу. У меня после того случая в лесу, как у малахольной лэры на первом балу, голова от солнца кружится, и кожа красными пятнами покрывается, словно ожогами.

Адам еще постоял, помолчал и добавил — А еще я слышу, как бьется твое сердце.

Надо же, как я разволновалась. И сама наивно верю, что со стороны почти незаметно. Но разговор мне помог, я отвлеклась и на какое-то время перестала гипнотизировать несчастных природниц. Наверное, даже

крестьяне в период засухи не следили за ними с таким напряженным ожиданием, как сегодня толпа боевых магов.

Девушки, оценив размеры кисельной постройки, похоже, поставили себе целью призвать тучу исполинских размеров. И я очень хорошо видела, с каким трудом у них это получается. Лица были как у штангистов, которые пытаются взять новый рекордный вес. Пот ручьями, взгляд застывший...

Выстроенные вокруг стены маги воды, начиная с первого курса и заканчивая четвертым, а еще преподаватели и даже администрация, в лице декана... все они посматривали на природниц со странной смесью мужского превосходства и надежды. Потому что, да, им не надо будет так стараться, но их магический водопад уничтожит магию в их «огненных» однокурсниках и коллегах. Не думаю, что какому-то магу хотелось бы стать причиной магической гибели другого, если тот, конечно, не его личный враг. Рядом со мной прозвучал странный скрежет... И-и-ить, это я ногтями скребу по дереву. Да сколько уже можно?! Давайте же, скорее... Стены-то сдвигаются!

Все застыли. Казалось, даже дышать перестали. Тишина. Комариный писк. Пичужкины трели из леса. Волны бьются о скалы... Целый океан буквально почти в двух шагах!

Первые минут десять, после того как мы сюда прибыли, всерьез обсуждался вариант поднять огромную волну и накрыть ею весь этот кисель. Но потом передумали, испугались, что смочит и стены, и студентов, и еще и нам может достаться, если кто-то хоть на пару метров ошибется. Ведь старшие курсы все замурованы, а младшие еще не слишком опытные, чтобы управлять океаном. И силы семи взрослых магов для волны необходимого размера, может не хватить. Я пока эти обсуждения слушала, холодным потом обливалась, вспоминая свой ночной кошмар.

Мне даже сейчас не по себе от звука плещущейся где-то внизу воды. А еще кажется, или этот звук усиливается. Плеск... Шум... Со стороны океана движется огромная серая, почти черная туча, которую вызвали природницы. Набухшая, переполненная настолько, что содержимое выливается из нее «через край». Туча, в которой только вода и ни грамма магии.

Да, в этом и есть ключевая разница магов природы и магов воды. Хорошо, что я внимательно слушала, когда Демо в очередном теоретическом приступе, рисуя руны дождя, объяснял нам этот важный момент. Нет, наверное, ректор и остальные додумались бы до магов природы и сами, но пока они бы про них вспомнили, пока собрались бы с духом обратиться за помощью к женщинам... А может, я на них

наговариваю, и они даже задумываться бы не стали, ведь речь шла о двух курсах огненных магов. О двух выпускных курсах... Не важно! Мне хочется верить, что воспоминание о ключевой разнице и мое гениальное озарение повлияли на спасение. Хотя бы просто его ускорили...

Под ливневыми потоками кисель растекался, сладкой мерзкой жижей стекая в океан, растворяясь в нем. Гринписа тут, явно, не хватает — сливаем в воду всякую дрянь... Черт, о чем я думаю?! О чем я думаю, старательно разглядывая проступающие все более отчетливо силуэты, ища в толпе знакомую ярко-рыжую косу?.. Нашла! Перепрыгивая через кисельные лужи, мокрая, холодная, я подбежала к стоящему в третьем ряду Ниму и прижалась к нему, крепко-крепко. И плевать, что это совсем не мужское поведение... Плевать! Они тут все сейчас обнимаются и радуются. А счастливая Агата просто висит на шее Робби, довольная, улыбающаяся... Я помахала рукой сначала ей, потом всей нашей команде: Фредо, Роджеру, Чезанно, Фонзи, Кси, Жану... Все снова хорошо! И куча глупых слов, и теплые губы, пахнущие хвоей... «Ящерица»... Да, я его ящерица, а он мой — дракон. И пусть на нас все смотрят... плевать! Мне сейчас на все плевать, кроме того, что он живой, невредимый, мой...

* * *

Первым сориентировался именно Ниммей:

— Быстро все в лес! Прорыв снова активизируется!

Вот младшие курсы слажено исчезли за деревьями, за ними четвертые, пятые... Остались только взрослые маги, шестикурсники, Ним... и мы с Агатой. Она упорно не хотела отпускать Робби, а я тянула ее, тянула... при этом с ужасом глядя на огромный крутящийся смерч, становившийся все больше и больше. Страшный... Мощный... И рядом с ним мой дракон! Мои друзья... И... Они не знают, как его остановить. Я просто физически чувствую их растерянность, их страх, который они подавляют, чтобы он не мешал им думать.

— Пусти! Пусти! Я хочу быть с ним! Я хочу... с ним! Пусти меня сейчас же к нему!

Агата вырывается, как дикая кошка, только не царапается. Мне счастье, что она не применяет магию, потому что физически я ее сильнее. А вот магически у меня не было бы шансов... И их действительно не хватает, едва только девушка вспоминает, что она — маг, и оплетает меня лианами. Магией Агата владеет гораздо лучше меня. А смерч, как живое

существо, до этого пытающееся закрутить в своем вихре дракона, как собака, учуявшая запах мяса, кидается в нашу сторону. Волна? Цунами?! Нет, самый ужасный мой кошмар на долгие последующие ночи — это огромный вихрь, засасывающий в себя все живое и неживое...

— Стой! — я даже не сразу узнала голос Роберто, такой он был... странный. словно незнакомый и знакомый, одновременно. И громкий. Очень громкий. А самое удивительное... и страшное... что смерч его послушался и, обернувшись, ринулся на него.

— Прочь! Все прочь! — снова раздался громкий знакомый голос.

Не прошло и минуты, как Робби остался в гордом одиночестве. Я за это время успела освободиться от лиан, упасть, подмяная под себя Агату, заломить ей руки за спину и передать ее трем пришедшим мне на помощь мужчинам-целителям, рискнувшим выскочить из леса, а теперь тащивших туда отбивающуюся девушку. Посмотрев на секунду влево, я отметила, что Фонзи и Фредо придерживают Ниммея. Именно не удерживают, а придерживают — разве смогут двое обычных людей справиться с драконом? А взгляд упорно возвращался к маленькой черноволосой фигуре. Память услужливо подсовывала мне воспоминания, где он улыбается... спокойный и ласковый взгляд его темно-серых глаз... дружелюбие, которое он постоянно изучал... его голос... «Без проблем!»... Агату, показывающую нам кольцо... Агату, шагающую ради него за туманную страшную стену... Агату, счастливую и улыбающуюся... Агату, шарахнувшую по мне магией и этим приманившую к себе смерч...

За моей спиной раздался какой-то нечеловеческий крик, переходящий в вой, а потом тишина. Страшная тишина. Потому что смерч налетел на эту маленькую фигурку, пытаясь смять и уничтожить... Да я сама не закричала только потому, что заткнула себе рот кулаком. Но, странное дело, ужасный вихрь становился все меньше и меньше, исчезая буквально на глазах. Не знаю почему, но я, шаг за шагом, двигалась к месту сражения Робби и смерча. И, именно поэтому, я увидела, что первым исчез именно вихрь, а уже потом словно растворилось тело Роберто. И у меня было четкое ощущение, что это не по-настоящему, для отвода глаз, чтобы мы, зачем-то поверили...

— Ты здесь, я тебя чувствую! — прошептала я в воздух. Практически не надеясь услышать ответ. Но он прозвучал:

— Не смей говорить ей об этом! Так будет лучше!

Когда вокруг собрались остальные, я стояла на коленях возле того места, где исчез Робби и вполне естественно всхлипывала, вцепившись пальцами в вырванную с корнем траву. Мне, действительно, было ужасно

тоскливо и пусто. Но маленькая надежда, что со временем все выяснится, не давала мне разрыдаться. Ниммей, подхватив и приподняв меня, оттащил в сторону. Обнял, спрятав ото всех.

— Как ты, ящерица?

— Хреново! — честно призналась я. — Но Агате сейчас хуже.

Обернувшись, я посмотрела на девушку, бившуюся в истерике как раз на том же самом месте, где совсем недавно стояла я. Рядом крутился растерянный и бледный Адам. Неестественно бледный... Вот к нему подошел Фредо, положил руку ему на плечо, отвел в сторону. Что-то объясняет... Наконец Адам кивает, соглашаясь, растерянно оглядывается, видит нас... Я помахала ему рукой, и он подошел.

— Фредо сказал, чтобы я сейчас держался от нее подальше. Говорит, что это очень опасное дело — утешать любимую девушку, оплакивающую соперника. Можно попасть под раздачу и быть обвиненным во всех смертных грехах, особенно в злорадстве. Но мне действительно жаль Роберто...

— Верю, — я кивнула, одной рукой продолжая обнимать Нима за талию, а второй погладив Адама по пальцам. — Но Фредо прав. Сейчас, пока Агата не совсем адекватна, лучше, если ты будешь поблизости, но не совсем вплотную. Чтобы она тебя чувствовала, видела, но наговорить глупостей не могла. Когда ей станет немного легче, она сама к тебе подойдет.

— Странно, что именно вы с Фредо учите меня тому, как правильно вести себя с женщинами. Это вызывает у меня когнитивный диссонанс, — Адам дернул уголок губы, намекая на попытку улыбнуться. — Пойду постою поблизости. Жаль... Я не хотел, чтобы она досталась мне такой ценой.

Я тоже мельком изобразила что-то похожее на улыбку и снова всхлипнула. Неотвратимо подкрадывался отходняк — начало знобить, зубы выстукивали барабанную дробь, внутри все скрутилось в тугий жгут, и глотать получалось все труднее и труднее — мешал огромный, увеличивающийся комок... Да, в отличие от остальных, я знала, что Роберто жив. Хотя не понимала, почему он исчез, и что, вообще, произошло.

К нам подошел Мухобой, похлопал Нима по плечу и заговорщицким шепотом попросил:

— Вы бы, лэры, вели себя... как два лэра. Или, тогда уж, зайдите к ректору и оформите официальную опеку. Вас уже рассекретили два старых опытных ловеласа и почти вся кафедра целительной магии. Остальные просто к вам не приглядываются, пока вы не привлекаете внимания. А

еще, — мужчина ухмыльнулся, — когда Томазо попытался перевести вас, лэра, в женский отряд, лэр Демо устроил очень шумный скандал, обвинив нас в дискриминации его студентов по половому признаку. А лэр Сеттимайо шантажирует нас пророчествами и тем, что нельзя вмешиваться в развитие событий с ними связанными. Поэтому только вам решать, как действовать дальше. Но если продолжите прикидываться мужчиной, то и ведите себя так, как подобает. Возможно, тогда вам удастся спокойно проучиться на огненном факультете до шестого курса, при условии наличия рядом с вами вашего опекуна.

Выдав все это, лэр Викензо отошел в сторону, а я, быстро приведя в порядок одежду, попыталась принять подобающий мужчине вид. Очень хорошее успокаивающее средство. Сразу в голове проясняется, эмоции приглушаются и... Меня хотели перевести в женский отряд, а Демо не дал?! Какой у меня чудесный преподаватель! Не побоялся поругаться с ректором... Из-за меня...

— Что, ящерица, будем соблюдать конспирацию? — хмыкнул Ним. — Хотя целоваться мне понравилось. Такой поганый день, но и в нем было что-то хорошее... Например, ты.

Я кивнула, вздохнула и едва удержалась, чтобы снова не уткнуться лицом ему в грудь.

— Угу. Будем вести себя, как два лэра... Только плакать хочется совсем не по-лэровски.

— Да, Робби всех нас спас, — помрачнел Ним. — И я выклевал себе весь мозг, пытаюсь понять, как он это сделал. Заткнуть магическую дыру в пространстве мира силами одного мага, это как плевать в костер, чтобы его загасить. Дыра поглощает магию, питается ею, разрастаясь в размерах. Изначально, пока она была мелкая, мы хотели ее просто забаррикадировать, почти так, как потом сделали ангелы, чтобы у них все перья из крыльев выпали. Но как можно было остановить ЭТО...

— То есть это что-то типа фей? Чем больше пытаешься ее остановить магией, тем круче она становится? — уточнила я, поеживаясь от воспоминаний и чисто инстинктивно стараясь отгородиться от воспоминаний о Роберто. Хорошо, кто-то из целителей догадался усыпить Агату, и теперь она спала на руках у Адама.

— Да, сходство есть, — Ниммей нахмурился, задумался, приобнял меня за талию и прошептал: — Знаешь, чего я сейчас хочу больше всего на свете?

— Чего? — замерла я в приятном ожидании.

— Забыть обо всех. Обнять тебя безо всякой конспирации, отнести на

кровать... Может быть, сломать снова раковину. Я хочу радоваться, что живой, ящерица! Ведь мы под конец уже почти отчаялись. Что-то со здешними приключениями не так. То меня пытаются убить маленькие мерзкие девчонки с крылышками. То спрессовать какой-то отвратительной густой вязкой дрянью. То чуть не сожрал огромный пыльный вихрь. Это какой-то неправильный мир, ящерица! Тут не любят драконов...

— Любят, — прошептала я, изо всех сил пытаюсь соблюдать конспирацию. Видимость конспирации. Условную видимость... — Может, не все, конечно...

— Улет! Ты просто мастер тонких намеков, ящерица! Я тут тоже не всех люблю, — и Ним улыбнулся, одновременно, подталкивая меня в сторону портала. — Маши быстрее крыльями, конспиратор. Я должен выдохнуть в почти родных стенах замка, а то меня слегка потряхивает.

Глава 32. Добро и зло — понятие растяжимое

Вернувшись, мы все собрались на заднем дворе. Мы — это все четырнадцать команд и их кураторы, администрация Академии, а так же девушки-природницы, Тимоха, я и Ним, Агата и Адам. В центре, на невысоком холме, стояли Фредо, Фонзи, Роджер, Чезанно, Ксирономо, Жан и еще двое парней — маги земли. Раздался барабанный марш, совпавший с тихими девичьими всхлипами, которые были слышны только тем, кто стоял рядом. Нет, Агата крепилась, как могла, просто у нее чуть подрагивали губы, ввалились скулы, под черными глазами появились темно-синие круги. Всхлипы у нее получались ровно тогда, когда она делала вдох. Стоящий у нее за спиной Адам выглядел не лучше — бледный, осунувшийся, и только губы на его лице выглядели ярким красным пятном.

Я старалась вести себя «по-лэровски», но при этом вцепилась в руку Нима, как в спасательный круг. Внутри меня бушевали и мои эмоции, и эмоции Фредо. Я не могла его оттолкнуть, потому что чувствовала, как ему плохо. В его голове крутились тысячи воспоминаний, связанных с Робби. Они были знакомы с детства. В этом мире аристократы не ходят в школы, но они все равно пересекаются, постоянно... Гости, балы, охоты... и дети в одну кучу, чтобы общались со сверстниками из «приличных семей». Фредо, Чезанно, Роберто — наследники, старшие сыновья, гордость семьи. Конечно, их с детства приучали дружить друг с другом. И сейчас Фредо было очень-очень больно, а единственное, что я могла сделать — разделить с ним эту печаль, не афишируя свое присутствие в его эмоциях. Правда, мне кажется, такое скрыть невозможно. Иначе бы он не поглядывал на меня изредка, и я не ощущала бы его благодарности... и грусть... и понимание. Нет, вести себя «по-лэровски», когда тебя просто душат слезы, ужасно трудно!

Все члены команды Робби подняли вверх левые руки и выпустили в воздух лучи, окрашенные цветом их магии. Два красных, два синих, два белых и два коричневых. Они красиво переплетались в воздухе, заставляя поднять голову вверх и любоваться на небо.

Барабаны умолкли, чтобы не заглушать громкое и слаженное:

— Ты всегда с нами, Роберто!

Дождавшись, когда выпущенные парнями лучи растворятся в воздухе,

на холм поднялся ректор и объявил:

— Уважаемые лэры. В то время, пока шла спасательная операция, в книге возникло еще одно пророчество. Я зачитал его всем, в тот момент присутствующим в Академии, а теперь хочу сообщить и вам: «Когда тот, в ком равновесие сил идеально, призвет тьму на помощь свету». Лэр Роберто Корелли был наполовину некромантом, наполовину целителем. И то, с какой легкостью он сумел усмирить и уничтожить дыру в магическом пространстве нашего мира, может означать только одно...

— Нет! Робби не мог! Он бы никогда...

Агата вырвалась у удерживающего ее Адама и еще громче прокричала:

— Робби никогда не продал бы свою душу демонам!

— Вы уверены, лэра? Даже ради того, чтобы спасти вас?

Девушка мгновенно замерла, напряженная, напуганная, надломленная... А потом все же разрыдалась, уткнувшись в плечо Адаму.

— Мои подозрения, лэры, подтверждает тот факт, что это пророчество уже отмечено в книге, как полностью сбывшееся.

— Жаль, что Роберто, продав душу, исчез, а не остался с нами, чтобы навалить этим светлоперым! — вдруг, неожиданно, произнес Фонзи. — Они ведь видели, что нас вместе с дырой запирают, но им было плевать! И на перваков наших им было плевать, раз первое пророчество таким придумали. Им, вообще, на нас плевать! Так что жаль, что Робби ушел. Я бы пошел за ним. Даже за таким, каким он стал.

Все ребята из команды Фредо подняли вверх левые руки, чтобы переплестись пальцами. Очевидно, это была крайняя степень одобрения. А у меня в голове уже давно шел стратегический бой между вдавленными еще в моем мире представлениями и тем, что я видела сейчас. Прижавшись спиной к Ниму и почувствовав его руку на своей талии, я немного успокоилась. Настолько, чтобы шепотом уточнить:

— Ним, но они же — ангелы! Это же добро воплоти, разве нет?

— Ящерица, ты путаешь расцветку и мораль, — тихо хмыкнул мой дракон, прямо мне в ухо. — Облака белые, снег белый... У вас есть сказка про Снежную королеву?

— Есть, — прошептала я, замерев от приятного щекочущего чувства по всему телу. Что-то мне тоже захотелось почувствовать себя живой. После всего, что я увидела, после всего, что только что узнала, после всего, что у меня сейчас в голове пытается уложиться и как-то перевариться...

— Она была доброй?

— Нет, — уверенно ответила я и задумалась.

А что плохого сделала Снежная королева в нашей сказке? Увезла

прицепившегося к ее саням хулиганистого мальчишку? Не хотела потом его отдавать? Не альтруистично, но назвать ее поведение злым я бы не рискнула.

— Она была... обычной. Не плохой и не хорошей.

— Во-о-от, ящерица. Ты начинаешь проникаться! Но при этом она же была белой... снежной.

— Ты хочешь сказать, что...

— Я хочу сказать, что и на солнце есть пятна, — фыркнул Ним. — Для ангелов с демонами вы лишь шашки. И каждый из них легко пожертвует десятком, а то и сотней, чтобы продвинуть парочку в дамки. При этом по их системе ценностей ничего плохого они не совершат. Как и ты, прихлопывая комара или муху. Но тут есть очень хитрый момент, желтоклювик. Не знаю, как в твоём, а в нашем мире демоны ближе к народу, потому что папаша-создатель скинул их с небес на землю, причем с такой силой, что они ушли вглубь. В подземелье. И оттуда пытаются вырваться, всеми правдами и неправдами. А для этого им надо крутиться, как павлин перед самкой, чтобы она видела только его хвост и не разглядела его куриную задницу. И у них это уже в привычку вошло — прятать жопу за веером перьев. А ангелы порхают в облаках и им сверху плевать на жалких людишек. Они даже не будут стараться сделать вид, что вы для них имеете какое-то значение, и от вас надо что-то скрывать или прикрывать. Они себя просто ведут так, как считают нужным. Но они ошибаются на ваш счет, ящерица. Вы — не просто шашки. Вы не комары и не мухи. Вы — осы. И можете, умирая, укусить очень больно. Демоны это прекрасно понимают, поэтому вам они ближе, и вам с ними проще. Только помни про задницу и хвост! — выдав такую длинную умную речь, Ним притянул меня к себе по сильнее и поцеловал в макушку. — А еще эти пернатые экстремисты совершенно не хотят принимать в расчет меня. Это просто оскорбление моего драконьего достоинства!

Пока Ним философствовал, ректор пригласил на вершину холма девушек-природниц и Тима. А еще группу магов природы, образовавших второй круг, за стеной. Адам под руку довел до холма Агату и передал ее, почти буквально, с рук на руки Роджеру. После чего все присутствующие, ну и мы с Нимом за компанию, опустили на левое колено, приложили правую руку к сердцу и склонили головы. Как я понимаю, это было такое массовое выказывание благодарности за спасение.

— Улет! А мне такого спектакля после возвращения из леса не показывали, — немного обиженно пробухтел Ниммей. — Но за то, что они меня сегодня спасли, я переживу этот позор.

Вновь загремели барабаны, извещая, что время, отведенное на прощание и благодарности, закончилось, и пора Академии возвращаться к привычной жизни. К нам подошли друзья Роберто, подведя едва подающую признаки жизни Агату. Адам тут же перехватил ее, обнял и кивнул в сторону ворот:

— Мы к целителям заглянем. Будет лучше, если она сегодня поспит в лазарете, а не с остальными девушками.

Роджер, проводив парочку взглядом, задумчиво выдал:

— Пацаны, может... под опеку ее... формально, конечно? Ей взаперти сложно будет.

Я инстинктивно поежилась, представив нашу Агату в «женском отряде».

— Не, ее тогда уж к Адваре лучше, — предложил подошедший Тимошка. — Она ведь тоже маг природы.

— А может, лучше подождать, пока она придет в себя немного, и спросить? — высказалась я.

Парни посмотрели на меня задумчиво, переглянулись...

— Пусть Адам решает, его невеста теперь, — подвел итог Фонзи. — Если что, так мы всегда и под опеку формально, и все такое...

— За «все такое» я тебе голову отвинчу, — неожиданно сквозь зубы процедил Чезанно.

— Да я ж не то имел в виду, — принялся оправдываться Фонзи. — Говорю ж, формально... А бабу твою я по незнанию взял, который раз повторяю. Знал бы, что твоя — другую бы выбрал.

Чезанно лишь отвернулся и устоялся в сторону моря. Только кадык двигался вверх-вниз, выдавая напряжение. Спустя полминуты парень успокоился, выдохнул и махнул рукой:

— Да, инферно с ней. Не хватало еще из-за гулящей бабы с друзьями разругаться. Ты прав, пусть Адам решает, его невеста.

Последнее слово Чезанно произнес с таким лицом, словно выругался. А я в очередной раз поймала себя на полном отсутствии женской солидарности. Почему-то вспомнилось, как ради спасения «гулящей бабы» кто-то был готов в огонь кинуться. Нет, Ниммей не совсем прав, конечно, если именно ангелы придумывают эти предсказания. Потому что в них присутствует тонкое знание людской психологии и манипулирование нашими эмоциями и чувствами.

— Мы в столовую. Вы с нами? — Роджер вопросительно устоялся на меня, Тимку и Нима.

— Пожрать надо, — выдал Тимоха.

Ним, дернув уголками губ, согласно кивнул:

— Я бы тоже стресс заел. А то со вчерашнего вечера голодный.

Объяснять, что мне кусок в глотку не полезет, я не рискнула. Лучше посижу со всеми, Фредо еще поддержу — ему это не помешает. Остальных парней тоже не совсем отпустило, просто у мужчин организм устроен как-то странно. Душевные переживания никак не влияют на процесс пищеварения. Сложно сказать, что у нас сейчас было — ранний ужин или поздний обед. Но желающих заесть стресс в столовой хватало. Пока парни ушли удлинять очередь на раздачу, я практически прилегла на выбранной нами скамейке, чтобы было ясно — здесь уже занято.

— Ты не хочешь мне ничего сказать, Рин? — Фредо уселся рядом, серьезный и грустный.

— Я... — Нет, так дела не делаются! Надо закрыть глаза и честно ответить. Честно и прямо! — Я выбрал Нима, Фред, И... Я бы очень хотел, чтобы мы остались друзьями, но я пойму, если ты...

— Что ж, я рад, что ты сам предложил дружбу, Рин, — сердце привычно застучало в груди, как будто сейчас выпрыгнет и упадет прямо моему некроманту в руки. — И наши тренировки я бы продолжил, если ты не возражаешь, — меняхватило лишь на то, чтобы молча согласно покивать.

Тут Фредо нагнулся, наклонился и жарко выдохнул мне в ухо:

— Я умею ждать, Ри-и-ин.

И тут на меня накатила приступ честности. Болезненный, удушливый, настойчивый, прямо до трясушки. Я схватила Фредо за руку, протащила его, несколько удивленного, мимо всей очереди на раздачу, на ходу крикнув Ниму и Тимке, что скоро вернусь... Вытащила во двор, огляделась, убедилась, что вокруг никого нет... Но, на всякий случай, потребовала:

— Сделай так, чтобы нас никто не слышал. Ты же можешь?

— Могу, — несколько растерянно проговорил Фредо и вывел в воздухе руну.

— Я девушка.

Словно под воду нырнула, с высоты метров в десять, а то и в двадцать. Нет, с самолета вниз... И такое чувство, что парашют не раскрывается, потому что Фредо стоит и молчит. Просто молчит и смотрит на меня. А мне все больнее и больнее. Вот просто до судорог в животе... Черт, это не моя боль! Его! И что мне теперь делать? Я даже прикоснуться к нему боюсь, пока он хоть что-то не скажет. Хоть слово.

— Ясно. Спасибо, что сказали, лэра.

И все. Все... Все! Вот она — боль. Я по-прежнему ее чувствую. Вот он

— Фредо. Только руку протяни. Но при этом странное чувство, что я уже подлетаю к земле, а парашют так и не раскрылся.

— Да. Я долго боялась, зная твое отношение к женщинам. Но обманывать тебя дальше было бы не честно. Прости, что не сказала раньше. Я не была уверена, что могу тебе доверять.

Фредо молча нарисовал в воздухе руну. Посмотрел на меня как-то очень странно — задумчиво-пустым взглядом. И пошел прочь... от меня. Я сглотнула огромный душащий комок в горле. Еще один. Еще... Фредо, развернувшись, вновь подошел ко мне. Я по-прежнему чувствовала его боль, как свою. Интересно, он чувствует, как мне сейчас плохо?!

— Спасибо, что сказали именно сейчас, лэра. Мне так тяжело от потери старого друга, что на фоне этого боль от потери... вас... будет менее заметна.

Я лишь смогла слабо кивнуть, стараясь, вообще, не смотреть в его сторону. Дура! Мало ему Роберто, так я еще и...

— Нет, лэра, вы не поняли. Вы поступили очень правильно и честно. Не корите себя. И... будьте счастливы.

Он ушел, ушел... совсем ушел. А я стояла, спрятавшись между стеной корпуса и деревьями, и выла. Тихо-тихо. Чтобы никто не услышал. И пусть это было совсем не по-лэровски... Когда Тимоха с Ниммеем меня нашли, — слезы уже закончились, истерика тоже. Просто внутри было пусто и... больно. Мне или Фредо... Уже не понятно. Мои мальчишки отвели меня в блок, уложили в кроватку, накрыли одеялом... Наткнувшись взглядом на Снежка, я снова едва слышно заскулила, но мой домашний любимец тут же исчез из комнаты. По-моему, его вывел Тимошка... Не помню.

Я поскулила еще в подушку, потом задремала на какое-то время. Проснулась среди ночи со странным чувством какого-то отрешенного спокойствия. Огляделась, покрутилась, поняла, что в одиночестве это не закрепившееся еще до конца спокойствие я быстро расплескаю. Выползла из кровати и отправилась в комнату к Ниму. Пристроилась к нему сзади, обняла, прижалась... Почувствовала, как он напрягся, проснувшись. Мы лежали так вместе минуты две-три, а затем Ниммеем обернулся, притянул меня к себе, погладил по волосам:

— Спи. Спи, моя хорошая, спи. Ящерица моя...

Боль, и так уже почти исчезнувшая, отступила совсем. Стало хорошо, тепло, уютно, спокойно... Надежно.

— Все будет хорошо...

— Угу, — прошептала я, обнимая его за шею и сама ища его губы. Целуя, осторожно, робко... Или это он — робко? А я уверенно, точно зная,

чего хочу? Кого именно сейчас хочу...

— Гадостей наговорил? — и голос такой, что если отвечу «да», завтра весь их нейтралитет закончится.

— Нет, поблагодарил за правду и за то, что сказала именно сейчас. И-и-и, — тут я вспомнила и горестно всхлипнула, потому что сейчас это казалось самым обидным, — он перестал меня звать по имени и стал обращаться на «вы-ы-ы»...

А дальше мы целовались... Долго. Отчаянно... Жарко. И мои слезы, моя обида, моя вновь накотившая от воспоминаний боль... все исчезло, растворилось в этих поцелуях. Самым важным сейчас были только его губы, его тепло, его нежность... его шепот: «ящерица моя»... Даже то, что случилось с Робби, слегка забылось. На время... Я вновь была готова на большее, я хотела этого, мне было это нужно! Но Ним лишь целовал, гладил, шептал что-то ласковое... А потом обнял, и я почти сразу уснула, уткнувшись носом ему в подмышку.

Удивительно, но следующим утром я спокойно умылась, почистила зубы, спустилась с Тимом и Нимом вниз, потренировалась, позавтракала, здороваясь со всеми знакомыми... Да, Фредо мне лишь кивнул, обнимая при этом довольного и сияющего Эззелина, но все парни восприняли этот факт вполне естественно. Ведь я тоже, не скрываясь, держала за руку Нима и, по-моему, вела себя более «по-лэровски», чем Вазелинка. На обед нас отпустили пораньше, поэтому мы успели столкнуться на выходе из столовой с Адамом. Агату пока еще держали в лазарете, — она впала в состояние апатии, отказывалась есть и пить, ночью почти не спала. Плакала...

Мне даже стыдно стало за собственную ночную истерику. Вот уж у кого, действительно, настоящее горе, а я тут себе навывдумывала всякого. Сначала влюбленность, потом страдания... Не моя была сказка, с самого начала — не моя. Фредо был влюблен не в меня, а в мальчика Рина. И, понятное дело, он оказался не в восторге, узнав, что такого мальчика не существует. Зато Нимей любит именно меня. Любит... Иначе не стал бы жертвовать собой, и вообще...

Когда уже подходила наша очередь на раздачу, появилась вторая подготовительная группа. Борхэль накинулся на нас, выливая очередные новости о собственных достижениях и, заодно, между делом, сообщил, что с утра пересекался с Санасаром.

— Он совсем спятил! Представляете, на полном серьезе объявил, что по их башне разгуливает по ночам вампир! Даже жертв называл.

— Хочешь сказать, что вампир кого-то убил из целителей, а нам не

сообщили? — удивилась я. Конечно, Адам всю ночь дежурил возле Агаты в лазарете, но именно поэтому такая новость не прошла бы мимо него. И, я уверена, он бы поделился ею с нами.

— Нет, это какой-то странный вампир. Он нападает сзади, затыкает жертве рот, выпивает немного крови и исчезает.

— Улет! Да среди целителей тогда паника уже давно должна была начаться! Они бы тут крыльями махали и шум бы устраивали...

— А они боятся, ясно? — с загадочным видом сообщил Борхэль. — Они боятся, что их спалят, как зараженных. Вот и молчат. Только между собой перешептываются.

— То есть это у них давно уже, что ли? — почему-то я сначала с перепугу подумала на Робби, но тогда вампир только с этой ночи должно был появиться. И потом, Робби же вызвал демона, если верить ректору. А демон — это немного другое...

— Санасар сказал, уже дней пять. И напуган он до икоты! — Борхэль покивал сам себе, оглядел нас и добавил: — А если это, и правда, заразно? Представляете?! Целый факультет вампиров... Ужас, да?! Я учебник читать спокойно не могу, меня потряхивает сегодня весь день.

— Улет... — Ниммей взял свой поднос и принялся оглядывать зал, ища свободное место.

— Я с Санасаром вечером поговорю, — уверенно объявил Тимка. — Он же к Адваре придет, тренироваться. Вот я из него все и вытяну. Может, у них там, в лаборатории, опыт какой делали, ну и колбочку нечаянно кокнули. А там глюциноген массового поражения. Вот и мерещится всем... всякое.

— Да уж, — согласилась я. — Нам сейчас только вампиров в Академии не хватало! Убиться, блин, плеером!

Глава 33. Кровавый вечер

Начало второй половины занятий, первые долей двадцать, а то и тридцать, я честно «проприсутствовала». Сегодня мы решали новые и повторяли старые рунные уравнения. И, как я и подозревала, в исполнении моего любимого преподавателя они выглядели гораздо более захватывающе, поэтому все утро я просидела, буквально глядя Демо в рот. Но сейчас большая часть моего разума была захвачена информацией о вампире в башне целителей.

— Студент Рин, порауйте меня. Что будет, если соединить землю и огонь?

— Лава.

— Землю и воду?

— Болото.

— Землю и воздух?

— Пыль.

— Руны, студент Рин. Не только ответы, но еще и руны. Не разочаровывайте меня.

Действительно, человек, который со скандалом отстаивал мое право учиться в одной группе с мужчинами, имеет все основания рассчитывать на мою отличную успеваемость. Так что пришлось напрячься, сосредоточиться и временно забыть обо всех — Роберто, Фредо, Борхэле... и вампире.

— Как получить магическую глину, студент Рин?

— Соединив землю, воду и... песок?

— А что нужно, чтобы получить песок?

— Воздух и камень.

— И как вы получите камень?

— Соединив воду, землю и огонь.

— Напишите точную последовательность действий, как бы вы это делали...

Очевидно, мой слегка рассеянный вид Демо посчитал за личное оскорбление, поэтому всю оставшуюся часть занятия я отдувалась по полной. Нет, никто не спорит — мне оно только на пользу. Наверное. Хотя, на практике, все это имеет смысл, лишь при наличии магов всех четырех стихий. Ну, или если мне вдруг резко понадобился комочек глины... Мало ли. Как раз на комочек, размером с кулак, моих способностей хватило.

Только уже под самый конец занятий Демо вспомнил, что есть еще восемнадцать студентов и наугад выбрал парочку, чтобы они тоже рассказали ему что-нибудь о соединении элементов, а я смогла плюхнуться рядом с Тимкой и устало выдохнуть.

— Весь вечер на арене... — подколот меня домовенок. — Тяжело быть любимым студентом.

— Да уж. Приходится работать на имидж, — вяло отшутилась я.

— Лэр Тимофей, а давайте, и вы поделитесь с группой своими знаниями. Скажем, что будет, если...

Я проводила понурого «лэра» сочувствующим взглядом, а потом напряглась и замерла, почувствовав, как меня очень пристально разглядывает Демо. Задание он давал Тимке, а смотрел — на меня. А сразу после допроса Тимошки он нас всех отпустил. Только, уходя, я просто физически ощущала, как что-то сверлит мою спину. Буравит... Пришлось обернуться. Но мужчина лишь недоуменно приподнял вверх левую бровь, словно позвоночник у меня просто так зачесался. Ладно, я тоже умею придуриваться. Представим, что мне внезапно приспичило повернуться и пожелать любимому преподавателю «Хорошего вечера!».

Настолько достоверно вышло, что даже Тимоха купился:

— Тебе что, неважно, когда вокруг только Ниммей прыгает, что ли? Решила на вакантное место Демо пригласить?

Я даже отвечать на это обвинение не стала. Тоже мне, придумал! Демо — это совсем другое... Я его уважаю, очень. Как человека. И, потом, Демо давно знает, что я — девушка. Поэтому и называет меня «студент», наверное. В качестве утонченной подколки. Большую часть пути до столовой я пыталась уловить постоянно ускользающую от меня мысль, связанную с вампирами. Наконец, мне это удалось, и в голове зазвучал голос Адама: «У меня после того случая в лесу, как у малахольной лэры на первом балу, голова от солнца кружится, и кожа красными пятнами покрывается, словно ожогами. А еще я слышу, как бьется твое сердце».

— Тимош, ты иди, займи мне очередь, а у меня тут срочное дело. Очень срочное.

Не дожидаясь, пока Тим сориентируется и кинется за мной, я побежала. Именно побежала, через центральную башню в шестой корпус. Влетела в лазарет и наткнулась на крепко спящую в кровати Агату и сидящего возле нее Адама.

— Поговорить надо, срочно! — едва слышно прошептала я прямо от двери.

Но он услышал, встал, едва заметно улыбнулся, глядя на девушку, и

вышел вместе со мной в коридор.

— Где тут можно поговорить спокойно, чтобы никто не подслушал?

— Для спокойного разговора наедине твое сердце слишком громко стучит.

— Адам, если ты уже не можешь себя контролировать...

Парень, печально вздохнув, отвернулся и уставился в пустующий конец коридора.

— Раз ты здесь, значит, по Академии уже поползли слухи о том, что контролировать я себя действительно не могу. Я честно стараюсь, Рин! Ради нее... Ты только представь, что будет, если она узнает! Что С НЕЙ будет! — и в этом «с ней» прозвучало столько надрывного отчаяния...

— Да уж, не везет Агате с парнями, — констатировала я со вздохом. — И что же нам теперь делать?

— Нам? — Адам нахмурился, изучая меня, как будто только что увидел. Затем схватил за руку и потащил на второй этаж. Третья аудитория была свободна, и он буквально впихнул меня в нее, а потом резко захлопнул дверь. Это была именно та аудитория, в которой Роберто ставил мне ментальный блок. Вот здесь сидела Агата... Вот тут стояла я. Иех, Робби, Робби...

— Рин, посмотри на меня, — в голосе Адама слышались повелительные нотки, которым практически невозможно было противостоять. — Ты — огненный маг, давай, освободи мир от зла, сожги меня. Я даже сопротивляться не стану.

— И как я после этого Агате в глаза смотреть буду? — рыкнула я. Тоже мне, освободительницу нашел. — Я друзей не убиваю!

— А если я сорвусь? Как ты будешь смотреть в глаза другим, если я окончательно потеряю над собой контроль? Я уже попробовал вкус человеческой крови, и хочу еще... Рин, я постоянно хочу еще! — в голосе Адама зазвучала паника. — А если я сорвусь, когда рядом будет она?..

— Не сорвешься! — безапелляционно-уверенным тоном объявила я. — Мало того, ты все свои похождения по башне целителей прекратишь, ясно? Не хватало еще, чтобы тебя вычислили. Кровь животных тебе не подходит?

Адам отрицательно помотал головой.

— Она как... как заменитель мяса, если ты имеешь представление об этом замечательном продукте. Гадость редкостная!

— Значит, придумаем что-нибудь... Пока можешь пить кровь у меня.

— Рин...

— Я поговорю с Ниммеем, и мы что-нибудь придумаем. Разгромим

библиотеку. Посоветуемся с некромантами, — я искренне верила сейчас в то, что говорила, потому что иначе было нельзя. Я могла сомневаться где-то глубоко в подсознании, очень глубоко. Но Адам должен чувствовать мою уверенность, я обязана ее излучать, как солнце — тепло.

— Да уж, умеешь успокоить. Что ж, если меня решит испепелить дракон, то я даже глазом моргнуть не успею, как стану уголочком. Быстро, удобно, надежно. Пожалуй, действительно, имеет смысл подождать немного, зато сразу развеяться по ветру...

— Значит, договорились.

— Да, я постараюсь больше не путать башню целителей со столовой. Но есть мне все равно ужасно хочется, до зуда в клыках, — и Адам чуть оскалился в намеке на улыбку.

— Мое предложение все еще в силе, — храбро напомнила я, чувствуя, как сердце застучало от страха еще сильнее, и руки вспотели.

Облизнув свои ярко-красные губы, Адам шагнул ко мне. Мы с ним были примерно одного роста, поэтому ему легко удалось заглянуть мне в глаза. У его, темно-зеленых, зрачки красиво поблескивали алым. Вообще, Адам был красивым... притягательно-красивым... маняще-красивым...

— Прекрати! — рыкнула я, оборвав его попытки меня очаровать. — Тебе еще тренироваться и тренироваться!

— Странно, но с остальными получалось. Это ты какой-то неправильный, — недовольно буркнул парень и практически мгновенно оказался у меня за спиной. — Я немножко... — прошептал он, жадно вдыхая мой запах и оттягивая воротник рубашки. И тут же его зубы довольно ощутимо прокусили мне вену на шее. Я слабо пискнула и просто почувствовала, как мою кровь высасывают... неприятное ощущение. К счастью, эта мучительная процедура довольно быстро закончилась. Адам несколько раз лизнул ранку и вновь появился передо мной.

— Спасибо, этого мне хватит на пару суток, и я очень надеюсь, что за это время ты и твой дракон что-нибудь придумаете. Не то чтобы я горел желанием стать угольком, — парень нервно хмыкнул над собственной шуткой, — но пока других вариантов развития событий я не вижу.

Тут он несколько раз взмахнул ресницами, но я успела отметить слишком влажный блеск в глазах.

— Странно, но еще совсем недавно я считал потерю магии самым страшным, что могло со мной случиться. Думал, что хуже уже не будет. И вот, надо же, приятное осознание — я ошибался. А ведь уже почти свыкся, даже работу нашел... Чем я прогневил наших богов, а, Рин?!

— Не знаю, — растерянно выдохнула я. И тут же снова вспомнила про

свою уверенность: — Но мы что-нибудь придумаем, вот увидишь! Главное — не сдаваться до последнего.

— Ладно, пока я сыт и не опасен, пойду изображать сиделку возле самого дорогого мне человека... И... Спасибо, Рин.

— Пожалуйста, — вздохнула я горестно ему вслед и побрела к своим мальчикам. Надо было придумывать план спасения вампира от боевых магов и боевых магов от вампира.

В столовой Тимохи уже не оказалось, но Ниммей героически ждал меня, охраняя место и поднос с полными тарелками. Я запихала в себя большую часть их содержимого, исключительно чтобы не обижать зря Нима. Перекинулась парой фраз с ребятами, практически спокойно кивнула Фредо, проигнорировала вызывающую улыбку Эззи, подхватила своего дракона за руку и потащила его куда-нибудь переговорить наедине.

— Ящерица, ты какая-то сегодня мегаактивная, и взгляд у тебя шальной. Или что-то придумала или опять куда-то вляпалась, я прав?

— Почти угадал! — подтвердила я, уворачиваясь от студентов,двигающихся нам навстречу, в сторону столовой. — Я хочу, чтобы ты мне помог что-нибудь придумать, потому что кое-кто очень для меня важный кое-куда вляпался.

— Если ты о своем водяном, то он лишь вернулся к тому, в которого уже вляпывался раньше, ему не привыкать.

— Ним... Я совсем о другом человеке!

— Тимка вроде как теперь бегаёт к другой, со шрамом, но без тараканов в голове. Так что за него тоже переживать не надо.

— Ниммей, я про Адама...

— А...

Ним как-то сразу слишком заметно сник, так что я остановилась и обернулась.

— Ты знал?!

— Скажем так, я подозревал, что в него все же залетел вирус. Но очень надеялся, что все обойдется.

— Не обошлось, — прорычала я, злясь не понятно на что. Скорее всего, на то, что Ним просто не поделился со мной своими подозрениями. — И теперь я хочу, чтобы ты что-нибудь придумал...

— А что тут можно придумать? — вопреки собственной фразе, Ниммей задумался и уточнил: — Ты же тут крыльями машешь, потому что решение проблемы путем ее сжигания тебя не радует?

— Да, абсолютно, — кивнула я.

— Вот ведь, перья им всем в подмышки... — я не очень поняла, кого

именно сейчас Ним имел в виду, но отвлекать и уточнять не стала. — Если к библиотекарю подлизаться, то массовый кипиш обеспечен. Тут бы с некромантом каким местным это дело обсудить...

И мы оба уставились друг на друга. Я отрицательно помотала головой. Ним понимающе кивнул, притянул меня к себе и поцеловал в макушку:

— Не переживай, ящерица, придумаем что-нибудь.

Я облегченно выдохнула и прижалась к своему дракону покрепче. Потом вспомнила про конспирацию и потащила его в сторону нашего общежития.

— Ринк...

— А? — я даже остановилась, с такой странной интонацией он произнес мое имя.

— Можно я тебя украду?

— В холодную пещеру, на камни? — возмутилась я, обернулась, посмотрела в его зеленые глаза с почему-то вдруг ставшими вертикальными зрачками. — Кради...

Не знаю, почему я согласилась. Наверное, потому что внутри что-то вдруг сладко замерло от предвкушения, и, одновременно, я знала — не будет холода и камней. Будет костер, теплая шкура, жар поцелуев... Не помню, как мы оказались на крыше. Просто было странное чувство искрящей бесшабашной радости от того, что мы бежим вверх, держась за руки. Потом — полет... Нет, все же я не фанат полетов в когтях драконов. Надо что-то сделать уже с этим. Попросить Тима смагичить сумку или большую корзину, как у воздушного шара, например. Но в этот раз улетели мы недалеко, к маленькому чистому озеру, возле которого Ним почти сразу развел костер, а откуда-то из-за дерева вытащил шкуру той несчастной козы.

По-моему, я начала раздевать Ниммея еще тогда, когда он создавал магический огонь, не помню. Почему-то я очень торопилась, ужасно, словно боялась передумать, или что передумает он. Я покрывала поцелуями его голую спину, когда он стелил нам шкуру. Сама стягивала с него штаны, с толчка уложив его на эту шкуру. Сама целовала его грудь, плечи, руки... ласкающие мое тело, мою спину, мою грудь... Странно, но я даже не заметила, когда он успел снять с меня безрукавку и расстегнуть рубашку. Я, вообще, очень смутно осознавала, что происходит, просто четко знала — хочу! Безумно, срочно, немедленно. Именно его, именно сейчас, именно...

— Рин... Рина... Ящерица, постой! Мне надо сказать тебе кое-что очень важное.

— Потом... позже, не сейчас!

Я заткнула рот Нима поцелуем, ощутила его пальцы на своем затылке, почувствовала, как он отвечает мне, так же жадно и страстно... А потом со стоном, больше похожим на горестный вскрик, он перевернул меня, подмял под себя, навалился всем телом и настойчиво повторил:

— Сейчас. Я должен сказать тебе это сейчас! Я, вообще, хотел тебе это сказать, до того как... Короче, ты — моя пара! Уф...

После этой странной фразы мы оба уставились друг на друга, я — ожидая пояснений, Ним — очевидно, моей реакции. Я выиграла.

— Внутри тебя живет драконица. Слабая, разбавленная человеческой кровью нескольких десятков поколений, но идеально подходящая мне, как пара. Мой дракон выбрал двух — тебя и чистокровную драконицу из моего мира. Я выбрал тебя. То есть... Это ты выбрала меня, откликнувшись на мой призыв.

— Еще раз и более внятно, — попросила я, при этом продолжая обнимать Ниммея за талию, хотя в голове бушевал ураган, а внутри было пусто-пусто, панически пусто и страшно. Именно поэтому я держалась за своего дракона, как за спасательный круг.

— Я познакомился с чистокровной. Моему дракону она понравилась, но я не стал ее призывать, потому что мне... Мне она совсем не понравилась. Хотя это неправильно — человеческая ипостась побочна и не должна вмешиваться в выбор. Но я решил прогуляться по ближайшим мирам и увидел тебя. Проследил, влился в толпу в каком-то большом дворце и позвал. А ты откликнулась, но не подошла, — наверное, это он сейчас о нашей первой встрече, во время маминой регистрации брака. — А я вернулся в свой мир, чтобы подождать, пока ты немного подрастешь. Но не выдержал и пришел посмотреть на тебя снова. И не удержался, позвал, а ты снова откликнулась. Я уже хотел познакомиться, как вдруг тебя потащило в этот мир, да еще с такой скоростью, что я едва успевал следом.

— Ты следом? Мне казалось, что это я иду на твой зов, — удивилась я.

— Нет, Рин, это ты шла первой, а я бежал за тобой и звал, заставляя тебя откликаться. Просто я очень боялся тебя потерять, — Ним посмотрел на меня таким расстроенным взглядом, словно это была его вина, что меня засосало в чужой и непонятный мир. — А потом я перестал звать и просто следил за тобой и Тимом. Так и попал в Надзихар.

— То есть ты в любой момент мог меня позвать, и я бы пошла за тобой? — в моей бедной головушке, только что занятой совсем другими мыслями, пыталось уложиться сразу столько новой и странной информации, что она даже побаливать начала от напряжения.

— Мог бы, — признался Ним. — Но это было бы нечестно. Я хотел, чтобы ты сама выбрала меня.

— Ага, — задумчиво протянула я. — То есть этот зов... он и есть проклятье? Проклятье женщин нашего рода?

Ним нахмурился. Теперь пришла его очередь недопонимать сказанное мной. Я вкратце пересказала ему проблему нашей семьи, при этом ладонями поглаживая его плечи и напряженные бицепсы на руках.

— Это побочный эффект, наверное, — констатировал он, наконец. — Мужчины — потомки драконов могут издавать что-то похожее на зов, на который реагируют женщины — потомки дракониц. Но зов чистокровного дракона сильнее. Зато я понял, как на тебя влиял Фредо. Он ведь тоже дракон.

— Фредо?! — хотя чему я удивляюсь, ведь у него в роду точно такое же проклятье. Но...

— Нет, Ним, я все равно не понимаю. Почему проклятие распространяется только на женщин?

— Ящерица, это же так просто. Потому что мужчины — зовут, а женщины — откликаются. Если бы я позвал женщину своей мечты, и она стала бы моей, разве я бы назвал случившееся проклятьем? А когда женщина бросает все и летит к своему избраннику, откликнувшись на зов... Наверное, со стороны это выглядит, как приворот. Да и не только со стороны. Я знал, что стоит мне, в буквальном смысле, поманить тебя, и ты станешь моей. Но мне хотелось, чтобы это был твой выбор. Ты... очень злишься?

Я прислушалась к своим ощущениям, поняла, что да — кто-то рыжий заслужил хорошую трепку... очень хорошую трепку. Но потом. А сейчас я снова хочу почувствовать теплую мягкость его губ, ласковые прикосновения его рук, и у меня грандиозные планы на эту ночь. Единственное, что я позволила себе, в качестве мести, это провести ногтями у Нима по спине, от плеч вниз, до самых ягодиц...

— Не очень, — констатировал он. — Тогда у меня для тебя есть приятный сюрприз, ящерица... — И он укусил себя за край ладони, до крови. И провел кровоточащей ранкой у меня по губам. — Мой чистокровный дракон сейчас разбудит твою спящую драконицу. Хороший секс, немного драконой крови, и в этом мире я уже буду не один.

Я молча облизнула губы. Солонатово-сладкий вкус... Сегодня просто какой-то кровавый вечер. Неважно... Я еще раз провела языком по губам, а потом притянула к себе Нима и поцеловала его, крепко-крепко.

— Ящерица... Я покажу тебе небо... Я научу тебя летать...

Глава 34. Любовь приходит и уходит

Пушистая шкура подо мной не только согревала, но еще и возбуждала. Как и почти неосязаемая тяжесть лежащего сверху тела. Тепло и возбуждение. Жар.

— Ты только рубашку не снимай, ящерица, а то мы тебе всю кожу на спине сотрем, — немного виновато улыбнулся Ним, целуя меня в уголок губы. Потом в щеку... в шею... Щекотно и приятно. Теплое пахнущее хвоей дыхание... Почему-то его ладонь на моей груди возбуждала меня меньше, чем эта пронизывающая до мурашек близость его губ возле шеи. Он не целовал, просто выдыхал, а по моему телу разлетались искры... электрические разряды... Я вся была наэлектризована до предела, до волосков на руках. Когда же его губы спустились чуть ниже, в небольшую, едва заметную ложбинку, я поняла что сейчас все сделаю сама... Все! Но мне не дали, обхватив оба моих запястья всего лишь одной своей рукой, второй Ним продолжил ласкать мое тело. И целовать его, нежно, осторожно, сначала на какое-то время зависая буквально в сантиметре, выдыхая мне на кожу и заставляя ее покрываться мурашками. Не от холода, а от возбуждения. А потом, медленно прикасаясь губами, чтобы по всему телу пробежал разряд напряжения, выгибая меня ему навстречу.

— Прекрати! Прекрати издеваться и возьми меня! Немедленно!

— Рано...

— Рано?! — я попыталась вырваться, но, естественно, куда уж мне против дракона? — Я хочу тебя! Сделай это, сейчас же!

— А я чем, по-твоему, занимаюсь? — фыркнул прямо мне в пупок Ним, и меня в очередной раз чуть не выгнуло на мостик. — Я весь... целиком... погружен... в процесс взятия... одной... маленькой... юркой... ящерицы...

После каждого слова моему телу доставались сначала щекочуще-возбуждающий выдох, затем поцелуй... Все ниже и ниже. Причем, чтобы ему было удобнее, Нимей потихоньку опускал и мои руки. А под конец, вообще, скрестил их в запястьях у меня на животе, закинул мои ноги себе на плечи и провел языком по бесстыдно раскрывшемуся клитору. Я вздрогнула всем телом... А Ним вновь лизнул, сначала надавливая, а потом, наоборот, едва прикасаясь. Выдохнул. Провел языком рядом, по кругу, посмотрел на меня, облизывая губы.

— Если ты меня сейчас же не трахнешь нормально, я тебя удушю! —

пообещала я самым серьезным голосом, на который сейчас была способна.

— Страшная угроза, — фыркнул Ниммей, практически подписывая себе приговор. Но тут же решил исправиться, закинув мои руки снова наверх и оказавшись на мне сверху, лицом к лицу. От него пахло чем-то сладко-ванильным... мной. Моим возбуждением. Я потянулась и поцеловала его в губы, он тут же ответил, наваливаясь сверху. Странно, я, вообще, не помню, когда он успел снять с меня и себя брюки. А вот рубашка по прежнему была на мне, правда, расстегнутая полностью. Ощущение, когда в тебя в первый раз входит что-то... теплое... крупное... живое... пульсирующее... мне безумно понравилось. Я ощутила мышцами это теплое и пульсирующее, сжала... интересное ощущение... приятное... и возбуждение от этого усиливается... причем не только у меня!

— Ящерица, не шали! А то я сейчас кончу, и тебе придется довольствоваться моим языком и пальцами.

Пришла моя очередь фыркать... при этом снова сжимая мышцы.

— Не смей... Я и так терплю из последних сил! — почти рыкнул дракон, целуя меня в губы и продолжая осторожно двигать бедрами, как будто чего-то опасался. Как будто боялся сделать мне больно. Нет, конечно, мне казалось, что я чувствую каждую венку на его члене, но он скользил во мне настолько плавно, нежно, бережно... И от этих движений по всему телу разливалось такое приятное, теплое ощущение, и во рту было странное сладкое послевкусие, как будто я меда объелась. И это теплое ощущение становилось все жарче и жарче, расплавляя мышцы... все мышцы... Мне казалось, что я уже не могу пошевелить ни руками, ни ногами, потому что они раскалены до предела и начинают стекать по этой бедной шкуре. И тут внизу живота, словно вспыхнуло пламя, яркое, обжигающее, ослепляющее. Все мои расплавленные мышцы внезапно напряглись, натянулись, как струна... тело пронзила удивительно сладкая судорога... одна, вторая, третья... и я обмякла, почти не чувствуя, как тихо зарычал-застонал Ним, целуя меня в губы.

— Ящерица? Посмотри на меня! Да... У нас все получилось!

Не знаю, как он это почувствовал, но внутри меня вновь зарождалось пламя, сначала маленький комочек, где-то в области груди, разрастающийся, увеличивающийся... и вот уже я пылаю, чувствуя, как горят мои щеки, руки, ноги... даже кончики пальцев. Такое ощущение, что я вся целиком пылаю. Нет, что я и есть это пламя! И оно расширяется, становясь все больше и больше. И вот оно уже не внутри меня, а еще и вокруг. Огромный невидимый... нет, уже даже видимый факел. Странно, что вокруг ничего не вспыхивает, и Ним спокойно стоит внутри этого

пламени и улыбается... Удивительно. Я даже не заметила, когда меня подняли со шкуры и поставили на нее же, босыми ногами. Горящими босыми ногами! Нет... Лапами... Нет, ногами! Нет...

— Ринка, сконцентрируйся и соедини сознание! Соедини сознание с драконицей...

Соединить сознание? С драконицей? С какой драконицей? Нет, не хочу... Я — Ринка, человек, а не оборотень. Я точно помню... знаю... уверена, что я — человек! И это желание взмыть в небо — не мое. Не мое! Или мое? Сашка и Артур улетали от меня в небо. Ниммей постоянно улетает от меня в небо. И сейчас я могу тоже взмыть вверх, расправив крылья и улететь. Ним обещал научить меня! Ним — хороший, любимый, надежный. Мы сейчас взлетим вместе. Мы — драконы! Мы — пара, семья. И это — наш мир... Наши леса, наши пещеры, наши моря. Мы будем жить почти вечно, заселяя этот мир своими детьми. А внизу будут суетиться люди, сменяя друг друга, поколение за поколением...

Фредо, Фонзи, Мистер Икс, Роджер, Чезанно, Демо... Агата... Тимка!

Нет! Я не хочу! Я — Ринка, одна из этих людей. У меня есть обязательства. Мне надо выяснить, что случилось с Роберто, спасти Адама... Как я могу оставить сейчас Агату? Тима?! Как я могу оставить Тимоху?! После того, что именно я притащила его в этот мир... Как?!

— Улет... — это было последнее, что я услышала, прежде чем мое сознание тоже воспламенилось и разлетелось в небе на сотни маленьких искорок.

Когда я пришла в себя, была поздняя ночь. Темная-темная. Я лежала на шкуре несчастной козы, полностью одетая, а рядом горел небольшой магический костерок.

— Ринка? Ты очнулась?.. Во, ты меня напугала! — раздалось у меня в голове. И почти сразу на землю опустились... два дракона.

Красивая сверкающая мощь. Сильные когтистые лапы. Переливающаяся чешуя. Корона из костистых выступов над заостренными ушами. И такие же когтистые выступы по хребту... чтобы сразу было ясно — это не ездовые драконы. Хищные. Боевые.

Удивительно умный и родной взгляд у одного и по-детски счастливый — у второго... У второй... У драконицы.

— Ну ты и... упертая! — пауза, пока Ним подбирал подходящее слово, меня даже повеселила.

Я неуверенно шагнула в сторону драконицы, а та, склонив голову набок, с интересом уставилась на меня.

— Обычно происходит слияние сознания, и более сильное поработает

более слабое, — в голосе Ниммея прозвучали виноватые нотки. — Но потом все выравнивается! Со временем...

— И сколько, примерно, проходит времени? — поинтересовалась я, глядя драконицу по более изящной, чем у дракона, мордочке и длинной чешуйчатой шее. Та жмурилась от удовольствия и больше всего напоминала мне сейчас котенка. Маленького такого, недавно рожденного, игривого и любопытного. Уверенного, что он милый, славный, и все его должны любить. Даже не так. Он просто не знает еще, что кто-то может его не любить, потому что он сейчас любит все вокруг. Одинаково. Кругом столько всего неизвестного, красивого, притягательного...

— Обычно... — Ним замялся, потом так громко вздохнул у меня в голове, что у меня даже уши заложило, — ...не больше года. Для магов — это же почти ни о чем!

— То есть я бы пропала из жизни остальных на год?!

— Тима я бы предупредил, само собой, — принялся оправдываться Ниммей. — И Адама забрал бы, припрятал где-нибудь, чтобы его не спалили. А потом перенес бы его в свой мир — у нас там целый клан вампиров.

— То есть ты в любой момент можешь отсюда уйти? — насторожилась я.

— Сейчас — нет. Плотно закрылись, гады! Но когда вся эта заварушка закончится, уверен — смогу.

— Ясно, — рассеянно произнесла я, продолжая наглаживать драконицу.

— Ринк, не злись! Ящерица бы адаптировалась, повзрослела, и вы бы все вспомнили. Вместе. А теперь я даже не знаю, что мне делать...

— А чтобы ты делал, если бы мы не разделились? — спросила я, чувствуя, как внутри зарождается уже знакомая огромная пустота, вгрызаясь в душу до боли.

— Год бы растил тебя... ящерицу... — Ним красиво и непонятно выругался, явно выругался, глядя то на меня, то на драконицу. — Ну и за ребятами бы бдил, чтобы эти, перо им в подмышки, не победили!

— Значит, расти, — вздохнула я и сделала два шага назад, обнимая себя руками, чтобы хоть немного унять озноб. Вместо пламени внутри теперь был вымораживающий холод.

— Ринк... вы не выживете год друг без друга, — вновь тяжело вздохнул Ниммей. — Такое уже бывало, пусть и редко. После разделения сознания драконица чахнет и гибнет, буквально, в первые лет пять. И человеческая ипостась — тоже. Нет, вы должны быть все время рядом, как можно чаще

сливаясь в единое целое и пытаюсь договариваться, раз ты у меня двухголовая.

— То есть как это «сливаясь»? — мы с драконицей в изумлении уставились друг на друга.

— В единое целое! В дракона или в человека — сами решайте. Как вам нравится, красавицы вы мои!

Ним посмотрел на нас двоих и вдруг засмеялся, пофыркивая огнем из ноздрей:

— Улет! У меня гарем! Кому сказать...

— Кукиш тебе, а не гарем! — возмутилась я. Драконица меня поддержала, дыхнув пламенем в сторону веселящегося султана.

— О! Вы уже объединились? Против меня?! — Ним, смешно перебирая лапами и шутливо отмахиваясь крыльями, принялся бегать от нас по поляне, а мы — гоняться за ним.

Вскоре я заметила, что если прислушиваться, то, действительно, чувствую свою «вторую голову». И мы даже можем работать слаженно, но только как две отдельные личности. Сливаться в единое сознание не хотели ни я, ни драконица. Мало того, я ощущала ее снисходительное отношение к слабой «человечке» и даже некоторое возмущение от того, что она зависит от такого вот неприспособленного к жизни существа. А я видела в ней ребенка, еще ничего не понимающего, самоуверенного и наивного. Короче, мы обе были друг от друга не совсем в восторге. Здравствуй, раздвоение личности!

— Ринк, давай мы с Ящерицей отнесем тебя в замок, а сами полетаем? А завтра попробуем вас соединить... хотя бы физически, хорошо? — Ним посмотрел мне в глаза, склонив морду на бок.

В его голосе было столько вины, что мне даже жаль стало бедного «султана». Надо было соглашаться на чистокровную драконицу, а не выдвигаться, бродя по мирам в поиске экзотики. Вот и нашел на свою рыжую буйную голову. Двухголовую пару. Убиться плеером! Спать хотелось ужасно, хотя адреналин от избытка впечатлений еще не выветрился, и меня слегка потряхивало, но я понимала — еще долей двадцать, и я вырублюсь прямо тут, на шкуре. А эта парочка, явно, нацелилась летать до победного, пока у драконицы крылья не отвалятся.

— Да, давай. В кровати спать удобнее, — согласилась я, и Ним тут же взлетел, подхватывая меня когтями за ноги и талию и опрокидывая, лицом вниз. Перед глазами промелькнули озеро, лес, домики природниц, ворота замка, крыша...

— Можно, я не буду тебя провожать? — поинтересовался мой дракон,

кося глазом на стоящую рядом драконицу. — Ящерице сейчас не стоит оставаться одной...

Я кивнула, соглашаясь, что оставленный на крыше замка малолетний огненный дракон — довольно опасный сюрприз. Даже дождалась, пока эти двое улетят, сливаясь с тьмой ночи, и только потом побрела к себе. Тихо всхлипывать я начала в ванной, стуча зубами от озноба в горячей воде. Но, как ни странно, у меня даже поплакать нормально не получилось. Просто поскулила немножко, а потом, вообще, затихла, глядя в потолок. Один любил во мне мальчика. Второй — драконицу... И теперь меня никто никогда не назовет так же как Фредо: «Ри-и-ин!», чтобы внутри все скручивалось от возбуждения, сердце замирало, душа улетала или падала... и хотелось забыть обо всем. И «Ящерица», как выяснилось, тоже не я. Теперь уже не я... Просто от меня зависит ее жизнь. Жизнь его драконицы... А я... А кому, вообще, нужна я?!

И тут дверь в ванную буквально чуть не вынесли.

— И где вы шлялись?! Где эта рыжая морда?! Куда он опять тебя таскал?! Ей, ты чего опять блажишь? Вылезай давай, у меня от блажи тут припасено, мы с Фонзи пили, пока вас ждали. Прикинь, у них тут, и правда, вампир, я уже все у Санасара выпытал. И даже вон с некромантом бухнул, чтобы подробности выяснить. Короче, от укуса зараза эта не передается, там надо ритуал небольшой провести. А про ритуал никто ничего не говорил, только о том, что кто-то со спины заходит и кровь пьет. Кстати, не так уж много...

Тимоха говорил быстро-быстро, буквально захлебываясь словами. При этом он успел вытащить меня из воды, укутать в полотенце, вытереть, некоторое время потупить на след от укуса на шее, перекинуть меня через плечо и оттащить в комнату. Там выпутать из полотенца и закутать в одеяло.

— Ща. Сиди тут, — это было сказано таким тоном, словно я была похожа на человека, который сейчас куда-то пойдет. В ночи. Голый. Угу... Мне некуда идти.

— Тимк, почему никто не любит именно меня? — поинтересовалась я у нарисовавшегося в дверях домовенка.

— Блажишь, хозяйюшка. Сейчас... полегчает, — объявил Тим и протянул мне стопку с какой-то резко пахнущей гадостью. — Пей. Блажь, как поварешкой, снимет, проверено! Некроманты сдаются с пятой стопки и отвечают на все вопросы. Пей давай!

Я послушно заглотила, залпом, и почувствовала, что фраза: «Глаза на лоб вылезли», может иногда передавать вполне буквальное событие. Не

успела я прокашляться, как Тимка протянул мне вторую стопку.

— Вперед! Сам гнал. Так и назвал, настойка «Антиблажин».

Я прислушалась к своим ощущениям, поняла, что настойка только заходит с трудом, а потом действительно помогает.

— Ну вот и отлично. Лечебная доза закончилась. А теперь давай, или спи, или рассказывай.

Я вдохнула побольше воздуха, чтобы хватило на подольше — ведь столько событий произошло, упарюсь рассказывать. И... по-моему, выключилась, еще не успев упасть головой на подушку. А утром, проснувшись от грома... грохота... И-и-ить! От будильника этого всеобщего! Я запихала голову под кран с холодной водой и стояла так доли две-три, уговаривая себя проснуться. Но помогло мне не это, а отвратительно бодрый Тимошкин голос:

— Кстати, пока вы таскались неведомо где, тут новое пророчество объявили. Причем так забавно! Зачитали и объявили его сбывшимся.

— И что за пророчество? — я потрясла головой. Нет, она у меня не болела, просто хотелось залезть обратно в кровать, уснуть и больше не просыпаться. Зря я, конечно. Ведь тот же Тимоха волновался именно из-за меня. И я... я не потерялась в драконьем сознании, именно из-за него.

— Когда зверь, порожденный в огне чужого мира, породит в огне и крови пару себе.

Я застыла с протянутой к полотенцу рукой. Потом почувствовала, что мне сейчас срочно надо снова Тимкиного «Антиблажина». Или поварешку. Или просто выплакаться, наконец!

— Ты тут русалку из себя не изображай. Намочила башку, так вытирай давай, а то с нее на пол капает. Заодно, может, и блажь впитается.

Я укутала голову полотенцем, сделала несколько массирующих движений и снова застыла.

— Ну?! Чего за пару эта рыжая морда породила, и почему ты среди ночи вчера в ванной отмокала?

Я сглотнула, сжимая пальцы. Ойкнула, нечаянно дернув себя за волосы, всхлипнула... Тут же вспомнила лежащую в лазарете Агату. И Адама... И Роберто... И... У меня все живы, все здоровы, и даже меня самой теперь стало две. А еще у меня есть Тимоха. Так что хватит себя жалеть и истерить без повода. Тоже мне, жертва неудачной влюбленности. Будет еще и на моей улице праздник! Впереди еще целая жизнь... Так что пересказывала я все случившееся за вчерашний вечер совершенно спокойно, даже хихикнула пару раз, вспомнив шутку Нима о гареме и султানে.

— То понос, то золотуха, — констатировал Тимка. — А я вчера Фонзи упоил.

— Это ты молодец, — улыбнулась я. — А как излечить от вампиризма он тебе не рассказал?

— Сказал. Я ж тоже на Адама грешил, поэтому и про лечение спросил. Так вот, не провернуть нам такое. Попробовать можно, чем черт не шутит? Но тут только если кто-то из чертей поможет.

— Ты не умничай, ты пересказывай давай.

Странно, но удушающий тоскливый комок от жалости к себе несчастной и щемящая пустота от того, что меня, такую замечательную, никто не любит — исчезли. У Нима — Ящерица, у Фредо — Эззелин. Значит, где-то есть кто-то, кому нужна именно я. Есть... Может, даже здесь, в Академии. И он найдется, обязательно. Надо только сначала до конца переболеть этими двумя, которые были нужны мне. А им нужна была не я... Так! Не блажим!

— Ну, там целый ритуал, который любой некромант знает. Не проблема. И участников-то всего двое. Сам болезный и источник заражения, так сказать.

Я уставилась на Тима испепеляющим взглядом. Тот хмыкнул и уточнил:

— Та сволота, что его куснул. Вот его надо пригласить. И, к гадалке не ходи, он будет против, потому что, по ритуалу, зараженный его должен будет прирезать.

Тут Тимоха сделал вид, что задумался, а потом добавил:

— Ну и для полного счастья, в состав напитка, который должен хлебнуть болящий для исцеления, входит кровь демона. Вот и скажи мне, хозяйюшка, где мы с тобой отроем заразившего Адама вампира, и, главное, откуда мы кровушки демоновской отольем?

— Не знаю, — расстроено вздохнула я. — Но раз есть способ, значит, есть надежда.

— Это верно, — согласился Тим. — Ну что, пошли, разомнемся и завтракать? Хотя видуха у тебя, краше в гроб кладут!

— Не надо про гробы, — буркнула я. — А то я сейчас готова разнести пол Академии...

— К едрене фене? — хмыкнул Тимоха. — Точно на тренировку тебе надо, хозяйюшка. Сейчас всех там отметелишь, и будет тебе счастье.

Конец первой части